

5770

9(3)
M32

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ
(LECTURES HISTORIQUES).

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

ЕГИПЕТЪ, АССИРІЯ.

Г. МАСПЕРО.

5 ДЕК 1947

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО СЪ 192 РИСУНКАМИ.

5270 X
0475

БІБЛІО. ОКЗ
УЧИТЕЛЬСКАЯ ИМСТИТУТУ
№ 11

Издание второе, исправленное.

НБ ПНУС
5770

Одесская женская гимназія
БІБЛІОТЕКА
Е. С. Дашкевичской

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Л. Ф. Пантелъева.
1900.

Дозволено Цензурою. Спб. 27 іюня 1900 г.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Египетъ.

	СТР.
Предувѣдомленіе	V
Таблица символическихъ знаковъ	VII
Глава I.—Фивы и народная жизнь	1
„ II.—Рынокъ и торговля лавки	15
„ III.—Фараонъ	31
„ IV.—Амонъ, главный египетскій богъ	45
„ V.—Наборъ войска	61
„ VI.—Жизнь при дворѣ Нахтмину	75
„ VII.—Болѣзнь и смерть	92
„ VIII.—Похороны и гробница	109
„ IX.—Въ путешествіи	127
„ X.—Сраженіе	142

Ассирія.

„ XI.—Царская резиденція: Дуръ-Шарукинъ	160
„ XII.—Домашняя жизнь въ Ассиріи	178
„ XIII.—Смерть и похороны	193
„ XIV.—Царская охота	209
„ XV.—Царская аудіенція и приготовленія къ войнѣ	225
„ XVI.—Библиотека Ассурбанипала	238
„ XVII.—Наука предвѣщаній	251
„ XVIII.—Война	263
„ XIX.—Флотъ и осада крѣпости	279
„ XX.—Побѣдное торжество	297

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Это не есть послѣдовательная исторія династій и народовъ древняго Востока: порядокъ событій, наслѣдованіе царей, движеніе народовъ и ихъ нашествія,—все это найдутъ въ подробномъ повѣствованіи моей „Древней исторіи“, и вкратцѣ — въ исторіи Ванъ-день-Берга. Здѣсь я только хотѣлъ доставить юношеству, которое прочтетъ эту книгу, впечатлѣніе, получаемое отъ знакомства съ жизнью подъ ея различными формами у двухъ наиболѣе культурныхъ народовъ, предшествовавшихъ на землѣ греческому міру. У каждаго изъ нихъ я выбралъ историческую эпоху, которая намъ болѣе извѣстна, и отъ которой сохранилось больше всего памятниковъ: Египетъ—при Рамзесѣ II (XIV в. до Р. X.), Ассирія—при Ассурбанипалѣ (VII в. до Р. X.). При этомъ я поступилъ, какъ тѣ добросовѣстные путешественники, которые, намѣреваясь отправиться въ новыя страны, предпринимаютъ это не наобумъ, а освѣдомляются раньше, чѣмъ пуститься въ путь, о нравахъ и языкѣ, существующихъ въ нихъ: по крайней мѣрѣ, мнѣ думается, что, отправляясь за двѣ, три тысячи лѣтъ до нашего времени въ глубь древности, я выполнилъ это условіе. Прибывъ на мѣсто, я осмотрѣлся вокругъ себя и старался присмотрѣться и прислушаться ко всему какъ можно лучше, какъ можно больше. Я исходилъ всѣ улицы въ городѣ, заглядывалъ, гдѣ можно, въ плохо притворенныя двери, слонялся по торговымъ лавкамъ, записывалъ все, что удалось подслушать въ народныхъ толкахъ и разговорахъ. Когда изголодавшіеся каменщики составили забастовку, я шелъ за ними къ еивскому намѣстнику, чтобы узнать, чѣмъ она кончится. Проходило похоронное шествіе съ большимъ шумомъ—я

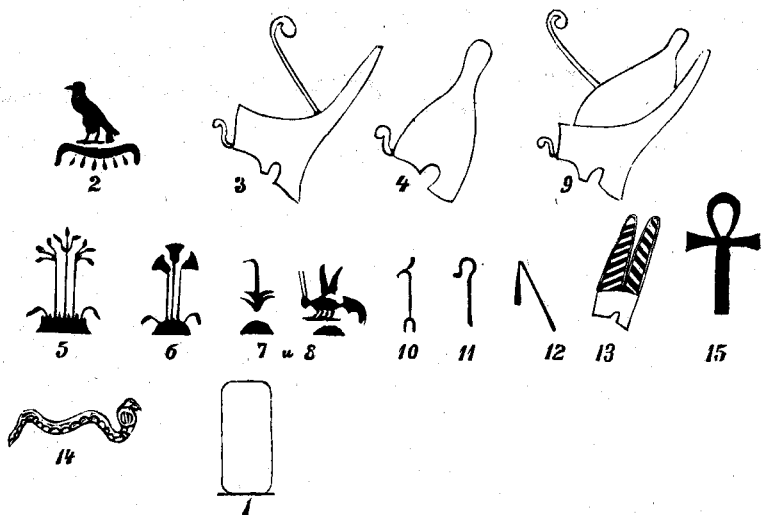
проводилъ покойника до могилы и постарался разузнать объ участи, ожидающей его въ другомъ мірѣ. Справляли свадьбу: я, пользуясь привѣтливостью, съ какою восточные жители отворяютъ двери своихъ домовъ во время празднества, издали присутствовалъ при чтеніи брачнаго договора. Когда проходилъ фараонъ или ниневійскій царь, я вмѣстѣ съ другими ротозѣями бѣжалъ за нимъ въ храмъ, во дворецъ или на охоту; а куда обычай или этикетъ не позволили мнѣ войти, я проникалъ туда мысленно при помощи поделушанныхъ разговоровъ или прочитанныхъ текстовъ. Такъ, на одномъ глиняномъ цилиндрѣ я прочиталъ молитву, съ которою Ассурбанипаль обращался къ Иштарѣ въ минуту удручающаго его безпокойства; одинъ важный, словоохотливый сcribe рассказалъ мнѣ путешествіе одного египетскаго солдата въ Сирію; двадцать барельефовъ дали мнѣ возможность присутствовать, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, въ войнахъ древняго міра, при наборахъ рекрутъ въ войска, при походахъ войскъ и военныхъ дѣйствіяхъ, и узнать, какими усиліями энергіи Рамзесъ II побѣдилъ *подлаго* хити, и какъ ассирійскій полководецъ взялъ приступомъ одинъ городъ.

Въ Ассиріи, въ большинствѣ случаевъ, я описалъ сцены, сходныя по содержанію съ египетскими, но отличающіяся по характеру, и кто пожелаетъ ихъ сравнить, увидить, въ чемъ собственно заключается сходство или несходство цивилизацій этихъ двухъ народовъ. Приложенные рисунки еще болѣе отгнѣять это различіе между ними.

Г. Масперо.

ТАБЛИЦА СИМВОЛИЧЕСКИХЪ ЗНАКОВЪ.

1. Картушь. 2. Золотой значокъ. 3. Красная корона сѣвера (Нижняго Египта). 4. Бѣлая корона юга (Верхняго Египта). 5. Палирусь. 6. Лотось. 7 и 8. Знаки царскаго достоинства юга и сѣвера. 9. Пшенть. 10. Скипетръ. 11 и 12. Крючокъ и цѣпь. 13. Головные перья. 14. Золотой урѣусъ. 15. Знакъ жизни *).

*) Этотъ знакъ получался отъ боговъ фараономъ при восшествіи на престолъ въ знакъ долгаго, славнаго и спокойнаго его царствованія и вѣрной побѣды надъ врагами.

Прим. перев.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ.

Египетъ.

ГЛАВА I.

Оивы и народная жизнь.

Предмѣстья.—Землянки.—Выдѣлка кирпича и постройка домовъ.—Домашняя утварь бѣдныхъ.—Воры и городская полиція.—Семья: мужчина и ручныя работы.—Скриба и его карьера.—Административныя формулы.—Женщина и ея хозяйство: вода, хлѣбъ, топливо.—Дѣти дома и въ школѣ, ихъ почтеніе къ матери.

Части Оивъ, расположенныя вдоль праваго берега Нила, между Луксоромъ и Карнакомъ *), представляютъ тотъ непривѣтный, невзрачный видъ, которымъ обыкновенно отличается бѣлая часть предмѣстій большихъ городовъ. Онѣ состоятъ не изъ правильно разбитыхъ кварталовъ, а просто изъ безпорядочно нагроможденныхъ сѣреныхъ лачужекъ, мѣющихся другъ къ другу подъ всевозможными углами. Узкія, извилистыя тропинки пролегаютъ между ними какъ-бы случайно и мѣстами пересекаются то тинистымъ прудомъ, куда воды приходятъ на водоной, а женщины—за водой для дома (рис. 1), то неправильной площадкой, осѣненной акаціями или смоковницами, то пустыремъ, заваленнымъ всякими отбросами, изъ-за которыхъ окрестныя собаки ведутъ ожесточенную войну съ ястребами и грифами.

Бѣлая часть жилыхъ домовъ выстроена изъ земли или изъ необожженной глины и обмазана иломъ. Самые бѣдные дома состоятъ изъ одной комнаты или простой квадратной каморки,

*) См. рис. 81.

иногда из двухъ, соединенныхъ между собой дверью или же отдѣленныхъ небольшимъ дворикомъ; все это покрыто тонкой кровлей изъ наложенныхъ другъ на друга пальмовыхъ листьевъ и до того низкой, что человекъ средняго роста, если неосторожно выпрямится, пожалуй продавить ее головой. Въ болѣе богатыхъ домахъ имѣется солидно выстроенный нижній этажъ, надъ которымъ находится терраса и пристройка изъ двухъ-трехъ комнатъ, въ которыя проникаютъ по лѣстницѣ, прислоненной къ стѣнѣ со двора. Нижній этажъ, темный и низкій, служитъ помѣщеніемъ для скота, спальней для невольниковъ, кладовой для всякой домашней рухляди и съѣстныхъ припасовъ. Семья занимаетъ верхній этажъ. Полъ и потолокъ состоятъ изъ настилки расколотыхъ пополамъ по длинѣ пальмовыхъ деревьевъ; неровности

Рис. 1.—Прудъ въ Луксорѣ.

же заполняются слоемъ битой земли. Дожди въ Верхнемъ Египтѣ чрезвычайно рѣдки: разъ или два въ столѣтіе разверзнутся хляби небесныя, и тогда настоящій потопъ обрушивается въ продолженіе восьми, десяти часовъ подъ рядъ на Фивскую долину. Крыши избушекъ продыравливаются и обрушиваются въ нѣсколько минутъ, террасы подмываются и падаютъ на нижній этажъ, стѣны размываются и уносятся въ видѣ длинныхъ потоковъ грязи; и вотъ цѣлые жилые кварталы, служившіе еще утромъ убѣжищемъ многочисленнаго населенія, къ вечеру становятся безформенной черной массой грязи, изъ которой то тамъ то сямъ торчитъ сломанная балка или остатокъ растреснувшей стѣны. Въ другомъ мѣстѣ это было бы, конечно, полнѣйшимъ опустошеніемъ; здѣсь же двухъ недѣль совершенно достаточно, чтобы уничтожить всѣ слѣды разрушенія. Лишь только дождь пересталъ, все населеніе, мужчины, женщины и дѣти, разомъ встрепенется и устремится спасать изъ мусора и обломковъ все пригодное: бревна, съѣстные припасы, утварь и всякій скарбъ, уцѣлѣвшіе отъ наводненія, и затѣмъ, распутивши въ водѣ грязь

отъ прежнихъ жилищъ, опять выстраиваетъ новыя хижины, которыя жаркое солнце быстро, почти на глазахъ, высушиваетъ, производя трещины во всѣхъ направлѣнiяхъ: прошло два дня—опустошенiй больше и слѣдовъ не осталось.

Для восстановленiя разрушенныхъ большихъ домовъ требуется нѣсколько болѣе и времени и работы. Два-три работника отправляются къ ближайшему тинистому пруду и ведрами начинаютъ черпать изъ него илъ и выбрасывать на берегъ; затѣмъ, заготовивши его вдоволь, мѣсятъ и сбиваютъ съ галькой и рубленой соломой, смѣсью наполняютъ деревянныя формы, которыя одинъ изъ работниковъ уноситъ и опрастываетъ для просушки на открытомъ мѣстѣ, на солнцѣ. Черезъ нѣсколько часовъ кирпичъ готовъ для употребленiя, и начинается постройка (рис. 2). Обь очисткѣ мѣста постройки отъ нанесеннаго на него мусора и обь утвержденiи прочнаго фундамента и рѣчи нѣтъ. Вся подготовка подъ постройку новаго зданiя ограничивается тѣмъ, что выровни-

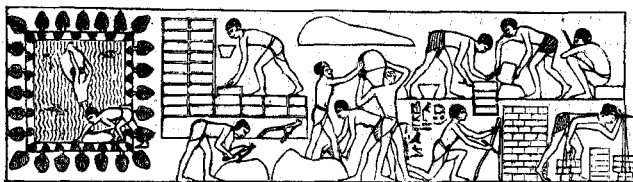

Рис. 2.—Выдѣлка кирпича.

ваются неровности мусора, и прямо на него кладутъ первый рядъ кирпичей. Недѣли черезъ двѣ нижнiй этажъ законченъ, покрытъ и тотчасъ же занимается хозяевами, прислугой и домашнимъ скотомъ, и затѣмъ начинаютъ возводить второй этажъ. Новая постройка ничѣмъ не отличается отъ прежней, развѣ только тѣмъ что она возведена на болѣе высокомъ уровнѣ. Такимъ образомъ всякій разъ, когда владѣльцамъ приходится перестраивать жилия зданiя, происходитъ то, что уровень земли возвышается на нѣсколько футовъ, и городскiе кварталы постепенно поднимаются надъ окружающей равниной, какъ бы подъ влiянiемъ почвеннаго движенiя, и чрезъ нѣсколько столѣтiй всѣ эти населенныя мѣстности оказываются расположенными на настоящихъ холмахъ, образовавшихся изъ наносной земли, ила и обломковъ всѣхъ прежнихъ строенiй.

Въ жилищахъ бѣднаго люда почти не имѣется никакой мебели, или, по крайней мѣрѣ, очень мало. Стулья и кровати замѣняются очень низкими скамьями, цыновками изъ тростника и пальмоваго волокна, загнутыми къ верху по краямъ и снабженными колючками, чтобы предохранить спящихъ на нихъ отъ нападенiя скорпионовъ; одинъ-два сундука для храненiя бѣлья, ка-

менные плиты для раздробления зерна; въ одномъ углу—корчага изъ битой земли, въ которой хранится зерно, масло и съѣстные припасы, съ дюжину горшковъ, котловъ и мисокъ и, наконецъ, на одной изъ стѣнъ—кумирчикъ изъ эмалированного камня; иногда изъ дерева или бронзы; это—родъ домашняго фетиша, передъ которымъ совершаются краткіе религіозные обряды, и который отгоняетъ злыхъ духовъ и ядовитыхъ животныхъ. Очагъ обыкновенно прислоняется къ задней стѣнѣ жилища, и надъ мѣстомъ, гдѣ онъ помѣщается, въ потолокъ находится отверстіе, черезъ которое выходитъ дымъ. Добываніе огня, когда его ни у кого по сосѣдству не оказывается, или не выпросишь, составляетъ всегда дѣло очень важное: приходится тогда высѣкать его изъ двухъ кремней, ударяя ихъ другъ о друга до тѣхъ поръ, пока отдѣляющіяся искры не зажгутъ кучи сухихъ листьевъ или растительныхъ волоконъ, заранѣе наготовленныхъ на этотъ предметъ. Поэтому хозяйки стараются всегда сохранить два-три тлѣющихъ уголька въ золѣ и потомъ, въ случаѣ надобности, раздуваютъ ихъ отъ руки или при помощи мѣховъ. Впрочемъ, разъ въ годъ огонь въ очагѣ гасится непременно, именно въ день праздника мертвыхъ (день поминовенія), или если кто-нибудь изъ членовъ семьи переселился изъ здѣшней жизни въ другую. Въ этомъ случаѣ огонь зажигается снова отъ искры священнаго огня ближайшаго храма.

Мебель, всякая домашняя утварь, бѣлье, всякіе запасы, орудія и инструменты, однимъ словомъ весь хозяйственный инвентарь до такой степени малоцѣненъ, что большинство жителей оставляютъ двери дома незапертыми и днемъ и ночью, даже и тогда, когда отлучаются изъ него на продолжительное время: ихъ бѣдность не боится кражи. Тѣ же, у кого найдется что-нибудь украсть, обыкновенно обзаводятся массивными деревянными замками и крѣпкими засовами, на которые для большей увѣренности они накладываютъ еще слой ила со своею печатью: сломать печать считается преступленіемъ, которое строго наказывается, но страхъ грядущей кары не всегда останавливаетъ воровъ. Недавно, прошлаго перваго числа эпифи *), былъ такой случай. Ниссуамонъ былъ обокраденъ шайкой воровъ, оставшихся неразысканными; но онъ подозрѣвалъ рабочихъ подрядчика—каменщика Нахтмута. Они забрались къ Ниссуамону въ домъ какъ разъ въ

*) У древнѣйшихъ египтянъ годъ состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ, по 30 дней въ каждомъ, или изъ 360 дней, къ которымъ прибавлялось еще пять дней, всего слѣдовательно изъ 365 дней. Но, такъ какъ астрономическій годъ, въ действительности, болѣе почти на четверть дня, то изъ этого излишка въ четыре года составлялся почти день, въ 120 лѣтъ—мѣсяць, а въ 1460 лѣтъ—цѣлый годъ. Такимъ образомъ 1461-й годъ совпадалъ съ началомъ астрономическаго года, и этотъ періодъ назывался «сотическимъ періодомъ» отъ имени

то время, когда онъ по дѣламъ былъ внѣ дома, и похитили у него два обыкновенныхъ хлѣба и три пирога, приготовленныхъ для приношенія въ память объ умершихъ; все это хранилось въ одномъ изъ угловъ жилища; потомъ, примѣтивъ бутылки съ ароматическимъ масломъ, которое имъ не легко было бы сбыть съ рукъ, они разбили бутылки, а содержимое разлили по полу просто по злости. Затѣмъ они добрались до корчаги и взяли оттуда двѣ миски съ плодами придорожной травы. Нсисуамонъ, возвращаясь домой вечеромъ, замѣтилъ произведенную у него кражу, подалъ жалобу и вполне положился на полицію, что она отыщетъ воровъ. Но онъ ошибся въ расчетѣ. Капитанъ маазіу,—ливійскихъ солдатъ, исполняющихъ должность полицейской охраны этого квартала,—былъ женатъ на сестрѣ Нахтмута и, разумѣется, со-всѣмъ не чувствовалъ никакого желанія ссориться съ шуриномъ. Воры, увѣренные въ безнаказанности, рѣшились отомстить Нсисуамону за то, что онъ осмѣлился подать на нихъ жалобу. Тринадцатаго числа эпифи бываетъ торжественное празднество въ честь покойнаго фараона Аменготпу III, мастерскія въ этотъ день не работаютъ, лавки не открываются, служащіе распускаются, и Нсисуамонъ воспользовался своимъ досугомъ, чтобы провести послѣобѣденное время у своего отца. Эти коварные воры снова забрались въ его кладовую и украли три большихъ хлѣба, восемь лепешекъ, полное блюдо печенья, налили въ пиво пальной водки, чтобы сквасить его. Бѣднякъ въ конецъ разоренъ, и Богу только извѣстно, что станетъ съ нимъ, если не придутъ къ нему на помощь его хозяева и не пополнять всѣхъ его убытковъ изъ своихъ запасовъ.

Хотя многоженство и дозволялось законами, простолюдинъ и небогатый горожанинъ однакоже имѣли по одной женѣ, которой нерѣдко была родная сестра или одна изъ ближайшихъ родственницъ. Семья жила очень согласно, но днемъ мужъ рѣдко оставался дома: его занятіе или ремесло удерживали его внѣ дома. Уже рано утромъ, при восходѣ солнца, онъ выходитъ босикомъ, съ открытой головой или въ плохонькой войлочной шапченкѣ на макушкѣ, безъ малѣйшаго намека на какую-нибудь одежду, если не считать за таковую передникъ, окутывающій нижнюю часть туловища и едва достигающій до бедеръ (рис. 3). Онъ беретъ съ собой провизію, со-

звѣзды Сиріусъ, *сотисъ* или *соптъ*. Это совпаденіе началъ гражданскаго года съ астрономическимъ (солнечнымъ) торжественно праздновалось.

Годъ дѣлился на три эпохи, или времени года, по четыре мѣсяца каждая. Первая эпоха, *ша*, совпадала со временемъ разлива Нила; вторая, *про*, съ посѣвами хлѣбовъ; а третья, *шему*, съ уборкой (лѣто). Начало первой эпохи (29 августа, по старому стилю) было и началомъ года. Мѣсяцы шли въ слѣдующемъ порядкѣ: Тоотъ, паофи, атиръ, шоакъ, тоби, меширъ, фаменотъ, фармути, памомъ, паяни, эпифи (съ 25 іюня) и мезори. *Прим. перев.*

стоящей из двух лепешек из сорго (дурра), испеченных в золе, одной-двух луковиц, иногда немножко масла, чтобы смочить хлеб, иногда кусок вяленой рыбы. Около полудня работа часа на два приостанавливается; этим временем и пользуются для

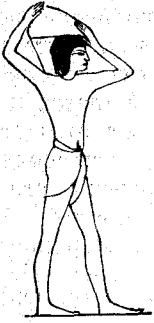

Рис. 3.—Простой человек.

объеда и потом чтобы соснуть; на закате солнца работы кончаются совсем. Каждое ремесло имеет свои невзгоды, которые и воспиваются поэтами в стихах. „Я видел кузнеца за работой у раскаленного горна; у него пальцы жестки, как у крокодила, — он грязен, как рыба икра. — А мастера, зарабатывающие жизнь долотом, — разве они большим отдыхом пользуются, чем крестьянин? — Их поля — дерево, которое они обдывают; — их орудие — металл; они работают даже ночью, — сверх того, что работали днем, — всю ночь у них свет, и они не смыкают глаз. — Каменщик берет за обделку самых твердых камней; — когда он кончил заказную работу, — и его руки устали — отдыхает ли он? — Уже с восходом солнца он снова на работу, — хотя его колени и поясница не разгибаются. — Цырульник бреет до поздней ночи. — Для того, чтобы он мог сесть за стол, — для того, чтобы он мог расправить свои уставшие члены, — он бегает из квартала в квартал, — отыскивая всюду работы; — он работает до изнеможения, до онемения рук, чтобы наполнить свой желудок: — пчелка ест мед, который сама собрала. — Красильщик и его руки смердят — запахом тухлой рыбы; его глаза впали от усталости; — его руки неустанно работают, — все время он возится с тряпьем, — и ткани ему опротивили. — Сапожник в очень печальном положении, — и вечно жалуется на судьбу; — его здоровье не лучше здоровья дохлой рыбы, — ему только и остается жевать подошву“.

Заработка, приобретенная таким тяжелым трудом, как раз хватает только для прокормления семьи. Он почти всегда платится натурой: несколькими мерами зерна, отмеренными бережливой рукой, несколькими мерками масла, солониной, да, в праздники, двумя-тремя кувшинами вина или пива. Десятники, в знак их начальнического отличия, вооружены дубинкой, которую они часто пускают в дело. „На то человеку и дана спина, — говорит пословица: — не поешь — так и не добьешься“. Дубинка эта воздвигла пирамиды, выкопала каналы, дала победы завоевателям; она и теперь вот строит храм Аммона и поощряет рабочих различных ремесел производить ту материю, драгоценности, великодушную мебель, которая составляют богатство Египта, и которые иностранцы раскупают на расхват, надбавляя друг

передъ другомъ высокія цѣны на рынкахъ Азіи, Африки и дальней Европы. Да къ тому же она такъ давно вошла въ нравы, въ ежедневное употребленіе, что на нее смотрять, какъ на неизбежное зло. Высшіе и низшіе передъ ней всё равны, отъ перваго фараонова министра до послѣдняго изъ рабовъ его, и это было бы явленіемъ вполне достойнымъ эпитафій, которая передала бы его на удивленіе грядущихъ поколѣній, если бы кто, даже изъ благородныхъ, прожилъ свой вѣкъ, „не будучи ни разу битъ палкой передъ судьей“ (рис. 4). Рабочій, покрившійся безропотно заранѣе передъ постоянною угрозою розги, работаетъ съ упорствомъ и смышленностью и даже съ беззаботною веселостью. Онъ отъ природы одаренъ живымъ умомъ и находчивъ въ отвѣтахъ; онъ быстро схватываетъ инстинктомъ смѣшную сторону вещей и легко умѣетъ придать своей малѣйшей остротѣ насмѣшливый обо-

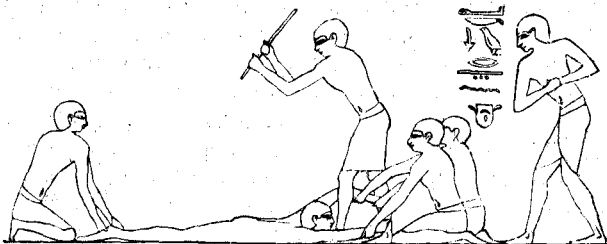

Рис. 4.—Палочная расправа.

ротъ. Всякое пустѣйшее приключеніе, происшедшее на барщинѣ—неловкій ученикъ оцарапается по неопытности, надсмотрщикъ стегнетъ задремавшего надъ работой товарища, осель зареветь благимъ матомъ неожиданно посреди молчанія—все это ему служитъ поводомъ къ развлеченію: раздается неудержимый взрывъ хохота, языки развязываются, шутки и остроты сыплются безъ умолку, тщетно вмѣшивается въ дѣло палка: съ часъ по крайней мѣрѣ пройдетъ, пока тишина водворится снова.

Только одинъ классъ людей въ Египтѣ избавленъ отъ такихъ житейскихъ неприяностей, или по крайней мѣрѣ хвастается этимъ,—это сcribes *) , писцы. „Только сcribes хорошо живетъ на свѣтѣ“, говорятъ опытные толковые люди: „scribe господствуетъ надъ всѣмъ существующимъ на землѣ“. Было бы одна-

*) Это слово очень трудно перевести соответствующимъ русскимъ—дьякъ или писецъ: разнообразныя виды занятій сcribe не укладываются всецѣло ни въ понятіе дьякъ, ни въ понятіе писецъ, ни въ понятіе ученый; они начинаютъ иногда простымъ конторщикомъ при ремесленномъ заведеніи и восходить до ученаго и государственнаго человѣка.

Прим. перев.

коже большой ошибкой думать, что этот титуль обозначает всегда людей высшаго образованія и положенія—ученыхъ, искусныхъ сочинителей въ прозѣ и стихахъ, богатыхъ и вліятельныхъ людей. Конечно, бываютъ сcribes и изъ высшаго класса. Принцъ Аменгунамифъ, старшій сынъ фараона, наслѣдникъ престола, а также и его братья—scribes. Нахтмину, наслѣдственный правитель (губернаторъ) области Ахмимы—scribe, точно такъ же, какъ и Бакнихонсу, главный жрецъ Аммона Фивекаго и высшій религіозный сановникъ царства. Но, съ другой стороны, и Тотимгаби, записывающій каждое утро рабочихъ, приходящихъ на работу къ архитектору Аменмосу; Гори, проводящій цѣлые дни въ счетѣ числа головъ скота и въ записываніи ихъ въ книги; Рамсису, ведущій счетоводство у столярнаго мастера Тинро; Нофирронцитъ, обѣгающій улицы, сочиняя прошенія и письма для безграмотныхъ,—все это scribes наравнѣ съ сыновьями фараоновъ, князьями и самыми могущественными баронами Египетскаго царства. Собственно scribe—это просто человекъ, который умѣетъ читать и писать, знаетъ административные крючки и формулы, а также умѣетъ и высчитывать проценты; если же онъ получилъ высшее образованіе, то оно ему служитъ необходимымъ дополненіемъ для достиженія высшей карьеры, если онъ знатнаго происхожденія, и оно даетъ возможность занять видное положеніе въ администраціи или у вліятельнаго богача, если у него самого нѣтъ ничего.

Зато нѣтъ того лишенія, на которое не осудили бы себя бѣдные люди, чтобы только доставить своимъ сыновьямъ знанія, которыя могутъ вывести ихъ изъ среды бѣднаго класса простолудиновъ или, по крайней мѣрѣ, обезпечить имъ существованіе менѣе обездоленное. Если кто изъ нихъ уже съ дѣтскаго возраста начинаетъ обнаруживать смѣтливость и понятливость, родители посылаютъ его съ шести—восьми лѣтъ въ мѣстную школу, гдѣ старый педагогъ преподаетъ ему начатки чтенія, письма и счета; къ 10—12 годамъ они берутъ его изъ рукъ этого перваго учителя и помѣщаютъ въ „обученіе“ у практикующаго scribe, который беретъ сдѣлать изъ него *ученаго scribe*. Мальчикъ посѣщаетъ съ нимъ контору, мастерскую или мѣста, гдѣ происходятъ работы, и тамъ онъ цѣлые мѣсяцы проводитъ въ перепискѣ писемъ, циркуляровъ, судебныхъ документовъ, счетовъ, въ которыхъ онъ сначала ничего не понимаетъ, а запоминаетъ ихъ въ точности. При этомъ ему также даютъ для списыванія и непрестаннаго изученія тетради всевозможныхъ образцовъ, заимствованныхъ у извѣстныхъ авторовъ. Положимъ, его надо научить писать рапорты въ краткомъ, но точномъ стилѣ. Вотъ, напр., одинъ изъ рапортовъ, который былъ составленъ Эннана. „Прибывъ въ Элефантину, я исполнилъ данное мнѣ порученіе; произвелъ смотръ пѣхотѣ и всадникамъ на колѣсницахъ при храмахъ, также и прислугѣ и денщи-

камь въ услуженіи у офицеровъ его величества, ж. з. с. *). Такъ какъ я долженъ предстать съ рапортомъ передъ фараономъ, ж. з. с., мое дѣло такъ же быстро течетъ, какъ Ниль, не безпокойся за меня“. Тутъ нѣтъ ни одного слова лишняго. А вотъ образецъ въ другомъ, болѣе вычурномъ, стилѣ. Вотъ какъ Пентоиритъ хлопочетъ объ отпускѣ. „Мое сердце уже далеко,—пишетъ онъ: оно въ путешествіи и не думаетъ о возвратѣ, оно примѣтило Мемфисъ и устремилось къ нему. Да соблаговолятъ мнѣ дозволить быть съ нимъ. Я здѣсь, но всѣ мои помыслы стремятся въ Мемфисъ. У меня здѣсь нѣтъ никакого дѣла, и мое сердце сокрушается: да благоволитъ богъ Фта направить меня въ Мемфисъ, а ты разрѣши, чтобы меня видѣли тамъ прогуливающимся. У меня есть свободное время, мое сердце не знаетъ покоя, мое сердце уже не въ моей груди, члены мои поражены истомою, мои глаза помутились, слухъ гложетъ, голосъ смолкъ—я совсѣмъ разрушаюсь! Умоляю тебя: подай мнѣ помощь исцѣленія“.

Ученикъ списываетъ, снова переписываетъ, учитель вставляетъ пропущенныя слова, поправляетъ орфографическія ошибки, рисуетъ на поляхъ знаки или группы, вырисованныя неумѣлой рукой. Когда тетрадь пройдена какъ слѣдуетъ, и ученикъ можетъ написать на память всѣ формулы изъ нея, даже выдѣлить изъ нихъ отдѣльныя фразы и соединить потомъ ихъ одна съ другой, составить изъ нихъ новыя формулы, тогда патронъ ввѣряетъ ему редакцію нѣсколькихъ писемъ, число и трудности которыхъ постепенно увеличиваетъ. Когда ученикъ овладѣлъ обиходной рутиной въ достаточной степени, его образованіе кончено, и ему ищутъ небольшого мѣста. Нашель—тогда женится. И вотъ онъ, глава семейства, иногда не достигши даже двадцатилѣтняго возраста, болѣе и не мечтаетъ ни о чемъ, какъ спокойно прозябать въ темной средѣ, куда судьба его бросила. Его дѣти послѣдуютъ по пути, пробитому имъ самимъ; ихъ дѣти пойдутъ той же колеей. Въ иныхъ отдѣлахъ администраціи встрѣчаются настоящія династіи скрибъ, члены которыхъ занимаютъ преемственно одни и тѣ же мѣста въ теченіе ста и болѣе лѣтъ. Иногда кто-нибудь изъ нихъ, болѣе одаренный или болѣе честолюбивый, чѣмъ другіе, рѣшается выйти изъ общей посредственности: прекрасный почеркъ, удачный выборъ словъ, расторопность, гибкость характера, честность, а, можетъ быть, и благоразумная безчестность, привлекаютъ на него вниманіе начальства и доставляютъ ему повышеніе. Бывали примѣры, что сынъ крестьянина или мелкаго горожанина, начавшій карьеру въ провинціальной конторѣ записываніемъ отпуска хлѣба

* Ж. з. с.—сокращеніе словъ: жизнь, здоровье, сила, по-египетски: *омсу, уза, соябу*, которыя ставятся всегда, въ видѣ пожеланія, послѣ имени и титула фараона.

или овощей, кончалъ, послѣ долговременной ревностной службы, управленіемъ половиной Египта. Его житницы наполнены обильно хлѣбомъ, кладовыя—золотомъ, тканями и драгоценными сосудами, его хлѣвы „размножаютъ хребты“ его воловъ, и сыновья перваго его покровителя, обращаясь къ нему, падаютъ ницъ и ползаютъ передъ нимъ на колѣняхъ.

Египтянки изъ народа и средняго класса пользуются большимъ уваженіемъ и независимостью, чѣмъ женщины высшаго класса. Дѣвушки наследуютъ отъ своихъ родителей равную часть съ братьями, жена—настоящая хозяйка въ домѣ, *нибитъ ти*, и ея мужъ, такъ сказать, только привилегированный гость. Она уходитъ и приходитъ, никого не спрашиваясь, и разговариваетъ съ кѣмъ ей угодно: никто ей ничего не можетъ противъ этого сказать; вмѣшивается въ толпу мужчинъ съ открытымъ лицомъ, въ противоположность сиріянкамъ, которыя всегда болѣе или менѣе строго закрываются покрываломъ. Египтянки одѣваются просто въ балахонъ изъ бѣлаго полотна, узкій, плотно облегающій станъ и доходящій до лодыжекъ; сверху онъ открытъ до половины груди и поддерживается двумя тесьмами, идущими черезъ плечи (какъ въ русскихъ сарафанахъ, рис. 5). Лобъ, подбородокъ, груди искусно и тонко разрисованы несмываемою та-туировкою, губы подкрашены, глаза обведены черною полоскою, которая идетъ къ вискамъ почти до волосъ. Порошокъ, употребляемый для черненія, состоитъ изъ сурьмы и мелко истолченнаго угля; онъ отбѣняетъ бѣлизну цвѣта лица, придаетъ блескъ взгляду и предохраняетъ глаза отъ воспаления: поэтому рекомендуютъ его употребленіе въ видахъ гигиены, но кокетство не преминуло имъ воспользоваться. Волосы, напомаженные, намасленные, иногда выкрашенные въ синій

Рис. 5.—Простолюдника.

цвѣтъ, ниспадаютъ на плечи и шею чрезвычайно тонкими локонами съ шариками изъ глины на концахъ; такъ какъ подобная прическа, сдѣланная какъ слѣдуетъ, требуетъ нѣсколькихъ часовъ работы, то она дѣлается не часто, дней черезъ десять или двѣнадцать, черезъ мѣсяцъ и даже болѣе. Въ будни женщины не носятъ ничего ни на ногахъ, ни на рукахъ, ни на шеѣ, но въ праздничные дни—сандали изъ листьевъ папируса или изъ кожи (рис. 6), стеклярусные браслеты на кистяхъ рукъ и лодыжкахъ, широкое ожерелье изъ бусъ или фаянсовыхъ муравленыхъ трубочекъ (рис. 7); лента и распустившійся цвѣтокъ приколотый въ волосахъ на лбу дополняютъ и скрашиваютъ, если костюмъ слишкомъ простъ и смахиваетъ на будничныи.

Собственно говоря женщина и есть та пружина, которая приводитъ въ движеніе весь домъ. Она встаетъ на разсвѣтъ, разводитъ въ печкѣ огонь, раздаетъ дневную порцію хлѣба, посылаетъ людей въ мастерскую, а скотъ—на пастбище подъ при-

смотримъ самыхъ младшихъ мальчугановъ и дѣвочекъ, потомъ, распредѣливши всѣхъ по занятіямъ, сама, въ свою очередь, выходитъ за водой. Идетъ къ рѣкѣ, каналу или ближайшему пруду, обмѣнивается тамъ съ пріятельницами новостями, которыя накопились съ вечера и, не переставая болтать, моетъ себѣ ноги, руки, тѣло и медленно возвращается къ себѣ домой съ кувшиномъ на головѣ, сгибая поясницу, выпячивая грудь и напрягая отъ тяжести ноши шею. Лишь только переступила порогъ, какъ тотчасъ же принимается за новое занятіе: печеніе хлѣба. Разсыпаетъ нѣсколько горстей хлѣбныхъ зеренъ на продолговатый камень, имѣющій вогнутую, нѣсколько наклонную поверхность, и раздавливаетъ ихъ другимъ камнемъ, поменьше, въ видѣ катка, который она по временамъ смачиваетъ. Въ продолженіе часа и болѣе она усиленно работаетъ руками, плечами, спиною, однимъ словомъ, всѣмъ тѣломъ, чтобы послѣ страшныхъ усилій достигнуть въ сущности жалкаго

Рис. 6.—Саудалии.

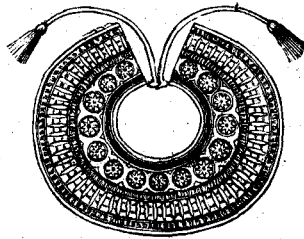

Рис. 7.—Ожерелье.

результата: мука, перемолотая ею такимъ первобытнымъ способомъ нѣсколько разъ, получается крупной, неровной съ плохо или со всѣмъ нераздавленными зернами, смѣшанной съ отрубями, пылью и мелкими осколками камня. Въ такомъ-то видѣ эту муку она мѣситъ съ небольшимъ количествомъ воды, прибавляя, вмѣсто дрожжей, немного вчерашняго тѣста, и изъ приготовленнаго такимъ способомъ тѣста дѣлаетъ круглыя лепешки, толщиною въ палецъ, шириною (въ діаметрѣ) вершка въ четыре, потомъ, кладетъ ихъ на плоскіе камни и покрываетъ горячей золой. Дрова въ Египтѣ—рѣдкость и очень дороги для такого скромнаго хозяйства, а потому хозяйка замѣняетъ ихъ топливомъ собственнаго приготовленія. Для этого она беретъ навозъ отъ домашняго своего скота, а также и тотъ, который ея дѣти собираютъ на улицѣ, по дорогамъ и лугамъ, гдѣ пасутся ослы, быки и овцы. Все это она мѣситъ совсѣмъ какъ обыкновенное тѣсто и изъ массы выдѣлываетъ плитки или бруски въ родѣ торфяныхъ кирпичей и выставляетъ ихъ для просушки на солнце или около наружной стѣны дома, или просто раскладываетъ

на дворѣ. Эти кирпичи изъ кизяка горятъ медленно, почти безъ дыма, съ едва замѣтнымъ пламенемъ и съ сильнымъ выдѣленіемъ амміачнаго запаха и даютъ довольно много жару прежде чѣмъ обратиться въ золу. Хлѣбъ, недостаточно поднявшійся и часто плохо вышеченный, приобретаетъ особенный пригорѣлый запахъ и кислотоватый вкусъ, къ которымъ иноземцы привыкають съ трудомъ. Примѣси, находящіяся въ немъ, дѣлають его очень твердымъ, и при долгомъ употребленіи его не выдерживають и самыя крѣпкіе зубы, въ особенности у стариковъ, у которыхъ зубы истираются вплоть до десень, словно у лошадей. Его приходится не жевать, а раздроблять.

Рис. 8.—Мальчикъ.

Такимъ образомъ жена выполняетъ всѣ работы въ домѣ по хозяйству: она занимается стращней, прядетъ, тчетъ, кроитъ, шьетъ, чинитъ платье, носитъ на рынокъ продавать живность, яйца, масло, полотно своего производства, не забывая при этомъ своихъ кривыхъ ребятишекъ или своего новорожденного, котораго кормитъ грудью. Выйдя очень рано замужъ, къ пятнадцати годамъ она становится матерью, а къ тридцати иногда—бабушкой. Дѣти все плодятся и копошатся около нея. Большая семья—благоволеніе боговъ, за которое она тѣмъ болѣе признательна, что ея содержаніе немного стоитъ. Объяеждѣ нѣтъ и рѣчи: мальчики и дѣвочки, правда, носятъ иногда браслеты на рукахъ, амулеты на шеѣ, толстый чубъ, падающій на ухо; но обыкновенно до наступленія возмужалости ходятъ, ни мало не стѣняясь, въ чемъ мать родила (рис. 8 и 9). Лишь только дѣти мало-мальски начинаютъ ходить, мать старается приспособить ихъ къ какому-нибудь дѣлу: посылаетъ подбирать прутья и сухую траву или собирать въ корзинки матеріалъ для заготовки топлива. Они стерегутъ на лугу гусей и даже гоняють скотину въ поле и на водопой. Съ шести-семи лѣтъ начинаютъ ихъ посылать въ школу, куда поступаетъ большая часть дѣтей квартала, затѣмъ отдають въ обученіе мастерству, чаще всего тому же самому, которымъ занимается отецъ.

Рис. 9.—Дѣвочка.

Многія изъ нихъ совсѣмъ не достигаютъ до этого возраста и умирають рано. Скучно ихъ кормятъ, уходъ за ними недостаточенъ, ихъ оставляють на цѣлые дни безъ всякаго призора; мать, вынужденная работать, оставляетъ ихъ на видномъ мѣстѣ среди поля; если они закричатъ отъ голода, она попроситъ первую мимоидущую женщину утомонить ихъ, а то по возможности и покормитъ грудью въ слу-

чаѣ надобности; всё тѣ изъ дѣтей, сложеніе которыхъ не отличается ни здоровьемъ, ни силой, вымираютъ одинъ за другимъ: большую часть многочисленныя семейства—только остатокъ бывшихъ прежде еще многочисленнѣе. Но зато по крайней мѣрѣ оставшіеся въ живыхъ пользуются обыкновенно здоровьемъ, закаленнымъ отъ всякихъ напастей. Подобранннй такимъ естественнымъ путемъ египетскій народъ состоитъ изъ сильныхъ особей, выносящихъ легко всякое утомленіе и страданіе. Они, чуть не со дня рожденія, привыкли переносить зной, холодъ, жажду, полное одиночество; тѣло ихъ закалено такими испытаніями, да и душа не менѣ тѣла. Между египтянами рѣдко встрѣчаются калѣки, скрюченные и изуродованные, какими кишатъ другія страны; единственная болѣзнь, которою они легко заболѣваютъ—это воспаленіе глазъ. Дѣйствіе чрезвычайно тонкаго песка, наполняющаго воздухъ, невыносимый блескъ солнца, вліяніе ясныхъ, прозрачныхъ ночей и утреннихъ тумановъ *)—вызываютъ у крестьянина и городского рабочаго множество глазныхъ болѣзней, излѣченіе которыхъ египетскимъ лѣкарямъ не всегда удается; поэтому на улицахъ то и дѣло попадаются кривые, слѣпые, съ воспаленными гноящимися вѣками.

Простолюдинка, подѣ вліяніемъ непосильной работы и частыхъ родовъ, быстро старится: осунувшіяся черты лица покрываются преждевременными морщинами; грудь впадаетъ, станъ сгибается, и она становится дряхлой старухой въ возрастѣ, когда другія, въ лучшихъ условіяхъ, едва начинаютъ стариться. Впрочемъ, ея положеніе въ семьѣ нисколько не умалется отъ такого преждевременнаго увяданія: до конца своей жизни она остается „любимою мужемъ“ и хозяйкою дома. Происхожденіе дѣтей обозначается чаще именемъ матери, чѣмъ именемъ отца. Всѣ эти Хоншотпу, Агмосу, Нугри—сыновья госпожи Банизиты или Мимуты, а не Хоншотпу, Агмосу, Нугри—сыновья господина Нибтоуи или Хамоизита. Сами боги въ этомъ подають добрый примѣръ людямъ, и юный Горусъ именовался Гарзизитъ, Горусъ сынъ Изиды, безъ упоминанія имени отца, Озириса. При случаѣ отецъ своими назиданіями поощряетъ и укрѣпляетъ привязанность, которую дѣти питають къ матери. „Это богъ далъ ее тебѣ“, внушаетъ отецъ, мудрый Хоншотпу своему Ани, „бремя за бремя, тяжелую ношу она вынесла изъ-за тебя, и я ей не могъ помочь въ этомъ. Прошли мѣсяцы, ты родишься, и она тогда превратилась совсѣмъ въ твою настоящую рабыню. Три года ея сосцы питали тебя, и, по мѣрѣ того, какъ твои нечистоты становились все противнѣе, безразличность не заставила ея сердца

*) Къ этимъ причинамъ надо прибавить еще одну, чуть ли не самую вредоносную, это—топка «по-черному» да еще кирпичомъ изъ кизяка, который при горѣніи отдѣляетъ очень ѣдкій газъ, наполняющій и пропитывающій, при слабой дымовой тягѣ, жилища и раздражающій постоянно ткани глаза.

сказать: „Довольно! Какая мнѣ нужда выносить это!“ Отправляясь съ тобою въ школу, гдѣ ты учился грамотѣ, она приносила съ собою изъ дому каждый день хлѣба и пива и садилась около твоего учителя. И теперь, когда ты уже взрослый, берешь себѣ жену и, въ свою очередь, будешь управлять своимъ домомъ, имѣй постоянно въ памяти твое скорбное рожденіе и всѣ заботы и попеченія, которыхъ твоя мать не щадила для тебя; веди себя такъ, чтобы она не имѣла повода упрекнуть тебя въ чемъ нибудь и не воздѣла рукъ своихъ къ богу—вѣрь, онъ внялъ бы ея проклятію!⁴

ГЛАВА II.

Рынокъ и торговая лавки.

Горожанскіе кварталы въ Фивахъ. — Рынокъ: мѣновая торговля и завѣшиваніе металловъ. — Торговья улицы и лавки. — Кондитеръ, трактирщикъ, странствующій цырульникъ. — Башмачникъ. — Серебряникъ. — Ткачиха. — Кожевникъ, горшечникъ. — *Пивная* и ея посѣтители-завсегдатаи. — Видъ толпы. — Стачка каменщиковъ. — Псарю, евскій графъ (губернаторъ), и его домъ. — Фараонъ появляется на сценѣ.

Видъ кварталовъ, люди и дома мѣняются по мѣрѣ того, какъ приближаешься, такъ сказать, къ сердцу города. Если улицы не становятся шире и прямѣе, зато постройки оказываются лучше, правильнѣе и такъ высоки, что снизу небо кажется простой блестящей полосой между двумя темными линиями домовъ. Уже по многимъ признакамъ чувствуется, что населеніе тутъ богаче, или, по крайней мѣрѣ, довольно зажиточное, но оно скрываетъ свое богатство и не любитъ выставлять его напоказъ. Дома обращены на улицу своими мрачными и невзрачными фасадами. Окна рѣдко выходятъ на улицу и да и то верхнихъ этажей; двери низки и тщательно заперты. Когда одна изъ нихъ случайно полуоткрояется, черезъ отверстіе можно видѣть только входъ въ темный корридоръ или первыя ступеньки лѣстницы, теряющейся въ темнотѣ. Лай собаки, дѣтскій крикъ въ отдаленной комнатѣ, чей-то голосъ, откуда-то долетѣвшій, на мгновеніе нарушаютъ тишину; два прохожихъ встрѣтились и обмѣнялись привѣтствіями; бѣдные ослята, нагруженные соломой, бѣгутъ мелкой рысцой, подгоняемые палкой проводника. Вотъ одинъ домъ ни съ-того ни съ-сего вдругъ поразиваетъ улицу: пройдя ошущью шаговъ тридцать черезъ темный глухой проходъ, сразу выходишь на небольшую шумную площадь, всю залитую яркимъ солнцемъ; это—рынокъ. Посреди его овцы, гуси, козы, ослы, крупныя волю съ длинными рогами, разбросанныя неровными грушами, ожидаютъ только покупателя. Крестьяне, рыбаки, разные мелкіе перекупщики размѣстились на короточкахъ многими рядами вдоль домовъ, разложивъ передъ собою въ камышевыхъ плетенкахъ или на низенькихъ столикахъ хлѣбы,

печенья, плоды, овощи, рыбу, сырую и вареную говядину, золотыя и серебряныя издѣля, благовонныя товары, матеріи, однимъ словомъ все, что требуется для нуждъ и прихотей египетской жизни.

Покупатели приходятъ и тщательно, не торопясь, разсматриваютъ качество товаровъ: каждый изъ нихъ, въ свою очередь, несетъ въ рукахъ какую-нибудь вещь собственного произведенія или рукодѣля: новый инструментъ, башмаки, цыновку, ящичекъ съ мѣдными, серебряными, даже золотыми кольцами, вѣсомъ въ одинъ утну *)), которые онъ желаетъ промѣнять на предметы, необходимые для него. Двое покупателей остановились передъ феллахомъ, выставившимъ въ корзинѣ на продажу лукъ и пшеницу. У первого, вмѣсто денегъ, имѣется два ожерелья изъ стекляруса или изъ многоцвѣтнаго фаянса, у другого—круглый вѣеръ съ деревянной ручкой и одно изъ тѣхъ трехугольныхъ поддувалъ, которыя

Рис. 10.—Мѣна ожерелья на лукъ.

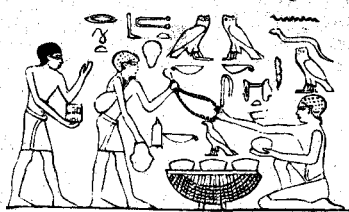

Рис. 11.—Ожерелья на благовонія.

повара употребляютъ для раздуванія огня. „Вотъ прекрасное ожерелье, которое тебѣ понравится, и какъ разъ подходящее для тебя дѣло“, предлагаетъ первый; а другой перебиваетъ: „А вотъ вѣеръ и поддувало“. Феллахъ однакоже не смущается такимъ двойнымъ нападеніемъ и, какъ основательный торговецъ, сначала беретъ ожерелье и разсматриваетъ его внимательно: „Дай сперва посмотрю, а потомъ скажу цѣну“ (рис. 10). Одинъ слишкомъ запрашиваетъ, другой слишкомъ мало даетъ; но уступка за уступкой, и мѣна наконецъ славивается: столько-то луковицъ и столько-то, по вѣсу, пшеницы соотвѣтствуютъ ожерелью или вѣеру. Въ другомъ мѣстѣ предлагается обмѣнить пару сандалій или финифтяную нитку бусъ на благовонія. „Вотъ прочныя башмаки“, показываетъ покупатель. Но продавцу башмаки пока не нужны, и онъ предлагаетъ одну изъ своихъ баночекъ (рис. 11) за нитку бусъ. „Нѣсколько капель этой жидкости распространяютъ восхитительный запахъ“, убеждаетъ онъ съ поощрительной улыбкой. Торговка тычетъ въ носъ сидящему передъ ней на корточкахъ какому-то господину двѣ банки, которыя она ему старается навязать, вѣроятно, съ какой-

*) Утну, по изслѣдованію Chabas, вѣситъ въ среднемъ 91 граммъ, или около $21\frac{1}{3}$ золотника.

нибудь помадой собственнаго приготовления (рис. 12). „Да ты понюхай, какой прелестный запахъ, всё на тебя будутъ обращать вниманіе“, говоритъ она.

Рис. 12.—Продажа благовоній и покупка рыбы.

Дальше, въ другой группѣ, двое съ жаромъ торгуются о цѣнѣ удлищенныхъ крючковъ (рис. 13); женщина, съ ящичкомъ на плечѣ, прицѣпывается къ браслетамъ и ожерельямъ; другая старается

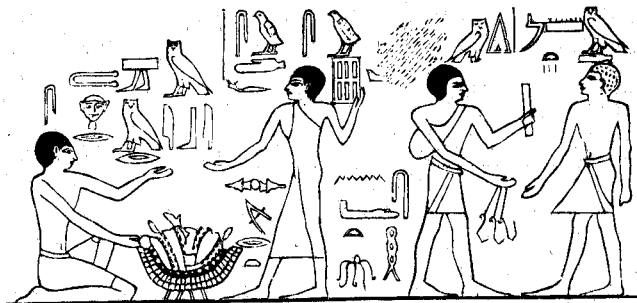

Рис. 13.—Удлищенные крючки и покупка ожерелья.

выторговать сбавку съ цѣны за рыбу (рис. 12), которую только-что передъ ней вычистили.

При торговыхъ сдѣлкахъ на крупный скотъ или на предметы значительной цѣнности расчеты становятся болѣе запутанными. Положимъ, нѣкто Амосу обмѣниваетъ вола на цыновку, пять мѣрокъ меду, одиннадцать мѣрокъ масла и семь различныхъ предметовъ. Можно себѣ легко представить, какихъ соображеній и расчетовъ потребовалось, чтобы уравнять стоимость обмѣниваемыхъ предметовъ. На фактурѣ *) по этой сдѣлкѣ цѣнность вся-

*) Эта фактура сохранилась на одномъ черепкѣ изъ обожженной глины (ostracop) и находится въ Британскомъ музеѣ.

кой вещи показана и точно определена въ металлѣ: цѣновка оцѣнена въ 25 *утну* мѣдныхъ, медь въ 4 *утну*, масло въ 10 *утну* и т. д.,—все остальное вмѣстѣ въ 119 *утну*. Значить, вольт цѣнился тогда недорого *). Этотъ способъ приведенія цѣнностей къ общепотребительному металлу до такой степени удобенъ и не требуетъ головолomныхъ вычисленій, что онъ примѣняется даже въ самыхъ мелкихъ сдѣлкахъ ежедневной жизни. Мясникъ, пекаръ, хлѣботорговецъ, всѣ мелкіе торговцы предпочитаютъ обмѣнивать свои товары на металлъ, который занимаетъ мало мѣста и не портится, чѣмъ на предметы въ натурѣ, которые часто бываютъ очень громоздки и легко портятся, если ихъ приходится очень долго держать у себя. Пара утокъ, напр., стоитъ четверть *утну* мѣдью, опухало—тоже четверть, бронзовая бритва—цѣлый *утну*, кирка—два *утну*,

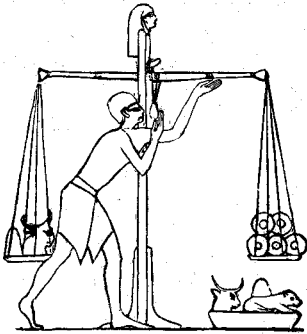

Рис. 14.—Взвѣшиваніе утну.

коза—два, бычачья голова—половину *утну* серебромъ, бурдюкъ тонкаго вина—три *утну* золотомъ. Правда, часто эти кольца или свернутая кольцомъ проволока, представляющія стоимость *утну* и его подраздѣленій, не содержатъ въ себѣ надлежащаго количества золота и серебра и, слѣдовательно, ниже стоимости принятой единицы цѣнности. Обманъ легко устраняется взвѣшиваніемъ металла при каждой новой торговой сдѣлкѣ (рис. 14). Обыкновенно при этомъ не обходится безъ горячаго спора сторонъ; но, когда онъ въ продолженіе иногда цѣлой четверти часа вдоволь накричится о томъ, что и вѣсы-то фальшивые, и что само взвѣшиваніе сдѣлано невѣрно, и что надо снова перевѣсить, утомившись наконецъ препираться, все-таки оканчиваютъ сдѣлку и дружелюбно расходятся. Но бываетъ бѣда и похуже,—когда ловкія и малоразборчивыя въ средствахъ наживы личности просто поддѣлываютъ благородные металлы, вводя въ сплавъ такое количество мѣди, какое онъ можетъ содержать, не выдавая по виду поддѣлки. Добродушный и довѣрчивый торговецъ, думая, что онъ получилъ, положимъ, восемь *утну* чистаго золота, тогда какъ ему всучили 8 утну сплава, совсѣмъ

*) Двадцать-пять утну составляютъ $91 \times 25 = 2275$ граммовъ; четыре утну $91 \times 4 = 364$ гр.; десять утну $91 \times 10 = 910$ гр.; сто девятнадцать утну $91 \times 119 = 10829$ гр.; итого, по вѣсу, не принимая въ расчетъ металла входящаго въ сплавъ, 14378 гр., или мѣдной французской монетой 143 фр. 78 с., на наши деньги 35 р. 95 к. Повторяя произведенный расчетъ послѣдовательно, можно опредѣлить стоимость предметовъ, которую египтяне выражали въ утну по вѣсу золота, серебра, мѣди.

похожаго на золото, но содержащаго его въ себѣ всего двѣ трети, теряетъ цѣлую треть своего товара. Не будь этой опасности отъ такой поддѣлки, которой, не безъ основанія, каждый боится, обмѣнъ на металлы давно бы вытѣснилъ изъ торговыхъ сдѣлокъ довольно запутанный обмѣнъ на различные предметы въ натурѣ. Онъ войдетъ въ общее употребленіе только тогда, когда откроютъ средство *) избавить публику отъ необходимости постоянного взвѣшиванія металла и обезпечить ей чистоту сплава его.

✕ По другую сторону площади двѣ-три торговыя улицы привлекаютъ къ себѣ публику, и туда она толпами стремится при выходѣ съ рынка. Почти во всю свою длину онѣ окаймлены разнообразными торговыми и ремесленными заведеніями, въ которыхъ можно видѣть, какъ на выставкѣ, всевозможныя произведенія не только Египта, но и большей части восточныхъ странъ. Куски тяжелой пестрой узорчатой матеріи изъ Сиріи, золотыя и серебряныя издѣлія изъ Финикіи и изъ Хеттеи, пахучія деревья и камедь изъ Пуниты и Священныхъ земель **), лазуревый камень и вышивки изъ Вавилона, румяна, золото, желѣзо, олово, янтарь ***) изъ отдаленныхъ земель, находящихся за моремъ,—все это разложено безпорядочно, какъ ни попало, рядомъ съ тончайшими батистовыми тканями, драгоценностями, стеклянными и фаянсовыми издѣліями и туземною мебелью. Каждая лавка составляетъ обыкновенно независимое отъ дома помѣщеніе и сдается отдѣльно. Это—небольшая квадратная комната, часто простой чуланъ, съ широкими растворами на улицу. Вечеромъ на ночь ее запираютъ деревянными ставнями съ прочными поперечными засовами. Внутренняя ея обстановка довольно незатѣйлива: одна-двѣ цыновки, одинъ два табурета; нѣсколько досокъ, прикрѣпленныхъ по стѣнамъ, служатъ полками для товаровъ, иногда, въ глубинѣ лавки, примыкаютъ къ ней одна или двѣ каморки, крѣпко запирающіяся, гдѣ обыкновенно хранятся самые дорогіе товары. Большею частью торговецъ—въ то же время и фабрикантъ, т. е. производитель своихъ товаровъ. Онъ держитъ учениковъ и работниковъ, работающихъ на него, и самъ съ ними работаетъ, если въ лавкѣ нѣтъ покупателей. Ремесла своего онъ не держитъ въ секретѣ: все дѣлается на глазахъ у публики, и каждый любознательный покупатель, если бы захотѣлъ, могъ бы его перенять. Вообще ремесленники одного и того же мастерства обыкновенно имѣютъ есте-

*) Средство это было открыто въ первой четверти VII ст. до Р. Х., одни говорятъ,—лидійскими царями, а другіе—Фидономъ Аргосскимъ. Накладывая на сплавъ металла официальный штемпель, гарантирующий его вѣсъ и пробу, лидійцы или греки превратили его въ монету.

**) Южная Аравія, африканскіе берега Краснаго моря и страна Сомалисоевъ.

***) Я нашель янтарныя бусы въ довольно большомъ количествѣ въ моголахъ Древней и Средней имперіи во время моихъ раскопокъ въ Абидосѣ.

стенную наклонность сидеться другъ подлѣ друга въ одной и той же мѣстности, напримѣръ, кузнецы—рядомъ съ кузнецами,—кожевники съ кожевниками, серебряники—съ серебряниками, образуя такимъ образомъ какъ бы небольшой городокъ, гдѣ попадаются только товары одного рода; здѣсь же, какъ разъ наоборотъ: лавки и мастерскія располагаются безо всякаго порядка и перемѣшиваются какъ попало.

Двѣ лавки на углу площади принадлежать, одна, что направо, кондитеру, другая, налево—хозяйину харчевни. Близокъ полдень. Часть

Рис. 15.—Кондитеръ за работой.

обѣда и послѣобѣденнаго отдыха наступилъ. Уже цѣлыя толпы осаждаютъ и кондитерскую и харчевню. Въ то время какъ самъ кондитеръ подаетъ посѣтителемъ, толпящимся передъ его лавкой, финики, сиропы, печенья на меду и съ пряностями, внутри ея идетъ страшная суетня: его ученики толкутъ въ ступѣ миндаль или фи-сташки (рис. 15), сѣживаютъ и филь-трують таинственные ликеры и состав-ляютъ различныя смѣси, не менѣе замысловатыя, чѣмъ тѣ, которыя лѣкаря составляютъ для своихъ лѣкарствен-ныхъ снадобій. Насупротивъ, въ хар-

чевенѣ, и хозяйинъ и половые не успѣ-ваютъ удовлетворять требованій посѣтителей: порціи гусей, говя-дины, рагу, овощей,—усердно заготовленныя съ утра,—все это не

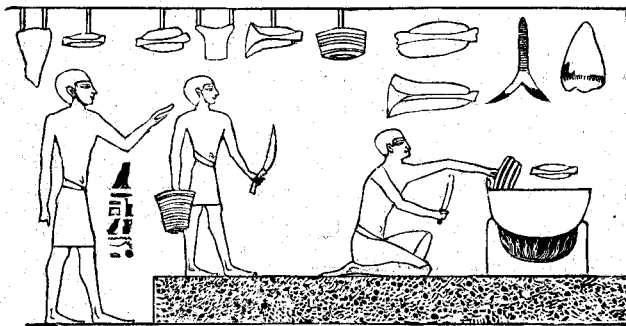

Рис. 16.—Харчевня.

успѣетъ появиться, какъ тотчасъ же исчезаетъ. Къ счастью, за-пасъ подъ руками: части сырой говядины висятъ на потолокъ и только ждутъ своей очереди пойти въ дѣло (рис. 16); два

котла, наполненные до краевъ, уже почти готовы; одинъ изъ поваровъ жаритъ гуся, держа его лѣвою рукою на вертелѣ, а правую раздуваетъ поддувалою пламя въ печкѣ (рис. 17). Нѣкоторые изъ кліентовъ уносятъ съ собой кушанья, предварительно заплативъ за нихъ, чтобы пообѣдать у себя дома по семейному. Другіе предпочитаютъ ѣсть тутъ же въ заведеніи. Вотъ горожанинъ, завернувшись въ свой просторный плащъ и усѣвшись на низенькомъ табуретѣ, готовится обстоятельно покушать, если объ его аппетитѣ судить по количеству блюдъ, наставленныхъ передъ

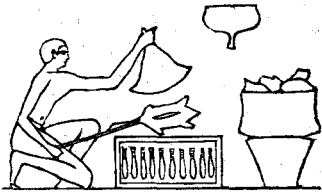

Рис. 17.—Поваръ жаритъ гуся.

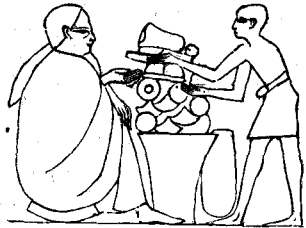

Рис. 18.—Одинъ изъ посѣтителъ харчевни.

нимъ (рис. 18). Цирульникъ, бродившій по сосѣдству въ поискахъ работы, наконецъ нашель одного кліента между обѣдающими и наскоро выбриваетъ ему голову, чтобы потомъ и самому пообѣдать (рис. 19).

Всѣ эти заведенія идутъ одно за другимъ въ совершенно случайномъ порядкѣ: за кондитеромъ помѣщается сапожникъ, потомъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, столяръ и т. д. Дѣла сапожника, кажется, идутъ очень хорошо, судя по тому, что у него четыре работника въ мастерской (рис. 20). Одинъ изъ нихъ принесъ изъ задней части магазина кожу, накроилъ изъ нея полосъ шириною на мужскую ногу, растянулъ ихъ на высокой колодкѣ и легонько расколачиваетъ ихъ колотушкой. Остальные трое сидятъ передъ наклонными сапожными верстаками, на которыхъ разложены ихъ инструменты, и усердно работаютъ, тогда какъ хозяинъ принимаетъ покупателей. Они не дѣлаютъ роскошной обуви: сандалій съ загнутыми кверху носками и разноцвѣтными ремешками, туфель на высокихъ каблукахъ, башмаковъ изъ тонкой мягкой кожи, зашнуровывающихся спереди, а шьютъ только простую обувь для рабочаго люда, которая состоитъ изъ толстой подошвы, въ формѣ простой стельки. Съ обѣ-

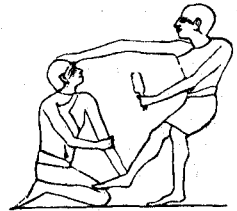

Рис. 19.—Цирульникъ и его кліентъ.

ихъ сторонѣ у запятка она снабжена ушками, въ которыя продѣваются кожаные ремни; третій ремень, прикрѣпленный между большимъ и вторымъ пальцами ноги, идетъ къ подъему и тутъ привязывается къ двумъ другимъ. Сидящій въ срединѣ работникъ протыкаетъ шиломъ ушко, налѣво—просверливаетъ сандалию, а направо—протаскиваетъ зубами ремень, чтобы его укрѣпить на мѣстѣ. При видѣ его теперь становится понятно выраженіе сати-

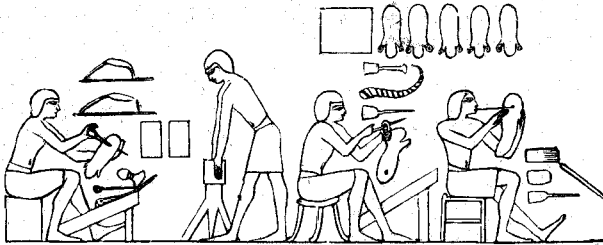

Рис. 20.—Сапожная мастерская.

рика, что сапожнику „ничего болѣе не остается, какъ жевать подошву“ (см. выше стр. 6). На стѣнѣ висятъ вмѣстѣ съ кусками кожи нѣсколько скроенныхъ, но еще не отдѣланныхъ сандалій, только одна пара виднѣется совсѣмъ отдѣланною и ждетъ покупателя.

Серебряникъ занимаетъ меньшее помѣщеніе, чѣмъ его сосѣдъ сапожникъ. Все его обзаведеніе составляютъ: небольшая наковальня, щипцы, молотки, небольшой горнъ. Помощникомъ ему служить его ученикъ. Нѣсколько дюжинъ колець, серегъ, мѣдные или изъ низкопробнаго серебра браслеты разложены напоказъ, тогда какъ болѣе цѣнныя вещи хранятся въ сундукѣ, въ глубинѣ лавки, подальше отъ постороннихъ глазъ, а главное—рукъ. Самородное золото привозится въ мѣшечкахъ опредѣленнаго вѣса изъ

глубины Африки, гдѣ негры добываютъ его изъ рѣчныхъ песковъ, въ плиткахъ и кольцахъ—изъ Сиріи или изъ пустынь, отдѣляющихъ Ниль отъ Краснаго моря. Серебро и электрумъ—этотъ естественный сплавъ, содержащій на 20 частей серебра 80 частей золота, привозятся финикіянами и эіопскими купцами. Зеленые

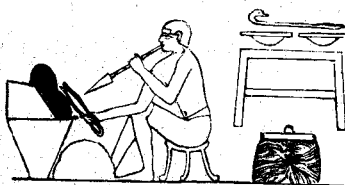

Рис. 21.—Ювелиръ передъ тиглемъ.

(мафкаитъ) и красные камни, изумруды, яшма, желто-зеленый изумруд (оливинъ); гранатъ, сердоликъ, рубинъ—всѣ эти драгоценныя камни добываются въ самомъ Египтѣ; только лазуревый камень привозится халдейскими купцами изъ неизвѣстныхъ и

почти сказочныхъ странъ, къ которымъ примыкаетъ Эламъ *). Вотъ молодая женщина только что принесла серебрянику плитку электра и, все время болтая, ждетъ, чтобы онъ изъ него сдѣлалъ браслетъ. Съ тщательностью онъ взвѣсилъ металлъ и бросилъ на огонь. Сидя передъ тиглемъ, съ щипцами въ лѣвой рукѣ, онъ раздуваетъ пламя при помощи паяльной трубки, чтобы ускорить плавленіе, или, лучше, чтобы размячить металлъ (рис. 21). Какъ только пластинка нагрѣлась до точки кованія, онъ вынимаетъ ее изъ огня и начинаетъ ковать молоткомъ на наковальнѣ, потомъ снова накаливаетъ, снова куетъ, пока не доведетъ ее до желаемой толщины и длины. Однимъ движеніемъ онъ сгибаетъ ее и округляетъ до тѣхъ поръ, пока концы ее не сойдутся, тогда быстро спаиваетъ ихъ, отчищаетъ пескомъ, обливаетъ изъ кув-

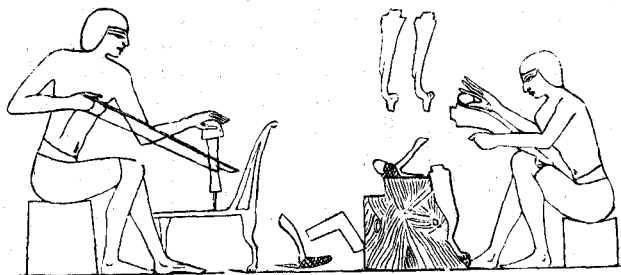

Рис. 22. Столяръ, дѣлающій стулья.

шина водой, чтобы остудить свое произведеніе, и шлифуетъ отъ руки. Все это было дѣломъ одного часа, въ продолженіе котораго его разъ двадцать отрывали отъ дѣла покупателя, спрашивая кольца, пару серегъ, цѣпочку, кольцо для ноги.

Такъ же кипитъ работа и у его сосѣда, столяра (рис. 22), гдѣ въ настоящую минуту дѣлаютъ парадную мебель съ инкрустаціями изъ дорогого дерева. Одинъ стулъ уже готовъ, и работникъ при помощи сверлильнаго смычка провертываетъ дыры на рамѣ для прикрѣпленія плетенки, служащей сидѣньемъ. Другой работникъ, сидящій наопротивъ, успѣлъ только заготовить четыре ножки въ видѣ львиныхъ лапъ и торопится отшлифовать ихъ пемзой. Его тесло положено на обрубокъ дерева, служащаго ему матеріаломъ. Этотъ первобытный инструментъ состоитъ изъ короткой, чаще всего желѣзной, пластинки, отточенной на одномъ концѣ и прикрѣпленной ремнями къ изогнутой деревянной рукояткѣ (рис. 23). Это—самый любимый инструментъ египетскаго

*) Эламъ—древняя имперія, находившаяся на Ю.-В. отъ Ассиріи.

столяра. Онъ имъ дѣлаетъ рѣшительно всѣ столярныя подѣлки: оболваниваетъ дерево, стругаетъ, обтесываетъ, выравниваетъ доски. Въ его рукахъ онъ замѣняетъ, по крайней мѣрѣ, съ полдюжины разныхъ инструментовъ, которые потребовались бы иностранному столяру.

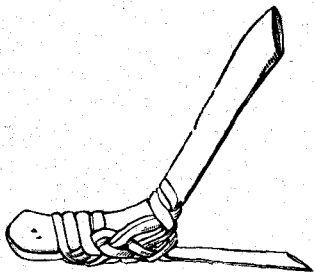

Рис. 23.—Столярное тесло.

Щелканье челноковъ подѣ звонкій говоръ женщинъ показываетъ, что прядильная и ткацкая мастерская въ полной дѣятельности. Одна изъ женщинъ вытягиваетъ нитку и скручиваетъ ее пальцами, другая ихъ лоштитъ, а третья—варитъ готовую пряжу; двѣ другія, сидя на короточкахъ съ обѣихъ сторонъ станка, помѣщенного почти на землѣ,

ткутъ очень тонкое и прозрачное полотно (рис. 24).

Кожевникъ скоблитъ кожу рѣзакомъ. Горшечникъ лѣпитъ изъ красной глины блюда. Мастеровой, выдѣлывающей каменную посуду, высверливаетъ особаго рода коловоротомъ и полируетъ внутри большой конусовидный бокалъ изъ алебаstra. Все это почтенные ремесленники, занимающіеся каждый своимъ мастерствомъ у всѣхъ на виду, открыто.

Рис. 24.—Ткачихи.

А вотъ подальше *пивная лавка* словно прячется отъ людскихъ глазъ за угломъ одного темнаго переулка. Въ обыкновенное время египтянинъ воздержанъ; но, когда онъ даетъ себѣ „счастливый день“, онъ не задумывается вышить лишнее, пьянство его не пугаетъ. Пивная лавка, посѣщаемая одними явно, другими украдкою, дѣлаетъ всегда отличныя дѣла: если кабатчики не пользуются такимъ же уваженіемъ, какъ другіе торговцы, зато они

пользуются достаткомъ. Комната для посѣтителей только что выбѣлена известкой; убранство ея состоитъ изъ цыновокъ, табуретовъ, кресель; постоянные посѣтители сидятъ рядышкомъ, попріятельски попивая пиво, вино, пальмовую водку (*шоду*), ароматическіе ликеры и запеканки, которые намъ, вѣроятно, показались бы отвратительными, но они до нихъ большіе охотники. Вино сохраняется въ большихъ высокихъ кувшинахъ, осмоленныхъ, закупоренныхъ деревянными или глиняными пробками, обмазанными иломъ, окрашеннымъ въ синій цвѣтъ, и припечатанными клеймами, носящими имена собственника или царствующаго фараона. На этикеткахъ обозначается чернилами мѣсторожденіе вина и точное число, когда оно собрано. Такъ мы читаемъ: *Годъ XXIII, ввозное вино, — годъ XIX, вино изъ Буто*, и т. д. Тутъ собраны вина всевозможныхъ сортовъ, бѣлыя и красныя: вина изъ Мареотиса, вино изъ Пелузія, вина *Звѣзды Горуса, повелителя неба*, вина изъ Оазисовъ, вина изъ Сіены, не говоря уже ни о винахъ, привозимыхъ изъ Эѳіопіи, ни о золотистыхъ винахъ Сиріи, доставляемыхъ финикіянами на своихъ галерахъ. Пиво во всѣ времена было любимымъ напиткомъ египтянъ. Приготавливаютъ его изъ ячменнаго солода, настаивая его въ водѣ въ чанахъ и прибавляя къ этому настою нѣкоторое количество хлѣбнаго мякиша, чтобы произвести броженіе. Свѣжее, только-что принесенное изъ погреба, оно сладко и пріятно на вкусъ, но легко мутится и скоро закисаетъ. Большая часть укуса, который употребляется въ Египтѣ, приготавливается не изъ вина, а изъ пива. Чтобы предупредить скисаніе, къ пиву прибавляютъ отвара волчьихъ бобовъ (*lupinus*), который сообщаетъ пиву нѣкоторую горьковатость и дѣлаетъ его не портящимся. Въ запасахъ кабаковъ находится не менѣе богатый выборъ пива всѣхъ сортовъ и качествъ, чѣмъ и вина: пиво сладкое, пиво *желтзное*, пѣнистое, душистое, ароматическое, приправленное пряностями въ теплѣ и на холоду, просяное, густое и мутное, въ родѣ того, какое приготавливаютъ въ Нубіи и у негровъ Верхняго Нила. Лишь только вы вошли въ пивную и едва успѣли занять мѣсто, какъ невольникъ или служанка подбѣгаетъ къ вамъ и привѣтствуетъ такую рѣчью: „Пей до опьяненія, доставь себѣ „счастливый день“; слушай разговоры твоихъ собесѣдниковъ и не переставай веселиться!“ Потомъ безпрестанно подступаетъ съ новыми приставаніями: „Ну, пей же; пожалуйста, не скромничай, я отъ тебя не отстану!“ Формула поощренія разнообразится, но припѣвъ остается тотъ же: *пей, пей* и еще *пей*. Сами завсегда не пренебрегаютъ отвѣчать на эти подстрекательства шутками, большею частью, довольно невинными: „Эй! поднеси-ка ты мнѣ изъ своихъ рукъ восемнадцать чарокъ вина, я хочу напиться до пьяна; кстати и цыновка, на которой я сижу, отличная соломенная кровать, есть гдѣ про-

спаться“ *)). Посѣтители спорятъ между собой о различіи дѣйствія, которое производятъ на человѣка вино и пиво. Вино веселитъ, располагаетъ къ добродушію и нѣжности; пиво же отягчаетъ, одуряетъ и возбуждаетъ наклонность къ грубости и ссорамъ. Пьяный отъ вина падаетъ лицомъ внизъ, а пьяный отъ пива—навзничъ да такъ и остается. Моралисты осуждаютъ подобныя излишества въ напиткахъ и не находятъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы описать происходящій отъ этого вредъ. Вино развязываетъ языкъ у человѣка до того, что онъ иногда ведетъ опасныя для себя рѣчи, и потомъ, минутою спустя, оно такъ его ослабляетъ, что онъ теряетъ уже всякую возможность постоять за себя. „Итакъ, не забывайся въ пивной, чтобы послѣ не передали рѣчей, которыя вышли изъ твоихъ устъ, когда ты и самъ не сознавалъ, что ты говоришь. И, когда ты, съ разбитыми членами, наконецъ, упадешь, никто не протянетъ руки помочь тебѣ, а твои собутыльники встанутъ съ своихъ мѣстъ и скажутъ: „Уйдемъ отъ него: это пьяница!“ А что, если кто придетъ съ намѣреніемъ потолковать съ тобой о дѣлахъ и найдетъ тебя валяющимся на полу, какъ безпомощный ребенокъ?“ Въ особенности молодые люди должны избѣгать этого постыднаго порока, потому что „пиво раздираетъ ихъ душу на клочки“. Предающійся хмельнымъ напиткамъ подобенъ „снятому съ своего мѣста веслу, которое безсильно тогда направлять лодку; онъ подобенъ храму безъ божества, дому безъ хлѣба, стѣны котораго колеблются, балки и связи шатаются. Люди, которыхъ онъ встрѣчаетъ на улицѣ, сторонятся отъ него: онъ бросаетъ въ нихъ грязью и гикаетъ на нихъ“ и продѣлываетъ это до тѣхъ поръ, пока самого его полиція не заберетъ и не заставитъ придти въ себя въ тюрьмѣ.

Движеніе на улицахъ большое. Одни идутъ на рынокъ, другіе возвращаются оттуда, такъ что толпа раздѣляется на два, почти равныя, теченія, которыя на углахъ улицъ сталкиваются, врѣзываются одно въ другое, смѣшиваются и увлекаютъ, расходясь, тысячу разнообразныхъ костюмовъ и типовъ. Нѣтъ ничего пестрѣ населенія большого египетскаго города: война доставляетъ туда каждый годъ тысячи невольниковъ, торговля привлекаетъ купцовъ со всѣхъ концовъ свѣта, и иноземный элементъ, постоянно поглощаемый въ старомъ туземномъ населеніи, образуетъ смѣшанныя поколѣнія, въ которыхъ особенности расъ, самыя противоположныя и характерныя, сливаются—и, наконецъ, исчезаютъ. Изъ двадцати офицеровъ или чиновниковъ, окружающихъ фараона, десять, можетъ

*) Разговоры этихъ гулякъ заимствованы изъ сцены одного похороннаго обѣда, найденной при могилѣ Ранни, въ Эль-Кабѣ; я ихъ только перефразировалъ, чтобы сдѣлать понятными современному читателю.

быль, происхожденія сирійскаго, варварійскаго и эіопскаго, и у самого фараона въ жилахъ течеть кровь нубійскихъ и азіатскихъ принцессъ, которыхъ случайности завоеваній привели въ гаремы его предковъ. Темный цвѣтъ кожи преобладаетъ на улицахъ, феллахи, загорѣлые на солнцѣ, цвѣтояры, нубійцы темно-бронзоваго цвѣта, негры съ верховьевъ Нила, почти голые и только прикрытые короткими передниками вокругъ нижней части туловища; и однакожь то тамъ, то сямъ какой-нибудь солдатъ изъ гвардіи шардановъ или житель Хити изъ ущелій Тавра вдругъ выдѣлится своей бѣлизной въ окружающей толпѣ. Горожане, только что выбритые, набѣленные и нарумяненные, въ завитыхъ парикахъ, въ плащахъ со сборками и развѣвающихся юбкахъ, босикомъ или въ остроконечныхъ сандаляхъ, важно отправляются по своимъ дѣламъ съ длинною тростью въ рукѣ (рис. 25). Вотъ проходитъ жрецъ съ бритой головой, завернувшись въ бѣлый плащъ. Колесница, запряженная парой лошадей, осторожно пролагаетъ себѣ путь среди толпы. Дамы изъ богатыхъ фамилій расхаживаютъ торгуясь по лавкамъ, группами по три и по четыре; онѣ носятъ, поверхъ узкой въ обтяжку сорочки, длинное накрахмаленное платье изъ тонкаго узорчатаго набивного полотна, но почти прозрачнаго, такъ что оно ихъ только прикрываетъ, но не скрываетъ.

Вдругъ страшный шумъ раздается въ концѣ улицы; толпа быстро разступается, и человекъ сто рабочихъ, крича и жестикулируя, съ лицами, покрытыми глиной и известкой, стремительно появляются, увлекая съ собой трехъ-четырехъ скрибъ съ испуганнымъ и жалкимъ видомъ. Это—каменщики, подряженные для постройки новыхъ зданій храма богини Мутъ, устроили забастовку и направляются съ жалобами къ градоначальнику города и главному распорядителю царскихъ работъ, Псару. Подобные небольшіе бунты случаются нерѣдко и всегда вызываются нуждою и голодомъ. Большая часть платы состоитъ, какъ извѣстно, въ хлѣбѣ, дурѣ (пшено), маслѣ, порціяхъ пищи, которыя начальники работъ обыкновенно раздаютъ перваго числа каждого мѣсяца, и которыхъ должно хватить до перваго же

Рис. 25.—Египетскій горожанинъ.

числа слѣдующаго мѣсяца. Количество припасовъ, выдаваемыхъ каждому работнику, конечно, было бы совершенно достаточно, если бы оно расходовалось съ нѣкоторой бережливостью: да подите, толкуйте о сбереженіи людямъ, которые приходятъ домой голодные послѣ тяжелой дневной работы, и которые около полудня съѣли только двѣ лепешки, приправленныя глоткомъ мутной воды! Въ первые дни мѣсяца семья наѣдается досыта, не думая о сбереже-

ни провизіи, но уже къ срединѣ мѣсяца порціи уменьшаются, и начинается ропотъ; въ продолженіе послѣдней недѣли наступаетъ настоящая голодовка, и это отзывается даже на самой работѣ. Если справиться въ официальныхъ записяхъ, ведущихся на мѣстахъ работъ скрибами, или даже просто взглянуть въ книжку надсмотрщика, то окажется, что къ концу каждаго мѣсяца неявки на работы повторяются, и даже иногда происходятъ общія забастовки рабочихъ, вызываемыя голодомъ и слабосиліемъ рабочихъ.

Десятаго числа прошлаго мѣсяца, рабочіе каменщики, занятые при новыхъ постройкахъ въ храмѣ Мутъ, нуждаясь рѣшительно во всемъ, съ шумомъ оставили работы, разсѣлись позади одного капища въ честь Тутмозу III, находящагося тутъ же поблизости, и жаловались на свое безвыходное положеніе. „Мы голодны, а до слѣдующаго мѣсяца намъ остается еще восемнадцать дней“. Что же: плата ли, получаемая ими, слишкомъ недостаточна для ихъ прокормленія, или же они ее расходуютъ слишкомъ неразумительно, что она у нихъ выходитъ раньше, чѣмъ бы слѣдовало? Если вѣрить имъ, то скрибы будто бы обмѣриваютъ ихъ и наживаются, обкрадывая ихъ; скрибы, напротивъ, обвиняютъ бѣдныя въ непредусмотрительности и утверждаютъ, что они проматываютъ свой заработокъ тотчасъ же, какъ только имъ его выдадутъ. Впрочемъ, ничего удивительнаго не было бы, если бы и тѣ и другіе оказались правы. Едва недовольные удалились съ мѣста работъ, какъ завѣдующій работами прибѣжалъ къ нимъ въ сопровожденіи полицейскаго офицера и началъ съ ними переговоры. „Вернитесь, и мы торжественно клянемся проводить васъ къ мѣсту, гдѣ останавливается фараонъ, когда является для осмотра работъ храма“. Дня два спустя, въ самомъ дѣлѣ, фараонъ прибылъ, и скриба Пентоиритъ отправился къ нему съ полицейскимъ офицеромъ. Фараонъ, выслушавъ ихъ, удостоилъ послать одного изъ сопровождавшихъ его скрибъ и нѣсколькихъ жрецовъ храма, чтобы переговорить съ рабочими. Послѣдніе представили свою жалобу фараоновымъ посланнымъ въ превосходныхъ выраженіяхъ: „Мы пришли, преслѣдуемые голодомъ, гонимые жаждой, не имѣя ни одежды, ни масла, ни рыбы, ни овощей. Доложите объ этомъ фараону, нашему повелителю, доложите объ этомъ фараону, нашему государю, чтобы намъ дали, наконецъ, чѣмъ жить“. Фараонъ, тронутый ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, приказалъ, говорятъ, раздать имъ хлѣба пятьдесятъ мѣшковъ, и эта неожиданная помощь дала имъ возможность безъ особой нужды дотянуть до конца мѣсяца. Первые дни мѣсяца эпифи прошли довольно спокойно; но 15 числа этого мѣсяца въ жизненныхъ припасахъ почувствовался недостатокъ, и недовольство стало снова проявляться. 16, 17 и 18 числа рабочіе уже не принимались за работу, а утромъ 19-го они попытались было совсѣмъ уйти съ мѣста работъ, но скриба

Пентоирить, наблюдавший за ними, втихомолку удвоилъ стражу и такъ хорошо принялъ предосторожности, что ни одинъ изъ нихъ не проскользнулъ за ворота. Рабочіе провели весь этотъ день, собираясь небольшими кучками и обсуждая, что имъ предпринять. Наконецъ, сегодня утромъ, съ восходомъ солнца, они собрались около одной неоконченной стѣны и, замѣтивъ завѣдующаго работами, который дѣлалъ свой обычный обходъ по постройкамъ, ринулись къ нему и окружили съ большимъ шумомъ. Тщетно онъ старался успокоить ихъ добрыми словами, они ничего не хотѣли слушать. Ихъ крики привлекли и другихъ служащихъ и многихъ жрецовъ храма Муть, тогда каменщики побѣжали на встрѣчу къ послѣднимъ и настаивали, чтобы завѣдующій пошелъ и объяснилъ ново-пришедшимъ все дѣло. „Клянемся Амономъ, нашимъ повелителемъ, гнѣвъ котораго убиваетъ,—говорили они,—мы не хотимъ болѣе возвращаться на работы; объяви это твоимъ начальникамъ, которые вонъ собрались тамъ“. Наконецъ, утомившись кричать безъ толку и видя, что они этимъ ничего не достигнутъ, они вдругъ рѣшились отправиться къ еивскому градоначальнику и просить у него защиты закона.

Разстояніе отъ храма Муть до дома Псару не очень велико — минутъ десять скорой ходьбы; приходилось идти по улицамъ, гдѣ не обошлось безъ перебранки съ толпой, когда та не успѣвала давать имъ дорогу. Вотъ они передъ главною дверью дома градоначальника; она находится въ длинной, низкой зубчатой стѣнѣ, надъ которой возвышается своей вѣтвистой верхушкой высокая акація, и ведетъ въ довольно обширный дворъ, окруженный службами и постройками (рис. 26). Налѣво находится самое жилище хозяина, выстроенное изъ тесаннаго камня, тѣсное,

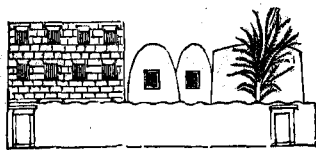

Рис. 26.—Домъ Псару.
Видъ съ улицы.

безъ архитектурныхъ украшеній, состоящее изъ довольно высокаго нижняго этажа съ двумя верхними и террасою. Посрединѣ, на дворѣ—двѣ житницы съ куполообразными крышами; съ краю направо—обширная кладовая со сводами. Сторожъ, какъ только слышалъ шумъ, тотчасъ же дверь на запоръ; но она не выдержала сильнаго напора, сдѣланнаго на нее снаружи, — и вся толпа съ шумомъ хлынула во дворъ и разбрелась по нему, не зная хорошенько, что ей остается еще предпринять. Въ это время выходитъ Псару, и одного его появленія было достаточно, чтобы удержать этихъ людей, пріученныхъ съ самаго дѣтства почтительно склонять голову передъ господиномъ. Однако же одинъ изъ нихъ рѣшается заговорить, прочіе его одобряютъ, сначала робко, потомъ, разгораясь все болѣе и болѣе при изложеніи своихъ страданій, они уже до-

ходятъ до угрозъ, когда градоначальникъ пытается успокоить ихъ обѣщаніями. Имъ недостаточно однихъ словъ, они требуютъ, съ громкимъ крикомъ, настоящаго дѣла: „Развѣ намъ болѣе не хотятъ дать хлѣба кромѣ того, который мы уже получили? Если нѣтъ, то мы не двинемся отсюда!“ Въ эту минуту невольникъ проталкивается сквозь толпу и тихимъ голосомъ сообщаетъ Псару, что фараонъ вышелъ изъ дворца уже съ четверть часа, что онъ направляется къ храму Амона, что онъ пройдетъ мимо дома, и что его свита уже въ сосѣдней улицѣ. Фараонъ, значитъ, застанетъ настоящій бунтъ! Самъ будетъ выслушивать жалобы рабочихъ! Псару быстро принимаетъ рѣшеніе: вдругъ, обрывая споры, онъ подзываетъ своего управляющаго Хамоизита и приказываетъ: „Поди посмотри, сколько у тебя въ житницахъ хлѣба, и дай этимъ людямъ!“ Потомъ, обратившись къ послѣднимъ, говоритъ: „Идите съ Хамоизитомъ въ житницы и возьмите все, что онъ вамъ дастъ“. Толпа, не догадываясь о причинѣ такого неожиданнаго рѣшенія, приписала его порыву природеннаго великодушія и разразилась въ благодарственныхъ ликованіяхъ: „Ты нашъ отецъ! Мы твои дѣти! Ты посохъ, поддерживающій старца, кормилецъ дѣтей, защитникъ несчастныхъ! — Ты убѣжище, согрѣвающее тѣхъ, кому холодно въ Оивахъ! — Ты хлѣбъ сокрушенныхъ, никого и никогда не покидаешь ты въ нашей странѣ!“ Сколько благодарностей и признательности! Но Псару быстро прерываетъ всѣ эти изліянія, выпроваживаетъ всѣхъ поскорѣе съ глазъ долой, и только тогда, когда послѣдній изъ стачниковъ скрылся за житницами съ Хамоизитомъ, у него отлегло отъ сердца. Черезъ пять минутъ дворъ опустѣлъ, и улица приняла свой обычный видъ: фараонъ можетъ теперь прибыть!

ГЛАВА III.

Ф а р а о н ь .

Царское одѣяніе.—Фараонъ отправляется въ храмъ.—Фараонъ—богъ на землѣ, сынъ Ра.—Сонъ царицы Мутемуаиты.—Четыре имени фараона.—Двойникъ и имена ястреба.—Фараонъ почитается при жизни какъ божество.—Кабинетскій совѣтъ Фараона: Рамзесъ II и дѣло о золотыхъ приискахъ.—Знаки царскаго достоинства фараона; его двойное царство.—Фараонъ—посредникъ между землей и небомъ.—Сношенія съ богами: сонъ Тутмозу IV.—Свита фараона и шествіе фараона по улицамъ.

Царь обоихъ Египтовъ, Узиримари-сотпурни, сынъ Солнца, Рамсизу-Міамунъ, дающій жизнь, какъ солнце, вѣчно,—но подданные запросто называютъ его Сезусри (Сезострисъ),—съ безпокойствомъ ожидаютъ прибытія гонца изъ Сириі. Последнія извѣстія, полученныя имъ изъ этой страны, не хороши. *Царскіе посланные*, которые каждый годъ ее объѣзжаютъ для собиранія дани, жалуются, что они были оскорбляемы и даже подвергались насиліямъ со стороны жителей большихъ городовъ; шайки Шаузу *), засѣвшія въ ущельяхъ Ливана, снова начинаютъ грабить караваны изъ Вавилона и Халупу **); князья Заги и Амауру обучаютъ милицію и съ успѣшностію исправляютъ стѣны своихъ крѣпостей; наконецъ, престарѣлый царь *подлыхъ* Хити, Мотуръ, таинственно исчезъ вслѣдствіе какого-то дворцоваго переворота, а его преемникъ, Хитисару, кажется, не расположенъ уважать трактаты. И вотъ, фараонъ, встревоженный болѣе, чѣмъ онъ это старается показать, рѣшилъ сегодня же утромъ отправиться въ храмъ Аммона, посѣтить бога и посовѣтоваться съ нимъ. Онъ надѣлъ свои пышныя одежды, приновренныя къ обстоятельствамъ: короткій запонъ изъ льняного газа со складками, сзади украшенный хвостомъ шакала, а спереди—передникомъ изъ жесткой золотой парчи, затканной разноцвѣтною эмалью, длинное верхнее платье изъ тонкаго батиста съ короткими рукавами, сандалиі съ острыми, загнутыми вверхъ носками, бѣлый головной уборъ съ

*) Сирійскіе бедуины.

***) Халупу—древнее имя Халибона, Алеппо (въ Сириі).

красными полосками, украшенный головою змѣи, уреуса (рис. 27). Колюхъ Менни его ожидаетъ на почетномъ дворѣ дворца, готовый управлять царскою колесницею, какъ всегда. Рамзесъ движеніемъ руки велитъ ему удалиться и, взявъ крѣпко вожжи, однимъ прыжкомъ вскакиваетъ на колесницу. Главныя дворцовыя ворота тотчасъ же отворяются настезь, и царь галопомъ выѣзжаетъ со двора или, употребляя выраженіе освященное обычаемъ, „появляется подь лазуриковымъ порталомъ подобно солнцу, когда оно восходитъ утромъ на восточномъ горизонтѣ неба, чтобы залить весь міръ своими лучами“.

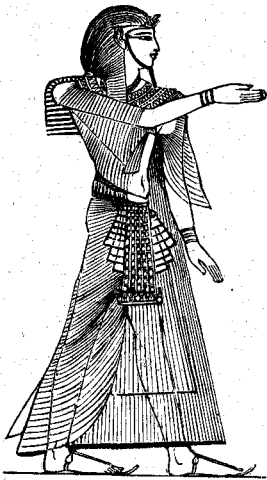

Рис. 27.—Фараонъ.

Съ солнцемъ его сравниваютъ впрочемъ не безъ основанія. Ра, создавшій міръ, былъ также и первымъ государемъ Египта и родоначальникомъ всѣхъ фараоновъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ землю и переселился на небо, его царство прямо передавалось богамъ, отъ боговъ—героямъ, отъ героев—Менесу, а отъ Менеса—историческимъ династіямъ. Въ ка-

кую бы глубокую древность ни переносились, цѣпь поколѣній не прерывается между теперешнимъ Рамзесомъ и Солнцемъ: фараонъ есть всегда сынъ Ра, и отъ одного сына Ра до другого сына Ра наконецъ дойдутъ до самого родоначальника Ра. Говорятъ, что онъ иногда удостоиваетъ насъ своимъ присутствіемъ и даже помогаетъ въ продолженіи своего рода. Преданіе утверждаетъ, что первые трое царей V династіи, Узиркафъ, Сагури и Кики произошли отъ его союза съ женой одного жреца въ небольшомъ городѣ Сахибу. Въ болѣе близкую къ намъ эпоху, какъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, онъ непосредственно вмѣшался въ дѣла Тутмозу IV, чтобы дать ему сына, котораго у него не было. Разъ ночью, когда царица Мутемуйта покоилась въ самой пышной комнатѣ своего дворца, вдругъ она проснулась и увидала возлѣ себя своего мужа; потомъ, спустя нѣсколько минутъ—былъ ли это сонъ, или видѣніе на яву?—блистающую фигуру Амона ѳивскаго. Отъ испуга она вскрикнула, но видѣніе ей предсказало рожденіе сына, который будетъ царствовать надъ ѳивами; затѣмъ видѣніе исчезло въ благоуханномъ облакѣ, ароматъ котораго нѣжно и тоньше всѣхъ аравійскихъ духовъ. Ребенокъ этотъ, въ послѣдствіи Аменготпу III, оставилъ по себѣ славу самаго знаменитаго между государями того времени. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ убилъ сто двѣнадцать большихъ львовъ, покорилъ

эіопскія племена до южныхъ предѣловъ нашей земли, держаль въ повиновеніи сиріянь, финикіянь, Кипръ и морскіе острова, Хити, всѣ народы Сѣвера, получилъ выраженія покорности отъ Ниневіи и Вавилона, возстановилъ ветхіе храмы въ Фивахъ и построилъ новые. Его погребальная капелла — самая красивая изъ всѣхъ возвышающихся на лѣвомъ берегу Нила, въ долинѣ гробницъ, и два колосса изъ гранита, стерегущіе по обѣ стороны входъ въ нее, по величинѣ уступаютъ только огромному сфинксу пирамидъ *). Храмъ, выстроенный имъ въ Луксорѣ въ честь Амона, есть памятникъ таинственныхъ событій, предшествовавшихъ его рожденію. Въ комнатѣ сосѣдней со святилищемъ хранится еще картина, вполне естественно изображающая это ночное свиданіе королевы и бога. Въ обыкновенное время непосредственное участіе Ра или одной изъ его формъ вовсе не необходимо. Царская кровь, которая течетъ въ жилахъ царя, передается путемъ естественной наслѣдственности и всѣмъ его дѣтямъ, а при отсутствіи мужской линіи можетъ передаваться черезъ женскую линію: если супругъ царской дочери будетъ даже изъ самыхъ послѣднихъ рабовъ, и тогда происшедшія отъ нихъ дѣти считаются сыновьями и дочерьми Ра и составляютъ царскую вѣтвь по праву матери.

Фараонъ, возлагая на себя царскій вѣнецъ, сохраняетъ свое первое имя, данное ему при рожденіи. Если онъ называется Аменготпу, Тутмозу, Рамзесъ, Гармгаби, такъ онъ будетъ называться и потомъ, только прибавляется эпитетъ: Міамунъ, возлюбленный Аммона: Гикъ-оизитъ, правитель Фивъ **), Минефта, другъ Фта. Но, такъ какъ надо же отличить передъ подданными перемѣну, происшедшую въ его положеніи, для этого имени Рамзесъ или Аменготпу обводятся эллипсоиднымъ ободочкомъ съ плоскимъ основаніемъ, извѣстнымъ у насъ подъ названіемъ картуша (табл. зн. 1). Спереди его пишется титулъ: Си-ра, сынъ Ра, обозначающій его происхожденіе отъ солнца, а послѣ него всегда одна и та же формула, въ которой онъ привѣтствуется за то, что онъ даруетъ жизнь, подобно Ра, на вѣки. Совокупность всѣхъ этихъ словъ нераздѣльно будетъ обозначать его имя, которымъ подданные будутъ его обыкновенно называть, и подъ которымъ онъ будетъ извѣстенъ въ исторіи.

Первые цари, даже самые гордые, довольствовались простымъ именемъ: Менесъ, Снофруи, Хеопсъ, Микериносъ; но уже къ концу

*) Капелла разрушена, но колоссы существуютъ еще и теперь: одинъ изъ нихъ, наиболее обезображенный, и есть та знаменитая *статуя Мемнона*, издававшая гармоническіе звуки при восхожденіи солнца; римскіе туристы приходили слушать ихъ, когда они посѣщали Фивы въ первые два вѣка нашей эры.

**) Фивы — греческое названіе города, происшедшее изъ слиянія двухъ словъ: Т'Апэ, въ библіи Но-Амонъ, т. е. святилище Амона, туземцы называли его иногда Онъ-Южный.

именем идетъ рядъ эпитетовъ, начинающихся также ястребомъ, который въ этомъ случаѣ помѣщается на золотомъ значкѣ (табл. зн. 2), что обозначаетъ: Горусъ-живущій, Горусъ побѣдитель. Сравненіе между царемъ и солнцемъ и тутъ продолжается: Рамзесъ II величаетъ себя *золотымъ ястребомъ, богатымъ годами и силой*. Слѣдовательно полный титулъ фараоновъ заключаетъ въ себѣ четыре части, располагаемыя всегда въ одномъ и томъ же порядкѣ: двѣ изъ нихъ можно назвать ястребиными именами, имена Горуса, двѣ другія — солнечными именами, обведенными картушемъ. При этомъ сcribes не упускаютъ случая вставить еще между ними столько льстивыхъ фразъ, сколько имъ подскажетъ ихъ плодовитое воображеніе, и сколько можетъ помѣститься въ свободномъ мѣстѣ, которымъ они располагаютъ. По всей вѣроятности, въ высшихъ сферахъ къ этому избытку воскуренія относятся благосклонно, но и четырехъ установленныхъ именъ уже достаточно для соблюденія этикета, и они вполне опредѣляютъ достоинства личности государя.

Личность фараона, какъ и всякаго другого человѣка, состоитъ изъ двухъ частей: души и тѣла. Картуши соотвѣтствуютъ состояніямъ, которыя тѣло переживало, и которыя дѣлаютъ изъ него какъ бы два различныя существа. Первое имя овладѣваетъ человѣкомъ при его появленіи на свѣтъ и указываетъ на неизмѣнность его личности съ начала и до конца жизни; второе имя возникаетъ въ моментъ его возрожденія на царство и освящаетъ возвеличеніе, которое онъ получаетъ, возлагая на себя корону. „Ястребиныя“ имена опредѣляютъ душу и ея условія. Египтяне представляютъ себѣ душу чрезвычайно тонкимъ двойникомъ, который воспроизводитъ точь въ точь личность человѣка, его ростъ, цвѣтъ, движенія, походку. Каждый разъ, какъ одинъ изъ насъ появляется на свѣтъ, его двойникъ или, какъ его называютъ туземцы, его *ка* приходитъ съ нимъ. Такъ какъ двойникъ обыкновенно невидимъ, то ваятели и живописцы не имѣютъ обыкновенія воспроизводить его, а если когда и рѣшаются на это, то дѣлаютъ изъ него совершенное подобіе того существа, которому они его присваиваютъ. Картины, на которыхъ фараонъ Аменготпу III воспроизвелъ въ Луксорѣ исторію своего дѣтства, намъ представляютъ примѣръ, какимъ образомъ слѣдуетъ представлять себѣ „двойникъ“ (рис. 29). Аменготпу является на свѣтъ, и его двойникъ представленъ новорожденнымъ младенцемъ, за которымъ кормилицы ухаживаютъ, какъ за ребенкомъ; Аменготпу подрастаетъ, и его двойникъ растетъ тоже. Двой-

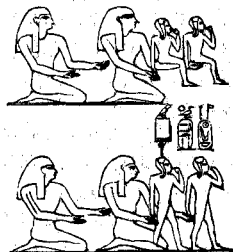

Рис. 29. — Аменготпу III и его двойникъ. Двойникъ на второмъ планѣ.

никъ сопровождаетъ человѣка во всѣхъ превратностяхъ и обстоятельствахъ его земного существованія. Двойникъ слѣдуетъ за нимъ и въ могилу и пребываетъ тамъ возлѣ муміи, то скрываясь въ усыпальницахъ, то вырываясь оттуда; ночью его можно распознать по блѣдному свѣтящемуся мерцанію, по которому и дали ему имя „свѣтоноснаго“, *Ху*.

Сами боги, большіе и малые, также обладаютъ каждый своимъ „двойникомъ“, какъ и люди; только они могутъ дѣлать его на столько двойниковъ и распредѣлить ихъ во столько тѣлъ, во сколько заблагоразсудятъ, нисколько его не умаляя и не ослабляя. Если угодно Ра, Горусу, Аммону выдѣлать отъ себя одного изъ этихъ двойниковъ, то предметъ, на который онъ низойдетъ, будь это человѣкъ, животное, камень, дерево, статуя, тотчасъ же получаетъ жизнь и свойства божества, которое его одушевило. Душа каждаго царя есть двойникъ, отдѣлившійся отъ Горуса. Пока дитя, предназначенное царствовать, еще только царевичъ или царевна, его двойникъ, унаслѣдованный отъ Горуса, пребываетъ въ немъ какъ бы въ усыпленіи, и, повидимому, оно обладаетъ душой, ничѣмъ не отличающейся отъ души другого человѣка. Но въ моментъ вступленія на тронъ и получения царства его божественный двойникъ пробуждается и преобразуетъ его въ Горуса, живущаго на землѣ. Имена „ястребиныя“ фараона именно и служатъ для отличенія этого Горуса отъ всѣхъ раньше его царствовавшихъ предшественниковъ и тѣхъ, которые послѣдуютъ за нимъ въ отправленіи верховной царской власти. Эпитеты, предшествуемые символомъ Горуса-побѣдителя, описываютъ намъ его торжествующимъ во время своего царскаго существованія надъ всѣми врагами Египта, подобно тому, какъ Горусъ побѣдилъ всѣхъ убійцъ своего отца Озириса. Имя, обведенное прямоугольникомъ, и есть та часть Горуса, двойникъ, которая назначена пережить фараона: прямоугольникъ—это погребальная хранина (склепъ), куда онъ въ свое время отойдетъ на покой, а запертая дверь есть дверь, ведущая въ могилу.

Двойникъ этотъ ничего не утрачиваетъ изъ своего могущества, воплощаясь такимъ образомъ, и сохраняетъ способность отдѣлать изъ себя другіе двойники, которые можетъ посылать на далекія разстоянія для оживленія другихъ тѣлъ. Каждая статуя царя имѣетъ одного изъ этихъ двойниковъ, который дѣлаетъ изъ нея одушевленное олицетвореніе царя подъ внѣшнимъ видомъ неподвижности. Созидая храмъ Солеба въ Нубіи, Аменготпу III хотѣлъ оставаться тамъ неотлучно около своего отца Амона. Онъ велѣлъ вытесать изъ розоваго гранита идола, съ собственнымъ изображеніемъ, вселилъ въ него при помощи молитвы одного изъ своихъ двойниковъ, помѣстилъ въ капище и совершилъ передъ нимъ всѣ религіозныя обрядности, требующіяся для возведенія въ божество.

И теперь еще на стѣнахъ храма можно видѣть его преклоненнаго передъ своимъ „живымъ“ портретомъ. Двойникъ, разѣ вселившійся въ каменное тѣло, уже болѣе не разстается съ нимъ, пока камень цѣль, а чтобы освободить его, надо „убить“ статую, разбивъ ее.

Слѣдовательно фараонъ, въ сущности, есть видимый богъ, богъ, принявшій плоть, поэтому его называютъ: благій богъ, великій богъ, живой богъ и обращаются къ нему не иначе какъ съ словами и почестями, воздаваемыми божеству. Когда онъ пробуждается утромъ—это солнце восходитъ, и всѣ домашніе дворцовые люди привѣтствуютъ его, какъ самого Ра. „Воззри на меня, восходящее Солнце, ты освѣщаешь міры своимъ благолѣпіемъ, лучезарный дискъ посреди людей, ты разгоняешь тьму въ Египтѣ. Твой ликъ подобенъ лику твоего отца, когда онъ возносится къ небу, и твои лучи разносятся во всѣ стороны; нѣтъ мѣста, которое было бы лишено созерцанія твоей красоты, ибо твои словеса опредѣляютъ судьбы всѣхъ странъ. Когда ты возлежишь въ своемъ чертогѣ, ты внемлешь всему, что творится въ странѣ, ибо у тебя миллионы ушей. Твой взоръ горитъ ярче звѣзды небесной и видитъ лучше солнца. Когда кто говоритъ, хотя бы уста говорящаго были скрыты между четырехъ стѣнъ дома, слова его доходятъ до твоего уха. Если совершается какое тайное дѣйствіе, оно не укроется отъ твоего взора, о царь, милостивый повелитель, дающій дыханіе жизни всѣмъ!“ *).

Всякій шагъ, всякое официальное дѣйствіе государя разсматривается какъ актъ священнодѣйствія и потому совершается при пѣніи торжественныхъ гимновъ. Если онъ даетъ аудіенцію, то каждый подданный, удостоенный чести созерцать его, обращается къ нему съ знаками благоговѣйнаго обожанія. Если онъ созываетъ совѣтъ по какому-нибудь дѣлу, сановники царскіе открываютъ совѣщаніе особымъ религіознымъ обрядомъ въ честь царя. Представьте себѣ Рамзеса II возсѣдающимъ на своемъ большомъ вызолоченномъ тронѣ, въ діадемѣ съ двумя перьями, и изыскивающимъ средства облегчить доступъ караванамъ къ золотымъ россыпямъ, залегающимъ въ Нубіи, между Ниломъ и Краснымъ моремъ. Возчики, назначенные для перевозки этого металла, почтительно жалуются, что они не находятъ ни одного источника, ни одного водоема на пути, по которому они должны слѣдовать. „Половина между нами“, говорятъ они: „мреть съ своими ослами отъ жажды, потому что намъ нѣтъ никакой возможности набирать съ собой достаточно мѣховъ съ водой, чтобы хватило вдоволь на два пути, туда и обратно“. Совѣтники являютсѣ въ присутствіе

*) Этотъ гимнъ царю былъ обращенъ къ Минефта въ „Papyrus Anastasi“ № IV, къ его сыну Сети въ „Papyrus Anastasi“ № II.

добраго бога съ поднятыми вверхъ руками, въ знакъ обожанія, и, преклонивши колѣна, падаютъ лицомъ ницъ и въ такомъ положеніи остаются, пока имъ излагается дѣло. Имъ описываютъ въ точныхъ выраженіяхъ пустынный видъ страны и спрашиваютъ: надо или не надо устроить водоемы на протяженіи пути?

Отвѣтъ совѣтниковъ готовъ: „Ты подобенъ Ра“, отвѣчаютъ они всѣ разомъ: „ты подобенъ ему во всемъ, что дѣлаешь, и потому исполняются желанія твоего сердца. Если ты возжелаешь чего-нибудь съ вечера, на зарѣ это уже исполнено! Мы много видѣли чудесъ, которыя ты совершилъ съ тѣхъ поръ, какъ ты возведенъ въ цари міра; мы не слышимъ, наши глаза нигдѣ не видятъ ничего подобнаго имъ. Все, что выходитъ изъ твоихъ устъ, подобно словесамъ Гармахиза *); твой языкъ взвѣшиваетъ, твои уста мѣряютъ болѣе справедливо, чѣмъ самый справедливый вѣсъ Тота **); что еще остается, чего бы ты не зналъ? Слѣдовательно, кто же можетъ быть совершеннѣе тебя? Гдѣ то мѣсто, котораго ты не видѣлъ бы? Нѣтъ той страны на землѣ, которой бы ты не посѣтилъ, и твоя дѣятельность всегда направляется туда, куда твои уши привлекаютъ ея вниманіе. А такъ какъ ты намѣстникъ боговъ въ этой странѣ, то ты и устанавливаешь ея судьбы. Еще въ утробѣ матери, въ достоинствѣ дитяти-наслѣдника, тебѣ было докладываемо все, что касается Египта. Въ дѣтствѣ, когда у тебя еще чубъ спускался на ухо (см. рис. 8), безъ твоего распоряженія не воздвигалась ни одна постройка, не было дѣла, о которомъ ты бы не зналъ, и ты былъ уже верховнымъ вождемъ воиновъ. Когда ты былъ десятилѣтнимъ юношей, при всѣхъ общественныхъ работахъ твоя десница полагала первое основаніе. Итакъ, скажи водѣ: „Взыдь на гору!“ Небесныя воды тотчасъ сойдутъ на зовъ твоихъ устъ, ибо ты воплощенный Ра, Хопри ***), осуществившійся въ дѣйствительности; ты живой образъ твоего отца Туму Геополитанскаго; богъ, который повелѣваетъ—въ твоихъ устахъ, богъ мудрости—въ твоемъ сердцѣ, твой языкъ—святилище истины, богъ пребываетъ на твоихъ устахъ, твои слова исполняются каждый день, и то, чего возжелаетъ твое сердце, осуществляется совершенно подобно дѣламъ, которыя творить Фта. Такъ какъ ты вѣченъ, то

*) Горусъ на утреннемъ горизонтѣ и Горусъ на вечернемъ горизонтѣ: солнце при восхожденіи и захожденіи.

***) Тотъ взвѣшивалъ передъ судилищемъ Озириса человѣческія дѣянія; онъ наблюдалъ, чтобы вѣсы были вѣрны, и въ случаѣ надобности устраивалъ коромысло такъ, чтобы они не давали ни малѣйшей ошибки.

****) Хопри (Khôpri, Khergaou), быть, стать, сдѣлаться. Жизнь — значить стать; она подобно солнечному дню, который начинается, продолжается, оканчивается и снова появляется. По понятіямъ египтянъ, человѣкъ жилъ раньше своего рожденія, будетъ жить и послѣ своей смерти.

поступаютъ сообразно твоимъ указаніямъ и повинуются всему тому, что ты изречеши, государь, нашъ повелитель“.

Такъ говорилъ хоръ совѣтниковъ. Лишь только онъ смолкъ, эѳіопскій намѣстникъ, въ вѣдѣніи котораго находятся золотыя прииски, въ свою очередь сказалъ: „Страна, стало быть, въ такомъ состояніи: воды нѣтъ со временъ царствованія Ра, въ ней умираютъ отъ жажды; всѣ прежніе цари старались устроить водоемъ, но трудились безуспѣшно; царь Сети I даже велѣлъ пробуравить колодець до ста двадцати локтей глубины, но такъ и пришлось оставить работу не доведя до конца: вода не показалась со-вѣмъ! Но ты, если ты самъ скажешь твоему отцу Нилу, отцу боговъ: „Подними воду на гору!“ онъ исполнитъ все, что ты скажешь, такъ же, какъ это было со всѣми тѣми изъ твоихъ предназначеній, исполненія которыхъ мы были очевидцами, и подобныхъ которымъ прежде никогда ничего не слыхано, даже въ пѣсняхъ поэтовъ; ибо твои отцы, боги, тебя любятъ болѣе всѣхъ царей, которые существовали со времени Ра“. Убѣжденный этими рѣчами, Рамзесъ отдалъ приказъ. Кирки пущены въ дѣло, и вскорѣ водоемъ былъ устроенъ на надлежащемъ мѣстѣ *). Это одинъ изъ тысячи примѣровъ того языка, которымъ должно говорить, когда имѣешь опасную честь высказать свое мнѣніе передъ фараономъ: ни одно дѣло, хотя бы самое незначашее, не можетъ быть доведено до его свѣдѣнія, безъ того, чтобы не напомнить ему длинными рѣчами его сверхъ-человѣческаго происхожденія и его собственной божественности.

Другіе боги избрали для своего пребыванія небо. Фараонъ владѣетъ землей, не только египетской землей, а всей землей. Если существуютъ внѣ Нильской долины народы, провозглашающіе себя независимыми, или цари, отказывающіеся преклониться предъ нимъ, это—мятежники, „дѣти бунта“, которые рано или поздно получаютъ заслуженную кару и за часъ свободы заплатятъ вѣчнымъ разореніемъ. Ихъ властители считаются *побѣжденными*, ихъ земли—*подлыми*: въ актахъ царской канцеляріи безъ запинки выписываютъ: *побѣжденный Хити* и *подлые Каушу*, чтобы обозначить князя страны Хити и маленькія государства Эѳіопіи. Но земля не едина: теченіемъ солнца она раздѣляется на двѣ равныя части, или скорѣе на двѣ земли: землю сѣвера, или ночи, землю юга, или дня. Точно такъ же дѣлится и Египеть. Преданіе рассказываетъ, что въ древнія времена онъ былъ сначала единой имперіей, надъ которой царили, по очереди, четыре бога: Ра, Шу, Сибу и Озирисъ. Озирисъ былъ предательски убитъ своимъ братомъ Ситомъ (Sit);

*) Эти рѣчи и исторія водоема заимствованы изъ одной стелы (каменной колонны) Рамзеса II, помѣченной III годомъ его царствованія и воздвигнутой въ Кубанѣ, въ началѣ дороги, которая ведетъ отъ Нила къ приискамъ въ Этбай.

сынъ его Горусъ возсталъ противъ убійцы, и война свирѣпствовала до того дня, когда Сибу раздѣлили страну полюбовно между двумя соперниками: Сить получилъ долину, Горусъ — Дельту съ столицей Мемфисъ, и съ тѣхъ поръ каждая изъ этихъ половинокъ имѣла своего царя и свои отличныя эмблемы. Богиня-покровительница Дельты—змѣя, *Уазитъ*, а богиня Саида—коршунъ, *Нехабитъ*. Корона сѣвера—красная, а юга—бѣлая, и обѣ различной формы (табл. зн. 3 и 4). Символическое растеніе сѣвера—папирусъ (5), а юга—лотосъ (6). Раздѣленіе на два государства однако же не продолжалось далѣе династій божественнаго происхожденія: со времени Менеса „половина Горуса и половина Сита“ были, по крайней мѣрѣ теоретически, всегда управляемы однимъ и тѣмъ же государемъ.

По правдѣ говоря, это соединеніе совершенно личное, и оба Египта, имѣя одного царя, не переставали быть двумя отличными Египтами. Государь въ одно и то же время и царь юга и царь сѣвера (табл. зн. 7 и 8), носитель эмблемъ южнаго коршуна и змѣи покровительницы (урэуса). Его корона, *пшентъ* (9), состоитъ изъ соединенія въ одну бѣлой и красной коронъ. Тронъ въ боковыхъ своихъ частяхъ украшенъ изображеніемъ лотоса и папируса, связанныхъ вмѣстѣ въ пучокъ, или же двумя изображеніями бога Нила, которыя съ великими усиліями при помощи рукъ и ногъ стараются связать оба символическія растенія. Мало того, не только единство царя не доставило исподволь единства странъ, а напротивъ, дуализмъ страны произвелъ настоящее раздвоеніе царя, всѣхъ предметовъ, ему принадлежащихъ, всей государственной администраціи. Дворецъ состоитъ изъ соединенія двухъ дворцовъ. Вслѣдствіе чего и называется *Пирауи*, „двойной большой домъ“; отсюда происходитъ и самое имя *фараонъ*, которое слышится такъ часто въ устахъ народа: египтянинъ называетъ своего повелителя «Двойной большой домъ (Пирауи)», какъ другіе величаютъ своего: „Высокая Порта“. Царское казначейство — двойной домъ серебра и золота. Каждая изъ житницъ, куда сборщики податей ссыпаютъ поступившій къ нимъ хлѣбъ,—двойная житница. Даже хлѣбъ, когда его снимаютъ съ одного и того же поля, бываетъ южный хлѣбъ и сѣверный. Во время торжествъ фараонъ сначала надѣваетъ южную корону, и все, что онъ тогда приноситъ богамъ, южное, даже вино и еиміамъ; а потомъ, спустя нѣкоторое время, надѣваетъ сѣверную корону, и вино и еиміамъ онъ приноситъ сѣверные. Между прочимъ, его обыкновенные знаки царскаго достоинства, это—знаки боговъ, его родителей. Они состоятъ изъ скипетра съ головой животнаго (табл. зн. 10), крючка и цѣпа (11 и 12), головныхъ уборовъ, украшенныхъ перьями въ видѣ двухъ пылающихъ роговъ (13), эмблемы свѣта. Змѣя на челѣ фараона,—урэусъ изъ золота или изъ позолоченной бронзы,—постоянно находящаяся

на его головномъ уборѣ, одарена чудодѣйственной силой, которая дѣлаетъ изъ нея орудіе царственнаго гнѣва и исполнительницу его тайныхъ замысловъ. Говорятъ, она изрыгаетъ пламя и уничтожаетъ во время битвы всякаго, кто осмѣлится напасть на царя. Она сообщаетъ бѣлой и красной коронамъ сверхъестественныя свойства, превращая ихъ въ волшебницъ, въ фэй (*оуритгакау*), которымъ никто ни въ состояніи сопротивляться.

Человѣкъ тѣломъ и богъ душой и атрибутами, фараонъ обладаетъ, благодаря этому двойному свойству, привилегіей быть постояннымъ посредникомъ между небомъ и землей. Онъ одинъ надѣленъ отъ природы властью передавать богамъ, своимъ братьямъ, молитвы людей. Когда хотятъ расположить невидимыхъ боговъ въ пользу живого или мертваго человѣка, обращаются не прямо къ Озирису, Фта, Монту — молитва тогда до нихъ не дошла бы, — а берутъ фараона ходатаемъ и черезъ его руки дѣлаютъ приношенія и жертвы. Его личное вмѣшательство при этомъ почти всегда представляетъ лишь нѣкоторую благочестивую фикцію, да и самый жрѣческій ритуалъ не требуетъ его личнаго присутствія; только въ началѣ церемоніи провозглашаютъ, что *царь приноситъ жертву* — *Сутонъ ди готпу* — Озирису, Фта, Монту, дабы боги исполнили желанія такого-то и такого-то человѣка (имя рекъ), и это заявленіе замѣняетъ самый фактъ его присутствія. Каждый разъ, когда просятъ милости у какого-нибудь божества или дѣлаютъ ему приношеніе по обѣту, прибѣгаютъ къ такому посредничеству фараона: едва-ли окажется двѣ надгробныхъ надписи на сто, которыя не начинались бы формулой: *Сутонъ ди готпу*, или не содержали бы ея. Съ своей стороны, и боги постоянно сообщаются съ фараономъ при помощи всякихъ средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи. Они ему являются во снѣ и то совѣтуютъ идти войной противъ такого-то или такого-то народа, то запрещаютъ принимать участіе въ такой-то битвѣ, то повелѣваютъ возстановить какой-нибудь памятникъ, пришедшій въ ветхость. Когда Тутмосу IV былъ еще только наслѣднымъ принцемъ, онъ имѣлъ обыкновеніе въ сопровожденіи всего одного слуги ходить на охоту за львами и газелями въ ту часть пустыни, которая находится къ западу отъ Мемфиса. Разъ, случайно очутившійся въ сосѣдствѣ большой пирамиды, онъ расположился, чтобы отдохнуть послѣ обѣда, подъ тѣнью огромнаго сфинкса, изображающаго могущественнаго Хопри, божество, къ которому жители Мемфиса и сосѣднихъ городовъ въ знакъ почитанія простираютъ руки, всегда полныя приношеніями. Въ то время сфинксъ на половину былъ занесенъ пескомъ, одна только голова его выступала изъ песку (рис. 30). Лишь только царевичъ заснулъ, божество обратилось къ нему съ рѣчью, какъ отецъ къ сыну: „Взгляни на меня, созерцай меня, о мой сынъ Тутмосу, — я твой отецъ Гармахуити-Хопри-Туму, я общаю тебѣ

царство, и ты возложишь на себя обѣ короны, бѣлую и красную, на тронѣ Сибу, повелителя боговъ *). Песокъ горы, гдѣ я нахожусь, меня заметаетъ. Отплати же и ты мнѣ за мои благодѣянія, исполнивъ все, чего я желаю. Я знаю, что ты мой сынъ, мой защитникъ: приблизься, вотъ я съ тобою, я твой возлюбленный отецъ". Царевичъ проснулся и понялъ, что богъ возвѣщаетъ ему будущее его восшествіе на царство и требуетъ въ награду за такое радостное событіе обѣщанія отрыть его отъ песковъ. Лишь только восшелъ онъ на тронъ, онъ вспомнилъ свой сонъ и велѣлъ устранить песокъ, подавлявшій великое изображеніе: стела (колонна), воздвигнутая имъ по этому случаю между лапами сфинкса, существуетъ еще и теперь и рассказываетъ всякому прохожему объ этомъ видѣніи.

Рис. 30.—Большой сфинксъ

Впрочемъ, пророческій сонъ — не самый частый способъ, посредствомъ котораго боги открываются фараонамъ: статуи боговъ, находящіяся въ храмахъ, также служатъ истолкователями ихъ воли. Такъ какъ статуи одушевлены, каждая своимъ двойникомъ, стало быть, онѣ могутъ говорить, когда захотятъ. Однажды голосъ Амона раздался во мракѣ храма и повелѣлъ царицѣ Гатшопситу послать эскадру въ „страну Ароматовъ“, чтобы привести оттуда благовонныхъ курений, необходимыхъ для жертвоприношеній. Въ большей части случаевъ статуи не прибѣгаютъ къ употребленію рѣчи, а ограничиваются только жестами. Когда ихъ спрашиваютъ объ опредѣленномъ предметѣ, а онѣ остаются неподвижны, то это означаетъ ихъ манеру отвѣчать нѣтъ; въ противномъ случаѣ, онѣ явственно киваютъ головою два раза, одинъ за другимъ:

*) Сибу богъ земли, супругъ Нуты, богини неба.

значить дѣло достойно, и онѣ его одобряютъ. Когда фараонъ находится въ Мемфисѣ, тогда онъ обращается за совѣтомъ къ

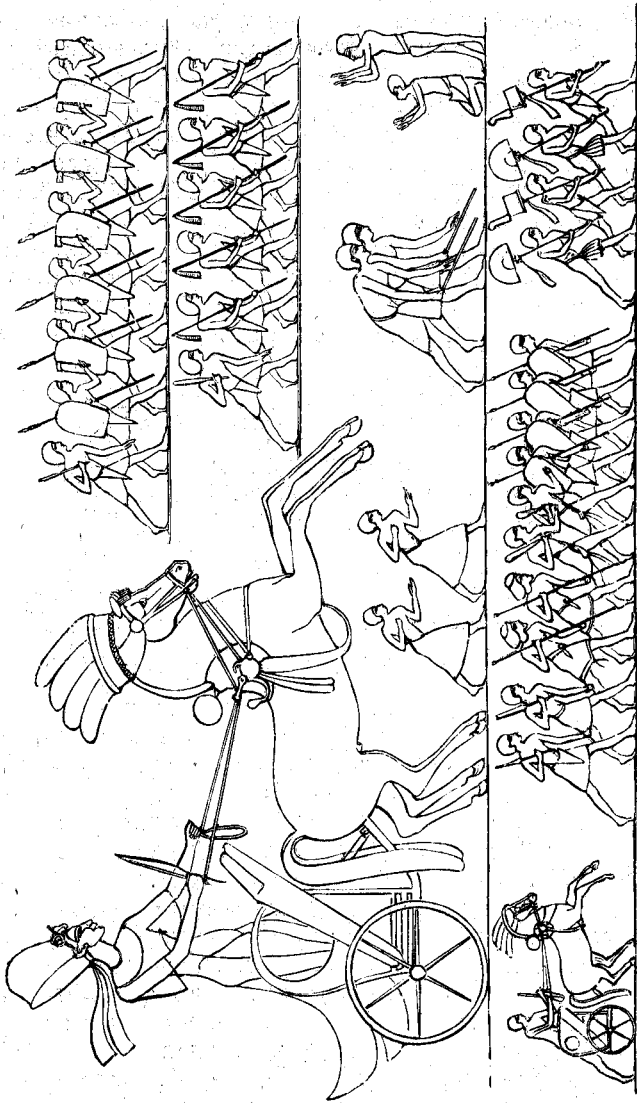

Рис. 31.—Фараонъ (Аменгопу IV) и его свита

Фта, а въ Оивахъ онъ совѣтуется съ Амономъ, и статуя Амона верховно рѣшаетъ наиважнѣйшіе вопросы.

Рамзесъ, прибывъ къ дому градоначальника, на минуту оста-

новился, послалъ сопровождавшаго его царедворца сказать: „Чтобы Цсару тотчасъ явился на совѣщаніе съ его величествомъ о сирійскихъ дѣлахъ“. Въ знакъ повиновенія Цсару низко наклоняется передъ посланнымъ, потомъ всходитъ на колесницу, которая случайно была уже заложена, и скоро догоняетъ кортежъ, направляющійся къ храму (рис 31). Два скорохода, бѣгущіе во всю прыть, криками и жестами очищаютъ дорогу отъ прохожихъ и заставляютъ ихъ строиться шпалерами вдоль стѣнъ, чтобы дать свободный проходъ царскому шествію. За ними идутъ взводами, съ офицерами во главѣ, десятка три солдатъ изъ разныхъ частей гвардіи, знаменосецъ и щитосецъ, булавоносцы, держащіе въ рукахъ длинные боевые цѣпы, копыеносцы, вооруженные пиками, сѣкирами и щитами, египетскіе союзники-варвары, которыхъ можно распознать по ихъ костюму и цвѣту кожи. Фараонъ слѣдуетъ за ними, одинъ на колесницѣ, на нѣкоторомъ разстояніи впереди ца-

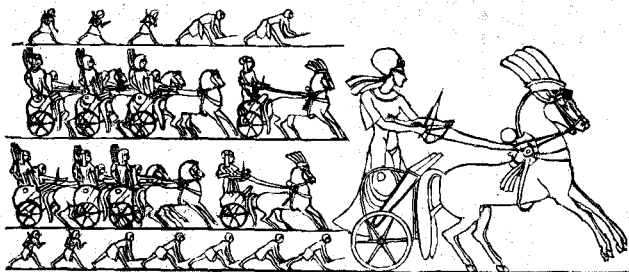

Рис 32.—Царица, позади фараона на своей колесницѣ.

рицы Изинофритари (рис. 32). Это еще молодая женщина, съ тонкими, правильными чертами, но уже увядшая и съ морщинами, виднѣющимися изъ-подъ бѣлилъ. Она, какъ и ея супругъ, въ длинномъ платьѣ, складки котораго отъ быстрой ѣзды развѣваются въ видѣ шлейфа. Свита, состоящая изъ князей и высшихъ сановниковъ, тянется въ строгомъ порядкѣ за царственной четой, непрерывно увеличиваясь новоприбывающими. Всѣ ѣдутъ съ вѣрами въ рукахъ, стоя на колесницахъ, управляемыхъ конюхами. Толпа привѣтствуетъ радостными возгласами фараона на всемъ пути его слѣдованія и силится отгадать причину, побудившую его выѣхать изъ дворца сегодняшнимъ утромъ. „Онъ отправляется принести жертву богинѣ Мутъ!—Онъ ѣдетъ освящать капище Хонсу!—Гонецъ прибылъ изъ Сири!—Гонецъ прискакалъ изъ Эѳіопіи“. А фараонъ продолжаетъ свое шествіе, не обращая вниманія на волненіе, возбужденное его появленіемъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ поворачиваетъ направо и вѣзжаетъ въ аллею, окаймленную сфинксами изъ песчаника, и храмъ Амона открывается передъ нимъ, господствуя своей громадою надъ окружающими домами.

ГЛАВА IV.

Амонъ, главный египетскій богъ.

Храмъ—жилище бога. — Исторія Амонова храма въ Фивахъ — Царь въ колонной залѣ.—Амонъ произноситъ приговоръ въ окончательной формѣ.—Тутмозу, начальникъ житницъ, и имѣнне бога.—Житница бога, подвергшаяся разграбленію.—Торжественное засѣданіе въ храмѣ.—Амонъ произноситъ приговоръ.—Гонецъ изъ Сиріи и депеша, написанная клинообразными письменами: война объявлена.—Приношеніе быка въ жертву.—Обрядъ жертвоприношенія и *хригаби*. — Амонъ общаетъ побѣду царю.

Храмъ — жилище бога, гдѣ онъ обитаетъ тѣломъ и душой. Прежде онъ состоялъ, какъ жилые дома у людей, изъ одной узкой, темной комнаты, покрытой вмѣсто террасы слегка выпуклою крышею, наклоненною спереди къзади. По сторонамъ входа, на двухъ высокихъ стѣпахъ, развѣвались флаги, чтобы издали привлекать вниманіе правоверныхъ; паперть, огороженная палисадами, выступала далеко впередъ предъ фасадомъ. Внутри разостланы цыновки, разставлены деревянные, каменные, металлическіе низенькіе столы, нѣсколько чашъ для вмѣщенія крови, вина, воды, жидкостей, которыя приносились въ жертву богу каждый день. По мѣрѣ увеличенія количества всякой провизіи, приносимой въ храмъ для жертвоприношеній, соответственно увеличивалось и число его комнатъ: комнаты, назначенныя для цвѣтовъ, матерій, дорогихъ вазъ, запасовъ, располагались около первоначальной залы: все, что въ началѣ составляло собственно храмъ, сдѣлалось главнымъ святилищемъ храма, таинственной скиніей верховнаго божества.

Не прошло еще и двухъ тысячъ лѣтъ, какъ Фивы вышли изъ своей неизвѣстности *). Ихъ первые великіе цари, Аменемгаиты и Узиртазены выстроили тутъ въ честь Амона довольно бѣдное зданіе изъ бѣлаго известняка и песчаника съ гранитными кося-

*) Надо припомнить, что рассказъ ведется въ началѣ царствованія Рамзеса II, въ половинѣ XIV ст. до нашей эры. Воцареніе XII династіи относится къ эпохѣ между 3200 и 3400 до Р. Х., а воцареніе I египетской династіи къ XI династіи, стало быть, двумя столѣтіями раньше.

ками: шестнадцатигранные столбы украшали его внутренность. Въ то время Амонъ былъ бѣднымъ провинціальнымъ богомъ, менѣе чтимымъ и менѣе популярнымъ, чѣмъ его сосѣди, Монту Гермонтійскій

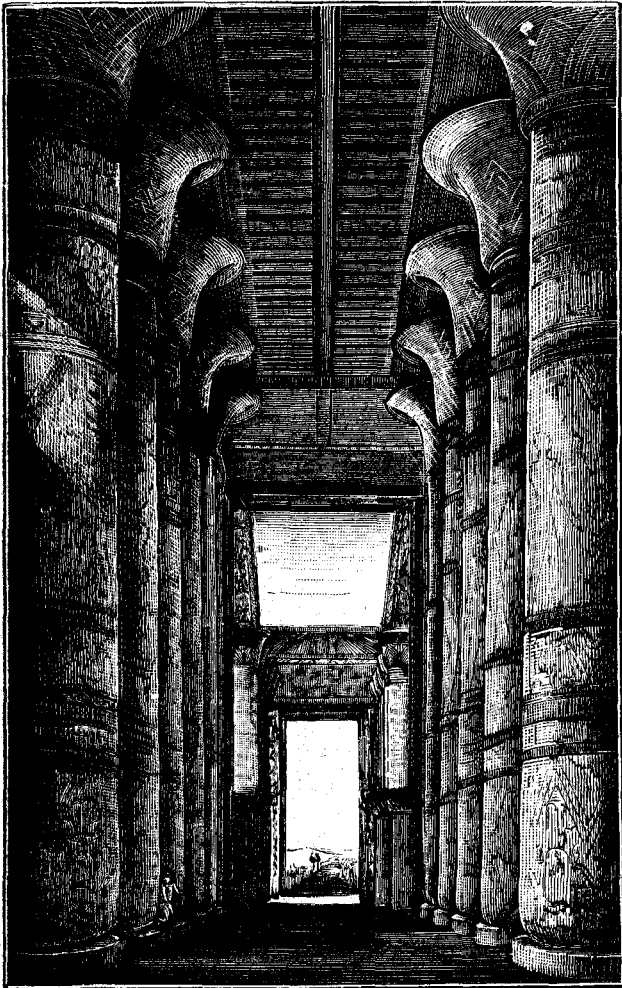

Рис. 33.—Входъ въ колонную залу Амонова храма въ Карнакъ.

или Мину Коптскій; его невзыскательной особѣ достаточно было и простого небольшого храма, а необширные имѣнія доставляли все необходимое для скромныхъ жертвоприношеній. Но съ вѣками его власть постепенно все возрастала, а когда фараоны XVIII ди-

насти выгнали гиксовъ и стали властвовать надъ міромъ безъ соперниковъ, Амонъ вдругъ приобрѣлъ верховенство надъ богами другихъ городовъ, какъ египетскихъ, такъ и чужеземныхъ, и прежняя его скромная храмина стала недостаточной, тѣсной, чтобы прилично вмѣщать его въ себѣ. Но съ первоначальной храминой было связано столько воспоминаній старинныхъ, что не рѣшились ее сломать, а окружили ее въ видѣ ограды новыми храмами, такъ что получился по размѣрамъ самый величественный памятникъ, изъ всѣхъ когда-либо виданныхъ. Тутмозу I воздвигъ впереди первоначальнаго фасада два зала, предшествуемые дворомъ и имѣющія по бокамъ рядъ отдѣльныхъ придѣловъ, капищъ, и затѣмъ три монументальнѣйшіе пилона, расположенные эшелонами одинъ позади другого и украшенные башнями. Тутмозу III выстроилъ громадныя зала къ западу. Аменготпу III къ пилонамъ Тутмозу I прибавилъ четвертый пилонъ, высоты и размѣровъ просто изумительныхъ. Наконецъ, Рамзесъ I и Сети I посвятили свои царствованія на постройку зала съ колоннами, которое замыкаетъ къ пилону Аменготпу III. Оно представляетъ пространство въ пятьдесятъ метровъ длины и сто ширины (рис. 33). Въ срединѣ его идетъ аллея изъ двѣнадцати высочайшихъ колоннъ, когда-либо строившихся внутри зданій, и заканчивающихся капиatelyю въ видѣ опрокинутаго колокола. По сторонамъ этого огромнаго зала расположены девятью косыми рядами сто двадцать двѣ колонны съ капиatelyю въ видѣ цвѣтка лотоса. Центральный промежутокъ потолка находится отъ земли на высотѣ двадцати трехъ метровъ, а карнизъ двухъ башенъ возвышается надъ потолкомъ еще около пятнадцати метровъ. Сети умеръ въ то время, когда украшенія стѣнъ только что были начаты, и Рамзесу II удастся привести къ благополучному концу это огромное предпріятіе развѣ только, если онъ проживетъ чуть не сто лѣтъ *).

Фараонъ былъ встрѣченъ у воротъ двумя жрецами, съ бритой головой и босыми ногами. Они пали передъ нимъ ницъ, когда онъ сходилъ съ колесницы, потомъ встали и, молча, ждали его приказаній. „Главный пророкъ Амона въ храмѣ?—Главный пророкъ Амона въ храмѣ.—Скажите, чтобы онъ тотчасъ явился ко мнѣ.—Онъ не можетъ тотчасъ придти: Амонъ произноситъ сегодня свой торжественный приговоръ по дѣлу царскаго скрибы, начальника надъ житницами Тутмозу, и главный жрецъ предстоить въ эту минуту передъ святилищемъ этого бога“. Фараонъ разсѣянно заглянулъ въ дверь и увидаль, что срединная часть гипостилиа (пространство между центральными колоннами) на-половину занята неподвижной толпой; совсѣмъ въ глубинѣ видѣлись черезъ ея

*) Рамзесъ II и въ самомъ дѣлѣ умеръ почти столѣтнимъ старцемъ на шестьдесятъ седьмомъ году своего царствованія.

головы три священные ковчега, освѣщенные широкимъ солнечнымъ лучомъ, падающимъ косвенно съ потолка. Старѣйшій изъ жрецовъ прибавляетъ, что обрядъ близится къ концу: главный пророкъ будетъ свободенъ, самое позднее, черезъ полчаса. Фараонъ переступилъ порогъ и тотчасъ же свернулъ вмѣстѣ съ царицей въ лѣвый придѣлъ храма. Прислужники храма тотчасъ принесли ему просторное рѣзное, позолоченное кресло, обитое подушками съ пестрымъ узоромъ, на высокихъ ножкахъ, и снаб-

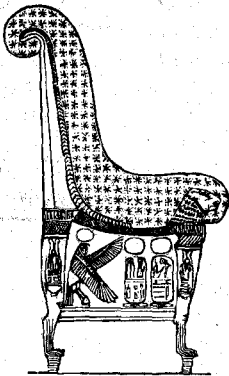

Рис. 34. — Царскій тронъ.

женное скамеечкой для ногъ (рис. 34): онъ сѣлъ на него, и царица Изинофритари сѣла рядомъ съ нимъ. Большинство конвоя, солдаты и гонцы, остались внѣ храма и охраняли колесницы; князья и сановники вошли слѣдомъ за царемъ и расположились между колоннами, стоя позади него, въ рядѣхъ, который предписывалъ этикетъ. Тишина, нарушенная на минуту прибытіемъ кортежа, стала еще торжественнѣе: фараонъ, удалившійся въ глубину залы и отдѣленный отъ толпы тѣсными рядами колоннъ, могъ считать себя совершенно уединеннымъ въ домѣ своего отца Амона, если бы эхо времени отъ времени не доносило до его слуха отрывковъ мелодическихъ религиозныхъ напѣвовъ и легкаго шума, производимаго опахаломъ-мухогонкой.

Бываютъ случаи, когда богамъ приходится судить дѣла, касающіяся вопросовъ чисто религіознаго характера. Случается, что какой-нибудь теологъ, путемъ размышленій о сущности божества, доходитъ до понятій, противорѣчащихъ установленнымъ догматамъ; и, если онъ рѣшится ихъ высказать, а въ особенности, если на свою бѣду найдетъ послѣдователей, тогда жреческая коллегія, къ которой онъ принадлежитъ, приказываетъ ему предстать передъ статуей бога, который отлучаетъ его и даже иногда приговариваетъ къ смерти черезъ сожженіе. Случай скрибы Тутмозу не касается ереси: ни одинъ пунктъ вѣрученія въ его дѣлѣ не замѣшанъ, и обвиняемый никогда не обнаруживалъ никакого намѣренія измѣнить что-бы то ни было въ установленныхъ обрядахъ богослуженія. Кромѣ того, такъ какъ онъ жрецъ, и притомъ высшаго ранга, то надо думать, что онъ силенъ въ теологіи; но дѣло въ томъ, что онъ въ то же время *начальникъ Амоновыхъ житницъ*, и по этой должности онъ и призванъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Боги, дѣйствительно, вмѣстѣ съ тѣмъ крупныя землевладѣльцы, они обладаютъ помѣстьями и содержатъ для управленія послѣд-

ними большой штатъ прислуги. Приходится расширять ихъ храмы, чинить пришедшіе въ ветхость и содержать ихъ въ исправности, какъ это дѣлается съ царскими дворцами. Ихъ статуи нуждаются въ мебели, одеждѣ, драгоценностяхъ, а двойники, находящіеся въ нихъ, могутъ существовать только при непремѣнномъ условіи доставленія имъ каждый день пищи для ихъ питанія. Кромѣ того, при нихъ находятся слуги, жрецы, которымъ также необходимо обезпечить по крайней мѣрѣ содержаніе и удобства, если не богатство. Поэтому при открытіи каждаго новаго храма для удовлетворенія этихъ потребностей отводится земля, храмы снабжаются домашнимъ скотомъ, невольниками для работъ и различными другими доходами,—все это и составляетъ личное имѣніе боговъ, за которое они отплачиваютъ заступничествомъ и молитвами и постоянными жертвоприношеніями въ память жертвователей. Разъ подобное достояніе создалось, оно становится по закону неотчуждаемымъ и постоянно увеличивается новыми имуществами, переходящими по завѣщанію, добровольными дарами и пожертвованіями. Скопляясь постепеннымъ присоединеніемъ къ старымъ имуществамъ новыхъ, дома къ дому, поля къ полю, доходовъ къ доходамъ, такіа неотчуждаемая имущества, — приношенія богу, *Готпу нутиръ*, какъ ихъ называютъ, — поглотили бы, наконецъ, всю территорію и все движимыя богатства Египта, если бы царь или феодальные владѣтели время отъ времени не конфисковали нѣкоторой части ихъ, пользуясь гражданскими междоусобіями и нашествіями иноземцевъ.

Съ воцареніемъ XVIII династіи Амонъ воспользовался болѣе, чѣмъ все другіе боги, можетъ быть, даже больше самого фараона побѣдами, одержанными египтянами надъ народами Сиріи и Эіоціи. При каждомъ успѣхѣ на его долю всегда выпадала значительная часть добычи, подобранной на полѣ битвы, контрибуцій, наложенныхъ на побѣжденнаго врага, плѣнныхъ, обращенныхъ въ невольниковъ. Въ Оивахъ ему принадлежатъ сотни домовъ и сотни садовъ, а въ остальномъ Египтѣ—многочисленные поля и луга, лѣса, звѣриныя и рыбныя ловли; въ Эіоціи и оазисахъ Ливійской пустыни—колоніи, а въ глубинѣ Ханаана—вассальные города, сборы съ которыхъ фараонъ принесть ему въ даръ. Управление этими имѣніями требуетъ такого множества всевозможныхъ служащихъ и конторъ, какое нужно для иного цѣлаго царства. Оно состоитъ изъ многочисленныхъ управителей, завѣдующихъ земледѣліемъ, скотоводствомъ и разведеніемъ домашнихъ птицъ; около двадцати казначеевъ для золота, серебра, мѣди, вазъ и дорогихъ тканей, надсмотрщиковъ надъ мастерскими и фабриками, инженеровъ, архитекторовъ, судовщиковъ, чиновъ флота и арміи, которые часто сражаются рядомъ съ флотомъ и арміей фараона. Однимъ словомъ, это настоящее государство въ государствѣ.

Тутмозу считается однимъ изъ важнѣйшихъ между этими управителями. Онъ завѣдуетъ двойными житницами Амона въ Оивахъ, и вся пшеница, весь ячмень, все просо, весь зерновой хлѣбъ, который богъ собираетъ самъ или получаетъ въ видѣ податей съ подданныхъ, непременно проходитъ черезъ его руки. Житницы, куда онъ ссыпаетъ весь этотъ хлѣбъ, представляютъ большія зданія изъ кирпича, внутри разгороженные на многочисленныя высокія, узкія, со сводами засѣки, расположенныя другъ возлѣ друга, но между собой не сообщающіяся (рис. 35). Каждая засѣка имѣетъ два отверстія, одно вверху, черезъ которое сыпается хлѣбъ, другое—вровень съ поломъ, черезъ которое берется хлѣбъ. Хлѣбъ, сыпанный въ кучи на дворѣ около житницъ, мѣрится приставленными присяжными пріемщиками подъ присмот-

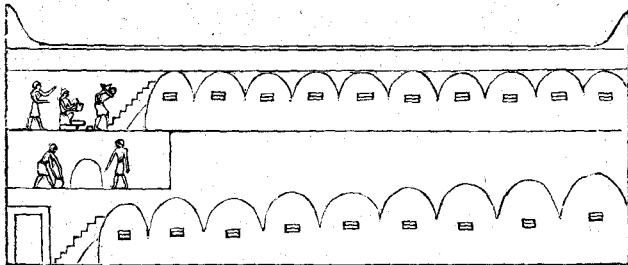

Рис. 35.—Житницы: запись ссыпаемаго хлѣба.

ромъ одного стражника: особый служитель выкрикиваетъ каждую принятую мѣру, а сcribe ее записываетъ на свои таблички. Когда вся куча перемѣрена, рабочіе носятъ хлѣбъ въ плетенкахъ и ссыпаютъ его подъ присмотромъ амбарнаго смотрителя въ засѣку: иногда для этого къ верхнему отверстию каждой засѣки приставляется подвижная лѣстница; иногда же вдоль засѣкъ наверху идетъ общій помостъ, дающій доступъ ко всѣмъ отверстиямъ, и къ нему ведетъ кирпичная лѣстница. Тутмозу знаетъ въ подробности, сколько вмѣщаетъ каждая житница, какое количество въ нихъ поступило, и какое ежедневно забиралось, сколько хлѣба далъ урожай въ текущемъ году, и какое количество его остается въ запасъ отъ прежнихъ урожаевъ. Слѣдовательно, по безчестности или просто по небрежности, онъ можетъ ввести бога въ большіе убытки или причинить огромный недочетъ въ его доходахъ такъ, что сразу этого можно и не замѣтить.

До послѣдняго времени онъ ни разу не подавалъ повода усумниться въ его честности, и вся его жизнь была безупречна; но въ прошломъ году стали ходить на его счетъ неблагоприятныя слухи: будто бы произошли странныя упуцненія въ его вѣдом-

ствѣ, да и теперь еще совершаются. Говорили о подлогахъ при приѣмѣ и выдачѣ зерна, о фальшивыхъ мѣрахъ, о невѣрныхъ цифрахъ въ записяхъ, о кражахъ, совершаемыхъ въ амбарахъ съ такимъ нахальствомъ, что воры, пока еще не открыты, считаютъ себя должно быть въ полнѣйшей безопасности, благодаря если не дѣятельному сообщничеству, то по крайней мѣрѣ молчаливому потворству со стороны казенныхъ амбарныхъ смотрителей. Въ такой-то житницѣ содержалось двѣ тысячи четвериковъ проса (*Holcus sorghicus*), когда ее заперали, а когда открыли спустя три мѣсяца, оказалось всего только тысяча двѣсти четвериковъ, и никто не могъ объяснить, куда дѣвалось недостающее количество. Низшіе служащіе ничего подозрительнаго не замѣчали и увѣряютъ, что рѣшительно не понимаютъ, какъ все это вышло; сваливая отвѣтственность одинъ на другого, прямо они никого не обвиняютъ, однакожь намекаютъ, что виновниковъ надо искать повыше, если въ самомъ дѣлѣ желаютъ ихъ открыть. Неопредѣленные сначала подозрѣнія вскорѣ стали падать на Тутмозу и притомъ съ такою настойчивостью, что главный пророкъ рѣшился, наконецъ, представить это дѣло на судъ Амона.

Статуи-оракулы боговъ обыкновенно хранятся въ глубинѣ святилища. Когда же приходится выносить ихъ оттуда во время торжественныхъ праздниковъ для совершенія съ ними пышныхъ процессій вокругъ храма или по городу, это дѣлается не иначе, какъ смиренно испросивъ у нихъ соизволеніе на это. Если статуя одобряетъ просьбу наклоненіемъ головы, тогда снимаютъ ковчегъ, въ которомъ она хранится, и шествіе совершается; если же она остается неподвижною, — заключаютъ, что она не хочетъ показываться, и тогда ее спрашиваютъ о причинѣ, лишающей народъ ея присутствія. Въ день египетскаго праздника статуя Амона отказалась выйти. Приписали ей недовольство тѣмъ плутнямъ и хищеніямъ въ житницахъ, жертвою которыхъ она сдѣлалась, и Тутмозу былъ привлеченъ къ суду. Окажись онъ по суду виновнымъ, ему или отрубили бы голову, или, по меньшей мѣрѣ, подвергли бы его заключенію въ тюрьмѣ и отобрали у него имущество. Однакожь слѣдствіе, произведенное со всею строгостью и безпристрастіемъ, выяснило, что ему себя не въ чемъ упрекнуть. Оказалось, что десятка два скрибъ и амбарныхъ надзирателей сговорились сначала утаить только нѣсколько мѣръ хлѣба, который они и подѣлили между собой, а потомъ, ободренные безнаказанностью, они опростали на половину находящіяся въ ихъ завѣдovanіи житницы. Увлечшись слишкомъ далеко въ своей алчности и сообразивши, что рано или поздно плутни ихъ откроются, они и попытались отвести отъ себя грозу, набросивъ подозрѣніе на своего начальника. Тутмозу, по суду, былъ признанъ невиновнымъ, и богъ, который вызвалъ этотъ процессъ, назначилъ сегодняшній день для публичнаго объявленія своего приговора.

И вот сегодня утромъ главный пророкъ Бакнихонсу, босой, съ бритой головой и крестообразной бѣлой перевязью на груди, прошелъ съ Тутмозу прямо въ святилище храма и остановился на *серебряномъ полѣ* передъ Амоновымъ ковчегомъ. Египетскіе боги соображаютъ свой образъ жизни съ характеромъ страны, въ которой они обитаютъ. Ковчегомъ, въ которомъ пребываютъ боги, служатъ всегда ладья. Это—настоящая лодка съ приподнятыми концами, довольно прочно построенная, чтобы, въ случаѣ надобности, она могла держаться на водѣ. Ее нѣсколько разъ въ году спускаютъ въ священный прудъ при храмѣ во время совершенія нѣкоторыхъ таинственныхъ обрядовъ, понятныхъ однимъ только жрецамъ. На кормѣ и на носу Амонова ковчега находится украшенная солнечнымъ дискомъ голова овна въ широкомъ и кругломъ ожерельѣ (рис. 36).

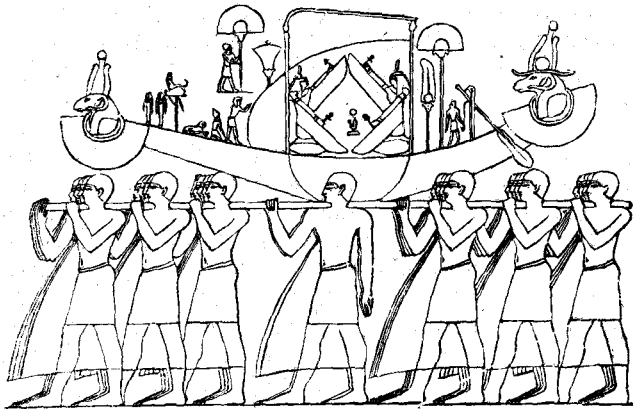

Рис. 36.—Ковчегъ Амона, несомый его жрецами.

Ладья ставится на носилки, которые въ свою очередь помѣщаются на широкую, квадратную, богато украшенную подставку. Въ серединѣ ладьи устроена довольно высокая каюта, то, что называется собственно ковчегомъ (*наосъ*), которая служитъ обычнымъ жилищемъ статуи-оракула. Длинная бѣлая занавѣсъ, укрѣпленная сзади, спускается съ обѣихъ сторонъ *наоса* и на половину скрываетъ его. Сфинксъ съ человѣческой головой на подставкѣ охраняетъ носъ ладьи; человѣческая статуэтка въ стоячемъ положеніи править рулевыми веслами; другія статуэтки, или колѣнопреклоненныя, или стоящія въ различныхъ позахъ, представляютъ царя, воздающаго поклоненіе и почести своему божественному отцу.

Бакнихонсу съ благоговѣніемъ отворяетъ дверцы *наоса*, и статуя, вся вызолоченная, съ черными бородой и волосами, съ эмалевыми блестящими въ темнотѣ глазами, показывается въ глубинѣ

ковчега. Затѣмъ онъ сжигаетъ нѣсколько кусочковъ ладона, беретъ два запечатанные свитка изъ папируса, кладетъ ихъ на руки идола и громкимъ, отчетливымъ голосомъ произноситъ: „Амонра, мой добрый повелитель! Вотъ я кладу передъ тобой двѣ книги. Одна говоритъ, что надо судить скрибу Тутмозу, и что онъ виновенъ; другая, что не надо судить скрибу Тутмозу, и что онъ не виновенъ. Ты можешь отличить добро отъ зла: рѣши по справедливости“. Богъ сдѣлалъ знакъ, что онъ согласенъ—и взявъ свитокъ, на которомъ написано: „Да не судятъ Тутмозу, сына Суаамона, ибо онъ не виновенъ“. Главный пророкъ продолжаетъ: „Слѣдовательно, скриба Тутмозу снискалъ милость передъ Амонра, моимъ повелителемъ. Мой милосердный господь богъ, соизволь также, чтобы онъ не погибъ отъ меча, чтобы не былъ вверженъ въ темницу и чтобы не былъ наказанъ отобраніемъ у него имущества“ — богъ одобряетъ — „Повели, чтобы онъ былъ возстановленъ въ своемъ достоинствѣ, и чтобы ему была возвращена должность *главнаго правителя житницы*“. И богъ снова одобрилъ. Тотчасъ послѣ произнесенія этого приговора человѣкъ пятнадцать жрецовъ поднимаютъ ковчегъ и, возложивъ его на плечи, несутъ черезъ залы и дворы храма до входа колонной залы, гдѣ къ нему присоединяются ковчеги богини Муть и бога-младенца Хонсу. Церемонія снова начинается въ присутствіи толпы. Богъ, снова спрошенный, снова провозглашаетъ невиновность Тутмозу и объявляетъ его возстановленнымъ въ прежнихъ должностяхъ. „А ежели какой-нибудь человѣкъ, кто-бы онъ ни былъ, скажетъ Тутмозу, сыну Суаамона: „Это не справедливо, что ты занимаешь должность при Амонра“, главный пророкъ Амонра, царя боговъ, великаго бога, предсуществовавшего всякой вещи, повелитъ тому человѣку явиться въ судилище передъ богомъ, ибо самъ богъ возстановилъ Тутмозу въ его достоинствѣ въ то время, когда возсѣдалъ и судилъ его съ высоты своего трона въ храмѣ!“ Съ этихъ поръ Тутмозу становится внѣ опасности отъ преслѣдованія: всякій, кто вздумалъ бы упрекнуть его прошлымъ, подвергается гнѣву бога *).

Затѣмъ всѣ три ковчега медленно двинулись и удалились въ свои мрачныя комнаты; толпа разошлась безъ шума, и Бакни-хонсу спѣшить пасть къ ногамъ фараона. Вся жизнь Бакни-хонсу протекла въ храмѣ, гдѣ теперь онъ распоряжается какъ полный хозяинъ: жрецъ — въ шестнадцать лѣтъ, *божій отецъ* **)—въ двадцать, третій пророкъ—въ тридцать два, вто-

*) Длинная надпись, въ которой разсказывается объ этомъ процессѣ, мѣстами такъ повреждена, что ея смыслъ не всегда ясенъ; я сократилъ подробности въ ней и старался сохранить въ разсказѣ только факты, почти достоверные.

**) Титулъ божьяго отца означалъ, какъ видно, одну изъ низшихъ степеней жреческой іерархіи въ храмѣ Амона; неизвѣстно, въ чемъ состояли обязанности этого сана.

рой—въ сорокъ семь; Рамзесъ его возвелъ въ санъ перваго пророка спустя нѣсколько мѣсяцевъ по своемъ восшествіи на тронъ. Первосвященство Амона, по общему отзыву, самый важный санъ изъ трехъ высшихъ жреческихъ должностей въ Египтѣ. Первосвященства Ра въ Гелиополисѣ и Фта въ Мемфисѣ долго пользовались первенствомъ передъ нимъ: теперь же, въ свою очередь, египетское получило первенствующее значеніе надъ ними и проявляетъ свою почти безграничную власть на всю страну. Рамзесъ поднимаетъ Бакнихонсу и объясняетъ ему причину своего визита. Не успѣвъ онъ договорить, какъ вдругъ одинъ офицеръ, запыхавшись, вбѣгаетъ въ храмъ и докладываетъ: „Гонецъ изъ Сиріи только-что прибылъ и ожидаетъ у двери соизволенія представиться его величеству“.

Едва гонецъ былъ введенъ, какъ фараонъ, не давъ ему времени пасть передъ собой ницъ, какъ этого требовалъ этикетъ, спрашиваетъ его: „Кто ты?—Я посланный князя Магеддо и являюсь отъ него съ посланіемъ къ Вашему Величеству“. Это была плитка изъ обожженной глины, довольно толстая, исписанная съ обѣихъ сторонъ. Фараонъ съ дѣтства знаетъ арамейскій языкъ, какъ и большинство египтянъ изъ хорошихъ семействъ, но не можетъ читать бѣгло клинообразныя письма. Переводчикъ сирійскихъ языковъ выступаетъ изъ рядовъ свиты, беретъ изъ рукъ посланца письмо и читаетъ его въ слухъ: „Царю, моему повелителю, моему солнцу, я Абдададъ, твой слуга, говорю такъ: Хитизару, побѣжденный начальникъ подлыхъ Хити, нарушилъ миръ и дружбу, которые его предки заключили съ твоими предками. Онъ забылъ власть боговъ, твоихъ повелителей; собралъ своихъ военачальниковъ, пѣхотинцевъ, военные колесницы и идетъ противъ правителей и царей, которыхъ ты поставилъ по всей странѣ, чтобы тебѣ платили дань и воздавали почести твоему величеству. Онъ двинулся на нихъ, перебилъ ихъ воиновъ, забралъ ихъ стада и увелъ ихъ женъ и дѣтей въ плѣнъ. Итакъ, я подослалъ шпионовъ въ его станъ, сказавъ имъ: подите и посмотрите, что дѣлается у подлago Хити. И вотъ они нашли его расположившимся около Кодшу, отнятаго у побѣжденнаго вoждя Амауру, его самого и его нечестивыхъ союзниковъ съ нимъ. И да будетъ вѣдомо тебѣ, мой повелитель царь, мое солнце, что князья Жиргашу, Мушанитъ, Араду, Иліона, Педазоса, Мизіи, Ликіи съ нимъ заодно, а также и вся Нагаранна. Да соблаговолитъ мой повелитель царь, мое солнце, какъ можно скорѣе прислать своихъ стрѣлковъ изъ лука, свои военные колесницы: если онъ промедлитъ—я погибъ“ *). Тутъ не время ужъ было спрашивать бога, надо ли объявить войну, или нѣтъ: война уже

*) Письмо князя Магеддо составлено по образцу аналогичныхъ писемъ, найденныхъ въ Тель-ель-Амарна.

началась, и фараону оставалось только отправиться къ арміи. Онъ призываетъ Исару, приказываетъ ему принять надлежащія мѣры, чтобы привести на военное положеніе подлежащія набору войска въ Өивахъ и Саидѣ, посылаетъ гонцовъ къ намѣстнику Өеіопіи съ извѣщеніемъ о своемъ отъѣздѣ, потомъ встаетъ и идетъ въ храмъ, гдѣ уже все было готово къ жертвоприношенію.

Предварительные обряды быстро слѣдовали одинъ за другимъ по обычному порядку. Статуя Амона поставлена передъ святилищемъ лицомъ къ народу. Фараонъ ее одѣваетъ и изливаетъ на нея благовонія, послѣдовательно приноситъ ей пять зеренъ южнаго ладону, пять крушинокъ сѣверныхъ квасцовъ, четыре чаши красной воды, четыре обыкновенной (рис. 37). Число четыре не случайно преобладаетъ въ религіозныхъ обрядахъ. Міръ дѣлится на четыре области, или вѣрнѣе, употребляя технической терминъ, на четыре дома, которые соотвѣтствуютъ нашимъ четыремъ странамъ свѣта и находятся подъ покровительствомъ четырехъ различныхъ божествъ. Фараонъ долженъ воздавать имъ одинаковыя почести: поэтому онъ четыре раза обходитъ статую и каждый разъ приноситъ одну изъ четырехъ частей жертвоприношенія по очереди каждому дому, или странѣ свѣта, порознь.

Совершивъ возліаніе водою, онъ быстро выходитъ во дворъ, находящійся передъ старымъ зданіемъ Аменемгаитъ, и тамъ одинъ изъ жрецовъ подноситъ ему длинный сплетенный изъ ремней арканъ; старшій сынъ фараона, Амонгихоншувъ, становится за нимъ. Обрядъ жертвоприношенія прежде былъ обѣдомъ, который дающій его, царь, князь или частное лицо,

долженъ былъ самъ и приготовить и собственноручно поднести богу. Обыкновенно приносящій жертву отправлялся въ луга, ловилъ тамъ арканомъ быка, пасущагося въ полудикомъ состояніи, затѣмъ цугалъ его, снималъ съ него шкуру, сжигалъ кусочекъ мяса передъ идоломъ, а остальное раздавалъ присутствующимъ съ прибавленіемъ избытка количества пироговъ, плодовъ, овощей и вина. Богъ, тѣлесно и съ своимъ двойникомъ, присутствовалъ тутъ же, дозволяя себя одѣвать и окуривать благовоніями, ѣлъ и

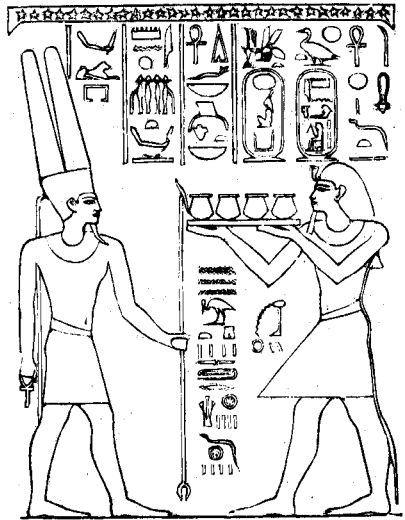

Рис. 37. Приношеніе красной воды богу Амону.

пить все лучшее и вкусное, подаваемое ему на столъ. Собственно приношеніе ладону и воды въ началѣ обряда служило какъ бы для того, чтобы приготовить статую-оракуль къ пиршеству, какъ это дѣлается съ гостемъ, которому предлагается вымыться и умаститься благовонными эссенціями передъ пиромъ. Послѣ этой предварительной обрядности царь могъ отправиться на поимку жертвы (быка).

Время мало-по-малу смягчило строгость первоначального обряда: поимка быка и самое пиршество, вначалѣ происходившія на са-

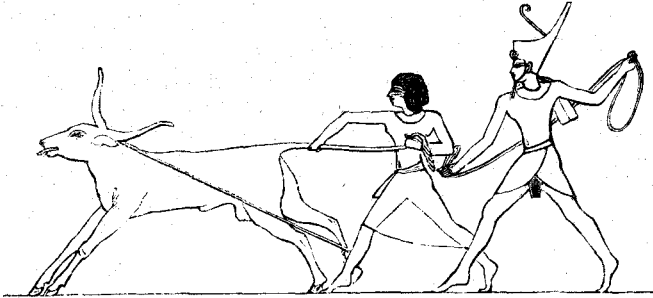

Рис. 38. Фараонъ набрасываетъ арканъ на жертвеннаго быка.

момъ дѣлѣ какъ описано выше, въ послѣдствіи превратились только въ ихъ подобія. Правда, Рамзесъ не былъ освобожденъ отъ поимки животнаго; но его все-таки освободили отъ неприятной необходимости лично идти ловить быка на пастбищѣ, гдѣ онъ могъ легко подвергнуться нападенію со стороны быка или упустить его.

Рис. 39. Жрецы опрокидываютъ быка, пойманнаго царемъ.

Главное жертвоприношеніе, то, которое совершается при торжественныхъ случаяхъ, должно состоять, по настоящему, изъ четырехъ жертвъ; но изъ экономіи число быковъ обыкновенно низводится до двухъ, даже до одного, и тогда его называютъ: *Быкъ Юга*. Служители храма приводятъ его на привязи въ означенное мѣсто и, привязавъ правый рогъ животнаго къ правой задней его ногѣ, слегка закидываютъ ему голову назадъ и перебрасываютъ веревку черезъ лѣвое плечо его, чтобы онъ не могъ свободно дви-

гать шеей и не могъ ударить рогами. Затѣмъ они подгоняютъ быка, и, когда онъ побѣжитъ, наслѣдный принцъ хватаетъ его обѣими руками за хвостъ, а Рамзесъ накидываетъ арканъ на рога (рис. 38). Быкъ, смущенный такимъ нападеніемъ и не понимая, что съ нимъ дѣлаютъ, останавливается, и въ этотъ моментъ жрецы бросаются на него, валятъ его и связываютъ всѣ четыре ноги вмѣстѣ (рис. 39).

Фараонъ той порой вооружился длинной прямой палкой безъ всякаго украшенія и небольшою дубинкой съ бѣлымъ каменнымъ набалдашиникомъ, напоминающей палицу, которой предки его убивали свою добычу. Когда жертва готова, онъ замахивается на нее дубиной, какъ бы намѣреваясь ударить ее (рис. 40). Въ этотъ моментъ жрецъ-рѣзникъ перерѣзываетъ быку горло отъ одного уха до другого. Одинъ изъ помощниковъ подставляетъ мѣдный тазъ, чтобы собрать кровь, и еще горячую подноситъ ее статуѣ. Другіе вырѣзываютъ особенными рѣзачами жертвенныя части животнаго: сердце, печень, селезенку, бедренныя части (фиг. 41). Третьи, наконецъ, проворно относятъ эти куски фараону (42). По мѣрѣ того, какъ ему приносятъ, онъ ихъ подноситъ богу, потомъ все складываетъ на полу въ кучу съ хлѣбами, пирогами, плодами и овощами всякаго сорта: Амону остается только самому выбирать изъ этого изобилія яства, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ его вкусу и аппетиту.

Это только главныя черты церемоніи: каждый ея актъ сопровождается особыми движеніями, жестами и словами, которые боги сами удостоили установить во всѣхъ подробностяхъ. Прежде всего

Рис. 40. Царь даетъ знакъ убить животное.

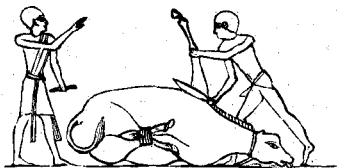

Рис. 41. Рѣзаніе быка на части.

Рис. 42. Жрецы подносятъ фараону части жертвы.

они требуютъ внѣшней чистоты. Совершающій обрядъ, кто бы онъ ни былъ, долженъ совершить омовеніе (*уабу*), старательно вымыть себѣ лицо, ротъ, руки, тѣло, и это очищеніе до такой степени считается необходимымъ, что жрецъ самое имя свое заимствуетъ отъ слова: *уибу*, вымытый, чистый. Одяніе и головной уборъ измѣняются по характеру совершаемаго обряда, часто даже они

мѣняются нѣсколько разъ въ продолженіе одного и того же обряда. Одному обряду жертвоприношенія или извѣстному моменту его приличествуютъ сандалии съ загнутыми вверхъ острыми носками, барсовая шкура на плечѣ, густая коса, ниспадающая на правое ухо; другой обрядъ требуетъ, чтобы совершающій его опоясался передникомъ съ хвостомъ шакала и разулся передъ началомъ его отправленія, или подвязалъ накладную бороду. Порода, цвѣтъ шерсти, возрастъ жертвы, способъ ея приведенія, потомъ спутыванія ея членовъ, приемы и самая послѣдовательность ихъ при убоѣ, порядокъ которому слѣдуютъ при разсѣканіи туши на части— все это до мелочей предусмотрено и должно быть ненарушимо исполнено по уставу.

Да это еще не самыя трудныя и легче всего исполнимыя требованія бога. Формулы, которыми сопровождается каждая изъ жреческихъ манипуляцій, заключаютъ въ себѣ определенное число словъ, порядокъ и сочетаніе которыхъ не могутъ быть измѣнены ни въ какомъ случаѣ даже самимъ богомъ, подъ опасеніемъ лишить ихъ силы. Онѣ произносятся на расиѣвъ постоянно одинаковымъ размѣромъ; каждый тонъ этого напѣва обладаетъ своей особенной силой и сопровождается жестами, соответствующими его смыслу и производящими неотразимое дѣйствіе на бога: одна фальшивая нота, несогласіе между послѣдовательностію жестовъ и произнесеніемъ таинственныхъ словъ, нерѣшительность или неловкость въ исполненіи всего одного обряда,— и все жертвоприношеніе теряетъ свою силу. Обрядъ богослуженія, стало быть, есть какъ бы юридическое дѣйствіе, въ продолженіе котораго богъ уступаетъ часть своей воли въ обмѣнъ на нѣкоторыя вознагражденія натурою, стоимость и качества которыхъ установлены закономъ. Рамзесъ торжественно передаетъ своему отцу Амону пироги, хлѣбъ, части быка, плоды, которыми онъ надѣется расположить его внять своей просьбѣ и милостиво исполнить ее. Если онъ въ точности исполнитъ многочисленныя условія, которыми обставлено это приношеніе, Амонъ не можетъ уклониться отъ обязанности внять его молитвѣ и даровать ему побѣду надъ Хити; если же онъ упуститъ одно изъ нихъ, хотя бы самое незначительное, дары остаются приобрѣтеніемъ храма, но Амонъ ему ничѣмъ не обязанъ.

Священнодѣйствующій, будетъ ли это царь, или простой смертный, беретъ на себя, слѣдовательно, страшную отвѣтственность; затменіе памяти или невольная нечистоплотность дѣлаютъ его непригоднымъ жрецомъ, который только приноситъ вредъ тѣмъ, кто ввѣряетъ ему хлопотать о своихъ интересахъ передъ богами. Такъ какъ невозможно требовать совершенства въ знаніи обрядности отъ государя, безпрестанно отвлекаемаго государственными дѣлами, то во избѣжаніе съ его стороны ошибокъ, которыя могли

бы сдѣлать недѣйствительными и самыя жертвоприношенія, ему назначается въ помощь особый церемоніймейстеръ, *хри-габи* (человѣкъ со свиткомъ). Хри-габи командуетъ ему, какія надо совершить дѣйствія вокругъ статуи, что надо дѣлать съ приносимыми частями жертвы, указываетъ ему послѣдовательность жестовъ и перемѣну костюмовъ, по мѣрѣ надобности подсказываетъ слова каждаго воззванія къ богу по книгѣ, которую онъ держитъ въ рукахъ, и произноситъ за него большую часть обычныхъ молитвъ. Когда царь священнодѣйствуетъ, обыкновенно старшій изъ его дѣтей исполняетъ при немъ должность церемоніймейстера. Амонгхошпуфъ, съ барсовой шкурой на плечахъ, съ косою, свѣшивающеюся на ухо, вытянувши правую руку впередъ, читаетъ на распѣвъ *Сутонъ ди готпу* надъ грудой приношеній, нагроможденныхъ передъ Амономъ, тогда какъ Рамзесъ сожигаетъ омиамъ и совершаетъ послѣднее возліаніе.

Амонъ благосклонно принялъ дары отъ своего сына: „Иди съ миромъ, добрый богъ, повелитель двухъ Египтовъ, Узирмари-сотпунри, ибо я дарю тебѣ силу быть могущественнѣе всѣхъ чужеземныхъ государей и вселить ужасъ въ сердца варваровъ“. Войны происходятъ не между царями только или народами, а и между богами. Каждый разъ, когда фараонъ отправляется къ своей арміи, онъ побѣждаетъ враговъ только въ томъ случаѣ, если Амонъ принимаетъ участіе въ его предпріятіи; если бы Амонъ не помогъ ему лично, иноземные боги легко одолѣли бы его, и египтяне потерпѣли бы пораженіе. Амонъ присутствуетъ на поляхъ битвъ: его десница покрываетъ царя, отклоняетъ отъ него вражескія стрѣлы, управляетъ колесницей въ разгарѣ свалки, разсѣваетъ и истребляетъ вражескія полчища. „Я пришелъ, о мой сынъ! И я дозволяю тебѣ разбить на-голову князей страны Цаги, я повергну ихъ подъ твои стопы по всей ихъ странѣ: я явлю имъ твое величіе въ образѣ повелителя лучезарнаго свѣта, и тогда ты засіяешь надъ ихъ головами, какъ мое изображеніе—солнце.—Я пришелъ, я дозволяю тебѣ разбить на-голову азіатскихъ варваровъ, привести въ плѣнъ начальниковъ народовъ Рутону *); я явлю твое величіе передъ ними изукрашеннымъ твоими бранными доспѣхами, на колесницѣ, когда ты берешь въ руки оружіе.—Я пришелъ, я дозволяю тебѣ поразить восточную страну; Финикія и Кипръ въ ужасѣ предъ тобою: я явлю твое величіе передъ ними въ видѣ молодого быка, непоколебимаго сердцемъ и снабженнаго рогами, которому невозможно сопротивляться.—Я пришелъ, я дозволяю тебѣ сокрушить народы, обитающіе въ своихъ гаваняхъ, и страны Митани трепещутъ отъ страха предъ

*) Совокупность разныхъ народовъ, жившихъ на востокъ отъ Палестины до Месопотаміи.

тобою: я явлю тебя передъ ними гиппопотамомъ, властелиномъ ужаса на водахъ, къ которому невозможно приблизиться.—Я пришелъ, я позволяю тебѣ поразить народы, живущіе на своихъ островахъ, и тѣ, которые живутъ среди моря, околдованы твоимъ рыканіемъ: я явлю твое величіе передъ ними въ образѣ мстителя, гордо стоящаго на спинѣ своей жертвы.—Я пришелъ, я позволяю тебѣ разбить жителей Тагону, и острова Данаэнъ въ твоей власти: я имъ явлю твое величіе въ образѣ разъяренного льва, возлежащаго на ихъ трупахъ, по всѣмъ долинамъ.—Я пришелъ, я позволяю тебѣ поразить приморскія страны, и все, что окружаетъ потокъ Океана, собрано въ твоей длани: я явлю имъ твое величіе въ видѣ крылатаго повелителя, ястреба, который въ мгновеніе ока схватываетъ все, что ему нравится.—Я пришелъ, я позволяю тебѣ покорить народы, живущіе въ болотахъ, связать бедуиновъ, властителей песковъ, взять ихъ въ плѣнъ: я явлю имъ твое величіе въ видѣ южнаго шакала, повелителя скорости, бѣгуна, рыскающаго по обѣимъ областямъ.—Я пришелъ, я позволяю тебѣ поразить нубійскихъ варваровъ, и до границъ народа Пунить все въ твоей десницѣ: я явлю имъ твое величіе подобнымъ твоимъ двумъ братьямъ Горусу и Ситу, руки которыхъ я соединилъ, чтобы укрѣпить твое могущество“ *).

*) Этотъ побѣдный гимнъ сочиненъ, кажется, для Тутмозу III; но онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ общаго достоянія всѣхъ египетскихъ завоевателей; отрывки его встрѣчаются въ примѣненіи къ Сети I и къ Рамзесу III. Это мнѣ позволило приписать его, не нарушая правдоподобія, Рамзесу II.

ГЛАВА V.

Наборъ войска.

Область Апу и ея правитель Нахтмину.—Городъ: *Большой замокъ* — Администрация области.—Нелюбовь египтянъ къ военному ремеслу.—Наборъ войска.—Наслѣдственные воины и ихъ помѣстья.—Египетская лошадь.—Египетскія военныя колесницы.—Раздача оружія воинамъ.—Раздача походной провизіи.—Египетское войско и его составъ: шарданы.—Мнѣніе образованныхъ людей о военномъ сословіи.

Цсару былъ не только еивскимъ намѣстникомъ, но и главнымъ правителемъ *земли юга*, т. е. почти всего Верхняго Египта, отъ окрестностей Сіута до первыхъ пороговъ. Отправившись въ путь на другой же день послѣ полученія повелѣнія фараона сдѣлать всѣ нужныя приготовленія для войны, онъ набралъ рекрутовъ и собралъ запасы зернового хлѣба въ подвѣдомственныхъ ему областяхъ, въ Куситѣ и Коптосѣ, въ Дендерѣ, городѣ богини Гаторъ, въ Тинисѣ, гдѣ болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ зародилась египетская монархія. Съ сегодняшняго утра его ладья красуется у набережной въ Апу *), столицѣ панополитской области, а самъ онъ пользуется гостепримствомъ наслѣдственнаго князя Нахтмину.

Прошло уже время, когда нѣсколько знатныхъ родовъ удѣльныхъ князей, подѣливши между собою египетскую землю, были почти независимы и представляли какъ бы рядъ второстепенныхъ династій, подчиненныхъ верховной власти, порою номинальной, фараона. Съ тѣхъ поръ какъ власть перешла въ твердыя руки еивскихъ царей, феодальные властители вынуждены были лишиться захваченныхъ ими почти самодержавныхъ правъ и обратились просто въ наслѣдственныхъ правителей своихъ областей, правителей богатыхъ и почитаемыхъ за свою родовитость, но находящихся подъ близкимъ надзоромъ царскихъ чиновниковъ и подъ постоянной угрозой лишенія владѣній, а пожалуй и жизни, по

*) Апу, названный греками Хеммисъ или Панополисъ, въ настоящее время носитъ названіе Умъ-эль-Хеммисъ, передѣланное народомъ въ Ахмимъ.

малѣйшему подозрѣнію. Большинство изъ нихъ хранить еще въ глубинѣ души тайную надежду на скорое возстановленіе стараго порядка вещей: продолжительное несовершеннолѣтіе государя, послѣдовательный рядъ неспособныхъ царей, дворцовый переворотъ, нашествіе чужестранцевъ изъ-за моря или просто неудачная война, разрушившая обаяніе царствующей династіи—и они быстро овладѣютъ утраченною властью. Въ ожиданіи этого, одни изъ нихъ пока занимаютъ разныя должности при дворѣ Рамзеса, а другіе, какъ, на примѣръ, Нахтмину, спокойно проживаютъ въ своихъ помѣстьяхъ, посвящая большую часть времени удовольствіямъ, а меньшую—заботамъ управленія, тяжесть которыхъ съ каждымъ днемъ облегчается для нихъ ревнивымъ властолюбіемъ ихъ повелителя.

Городъ Апу славится своими бумагопрядильнями *). При взглядѣ на него съ рѣки, онъ производитъ иллюзію жизни и дѣятельности. Десятка три барокъ вытянулись вдоль берега, и сотни носильщиковъ съ пѣснями нагружаютъ и разгружаютъ ихъ. Подальше, царскія кладовыя—*Двойной бѣлый домъ*,—гдѣ помѣщаются запасы хлѣба, льна, плодовъ, тканей и скота, увѣнчиваютъ берегъ своими зубчатыми стѣнами. За ними, на третьемъ планѣ, спокойно дремлетъ молчаливый и лѣнивый старій городъ: его узкія улицы, едва оживляемыя шумомъ нѣсколькихъ мастерскихъ и охраняемыя стаями бродячихъ собакъ, маленькій опрятный и безмолвный рынокъ, гдѣ десятка два торговцевъ посиживаютъ глубокомысленно съ утра до вечера, ожидая покупателей, которыхъ, кажется, никогда не бываетъ. Къ востоку возвышается величественная громада храма Мину. На сѣверо-востокѣ, между городскими домами и деревней, тянется густая зеленая ограда роскошныхъ садовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга глубокими рвами, которые лѣтомъ обращаются въ каналы, а зимою замѣняютъ дороги. Садовыя изгороди засажены терновникомъ, который свѣшиваетъ свои колючія вѣтви до половины дороги, постоянно враждуя съ лицами прохожихъ.

Въ центрѣ, недалеко отъ рѣки, находится обычная резиденція князя—*Большой замокъ*. Это — обширное, почти прямоугольное зданіе, обнесенное высокой, толстой, усѣянной закругленными зубцами стѣной изъ необожженного кирпича. Середину между постройками занимаетъ продолговатый дворъ, съ запада замкнутый дворцомъ, а съ остальныхъ трехъ сторонъ—оружейными магазинами, сараями для фуража, кладовыми для сѣстныхъ и другихъ запасовъ, рядомъ низенькихъ домиковъ, гдѣ помѣщаются различныя управленія княжества съ ихъ начальниками. Это—настоящая

*) Бумагопрядильни въ Ахимъ существуютъ и по сіе время; онѣ особенно извѣстны выдѣлкой матеріи съ мелкими голубыми и бѣлыми шапками, изъ которой жены феллаховъ дѣлаютъ себѣ верхнюю одежду—*мелайатъ*.

крѣпость, способная выдержать правильную осаду, и старинные владѣльцы Апу не разъ спасались въ ней отъ своихъ возмущившихся подданныхъ или внезапно нахлынувшихъ изъ пустыни бедуиновъ Маазіу *), а порою даже отъ дисциплинированныхъ отрядовъ фараона; иногда ихъ брали голодомъ, но никогда — силой.

Нахтмину, миролюбивый по необходимости, если не по темпераменту, давалъ тамъ аудіенцію своему смотрителю житницъ въ то время, когда его извѣстили о прибытіи Псару. Каждая изъ областей Египта имѣетъ, какъ и весь Египетъ, свою полную систему управленія съ наслѣдственнымъ правителемъ во главѣ, который можетъ распоряжаться безконтрольно, разъ онъ исполнилъ предъ фараономъ всѣ свои вассальныя обязанности, состоящія изъ личныхъ услугъ, ежегодныхъ податей произведеніями почвы и драгоценными металлами и выставленія числа воиновъ соотвѣтственно величинѣ области и густотѣ ея населенія. Поэтому и въ области Апу существуютъ отдѣльные управляющіе скотоводствомъ, земледѣіемъ, житницами, государственными складами, ткацкими и прядильнями, хлѣбопекарнями, войсковые начальники и въ миниатюрѣ государственный совѣтъ, гдѣ засѣдаютъ областныя чины, и—даже глашатай, торжественно объявляющій подданнымъ волю ихъ благороднаго властителя. Нахтмину, заблаговременно извѣщенный особымъ гонцомъ о возложенномъ на Псару порученіи, тотчасъ же принялъ всѣ мѣры, могущія, по указаніямъ его опыта, обезпечить точное исполненіе царскихъ указовъ и въ особенности тѣхъ, которые касаются набора.

Чистокровный египтянинъ не любитъ военного ремесла, и египетскіе писатели находятъ въ бѣдствіяхъ солдатской жизни неисчерпаемый источникъ для сатиры. Они любятъ изображать война оборваннымъ, еле живымъ отъ голода и жажды, получающимъ побои за малѣйшую оплошность; если онъ избѣгнетъ смерти отъ стрѣлы врага, то только для того, чтобы погибнуть отъ изнуренія въ походахъ; этой нелестной картинѣ они противопоставляютъ безпечальную жизнь скрибы, протекающую спокойно среди изобилія и почета. Поэтому, едва пронесется слухъ о войнѣ, какъ чуть не половина населенія, годнаго для военной службы, убѣгаетъ въ горы и прячется тамъ въ мѣстахъ, недоступныхъ для завѣдующихъ наборомъ. Когда кончится наборъ, и новобранцы тронутся въ путь, бѣглецы возвращаются въ свои села, гдѣ разными подарками кому слѣдуетъ предупреждаютъ нескромныя вопросы насчетъ ихъ отсутствія въ критическій моментъ. Нахтмину не даль

*) Маазіу были бедуины ливійскаго происхожденія. Имя ихъ, въ шутку отождествляемое по созвучію съ арабскимъ словомъ *маазехъ* (козленокъ), сохранилось въ имени бедуиновъ маазехъ, которые встрѣчаются въ настоящее время въ Среднемъ Египтѣ по обѣимъ берегамъ Нила.

имъ времени воспользоваться этой исконной уловкой: въ самый день полученія царскаго указа онъ всюду разослалъ предписаніе немедленно приступить къ сбору мѣстнаго ополченія. Деревенскіе старшины, отвѣчающіе своимъ имуществомъ за воинственный духъ своихъ подчиненныхъ, сейчасъ же задержали всѣхъ подозрѣваемыхъ въ намѣреніи скрыться, и ратное юношество Апу уже нѣсколько недѣль сидитъ въ тюрьмахъ, ожидая, когда угодно будетъ Цсару отобрать изъ его среды самыхъ рослыхъ и сильныхъ для отправления въ Сирію.

Нахтмину спѣшить на встрѣчу своему гостю, привѣтствуетъ его и вводитъ его за руку въ залъ аудіенціи. Еще не кончились обычныя церемоніи приѣма, а мѣстная знать уже является одинъ за другимъ въ бѣлыхъ одеждахъ. День проходитъ въ условныхъ вѣжливостяхъ; вечеръ—въ пирахъ, а дѣла—на завтра. Цсару и Нахтмину съ ранняго утра расположились въ глубинѣ двора, подъ открытымъ портикомъ, куда солнце не заглядываетъ и не можетъ потревожить ихъ. Начальникъ войскъ и его помощникъ сѣли возлѣ нихъ. Скрибы, завѣдующіе наборомъ, принесли свои сундуки со списками и сѣли на корточкахъ позади нихъ съ заткнутыми за уши каламами; дюжина шауишей—исполняющихъ должность и судебного пристава и палача—выстроились по сторонамъ съ палками въ рукахъ, готовые пустить ихъ въ ходъ по первому знаку. Крестьяне, созванные старшинами, уже съ разсвѣта стоятъ у воротъ замка, расположившись кучками по деревьямъ. По знаку Нахтмину глашатай области приказываетъ привратнику впускать народъ—и первая группа входитъ.

Старшина идетъ во главѣ, держа въ рукѣ родъ военнаго значка; подойдя къ князю и посланцу фараона, онъ падаетъ на колѣна и кланяется имъ, между тѣмъ какъ его люди останавливаются въ нѣсколькихъ шагахъ позади него съ согнутыми дугою спинами и повисшими руками. Одинъ изъ писарей отмѣчаетъ по спискамъ населеніе деревни, число находящихся въ ней здоровыхъ молодыхъ людей, количество рекрутъ, которое она обязана выставить, и потомъ выкрикиваетъ одно за другимъ имена ихъ. Каждый при произнесеніи своего имени поднимаетъ руку. Въ случаѣ, если кого не окажется, начальникъ допрашиваетъ старшину о причинахъ неявки отсутствующаго: не боленъ-ли онъ? не оказалъ-ли неповиновенія? не занимаетъ-ли какой-нибудь должности, или не страдаетъ-ли какимъ-нибудь недостаткомъ, освобождающимъ его отъ военной службы? Старшина отвѣчаетъ, какъ умѣетъ, на вопросы и при этомъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ, ибо рядомъ съ нимъ стоитъ шауишъ, и дѣло можетъ закончиться палочными ударами, если его объясненія покажутся неубѣдительными представителямъ фараона (рис. 43). Когда отобраны годные къ службѣ, рекрутовъ отдѣляютъ отъ ихъ товарищей и запираютъ ихъ въ одинъ изъ

амбаровъ замка; остальные пускаются во всю прыть домой, радуясь, что на этотъ разъ они еще отдѣлались однимъ только страхомъ.

Тѣ же самыя формальности неизмѣнно примѣняются къ каждой изъ деревень, принадлежащихъ къ области Апу. Какъ бы ни было велико рвеніе писарей при отправленіи ихъ печальной обязанности, дѣло все-таки затягивается на нѣсколько дней. Цѣлый день, съ утра до вечера, происходятъ движенія взадь и впередъ, вызовъ по очереди къ осмотру рекрутовъ и раздача палочныхъ ударовъ. Родственники призванныхъ ожидаютъ у воротъ результата осмотра. Люди, разъ попавшіе въ армію, уводятся въ далекіе страны Сиріи или Эѳіопіи и почти никогда не возвращаются къ своему очагу, и родители плачутъ надъ ними, какъ надъ покойниками. Лишь только изъ воротъ покажется какая-нибудь группа крестьянъ, женщины тотчасъ же набрасываются на нее, высматри-

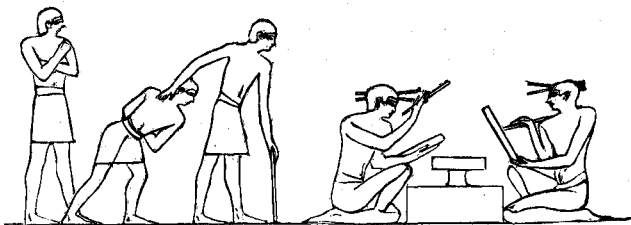

Рис. 43. Рекрутскій наборъ.

вая своихъ. Тѣ, которые не нашли въ ней мужа, брата или сына, раздражаются воплями, посыпаютъ лицо и волосы пылью, причитая какъ на похоронахъ. Наконецъ, на пятый день Псару самъ производитъ смотръ рекрутамъ, увольняетъ кажущихся ему слабыми и доводитъ число оставшихся до шестисотъ человѣкъ пѣхоты, которыхъ область обязана выставить царю.

Въ этомъ заключалась самая щекотливая часть дѣла, все же остальное совершалось безъ затрудненій и шло, какъ по маслу. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждой области рядомъ съ феллахами (землепашцами), для которыхъ военная служба была случайностью, существовали семьи, болѣе высоко поставленныя, для которыхъ она составляла наслѣдственную обязанность. Во владѣніи каждой изъ этихъ семей находилось пожалованное ей самимъ сюзереномъ или мѣстнымъ феодальнымъ владѣльцемъ ленное помѣстье, приблизительно въ три съ половиной гектара (три съ пятой десятины), которое было освобождено отъ налоговъ и передавалось по наслѣдству въ прямой или боковой линіи подъ непремѣннымъ условіемъ отправленія военной службы. Всѣ лица этого разряда были занесены въ особые списки, которые хранились у военнаго на-

чальника области. Въ мирное время только очень небольшая часть ихъ, призывалась ежегодно на службу въ гвардію самого фараона или князей, но въ случаѣ войны они выступали поголовно всѣ, исключая только тѣхъ, которые могли сослаться на немощность, старость, болѣзнь и т. п. причины, освобождающія по закону отъ службы. Да и тутъ отецъ, слишкомъ старый, чтобы служить самому, замѣняется сыномъ, а за неимѣніемъ его — ближайшимъ родственникомъ. Призывъ на службу этихъ людей, обязательно несущихъ воинскую повинность, производится почти всегда очень быстро, потому что исправность и быстрота тутъ обусловлены, если не храбростью, то во всякомъ случаѣ личнымъ интересомъ: всякій, кто не явился бы тотчасъ же по первому призыву, былъ бы лишень помѣстья, и семья его впала бы въ нищету.

Люди, наконецъ, набраны: надо ихъ снарядить. Египтяне въ обыкновенное время никогда не носятъ при себѣ оружія. Одни только пастухи, стерегущіе свои стада въ какихъ-нибудь далекихъ тущобахъ у подошвы горы, запасаются палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ или дротикомъ, лукомъ и стрѣлами, ножомъ или кинжаломъ для защиты отъ хищныхъ звѣрей или встрѣчныхъ бедуиновъ. Боевые снаряды хранятся за печатью въ складахъ государства: пѣхотные — въ *оружейномъ домѣ*, а кавалерійскіе — на конскихъ заводахъ. Лошадь только недавно появилась въ Египтѣ; она введена Пастухами; весьма возможно, что ужасъ, который она навела при первыхъ стычкахъ на египтянъ, облегчилъ Пастухамъ въ невѣроятно короткое время одержать надъ ними такіе успѣхи. Это — вообще сильное и рослое животное съ выпуклымъ лбомъ, который придаетъ ея выпнутому профилю нѣкоторое сходство съ бараномъ. Шея у нея длинная, крупъ тонкій и узковатый, бедра худощавыя, ноги поджарыя, а хвостъ густой и длинный. Она ничѣмъ не отличается отъ лошадей азіатскихъ народовъ, но ее не безъ труда предохраняютъ отъ вырожденія и ослабѣванія. Она плохо переноситъ климатъ, на нее вредно вліяетъ періодъ разлитія Нила; такъ что для поддержанія породы необходимо постоянно закупать или забирать въ Сиріи племенныхъ жеребцовъ и кобылъ. Оивы, Мемфисъ, Гермополисъ и большая часть значительныхъ городовъ Средняго Египта имѣютъ свои конскіе заводы: возможность выставить большое количество колесницъ считается среди знати самой главной роскошью, которую фараоны всячески поощряютъ, то награждая собственниковъ хорошо содержимыхъ конюшенъ, то дѣлая выговоры и даже подвергая наказаніямъ тѣхъ, которые плохо ухаживаютъ за своими лошадьми. Въ Апу насчитывается не болѣе полусотни лошадей, годныхъ для кавалерійской службы: географическое положеніе и размѣры территоріи не позволяютъ этой области доставлять большого числа.

Колесницы тоже сначала ввозились изъ-за границы. Первые

образцы ввезены были изъ Азии, но египетскіе мастера скоро научились дѣлать, если не болѣе прочныя, то болѣе изящныя. Главное достоинство ихъ состояло въ легкости, доведенной до того, что одинъ человекъ могъ нести на плечахъ такую колесницу безъ всякаго почти усилія; поэтому главнымъ матеріаломъ для изготовленія ихъ служили только дерево да кожа, а металлы: золото, серебро, желѣзо и бронза, употреблялись лишь въ небольшихъ количествахъ для украшеній (рис. 44). Колеса дѣлались съ четырьмя, восемью, а чаще всего съ шестью спицами. Ось приготавлилась изъ акаціи, дерева очень крѣпкаго и прочнаго. Два приложенные другъ къ другу бруса образуютъ остовъ кузова, имѣющаго видъ полукруга или, точнѣе, полуэллипса, концы котораго соединены поперечнымъ прямымъ брускомъ. Остовъ на днѣ настилагся дощечками изъ смоковницы или переплетается ремнями. Бока кузова забраны стѣнками, сплошными спереди и съ вырѣзами по бокамъ, гдѣ онѣ укрѣпляются двумя изогнутыми вверху вертикальными стойками. Дышло изъ цѣльнаго куска изогнуто приблизительно въ одной пятой части своей длины. Толстымъ концомъ оно прикрѣпляется къ срединѣ оси, образуя нѣчто въ родѣ гигантскаго Т, къ задней части котораго, т. е. къ самой оси, прилаживается задъ кузова, который остальными частями своими лежитъ на кривизнѣ дышла, и все это привязывается прочно двумя ременными завязями. Къ свободному концу дышла прикрѣплено ярмо въ формѣ лука, въ которое впрягаются лошади. Въ азиатскихъ колесницахъ помѣщается обыкновенно по три человека, а у египтянъ всегда не болѣе двухъ: воина, который сражается, и возницы, который управляетъ лошадьми и держитъ передъ воиномъ щитъ.

Рис. 44.—Изготовленіе военныхъ колесницъ.

День раздачи оружія—настоящее празднество, которому ста-

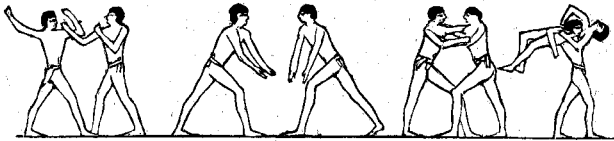

Рис. 45.—Едиборство.

раются придать какъ можно больше блеску. Въ мѣстопребываніи фараона онъ самъ присутствуетъ на этомъ торжествѣ отъ начала до конца, а въ прочихъ мѣстахъ такая честь предсѣдательства выпадаетъ на долю царскихъ чиновниковъ или мѣстныхъ князей. Вотъ

новобранцы Апу собираются на дворъ замка и распредѣляются на роты сельскихъ рекрутовъ, наслѣдственныхъ воиновъ и всадниковъ на колесницахъ. Прежде всего они продѣлываютъ всѣ обычныя воинскія упражненія: марши и контрмарши, бѣганіе взводами, прыганье фронтомъ, быстрыя остановки. Затѣмъ они выходятъ изъ строя и начинаютъ попарно бороться другъ съ другомъ (рис. 45). Проведя часъ или два въ этомъ учении, они снова выстраиваются; начальникъ *оружейнаго дома* отпираетъ свои склады, и начинается раздача оружія (рис. 46). Одни только цари, князья да

Рис. 46.—Раздача оружія.

нѣкоторые воины изъ иностранцевъ носятъ желѣзные или бронзовые шлемы и кожаняя, покрытыя бронзовыми чешуйками, кирасы (рис. 47). Египтяне покрываютъ голову клѣтчатымъ платкомъ или войлочной шапочкой. Къ кушаку они иногда подвязываютъ нѣчто въ родѣ овальнаго передника, сшитаго изъ кожаныхъ полосъ, и прикрывающаго нижнюю часть туловища и бедра.

Рис. 47.—Царская кираса.

Щитъ египетскаго воина состоитъ изъ легкой деревянной рамы, прямоугольной въ нижней части и закругленной сверху; рамка обтягивается воловьей кожей, въ центрѣ которой вдѣлывается металлическій кружокъ сантиметровъ въ двадцать въ діаметрѣ (рис. 48). Щитъ снабженъ только одной рукояткой. Эту подвижную ограду держать лѣвой рукой, и пользование ею требуетъ

большого навыка и ловкости. Завидя направленный въ него дротикъ или стрѣлу противника, воинъ съеживается и старается подставить имъ металлическій кружокъ щита. Успѣеть—стрѣла отскакиваетъ; нѣтъ—она пробиваетъ кожу щита и можетъ пронзить грудь человѣка. Оружіемъ для нападенія служатъ: шестифутовое копьё, дротикъ, сѣкира и палица, лукъ и стрѣлы, кинжалъ, короткій мечъ и иногда, любимое оружіе царей, широкій кривой ножъ, извѣстный подъ именемъ *хотшу*. Смотря по роду оружія,

каждый воинъ получаетъ изъ оружейнаго склада соотвѣтствующее обмундированіе; всадникамъ выдается начальникомъ конскихъ заводовъ по колесницѣ и по двѣ лошади. Возница быстро надѣваетъ на нихъ сбрую и подвываетъ къ бокамъ колесницы два чехла съ луками и два большихъ колчана для стрѣлъ и для дротиковъ.

Послѣ раздачи оружія ученіе начинается снова, но уже съ другими приемами и построеніями. Десятка два стрѣлковъ открываютъ ихъ, исполняя, въ видѣ прелюдіи, воинственную пляску бедуиновъ маазіу. Выстроившись во фронтъ, они вдругъ съ воинственнымъ крикомъ дѣлаютъ прыжокъ, кружатся на мѣстѣ, размахивая надъ головами оружіемъ, съ какими-то судорожными тѣлодвиженіями кладутъ на землю лукъ, снова его поднимаютъ, то впередъ подаются, то пятятся,

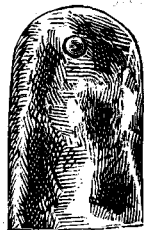

Рис. 48.—Щитъ.

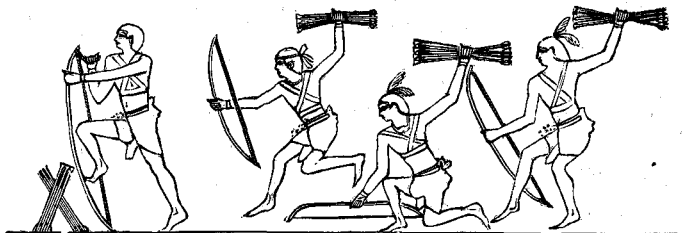

Рис. 49.—Военная пляска стрѣлковъ.

тогда какъ товарищи ихъ вторятъ имъ, въ тактъ, хлопая въ ладоши или ударяя двумя бумерангами другъ о друга (рис. 49).

Рис. 50.—Церемоніальный маршъ легкой пѣхоты.

По окончаніи этого дикаго зрѣлища войска проходятъ церемоніальнымъ маршемъ. Во главѣ двигаются колесницы, за ними идутъ легко вооруженные пѣшіе воины съ непокрытыми го-

ловами, безъ кожаныхъ передниковъ и щитовъ, съ лукомъ въ лѣвой рукѣ, съ сѣкирой или съ бумерангомъ—въ правой и зна-

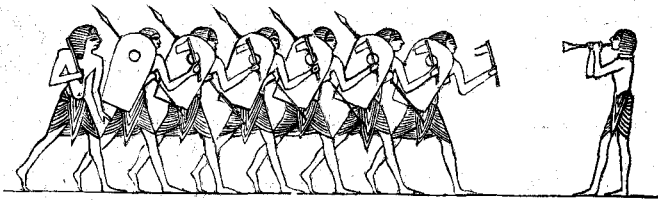

Рис. 51.—Церемониальный маршъ тяжелой пѣхоты.

менщикомъ, шествующимъ на лѣвомъ флангѣ (рис. 50). При звукѣ рожка слѣдомъ идутъ воины тяжеловооруженной пѣхоты въ полосатыхъ шишакахъ, доходящихъ до плечъ, кожаныхъ передникахъ, со щитомъ и копьемъ на лѣвомъ плечѣ и съ сѣкирой въ правой рукѣ. Офицеры не носятъ оружія, а только небольшой жезлъ для командованія (рис. 51). Послѣ церемониальнаго марша офицеры и знаменщикъ выходятъ изъ строя и, преклонивъ колѣна, поднявъ на уровень лица правую руку, отдають честь князю (рис. 52): торжество кончено.

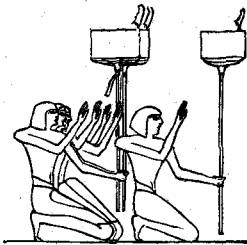

Рис. 52.—Воины отдають честь князю.

На другой день, рано утромъ, новобранцы являются за полученіемъ путевого продовольствія для людей и лошадей. Управляющій конскими заводами уже заготовилъ нужное количество сѣна и зерна для лошадей. Начальникъ хлѣбопекарни распорядился заготовить для арміи на пятнадцать дней хлѣба, если только можно назвать этимъ именемъ круглую, плоскую черную лепешку, выпеченную изъ очень плотнаго тѣста и быстро черствѣющую и твердѣющую какъ камень. Ея нельзя укусить, не размочивъ предварительно въ водѣ. Воины подходятъ повзводно съ холщевыми мѣшечками въ рукахъ, и каждый получаетъ слѣдующій по уставу паекъ (рис. 53). Цѣлая флотилія крупныхъ судовъ уже ожидаетъ ихъ; они скучиваются въ перемежку съ лошадьми на палубахъ, а колесницы и багажъ складываются на крышахъ каютъ. Этотъ отрядъ, самое позднее, недѣли черезъ двѣ присоединится къ главной арміи, которую фараонъ собираетъ въ Залу *) на восточной границѣ Дельты.

Главная армія состоитъ изъ египтянъ и иностранцевъ, но по-

*) Залу, или Седле географовъ римской эпохи, въ настоящее время—груда развалинъ, находящихся нѣсколько къ западу отъ Суэзскаго канала на одинаковой высотѣ съ станціей Эль-Кантаракъ.

слѣднихъ менѣе, чѣмъ первыхъ, и они обыкновенно составляютъ личную охрану царя. Рамзесъ, какъ и всѣ почти государи, любить окружать себя гвардіей изъ иностранцевъ, суровый видъ которыхъ, одежда и странное вооруженіе, поражая воображеніе его подданныхъ, увеличиваютъ обаяніе его особы въ ихъ глазахъ. Онъ набираетъ ихъ изъ племенъ ливійской пустыни и въ особенности среди пиратовъ, которыхъ жажда приключеній и добычи

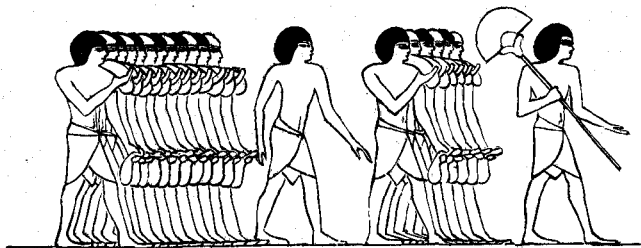

Рис. 53. Взводъ солдатъ, идущій за полученемъ походнаго провіанта.

приводить пороку на берега Египта изъ далекой Греціи, Малой Азіи и съ острововъ. Одна такая грабительская шайка изъ воинственнаго племени ливійскихъ шардановъ, была застигнута врасплохъ и отведена въ плѣнъ цѣликомъ въ послѣдній годъ царствованія Сети I. Рамзесъ удержалъ ее при себѣ, усилилъ людьми того же племени, полоненными въ теченіе его первыхъ войнъ, и образовалъ изъ нихъ отборное и преданное ему войско. Одежду шарданъ (рис. 54) составляютъ: длинная египетская юбка изъ плотной съ бѣлыми и черными полосами матеріи и тѣсно облегающаго станъ, прорѣзаннаго съ боковъ, камзола, который поддерживается сверху помочами. Оружіе ихъ состоитъ изъ длиннаго обоюдоостраго меча и небольшого круглаго кожанаго щита, усѣяннаго кружочками изъ позолоченнаго металла. На головѣ они носятъ круглую каску, не защищающую затылка, часто съ шарикомъ на макушкѣ или двумя острыми рожками. Шарданы—единственные иностранцы, которыхъ на этотъ разъ беретъ съ собою Рамзесъ; вспомогательныя войска изъ ливійцевъ, бедуиновъ и негровъ оставлены въ Египтѣ въ распоряженіи царицы и сановниковъ, исправляющихъ обязанности регентства.

Рис. 54. Шарданъ гвардіи.

Солдаты-туземцы раздѣлены на четыре легіона и называются по

имени четырехъ главныхъ боговъ: легионъ Амона, легионъ Ра, легионъ Фта, легионъ Сутеху. Ополченія, выставляемыя отдѣльными областями, распредѣляются по этимъ четыремъ легионамъ, такъ послѣ своего прибытія на мѣсто; контингентъ Апу вошелъ въ составъ легиона Амона. Боевыя колесницы образуютъ особый корпусъ подъ непосредственнымъ начальствомъ самого фараона и его сыновей. Иностранцы, египтяне, пѣхота и всадники на колесницахъ смотрятъ другъ на друга съ недоброжелательствомъ. Египтяне завидуютъ шарданамъ за выказываемую фараономъ особую благосклонность къ нимъ и за тотъ почетный постъ, который они занимаютъ при немъ во время сраженія. Кавалерія, состоящая по преимуществу изъ дѣтей высшей аристократіи, презираетъ легионы, гдѣ служатъ феллахи и простые воины. Это соперничество между различными родами оружія могло бы стать опаснымъ подъ начальствомъ зауряднаго полководца, но Рамзесъ съ удивительнымъ искусствомъ пользуется имъ для возбужденія воинственнаго рвенія въ своей арміи. Египтянинъ не отличается увлеченіемъ и пылкостью, но онъ зато терпѣливъ, неутомимъ и не боится ни страданій, ни смерти. Онъ составляетъ твердое и устойчивое ядро арміи. Шарданы и другіе иностранные наемники призваны, чтобы сообщить недостающія ему необходимыя для атаки качества: стремительность и отвагу *). Они играютъ роль дрожжей, введенныхъ въ слишкомъ густую массу тѣста, чтобы сдѣлать его легче и улучшить его усвояемость.

Самому младшему изъ сыновей Нахтмину едва исполнилось десять лѣтъ. Это—красивый ребенокъ, тонкій, стройный, слишкомъ высокій для своего возраста, ловкій во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ и при этомъ одаренный хорошими способностями и очень живымъ умомъ. Видъ оружія, шумъ и гамъ послѣднихъ дней возбуждали въ немъ воинственное рвеніе, порывы котораго смущаютъ его родителей: онъ сталъ пренебрегать ученіемъ, перепутываетъ заданные ему уроки, а на выговоры отца отвѣчаетъ, что хочетъ быть офицеромъ, и потому ему нѣтъ надобности такъ много учиться. Забавляясь его энтузіазмомъ, Цесарю любитъ наводить его на эту тему всякій разъ, какъ встрѣчается съ нимъ.—„Спроси-ка у моего старика Еннана“, сказалъ онъ ему разъ, „что онъ думаетъ объ этой блестящей службѣ, которую ты такъ полюбилъ. Съ нимъ не худо тебѣ посоветоваться, потому что и самъ богъ. Тоотъ не скажетъ лучше него“. Еннана—это скриба *Двойного блага дома*,

*) Я заимствовалъ это описаніе, измѣнивъ собственныя имена, изъ военныхъ реляцій Мухаммеда-Али и Ибрагима паши. Современные феллахи такъ мало отличаются отъ древнихъ, что я, не колеблясь, отнесъ къ арміи фараоновъ все, что нашель въ этихъ реляціяхъ истиннаго по отношенію къ новой египетской арміи. Шарданы и другіе наемники во времена Рамзеса должны были играть ту же самую роль, которую исполняли арнауты, турки и европейцы при Мухаммедъ-Али.

сопровождающій Псару во всѣхъ его поѣздкахъ. Какъ счетчикъ этотъ человѣкъ не знаетъ равнаго себѣ, и никто лучше его не сумѣетъ замѣтить въ двадцати вѣдомостяхъ какой-нибудь одинъ не внесенный, по ошибкѣ, въ списки мѣшокъ съ мукой. Но въ свое время онъ бываетъ и поэтомъ. Какъ только выдается у него минута досуга, онъ пишетъ въ стихахъ и прозѣ о всякихъ предметахъ, духовныхъ и свѣтскихъ, смотря по тому, что ему придется въ голову.

Выступление въ походъ пѣхоты и колесницъ не могло, понятно, не вдохновить такого человѣка, и, когда сынъ Нахтмину обратился къ нему за совѣтомъ, послѣдній былъ уже у него совѣтъ готовъ и облеченъ въ прекрасную стихотворную форму, пріятно ласкающую ухо.—„Ты думаешь, что пѣхотный офицеръ счастливѣе скрибы?—Послушай-ка, что я скажу тебѣ о долѣ пѣхотнаго офицера и объ его бѣдственной жизни. Почти ребенкомъ, когда у него коса еще свѣшивается на ухо *), его уже берутъ изъ дому и запираютъ въ казарму. Его бьютъ,—и животъ его покрытъ ранами.—Его бьютъ,—и объ брови его разсѣчены кровавыми рубцами. Его бьютъ,—и на головѣ у него проломы. Его растягиваютъ и бьютъ по нему, какъ по папирусу **), и онъ совѣтъ разбить палкой.—Послушай теперь, что я расскажу тебѣ объ его сирийскихъ походахъ и набѣгахъ на далекія страны.—Словно вьючный осель тащить онъ на плечахъ своихъ продовольствіе и воду, натираетъ ими себѣ затылокъ и шею, точно осель, и спина его ломится подъ ними, и кажется ему, что всѣ связки между позвонками лопнули. Постоянно его посылаютъ въ караулъ, а пьетъ онъ одну тухлую воду.—Появится-ли непріятель,—онъ обращается въ трепещущую птичку.—Вернется-ли въ Египетъ,—онъ уже не что иное какъ старое, источенное червями дерево.—Онъ боленъ, онъ слегъ.—Его везутъ на ослѣ, а воры уносятъ его одежду, и слуги его разбѣгаются.—Подумай объ этомъ, дитя мое, и перемѣни мнѣніе, которое ты составилъ себѣ о скрибѣ и офицерѣ“.

Скептической и насмѣшливой тонъ этого стихотворенія смутилъ немножко сына Нахтмину: музыка трубъ и блескъ оружія мѣшали ему поразмыслить объ этихъ невзгодахъ. Онъ утѣшаетъ себя однако мыслью, что войну на колесницѣ нечего бояться всего этого.—„Воинъ на колесницѣ?—мягко начинается Еннана:—послушай, что я тебѣ скажу о тяжелыхъ обязанностяхъ война на колесницѣ.—Вотъ онъ спѣшитъ въ конюшни его величества; выбираетъ себѣ хорошихъ коней и колесницу и не помнитъ себя отъ радости.—Возвращается съ ними въ свою деревню, начинаетъ развѣзжать:—

*) У маленькихъ дѣтей до ихъ возмужалости волосы собирали въ косу, которая спадала на правое ухо. (См. рис. 8).

**) Для приготовления писчей бумаги изъ папируса стволъ этого растенія предварительно сильно колотили, чтобы уплотнить его волокна.

ему весело мчаться въ колесницѣ, онъ еще не знаетъ, какая участь его ожидаетъ въ будущемъ.—Все, что у него есть, оставляетъ онъ своему старому дѣду, потомъ запрягаетъ колесницу—ея дышло обошлось ему въ три утну мѣдью, а кузовъ въ пять утну *)—и уѣзжаетъ во всю прыть. Дорогой онъ зашутывается въ вожжахъ, падаетъ въ терновникъ.—Скорпионъ жалитъ его въ ногу, прокусываетъ ему пятку. А когда придутъ дѣлать осмотръ выданныхъ ему вещей, мѣра его несчастій переполняется:—его растягиваютъ на землѣ и немилосердно отсыпаютъ ему сотню палочныхъ ударовъ“.

Мечты о битвахъ и колесницахъ все-таки не даютъ мальчику покоя: страсть къ борьбѣ и шуму—обычная слабость дѣтскаго возраста. Время и размышленіе, конечно, угомонятъ это прекрасное рвеніе. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ; онъ женится и, какъ говорится здѣсь, обобится; займетъ выгодную должность въ области своего отца или при дворѣ фараона и обратится въ мирнаго скрибу. Египтяне времянь Тутмозу III и Аменготпу II вѣрнѣе сохраняли впечатлѣнія своего дѣтства: они охотно всю жизнь свою посвящали военной службѣ и не предпочитали карьеры скрибы ремеслу воина. Ослабленіе воинственнаго духа не прошло безъ ущерба для величія страны. Искусными полководцами были и Сети I и Рамзесъ, и все-таки они не одержали столько побѣдъ, какъ ихъ предшественники XVIII династіи, и самыя побѣды не имѣли такого рѣшительнаго характера. Аменготпу III обложилъ еще данью племена Хити, но уже Сети I долженъ былъ вести переговоры съ ихъ царемъ на равной ногѣ, и только боги могли предвидѣть, чѣмъ можетъ кончиться война, которую предпринялъ Рамзесъ II съ этими племенами. Наемники въ настоящую минуту составляютъ еще пока незначительную долю въ войскѣ; но, если отвращеніе, питаемое туземцами къ военной службѣ, все будетъ усиливаться,—а этого по всему надо ожидать,—и придется увеличить число наемниковъ изъ варварскихъ племенъ сверхъ мѣры, тогда... Извѣстно, что бываетъ въ подобныхъ случаяхъ: прежніе рабы быстро превращаются въ господъ, и, можетъ быть, не далеко тотъ день, когда шайки иностранныхъ наемниковъ посадятъ одного изъ своихъ людей на тронъ фараоновъ **).

*) См. примѣч. на стр. 15 о вѣсѣ утну и переводеніи его на нынѣшнюю монетную единицу.

**) Это и на самомъ дѣлѣ случилось лѣтъ сто спустя, по смерти Сети II, когда чужеземцы возложили египетскую корону на сиріянина Ириау.

ГЛАВА VI.

Жизнь въ замкѣ.

Видъ полей въ окрестностяхъ Апу.—Переходъ въ бродъ: заклинанія отъ крокодиловъ.—Дача Нахтмину.—Садъ и плодовые деревья заграничнаго происхожденія.—Водоемы.—Бесѣдка изъ виноградныхъ лозъ.—Прессованіе винограда.—Орошеніе.—Пастухи.—Прудъ: рыбная ловля и охота на птицъ въ болотахъ.—Ловля неведомъ: соленая рыба.—Охота сътью: сохраненіе дичи впрокъ.—Что такое была въ прежнее время охота въ пустынѣ.—Организація охотничьей службы.—Долина Апу.—Скала съ надписями.—Охота въ пустынѣ.—Чудовища.—Возвращеніе въ Фивы.—Древянное изголовье и богъ Бизу.

Послѣ набора и отправки войскъ послѣдовала ревизія книгъ податныхъ сборовъ. Псару принялъ партію матерій, которыя городъ обязанъ выплачивать казначейству отъ своихъ мануфактуръ, а также и недоимки обыкновенныхъ податей въ зернѣ, которыя хранились въ царскихъ житницахъ. Онъ уже кончилъ нагрузку всего этого и былъ бы уже на пути въ Фивы, если бы Нахтмину не упросилъ его оказать ему великую честь—остаться у него еще дня два-три гостемъ и доставить ему удовольствіе, принявъ участіе въ охотѣ въ пустынѣ. Его любимая дача находится къ сѣверо-востоку отъ города почти при входѣ въ дикую долину, ведущую прямо въ горную мѣстность, очень богатую дичью. Отправляются изъ города рано утромъ и, чтобы сократить дорогу, избѣгая шоссеиныхъ поворотовъ, идутъ прямо черезъ поля: это было время цвѣтенія бобовъ, стебли которыхъ подымались такъ высоко, что люди и животныя почти утопали въ благовоиной роскошной зелени. При выходѣ изъ этого поля начинаются поля, засѣянные просомъ (дурра) и пшеницей, дальше попадаютъ небольшія пальмовыя рощицы, и вотъ черезъ дорогу тянется широкій каналъ, шириною метровъ въ пятнадцать, наполненный стоячей водой, извилистый, съ крутыми обсыпавшимися берегами, образовавшимся изъ ила.

Бродъ находится, правда, недалеко, но гуртъ быковъ уже занялъ его и, медлительно шествуя, загородилъ на время доступъ

къ нему (рис. 55). Старшій пастухъ останавливается, устремляетъ свой взглядъ на воду и быстро произноситъ нѣсколько словъ: „Стой, крокодилъ, сынъ Сита! Не шевели больше своимъ хвостомъ, не двигай лапами, не разѣвай своей пасти; а пусть вода станетъ огненной оградой передъ тобой! Стой, крокодилъ, сынъ Сита!“ Крокодилъ всегда подстерегаетъ въ засадѣ вблизи брода. Заклинаніе, которое пастухъ только что произнесъ, служитъ вѣрнымъ средствомъ сдѣлать его слѣпымъ или привести его въ оцѣпененіе: онъ тогда не видитъ ни людей, ни животныхъ, а если и видитъ, не можетъ на нихъ напасть. Каналъ не глубокъ: вода едва доходитъ быкамъ до живота. Все же одинъ теленокъ еще слишкомъ малъ и не можетъ перейти его въ бродѣ, и одному изъ пастуховъ приходится перенести его на спинѣ; бѣднягъ такая переправа не очень по вкусу, и онъ, мыча, обернулъ голову въ сторону матери. Мать, не менѣе встревоженная, отвѣ-

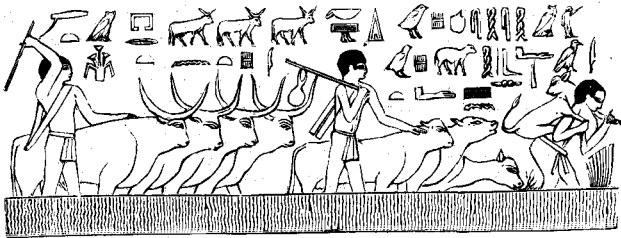

Рис. 55.—Быки переходятъ бродъ.

чаетъ ему; но пастухъ, идущій позади ея, иронически ее успокаиваетъ: „Ахъ онъ, негодный, унесъ твоего теленочка, добрая кормилица!“ Вотъ на томъ берегу тянется деревенька, просто кучка маленькихъ низенькихъ лачужекъ, а налѣво, вдоль канала, потянулась обычная зубчатая стѣна изъ кирпичей, которая указываетъ, что тутъ жилище какого-нибудь важнаго господина.

Это и есть дача Нахтмину. Въ нее ведутъ монументальныя ворота (фиг. 56). Самыя ворота сложены изъ кирпича, но косяки и притолка ихъ облицованы бѣлымъ известнякомъ и покрыты іероглифами: надпись, посвященная Сети, говоритъ, что отецъ Нахтмину выстроилъ ее назадъ тому лѣтъ тридцать. Створы воротъ изъ толстаго кедра и повѣшены на тяжелыхъ бронзовыхъ петляхъ. Эти ворота открываются только въ важныхъ случаяхъ для самого хозяина и его гостей; въ обыкновенное же время входятъ въ ограду и выходятъ изъ нея съ задняго хода черезъ двѣ небольшія двери, устроенныя налѣво отъ главнаго входа (портала). Садъ представляетъ собою правильный квадратъ во сто метровъ по сторонѣ, раздѣленный на загородки неравной величины стѣнами

вышиною всего въ два фута, сложенными изъ камня безъ цемента; загородки между собой сообщаются простыми выкрашенными деревянными калитками и засажены отчасти плодовыми деревьями, отчасти же деревьями, служащими только для украшенія сада; нѣкоторыя изъ нихъ привезены изъ чужихъ странъ.

Египтяне дѣйствительно — большіе любители новыхъ родовъ деревьевъ и цвѣтовъ: они при всякой возможности ихъ привозятъ на берега Нила и стараются ихъ у себя акклиматизовать. Царица

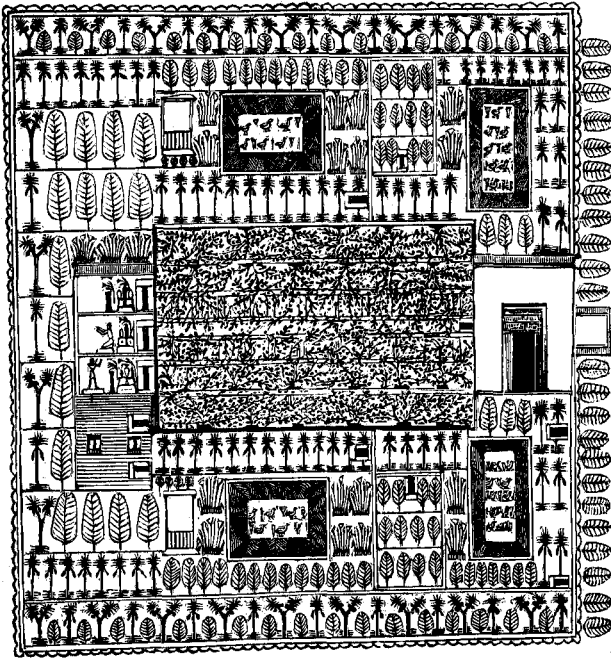

Рис. 56.—Египетская загородная дача.

Гатшопситу снарядила эскадру изъ пяти кораблей въ портъ ароматовъ въ страну Пунить *), чтобы вывезти оттуда нѣсколько саженцевъ благовонной смоковницы, которые она посадила въ своемъ фруктовомъ саду въ Фивахъ. Тутмозу III велѣлъ нарисовать въ одной изъ часовенъ Амонова храма въ Карнакѣ различныя породы животныхъ и растений, которыя онъ вывезъ во время своихъ походовъ въ Сирію и въ страны Верхняго Нила. Но и частные люди не уступали въ этомъ дѣлѣ фараонамъ: въ продол-

*) Страна Пунить соответствуетъ южнымъ берегамъ Аравіи и странѣ Сомалисовъ (на востокъ отъ Абиссиніи).

женіе четырехъ столѣтій египетская флора, сама по себѣ довольно бѣдная, обогатилась по меньшей мѣрѣ десятками двумя полезныхъ и декоративныхъ растений: яблонями, миндальными и гранатовыми деревьями, новыми разновидностями винограда и фигъ. Нахтмину удалось развести въ своемъ саду почти всѣ эти растенія, и онъ съ понятною гордостью сдѣлалъ честь своему гостю, показавъ ему свой садъ. Самое цѣнное, что у него находится, по его мнѣнію, это—родъ пальмы, чрезвычайно рѣдкой, которую находятъ въ двухъ-трехъ мѣстностяхъ Нубійской пустыни, между Ниломъ и Краснымъ моремъ. Поэты, знающіе ее по наслышкѣ, сравниваютъ ее обыкновенно съ Тротомъ, богомъ словесныхъ наукъ, за ея стройность и чудесныя свойства. Ея плодъ, раньше полнаго созрѣванія, содержитъ въ себѣ родъ сахаристаго молока, до котораго варвары большіе лакомки. Это единственное рѣдкое дерево въ саду Нахтмину имѣетъ свою исторію: отецъ Нахтмину вывезъ его изъ страны Акити, куда онъ ѣздилъ для устройства водохранилищъ по дорогѣ, ведущей къ золотымъ рудникамъ, въ царствованіе Сети I. Въ окружности тридцати миль не найдется ничего подобнаго: у самого фараона въ еивскихъ садахъ этой рѣдкости не болѣе двухъ-трехъ экземпляровъ.

Четыре продолговатые водоема, обведенные каменными набережными и украшенные густыми пучками лотоса, симметрично расположены между деревьями и служатъ раздольемъ для утокъ. Рядъ обыкновенныхъ финиковыхъ пальмъ и кассій, въ перемежку съ пальмами изъ породы думъ *) (*Hyphaene Thebaica*) тянется вдоль длинной стѣны съ внутренней стороны и защищаетъ виллу отъ пыльных вѣтровъ пустыни. Тысячи птицъ: удода, воробьи, канарейки съ зелеными перьями, горлицы сѣрыя съ чернымъ ошейникомъ гнѣздятся въ листьѣ и оживляютъ мѣстность своими криками задорными. Вездѣ тѣнь, вездѣ свѣжесть—полный контрастъ съ обнаженной и знойной окружающей равниной. Стоитъ перешагнуть порогъ, и станетъ понятно, почему набожный египтянинъ желаетъ своей душѣ какъ высшаго блага: возвратиться къ своему очагу, сѣсть подъ деревьями, имъ насаженными, у берега водоема, имъ вырытаго, чтобы подышать на нѣжномъ сѣверномъ вѣтеркѣ.

Обширная рѣшетчатая бесѣдка идетъ отъ главнаго входа до жилого дома (рис. 57). Она поддерживается многими рядами деревянныхъ окрашенныхъ столбиковъ, съ капителью въ формѣ лотоса; лозы, посаженныя въ линію въ промежуткахъ, загибаются въ видѣ свода надъ головами прогуливающихъся. Нахтмину, въ

*) Думъ есть родъ пальмы, стволъ которой дѣлится на двѣ вѣтви и каждая вѣтвь снова дѣлится на двое. Она приноситъ довольно крупный плодъ, который прежними египтянами, повидному, очень цѣнился. До Сіута, вверхъ по Нилу, она совсѣмъ не встрѣчается. Это дерево начинаетъ исчезать въ собственномъ Египтѣ.

видъ забавы, каждый годъ устраиваетъ сборъ винограда. Невольники снимаютъ виноградныя кисти подъ его присмотромъ, складываютъ ихъ въ корзины и выжимаютъ въ длинныхъ мѣшкахъ

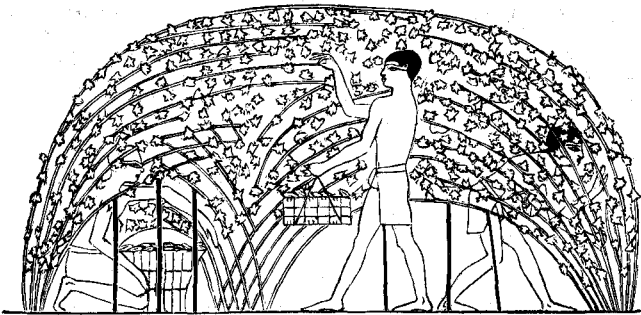

Рис. 57.—Бесѣдка изъ виноградныхъ лозъ. Собираиe винограда.

изъ толстой ткани (рис. 58); такимъ способомъ онъ получаетъ густое, сладковатое вино, которое немедленно превратилось бы въ уксусъ, если бы къ нему не примѣшивали смолы. Два неболь-

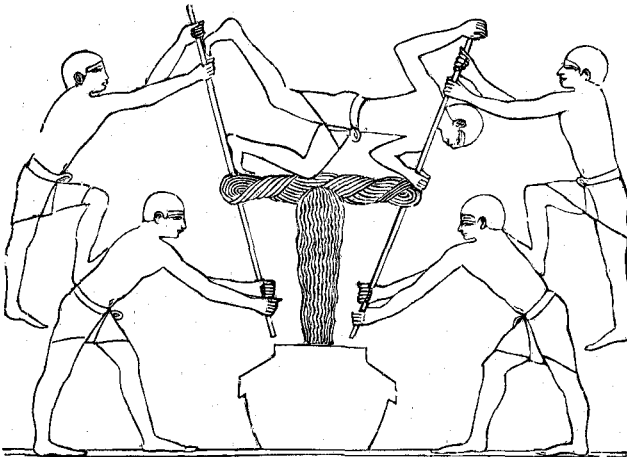

Рис. 58.—Прессованiе винограда.

шихъ открытыхъ павильона возвышаются направо и налѣво отъ дома, каждый обращенъ фасадомъ къ бассейнамъ; хозяинъ любитъ послѣ обѣда приходиться сюда играть въ шашки или мѣниво созерцать забавныя движенiя утокъ. Магазины, конюшни,

весь земледѣльческій инвентарь, необходимый для обработки полей отнесенъ въ другое огороженное мѣсто, нѣсколько подалѣе.

Землю, идущую отъ дачи вплоть до пустыни, не безъ трудностей ему удалось обратить въ способную для воздѣлыванія подъ огороды. Вода получается изъ канала посредствомъ нѣсколькихъ очеповъ, *шадуфъ*, расположенныхъ вдоль берега (рис. 59). Представьте себѣ длинную жердь, укрѣпленную между двумя стойками, образующую рычагъ, точка вращенія котораго приходится приблизительно на трети его длины; на короткое плечо его насаженъ противовѣсъ изъ жирной глины, а къ длинному плечу привѣшивается бадья изъ пальмовыхъ листьевъ. Отъ восхода солнца вплоть до заката приставленный къ очепу феллахъ черпаетъ воду въ ка-

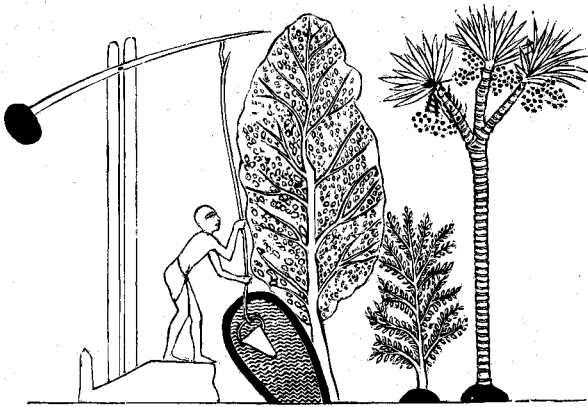

Рис. 59.— Очепъ—шадуфъ.

налѣ этой плетеной бадьей, приподнимаетъ ее въ полроста человѣка, при чемъ утекаетъ половина воды, а остальное выливаетъ въ жолобъ, по которому вода и стекаетъ къ мѣсту поливки. Земля раздѣлена невысокими валами на квадратныя гряды, на *хозяйства*, различной величины, которыя засѣяны овощами. Вода по жолобамъ переходитъ отъ одной гряды въ другую и, наконецъ, достигаетъ до самой послѣдней; излишекъ отъ поливки тщательно собирается въ особыя водоемы и служитъ для питья людямъ и животнымъ. Такимъ способомъ князь Нахтмину въ продолженіе всего года получаетъ для своего стола овощи: лукъ, огурцы, томаты, лупинъ, дикій просвирнякъ *) и разные сорта малвъ.

Однако же и тѣ земли, которыя не орошаются правильно, а пропитываются влагою, просачивающеюся изъ канала, не совсѣмъ

*) Gombo или *Bamia (Hibiscus esculentus)*.

еще безплодны. Въ тѣхъ мѣстахъ, куда доходить такимъ путемъ вода, появляется густая, сочная трава, и они покрываются въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль великолѣпнымъ ковромъ зелени, испещренной розовыми, фіолетовыми и желтыми цвѣтами; въ тѣхъ же мѣстахъ, куда вода не доходитъ, растительность сразу прекращается. На этихъ невоздѣланныхъ земляхъ въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ пасутся стада. Они обыкновенно остаются съ недѣлю на одномъ мѣстѣ, проводя день и ночь подъ открытымъ небомъ, подъ надзоромъ пастуховъ, при чемъ водономъ имъ служатъ или обширныя лужи, или каналъ; когда пастбище на этомъ мѣстѣ вытравлено и вытоптано, они перекочевываютъ на другое, цѣльное, и они не возвращаются въ деревню до тѣхъ поръ, пока не останется уже ни одного не отравленнаго пространства, принадлежащаго ихъ хозяину. Пастухи, проводящіе со стадами свою жизнь особнякомъ, естественно образуютъ особый классъ населенія съ нравами болѣе суровыми и болѣе дикимъ характеромъ, чѣмъ остальное населеніе. Они обыкновенно отпускаютъ бороду и волосы, между ними много встрѣчается даже рыжихъ, которые составляютъ предметъ ужаса для набожныхъ египтянъ, потому что существуетъ повѣрье, что рыжіе люди или животныя—сообщники Сита, убійцы Озириса; Ситомъ гнушаются, какъ злымъ духомъ. Въ досужное время они занимаются плетеніемъ цыновокъ, приготовленіемъ себѣ пищи и тѣхъ катышковъ, которые они употребляютъ для откармливанія своего скота; часто имъ приходится крѣпко отстаивать свой скотъ отъ нападенія рыщущихъ кругомъ бедуиновъ или отъ хищныхъ звѣрей. Впрочемъ, по натурѣ это—люди веселые, охотники до пѣсенъ, относящіеся съ полнымъ прервѣніемъ ко всякимъ осѣдлымъ ремесламъ.

Нѣсколько къ сѣверу отъ деревни каналъ расширяется въ большое заболоченное озеро, покрытое густою водною растительностью, состоящею изъ папируса, болотныхъ кувшинчиковъ, синяго лотоса (*Nymphaea lotus*) и двадцати различныхъ видовъ другихъ многолѣтнихъ водяныхъ растений. Всѣ эти густыя заросли образуютъ множество небольшихъ островковъ, между которыми живописно прихотливыми излучинами извиваются узкіе каналы, едва могущіе пропустить небольшой челнокъ. Каждый изъ нихъ кажется отдѣльнымъ міркомъ, гдѣ мирно уживаются многія тысячи насѣкомыхъ и птицъ:—пеликаны, гуси и утки рядомъ съ коровьей цаплей, бѣлымъ ибисомъ и чирковой уткой. Иногда, однако, въ этотъ мирный уголокъ тайкомъ прокрадется фараонова мышъ (ихневмонъ), каменная куница или просто сосѣдняя кошка, и произведетъ страшное опустошеніе между недостаточно еще оперившимися птенчиками. Воды такъ же густо населены, какъ и заросли: въ нихъ въ изобиліи попадаются: угорь, щука, минога и всякая другая рѣчная рыба. Иногда сюда заходятъ кро-

кодилы и даже заблудившіеся при спаденіи воды въ Нилѣ гиппопотама, ищущіе себѣ удобнаго убѣжища. Впрочемъ, протяженіе и глубина этихъ водныхъ котловинъ не такъ уже значительны, чтобы ихъ нельзя было осушить и обратить въ пространства, способныя къ обработкѣ, тѣмъ болѣе, что каждый разливъ Нила постепенно наноситъ на нихъ новый слой ила и облегчаетъ такимъ образомъ съ каждымъ годомъ подобную задачу. Князья Ану никогда не думали однако предпринять ничего подобнаго. Земли пахатной подь хлѣба имъ не занимать стать, и они предпочитаютъ сохранить вблизи своихъ городовъ свободныя пространства, пригодныя для охоты и рыбной ловли.

На другой день по приѣздѣ Нахтмину, его жена и дѣти ведутъ гостя къ озеру, приглашаютъ его сѣсть въ лодку и сами са-

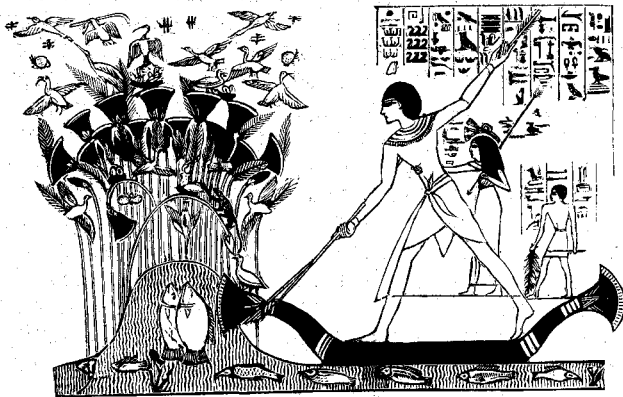

Рис. 60.—Ловля рыбы двойной острогой.

дятся. Лодки, которыя они заняли, состоятъ изъ продолговатаго ящика, вдѣланнаго въ тростниковую плетенку въ формѣ обыкновенной лодки; носъ и корма изъ тростника, крѣпко связаннаго папирусомъ, оканчиваются надъ самой водой или остроконечно, или въ видѣ цвѣтка лотоса. Вся лодка до такой степени легка, что одинъ или два человѣка, смотря по ея длинѣ, легко переносятъ ее на плечахъ отъ одного озера до другого. Она поминутно опрокидывается, но на это не обращается ни малѣйшаго вниманія; египтяне съ дѣтства умѣютъ плавать, а незатѣйливая простота костюма избавляетъ ихъ отъ чрезмернаго страха передъ такой неожиданной ванной. Отправляясь на рыбную ловлю, Нахтмину беретъ съ собой только длинную острогу съ двумя остріями (фиг. 60). Онъ быстро пробирается между зарослями въ сопровожденіи жены и двухъ дѣтей, которыя управляютъ челнокомъ. Стоя, нѣсколько наклонившись впередъ, онъ пристально

всматривается въ воду и вдругъ быстрымъ движеніемъ руки погружаетъ острогу и сразу вытаскиваетъ двухъ крупныхъ окуней. Псарю, предпочитающій больше охоту, отправляется охотиться съ двумя другими дочерьми хозяина, взявъ съ собою прирученнаго гуся для приманки дичи и кошку, прирученную къ поноску. При немъ нѣтъ ни лука, ни дротика, а только десятка два бумеранговъ. Бумерангъ—это нѣсколько изогнутая короткая палка, съ одной стороны выпуклая, а съ другой плоская, безъ украшеній или съ украшеніями въ формѣ змѣи. Берутъ ее за одинъ конецъ и бросаютъ въ воздухъ, и, если она попадетъ въ шею птицы, то та полумертвая падаетъ на землю. Псарю обладаетъ необыкновенною ловкостью въ этой смертоубійственной забавѣ: каждый бро-

Рис. 61.—Охота съ бумерангомъ на озерѣ.

шенный имъ бумерангъ попадаетъ въ цѣль. Тогда кошка бросается и подбираетъ жертву, разумѣется, не пропуская удобнаго случая попользоваться нѣсколькими яйцами или выводками въ гнѣздахъ, которыя попадутся ей по пути (фиг. 61).

Охота и рыбная ловля, производимыя такимъ способомъ, только забава и отдыхъ богатыхъ людей и важныхъ вельможъ. Охотники и рыбаки по ремеслу употребляютъ въ дѣло снаряды болѣе вѣрные, въ особенности сѣти (рис. 62). Рыболовныя сѣти бываютъ очень длинныя съ широкими петлями, верхній край сѣтей поддерживается на поверхности воды деревянными поплавками, а нижній удерживается на днѣ свинцовыми ядрами, которыя растягиваютъ ее надлежащимъ образомъ. Она забрасывается или прямо съ берега или съ лодки; потомъ, по данному знаку распорядителя, человекъ шесть берутся за концы веревки и вытаскиваютъ ее на берегъ. Пойманная рыба—крупная—относится на рукахъ, а мелкая въ не-

большихъ корзинкахъ, въ амбары, гдѣ солельщики потрошатъ ее и, обсыпавъ солью, развѣшиваютъ ее на открытомъ воздухѣ вялиться. Такой способъ заготовленія рыбы въ прокъ не особенно надеженъ: она всегда получаетъ неприятный привкусъ, отдаетъ сильнымъ запахомъ и скоро портится. Простой народъ на это не обращаетъ вниманія: ему полакомиться рыбой не каждый день приходится, но даже и богатые, при случаѣ, не гнушаются отвѣдать ея.

Рис. 62.—Ловля рыбы неводомъ.

Сѣти для охоты на птицу довольно большихъ размѣровъ (фиг. 63). Ихъ натягиваютъ на шестистороннюю деревянную раму, которая раскрывается при помощи шалнеровъ на двое. Для разстановки ихъ выбираютъ пространство надъ водою, совершенно открытое, между двухъ тростниковыхъ порослей. Снарядъ прикрѣпляется, совсѣмъ открытымъ, довольно короткой веревкой къ колу, вбитому въ тину, и три-четыре человѣка ухватываются за другую

Рис. 63.—Охота сѣтями.

очень длинную веревку, прилаженную такъ, чтобы снарядъ захлопнулся, когда ее потянуть. Затѣмъ руководитель охоты бросаетъ приманку—нѣсколько горстей зеренъ или хлѣбныхъ крошекъ—и, спрятавшись въ засаду, наблюдаетъ за движеніями птицъ. Лишь только онъ найдетъ, что благопріятный моментъ наступилъ, отдаетъ едва слышнымъ голосомъ послѣднія распоряженія: „Не дремать: дѣйствовать дружно! Дѣло идетъ, какъ по маслу! Дичь въ нашихъ рукахъ!“ И онъ быстро встаетъ, махая длинной тряпкой. Люди тянутъ за веревку, и обѣ половинки рамы съ шумомъ быстро замыкаются. Съ полдюжины гусей, которые были внѣ сѣти, улетаютъ, а десятка три становятся плѣнниками. Охотники проворно сажаютъ въ клѣтку молодыхъ съ цѣлью сдѣлать ихъ потомъ ручными, а остальныхъ связываютъ лапами по 3—4 птицы вмѣстѣ. Старшій помощникъ свертываетъ имъ шею

и очищает перья; другой — отрубает голову и потрошит, третий солить и укладывает в корчаги, не подвергая их копчению (рис. 64). Таким способом заготавливается не только дичь крупная—гуси, утки, но и мелкая—перепелки и куропатки. Перед тем, как подавать эти консервы дичи к столу, их несколько часов вымачивают в чистой воде, и потом уже, когда они освободятся от лишней соли, их подают или просто сырыми, или приправленными в виде рагу. Если хорошо приготовлено это блюдо, оно, правда, не из самых изысканных, во всяком случае по вкусу лучше рыбы.

В прежнее время охота в пустыне была не только забавой, но и насущной необходимостью. Ею преследовались два цели, одинаково важные: приобретение полезных и истребление хищ-

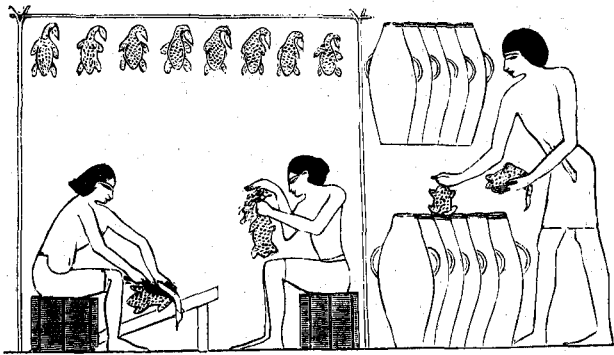

Рис. 64.—Заготовление дичи в запасъ.

ных животных. Большая часть домашних животных, которые разводятся и содержатся теперь на фермах, в то отдаленное время не вполне еще были подчинены человеку. Правда, овца, коза, может быть, осел, были уже домашними животными, но свинья оставалась в полудиком состоянии, купаясь на свободе в грязных лужах Дельты; сам бык, не вполне еще прирученный, подчинялся только аркану; но потом, преследуя его все больше и больше, наконец, удалось загнать его в пустынные пространства, разстилающиеся между крайними левыми рукавами Нила, образующими Дельту, и подножием Ливийских гор, отделяющих египетскую равнину от пустыни. Затем очередь дошла и до газелей, антилоп, длинношерстного барана, каменного барана, приходящих в равнину на водопой, которых преследовали до горных ущелий и проходов и даже до плоскогорий в пустыне, где они водились на воле стадами. Своры смешанных зверей, в которых находились рядом бок о бок

шакаль съ гіеновой собакой, борзая съ волчьей (*canis anthus*), выслѣживали и выгоняли на охотника добычу, которую ему оставалось только пронизывать своими стрѣлами. Иногда за охотникомъ, возвращающимся домой, плелся на своихъ еще слабенькихъ ножкахъ дѣтенышъ только что убитой матери, трупъ которой охотникъ несъ на своихъ плечахъ; порой слегка раненую газель живою волокли въ деревню, и она выздоравливала. Вотъ подобныя плѣнники, привыкая къ постоянному сосѣдству человѣка, и образовали съ теченіемъ времени вокругъ его жилища цѣлыя стада разнообразныхъ животныхъ, которыхъ держали отчасти для забавы, а главнымъ образомъ ради пользы: въ случаѣ надобности въ хозяйствѣ они служили запасомъ мясной провизіи. Постоянныя охоты служили такимъ образомъ средствомъ для пополненія убыли звѣрей, и нѣкоторые изъ нихъ считались сотнями. Между тѣмъ время и опытъ научили отличать между ними тѣ породы, изъ которыхъ можно было извлекать цѣнныя въ хозяйствѣ выгоды, отъ тѣхъ, которыя никакъ не поддавались человѣку въ смыслѣ прирученія, сохраняя упорно свои дикіе инстинкты. И теперь еще можно видѣть то тамъ, то сямъ, на дворахъ у богатыхъ людей, ручныхъ газелей, служащихъ забавой для дѣтей и женщинъ, но уже перестали держать ихъ цѣлыми стадами; охота теперь стала только развлеченіемъ, а не полезной погоней за добычей въ видѣ обязанности.

Большинство провинцій или областей имѣютъ своихъ смотрителей за охотою, подчиненныхъ главному начальнику охотниковъ. Привыкши выслѣживать безпрестанно звѣря въ горахъ, они знаютъ ихъ до сокровеннѣйшихъ закоулковъ. Нѣтъ тропинки, по которой они не проходили бы, источника или колодца, положенія которыхъ они не замѣтили бы, или оврага, котораго не обшарили бы отъ одного конца до другого. Въ то же время они служатъ какъ бы авангардомъ Египта противъ бедуиновъ, и ихъ бдительность не разъ спасала провинціи и богатѣйшіе города Нильской долины отъ набѣговъ Тагону, Ану, Кагакъ и другихъ полуварварскихъ племенъ, которыя кочуютъ на восточныхъ и западныхъ окраинахъ Египта. Нахтмину отдалъ приказъ Бакурро, начальнику охотниковъ, приготовить все дня на два, на три въ отлѣзшее поле къ Газелевому озеру; мѣстомъ сбора назначено начало долины Ану, подъ „Скалою съ надписями“, между девятью и десятью часами утра.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы вдоль канала и крутого поворота къ востоку приходятъ ко входу въ долину. Она представляетъ высохшее русло горнаго потока, покрытое мелкимъ пескомъ и усѣянное длинными рядами камней. Берега совершенно отвѣсны; и только подъ влияніемъ дѣйствія солнца гребень и верхнія части скалистаго берега разрушились; такимъ образомъ

вывѣтрившаяся скала сползла длинными откосами изъ каменныхъ обломковъ (рис. 65). Зимой вода подмываетъ эти обломки на каждомъ поворотѣ и уноситъ ихъ, гдѣ течение быстрое, глыба за глыбой, нагромождая ихъ все ниже и ниже къ равнинѣ. Ущелье, при входѣ довольно широкое, вскорѣ потомъ суживается. Въ шести мѣстахъ оно пересѣкается порогами изъ твердаго и сплошнаго камня, несомѣнно еще размытаго водою; они служатъ естественными террасами, которыя высятся на нѣкоторомъ разстояніи одна надъ другой, и вода во время дождей падаетъ съ нихъ шестью каскадами. Каждый разъ при переходѣ отъ одной террасы къ другой приходится взбираться на стѣну по небольшимъ узкимъ и обрывистымъ тропинкамъ, устланымъ камнями, которые осы-

Рис. 65.—Долина Апу.

паются подъ ногами. Пространство между пятымъ и четвертымъ порогомъ представляетъ сплошное плоскогоріе, шириною метровъ въ двѣсти, перерѣзанное посрединѣ узкимъ оврагомъ. Вода совершаетъ тутъ въ маломъ видѣ ту работу, которую она совершила въ большомъ размѣрѣ при прорытіи самой долины. Она проточила рытвину глубиною метровъ въ шесть-восемь и шириною метра въ четыре и загромодила ее валунами и огромными каменными глыбами, которые съ каждымъ годомъ мало-по-малу перемѣщаетъ, сдвигая ихъ постепенно внизъ. Тутъ развивается роскошная растительность и держится подъ тѣнью скалъ долго еще послѣ того, какъ подъ вліяніемъ лѣтнихъ жаровъ все вокругъ высохло и сожжено. Одна изъ разновидностей каперсоваго куста съ фіолетовыми цвѣтами, какое-то сочное растеніе съ круглыми мясистыми листьями и одна изъ породъ стройнаго гребен-

щика (*Tamariscineae*) цѣпляются и растутъ въ разсѣлинахъ всюду, гдѣ только находятъ для своего произрастанія горсточку плодородной земли. Нѣсколько лужъ, послѣдній остатокъ зимнихъ дождей, отражаются своей зеркальной поверхностью тамъ и сямъ; въ одномъ изъ самыхъ узкихъ мѣстъ оврага бѣжитъ тонкая струйка воды и, проворно и весело перепрыгивая съ камня на камень, принимаетъ видъ каскада.

Кавалькада съ трудомъ поднималась по оврагу. Огромная скала, отдѣлившаяся отъ горы, по всей вѣроятности очень давно, можетъ быть даже тогда, когда еще и самаго Египта не существовало, высится передъ каскадомъ на правой сторонѣ долины. Это—*Скала съ надписями*. Она шире на вершинѣ, чѣмъ въ основаніи, и представляетъ въ верхней своей части рядъ навѣса, подъ которымъ легко могутъ найти убѣжище отъ солнца пять, шесть человекъ. Охотники за газелями дѣлаютъ тутъ привалъ съ незапамятныхъ временъ, и многіе изъ нихъ вписали свои имена на скалѣ или же нацарапали ножомъ охотничьи сцены; тутъ виднѣются: газели, страусы, гуси, обращенные другъ къ другу головами, одинъ изъ символовъ бога Мину, покровителя пустыни, наконецъ, само изображеніе Мину съ поднятой рукой, съ перьями на головѣ. Бакурро со своими подручными уже тутъ съ вчерашняго вечера: одни несутъ съ собой сѣти и колья для ихъ укрѣпленія, другіе держатъ на сворѣ большихъ борзыхъ собакъ, носящихъ варварійскія клички: Абаикаро, Пугтесъ, Тогру. Вотъ оба отряда соединились и стали подниматься вмѣстѣ по долину къ истоку ручья. Вода въ немъ наполняется медленно на днѣ воронкообразной узкой котловины и сохраняется всегда въ свѣжемъ состояніи. Какъ разъ передъ ключомъ поднимается отвѣсная скала, въ которой высѣченъ гротъ, или скорѣе не очень глубокая пещера, достаточно однако высокая, чтобы человекъ могъ стоять въ ней, не нагибаясь. Гротъ посвященъ въ честь Мину. Въ этомъ мѣстѣ дѣлаютъ привалъ и располагаются позавтракать и переждать въ тѣни, пока спадетъ полуденный жаръ. Часамъ къ тремъ пускаются въ путь довольно скорымъ шагомъ, такъ какъ предстоящій переходъ длиненъ и утомителенъ. Долина оканчивается на разстояніи отъ источника метрахъ въ шести-восьмистахъ глухимъ, немнѣющимъ выхода, закоулкомъ. Онъ состоитъ въ началѣ изъ узкаго ущелья, на половину загроможденнаго огромными камнями, потомъ изъ небольшой долинки, гдѣ съ трудомъ прозябаютъ нѣсколько сорныхъ травъ и кучка пальмъ; немного далѣе изъ каменной стѣны по каплямъ просачивается новый ключикъ, и наконецъ разстилается огромный циркъ, совершенно загроможденный обломками скалъ. Узкая, извилистая тропинка ведетъ на верхнее плоскогорье, которое тянется въ безпредѣльную даль въ видѣ слегка волнистой поверхности. При наступленіи ночи караванъ остановился на краю

одной впадины, наполненной водой; эта впадина на языкѣ обычныхъ посѣтителей пустыни громко именуется Озеромъ газелей. Ночью охотники растягиваютъ сѣти, укрѣпляя ихъ кольями передъ входомъ въ глубокой оврагъ, выходящій недалеко къ озеру; сами же длиннымъ обходомъ отправляются съ дюжиной собакъ на другой конецъ оврага и ждутъ въ засадѣ. И вотъ, на зарѣ, когда около сотни звѣрей, обитающихъ въ окрестности и приходящихъ этимъ путемъ на водопой, по обыкновенію вошло въ него, ничего не подозрѣвая, охотники быстро загородили другими сѣтями отступленіе—и всѣ они попались въ ловушку. Собаки, спущенныя со своры за ними (рис. 66), гонятъ ихъ прямо на засѣвшихъ впереди Псарю и Нахтмину, которые пронзаютъ безъ усталости стрѣлами все, что приближается на разстояніе полета ихъ стрѣлъ: зайцевъ,

Рис. 66.—Охота въ пустынь.

сернобыковъ, антилопъ, страусовъ, шакаловъ, рысей, даже пятнистыхъ и полосатыхъ гіенъ — не прошло и двухъ часовъ, все было переловлено, ранено или убито. Въ былыя времена такое препровожденіе времени, повидимому, очень безобидное, бывало однако не безъ нѣкоторой опасности. Крупные представители семейства кошекъ, какъ львы, тигры или леопарды, были тогда довольно многочисленны, и случалось, что отправляющійся на охоту за козами неожиданно встрѣчался на дорогѣ лицомъ къ лицу съ этими хищными звѣрями и тогда охотникъ становился самъ для нихъ добычей. Теперь львы почти совсѣмъ перевелись. Фараоны ихъ преслѣдуютъ съ ожесточеніемъ и уничтожаютъ ихъ, сколько могутъ. Аменготпу III убилъ сто двѣнадцать львовъ въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ своего царствованія, и, если Рамзесъ II не дошелъ еще до этого числа, такъ единственно потому, что его предшественники почти истребили эту породу хищниковъ.

Кромѣ того, по рассказамъ племень, обитающихъ въ Сахарѣ, пустыня содержитъ въ своихъ необъятныхъ пространствахъ животныхъ еще болѣе страшныхъ, но, къ счастью, болѣе рѣдкихъ чѣмъ левъ, это—сфинксы съ человѣческими головами, грифы съ тѣломъ шакала, орлиною головою и ястребиными крыльями, тигры съ змѣиною головою (рис. 67). Еще не было такого смѣльчака, который могъ бы похвалиться побѣдою хотя бы надъ однимъ изъ этихъ чудищъ; они избѣгаютъ человѣка, хотя имъ и легко было бы справиться съ нимъ: ихъ видятъ всегда только издалека, на самомъ краю горизонта. Многие—и Псару въ томъ числѣ—совсѣмъ не вѣрятъ въ существованіе ихъ; напротивъ, охотники и проводники каравановъ рассказываютъ тысячи исторій объ ихъ силѣ, объ ихъ чудесныхъ свойствахъ... Извѣстно, что сернобыкъ можетъ оборотить человѣка въ камень однимъ взглядомъ, и что левъ оча-

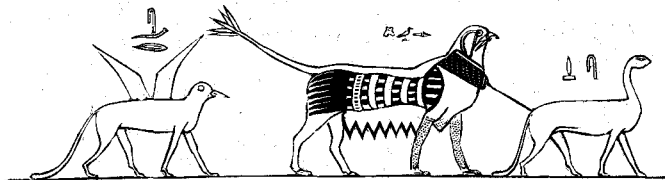

Рис. 67.—Чудовища, обитающія въ пустынь.

рываетъ свою жертву тоже взглядомъ: разъ онъ привелъ ее въ оцѣненіе и отнялъ у нея всякую волю, онъ заставляетъ ее слѣдовать за собою до тѣхъ поръ, пока ему это угодно, и съѣдаетъ ее, когда почувствуетъ голодь. Чудовища не только обладаютъ такою же властью, но производятъ на все, что имъ попадается на встрѣчу, такое зловредное дѣйствіе, сущности котораго никто не можетъ объяснить. Вечеркомъ, вокругъ костра, долго рассказываются объ нихъ чудныя исторіи, но ничего подобнаго съ ними не случилось въ продолженіе этой двухдневной охоты около Озера газелей. Можетъ быть, для этого надо углубиться подальше въ пустыню, до окрестностей остроконечной горы Баху и таинственныхъ странъ, гдѣ солнце появляется каждое утро при удаленіи ночи.

Псару, человѣкъ далеко не первой молодости, возвратился съ охоты восхищенный, но усталый до изнуренія отъ этой поѣздки въ пустыню. Вотъ уже нѣсколько дней онъ чувствуетъ какую-то тяжесть въ головѣ и испытываетъ нѣкоторую усталость, не позволяющую ему ни работать, ни даже думать. Можетъ быть, это только временное недомоганіе; какъ бы тамъ ни было, онъ предпочитаетъ вернуться домой и провести время своей болѣзни въ Оивахъ, если уже непременно ему придется расхвораться. Про-

стившись съ Нахтмину, онъ по пути забираетъ съ собою суда съ пшеницей, собранной въ видѣ подати, и приглашаетъ съ собой смотрителей житницъ: ихъ усердіе заслуживаетъ награды, и онъ желаетъ ихъ представить самолично фараону для вознагражденія ихъ знакомъ Золотого Ожерелья. Недѣлю спустя послѣ отъѣзда изъ города Апу онъ возвращается въ Оивы; жена его Хаитъ и дѣти, ожидавшія его съ нетерпѣніемъ, удерживаютъ его часть ночи въ разговорахъ, и онъ до такой степени счастливъ, что ихъ видитъ, что забылъ даже о своемъ недомоганіи. Наконецъ онъ удаляется на покой, но, несмотря на свое утомленіе, никакъ не можетъ заснуть. Происшествія этихъ послѣднихъ дней неотвязчиво приходятъ ему въ голову, и эти воспоминанія до того преслѣдуютъ его, что вызываютъ у него родъ бреда, который онъ смутно начинаетъ сознавать. Египтяне имѣютъ обыкновеніе класть голову на деревянное изогнутое изголовье на подставкѣ (рис. 68); часто на немъ вырѣзывается странное и безобразное изображеніе бога Бизу (фиг. 69). Это—карликъ съ короткими ногами, выпученнымъ животомъ и уродливой маской, но благожелательнаго характера, который отгоняетъ отъ спящаго духовъ и демоновъ, бродящихъ по ночамъ. Или Бизу занять чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, или небрежно исполняетъ свою должность, но только Псару чувствуетъ, что онъ окруженъ и какъ бы опутанъ вражескою силой, противъ которой всякая борьба съ его стороны остается тщетною. Сердце у него учащенно

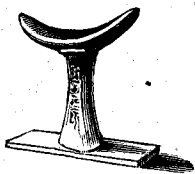

Рис. 68.—Деревянное изголовье.

Рис. 69.—Богъ Бизу.

бьется, во рту какой-то вязущій вкусъ, словно онъ поѣлъ плодъ дикой смоковницы, его знобитъ, и онъ съеживается подъ одѣялами, но отъ нихъ только тяга и духота. Наконецъ подъ утро онъ заснулъ, но сномъ, исполненнымъ тревожныхъ сновидѣній и не доставившимъ ему желаннаго отдыха.

ГЛАВА VII.

Болѣзнь и смерть.

Дворецъ фараона.—Аудиенція Псару.—Раздача золотыхъ ожерелій.—Врачебное искусство въ Египтѣ: колдуны и лѣкаря.—Лѣчебники.—Заклинатель: заклинаніе противъ злыхъ духовъ.—Смерть и начало траура.—Нетлѣнность души.—Озирисъ: первая мумія.—Бальзамированіе.—Приготовление похоронныхъ принадлежностей.—Гробъ и амулеты.—Мумія.

Два рѣзкихъ удара въ дверь внезапно разбудили Псару: показался герольдъ, который, по приказанію фараона, приглашаетъ его во дворецъ. Никогда приглашеніе не было такъ некстати: недомоганіе, вмѣсто того, чтобы пройти, какъ онъ надѣялся, усилилось въ продолженіе ночи. Онъ чувствуетъ, что голова его еще тяжелѣе и горитъ пуще прежняго, языкъ сталъ суше, во рту горечь, тѣло точно избитое, и время отъ времени странныя содроганія передергиваютъ всего его. Все равно: когда фараонъ сказалъ—остается только повиноваться. Онъ торопливо встаетъ, румянитъ лицо и губы, чтобы скрыть свою блѣдность, надѣваетъ парикъ съ длинными локонами, который никогда ему не казался такимъ тяжелымъ, одѣвается въ кафтанъ изъ бѣлаго полотна и съ трудомъ взлѣзаетъ на свою колесницу. Египетъ не строитъ своихъ дворцовъ, какъ храмы, на вѣчность. Это—легкія постройки изъ дерева, кирпича, песчаника мелкаго размѣра, гранитъ входитъ только какъ украшеніе для главныхъ входовъ. По своему расположенію и устройству дворцы очень напоминаютъ виллу Нахтмину въ большихъ размѣрахъ: отдѣльные павильоны для гарема, амбары для запасовъ, казармы и жилища помѣщенія для царской гвардіи и лицъ, находящихся въ услуженіи, обширные дворы, обсаженные деревьями, сады съ многочисленными бесѣдками и прудами, гдѣ женщины прогуливаются и развлекаются на свободѣ. Высокая зубчатая стѣна даетъ всему этому видъ крѣпости или укрѣпленнаго лагеря; да и въ самомъ дѣлѣ не разъ, во время бунта или заговора, добрый богъ бывалъ обязанъ своимъ спасеніемъ только крѣпости дверей и вышиной стѣнъ. Псару, не слѣ-

зая, проѣхалъ во дворъ, гдѣ шарданы *) съ нѣсколькими египетскими стрѣлками изъ лука содержатъ караулъ, заявилъ о себѣ начальнику караула и прослѣдовалъ на почетный дворъ въ сопровожденіи сборщиковъ и сельскихъ служащихъ, которыхъ привезъ съ собой изъ Апу.

Трибуна, съ которой царь даетъ аудіенціи, находится какъ разъ напротивъ главнаго входа и помѣщается на выступѣ, выдающемся на главномъ фасадѣ и сообщающемся съ внутренними покоями дворца. Она возвышается отъ земли на четыре или пять метровъ, окружена невысокимъ барьеромъ, покрытымъ подушкой, вышитой голубымъ и краснымъ пестрымъ узоромъ, а отъ солнца защищаетъ досчатый балдахинъ чрезвычайно замысловатой отдѣлки, который поддерживается двумя деревянными тонкими и высокими столбиками, выкрашенными яркими красками и украшенными сверху разноцвѣтными флагами. Въ моментъ, когда Псару, сойдя съ колесницы, палъ ницъ, Рамзесъ появляется съ Изинофритари на краю ложи и говоритъ ему нѣсколько привѣтливыхъ словъ, на которыя онъ воздержался отвѣтить. Эtiquette не допускаетъ, чтобы подданный могъ предстать передъ фараономъ, не будучи пораженъ изумленіемъ и не чувствуя себя уничтоженнымъ: языкъ ему не повинуется, ноги у него подкашиваются, сердце перестаетъ биться, и онъ не знаетъ—живъ онъ, или мертвъ. Псару пришелъ въ себя только тогда, когда услышалъ, какъ царь сказалъ одному изъ *Друзей* **), которые, стоя, окружаютъ трибуну: „Поднять его, и пусть онъ мнѣ отвѣчаетъ“. Псару съ соизволенія фараона возвращается къ жизни и становится на ноги. „Вотъ ты съ миромъ вернулся назадъ“, продолжаетъ фараонъ, „и твое дѣло шло, какъ слѣдуетъ. А кто это позади тебя—смотрители житницъ и сcribes?“—„Да, это они, государь, нашъ повелитель. Они сдѣлали для тебя больше, чѣмъ когда-либо сдѣлано было со времени бога Ра: они собрали въ одну жатву пшеницы болѣе, чѣмъ когда-либо собиралось за эти послѣднія тридцать лѣтъ“.—„Все это хорошо, что ты намъ говоришь“, отвѣчаетъ фараонъ. Потомъ, обращаясь къ царицѣ, прибавляетъ: „Псару только что вернулся изъ деревни, не находишь ли ты, что онъ усвоилъ видъ и манеры мужика?“ Эта шутка, обнаруживающая удовольствіе не совсѣмъ обычное, привела въ веселое состояніе всѣхъ присутствующихъ: смѣхъ сообщается отъ царя—царицѣ, отъ царицы—друзьямъ и, по іерархіи, достигаетъ до людей, кучками стоящихъ на дворѣ. Фараонъ зоветъ царедворцевъ: „Выдать золота, много золота достохвальному начальнику области, еивскому графу Псару, почтен-

*) См. стр. 69, гдѣ говорится о шарданахъ.

**) Слово *Друзья* служило титуломъ, который давался самымъ высшимъ приближеннымъ лицамъ, окружавшимъ царя.

ному лѣтами, достигшему счастливой старости, безупречному правителю“. Тотчасъ же передъ фараономъ ставятъ небольшой столикъ съ наложенными на немъ столбомъ ожерельями и браслетами, золотыми или серебряными только позолоченными, въ сомъ и величиной соответствующими важности оказанныхъ услугъ (рис. 70). Онъ беретъ одно изъ нихъ и бросаетъ его съ трибуны, ца-

Рис. 70.—Царь (Аменготпу IV) и его семья бросаютъ золотыя ожерелья.

рица дѣлаетъ то же, а три молоденькія царевны, прибѣжавшія позабавиться новой игрушкой, скоро покончили съ остальными.

Друзья надѣваютъ на шею Псару самое крупное ожерелье и подвѣшиваютъ къ послѣдному еще нѣсколько поменьше, въ видѣ манишки на грудь. Самъ онъ въ это время, стоя прямо съ воздѣтыми вверхъ руками, запѣваетъ благодарственную пѣсню: „Прекрасно твое пробужденіе, добрый государь, любимый Амономъ,

ты, который существуешь вѣчно подобно твоему отцу Ра и обладаешь его долговѣчностью. О, царь, ты Горусъ между людьми, ты, который даешь мнѣ существованіе, мнѣ и моему двойнику; радость велика, гдѣ ты, и тѣ, кто тебѣ повинуются, въ веселіи; меня, ничтожнаго, ты возвеличилъ всеѣмъ тѣмъ, что ты сдѣлалъ для меня, и я достигъ до счастливой старости, не совершивъ никогда никакого преступленія“. Офицеры, вышедшіе изъ двухъ

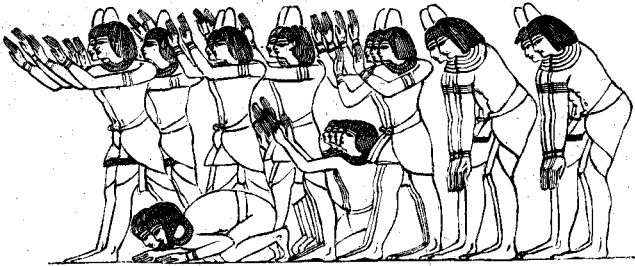

Рис. 71.—Разныя положенія поклоненія фараону.

боковыхъ дверей, находящихся около трибуны, разошлись по двору, каждый съ полными руками ожерелій и браслетъ, и начали щедро жаловать ими отъ имени фараона смотрителей житницъ. Проникшись признательностью за такія милости, они, съ поднятыми вверхъ руками, привѣтствовали радостными криками фараона, становились на колѣни и падали ницъ и затѣмъ поднимались, не

Рис. 72.—Скриба, записывающій золотыя ожерелья.

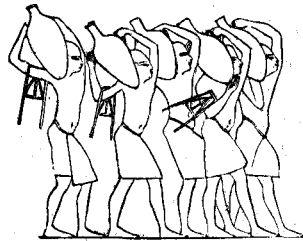

Рис. 73.—Рабы, несущіе кувшины.

разгибая спины и съ опущенными внизъ руками, и, наконецъ, становились послѣдовательно во все позы, принятыя для выраженія поклоненія (рис. 71). Одинъ скриба, весь погруженный въ свое занятіе, быстро записываетъ число розданныхъ драгоценностей и имена тѣхъ, кто ихъ получилъ (рис. 72). Солдаты выходятъ изъ своихъ казармъ и присоединяютъ свои крики къ крикамъ пожалованныхъ. Рабы, сгибаясь подъ тяжестью кувшиновъ,

наполненныхъ виномъ и пивомъ, несутъ ихъ для угощенія толпы, собравшейся снаружи, передъ дворцомъ (рис. 73). Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ происходитъ зрѣлище суматохи и шумнаго ликованія, въ которомъ царская семья, казалось, принимаетъ величайшее удовольствіе. Наконецъ, Псару удаляется: лишь только онъ перешагнулъ порогъ своего дома, его друзья, рабы, его семейные, его свита, бросились къ нему и осыпали его ласками, цѣлуя руки, ноги, одежду, поздравляли торопливыми,

Рис. 74.—Псару поздравляютъ его домашніе.

отрывистыми фразами (рис. 74). Правда, онъ много потрудился, но зато щедро и вознагражденъ, и часъ, подобный тому, который онъ только что пережилъ, въ состояніи вознаградить въ жизни человѣка за цѣлые годы испытаній.

Псару, поддерживаемый чувствомъ удовлетворенной гордости и пріятными волненіями, ни на минуту не ослабѣлъ въ продолженіе этой долгой церемоніи. Но уже къ концу аудіенціи боли начали возвращаться, и, прибывъ домой, онъ не сошелъ, а скорѣе повалился съ колесницы и очутился въ объятіяхъ жены, вышедшей ему навстрѣчу, чтобы

выразить свой привѣтъ и пожеланія. Наскоро освобождаютъ его отъ массы золота, которое давить ему грудь своею тяжестью, раздѣваютъ и укладываютъ въ постель; но онъ не совсѣмъ пришелъ въ себя и остается въ состояніи какого-то болѣзненнаго отупѣнія: это уже не легкая, скоропреходящая болѣзнь, а болѣзнь не шуточная, серьезная, и только Богу извѣстно, чѣмъ она кончится. Покорность египтянъ не дошла еще до признанія того, что болѣзнь и смерть—явленія естественныя и неизбѣжныя. По ихъ мнѣнію, жизнь, разъ начавшись, можетъ продолжаться безконечно, если какая-нибудь несчастная случайность не остановитъ ее вдругъ; спрашивается, какое побужденіе она могла бы имѣть сама, чтобы остановить свое развитіе?

Слѣдовательно, въ Египтѣ человѣкъ не умираетъ, но кто-нибудь или что-нибудь его убиваетъ. Часто убійца принадлежитъ къ нашему міру, и его легко обозначить: другой человѣкъ, звѣрь, неодушевленный предметъ, отдѣлившійся отъ горы камень, дерево, падая, придавить прохожаго. Часто также онъ принадлежитъ къ невидимому міру и проявляется только во вредоносности своихъ дѣйствій. Это бываетъ богъ, духъ, душа умершаго, тайкомъ вѣдрившаяся въ живого человѣка или же явно нападающая на него съ неотразимою яростью. Разъ вѣдрившись въ тѣло, злое суще-

ство ломаетъ кости, высасываетъ костный мозгъ, пьетъ кровь, разбѣдаетъ внутренности и сердце, пожираетъ тѣло. И по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ его разрушительное дѣйствіе, чело-вѣкъ постепенно угасаетъ, и смерть наступаетъ быстро, если не удастся изгнать злого духа прежде, чѣмъ онъ успѣетъ произвести непоправимыя разрушенія въ тѣлѣ. Обязанность врачующаго достичь двухъ цѣлей, равно важныхъ: прежде всего онъ долженъ открыть свойства злого духа и иногда его имя, а потомъ дѣйствовать противъ него, стараясь изгнать и даже, если возможно, уничтожить его. Сдѣлать это съ успѣхомъ можетъ только могущественный кудесникъ, сильный въ заклинаніяхъ и искусный въ приготовленіи амулетовъ. Затѣмъ онъ долженъ поправить лѣкарствами расстройства, причиненныя присутствіемъ въ тѣлѣ этого посторонняго существа. Это уже дѣло правильнаго образа жизни и искусной постепенности и своевременности въ употребленіи лѣкарствъ.

Лѣкаря бываютъ разные. Одни лѣчатъ колдовствомъ, заговорами и вѣрятъ только заклинаніямъ или талисманамъ: для нихъ главное дѣло—изгнать нечистаго духа. Другіе прибѣгаютъ только къ употребленію лѣкарствъ. Они изучаютъ свойства травъ и минераловъ, описываютъ болѣзни, для которыхъ каждое изъ произведеній природы пригодно, опредѣляютъ съ точностію время, когда надо ихъ заготавливать и употреблять: такая-то трава оказываетъ дѣйствіе только тогда, если ее срываютъ ночью, въ часъ полнолунія; такая-то дѣйствуетъ только лѣтомъ, а такая-то безразлично—и лѣтомъ и зимой. Настоящіе лѣкаря не придерживаются какого-либо одного исключительно метода: они строго отличаютъ случаи, въ которыхъ примѣненіе магін считается высшимъ средствомъ, отъ тѣхъ, въ которыхъ достаточно бываетъ простыхъ естественныхъ средствъ; ихъ методъ употребленія лѣкарствъ и заклинаній состоитъ изъ смѣшенія этихъ двухъ способовъ, при чемъ преобладаніе того или другого смѣняется смотря по характеру болѣзни у отдѣльныхъ лицъ. Этого рода лѣкаря большею частію принадлежатъ къ сословію жрецовъ, и они почерпнули свои свѣдѣнія изъ источника всякой науки, изъ сочиненій объ этомъ предметѣ Тоота и Имготпу *), составленныхъ векорѣ послѣ созданія міра. Хранившіяся въ святилищѣ, творенія эти долгое время никому не были извѣстны, и только благодаря особннымъ откровеніямъ они появились, одно за другимъ, въ послѣдующіе за Менесомъ вѣка. Такъ „Трактатъ объ уничтоженіи прыщей на всѣхъ частяхъ человѣческаго тѣла“ „былъ открытъ подъ ногами бога Анубиса въ Летополисѣ и представленъ царю Гусафайти“

*) Имготпу—богъ медицины, котораго греки впоследствии отождествили съ Эскулапомъ; это—мефійскій богъ, сынъ Фта.

II династии. Другое сочинение „случайно было замѣчено въ большой залѣ храма въ Коптосѣ однимъ жрецомъ этого храма. Когда все окружающее было погружено во мракъ, вдругъ луна взшла надъ книгой и неожиданно освѣтила ее своими лучами. Какъ чудесно явившюся, ее отнесли къ царю Хеопсу“. Къ этимъ божественнымъ текстамъ люди присоединили рецепты, заимствованные у знаменитыхъ иностранныхъ медиковъ, финикійскихъ или сирійскихъ, и обогатили все это собственными наблюдениями, сдѣланными въ продолженіе ихъ личной практики. Каждый лѣкарь, испытавши которое либо изъ указанныхъ у авторовъ средствъ, дѣлаетъ на поляхъ или между строчками собственнаго экземпляра краткую замѣтку о полученномъ имъ результатѣ: какая формула хороша, какая сомнительна, какая остается безъ дѣйствія или же производитъ гибельныя послѣдствія. Приобрѣтенный такимъ путемъ опытъ остается навсегда, и сокровища науки постепенно отъ поколѣнія къ поколѣнію накаплиются.

Хаитъ позвала заклинателя къ своему мужу. Нибамону нѣтъ равнаго въ Оивахъ въ заговариваніи самыхъ жестокихъ головныхъ болей. Къ вечеру онъ пришелъ съ двумя слугами, у одного изъ нихъ въ рукахъ собраніе чернокнижническихъ заговоровъ, у другого—сундучокъ со всѣми необходимыми снадобьями для изготовленія на мѣстѣ всевозможныхъ талисмановъ: глиной для лѣпки, сушеными и только что собранными травами, освященными ветошками, черными и красными чернилами, фигурками изъ воска и изъ обожженной глины. Взглянувъ на больного, онъ сразу угадалъ причину болѣзни: одинъ мертвецъ посѣщаетъ Псару каждую ночь и медленно пожираетъ его. Подумавъ немного, онъ беретъ немного глины, примѣшиваетъ къ ней щепотку травы и изъ всего этого приготовляетъ довольно большой шарикъ, надъ которымъ потомъ вполголоса читаетъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ заговоровъ, содержащихся въ его книгѣ.

Самый лучшій способъ для изгнанія нечистыхъ духовъ, самыхъ закоснѣлыхъ и упрямыхъ,—это убѣдить ихъ, что ихъ жертва находится подъ непосредственнымъ покровительствомъ одного или нѣсколькихъ божествъ: подвергая ее мученіямъ, они, сами того не подозрѣвая, вызываютъ на борьбу съ собою самихъ боговъ, и, если будутъ упорствовать въ своихъ злыхъ умыслахъ, они подвергнутся и сами серьезной опасности—быть уничтоженными тѣмъ самымъ, кого они думали безнаказанно извести. Заклинаніе Нибамона начинается заявленіемъ, что „чародѣйская сила Псару, сына госпожи Тентнубиты — сила Озириса Атуму, царя боговъ“. Но, такъ какъ это утверженіе слишкомъ обще и недостаточно для того, чтобы запугать выходца съ того свѣта, заклинатель перечисляетъ части головы Псару и показываетъ, что всѣ онѣ обладаютъ божественными чарами. „Магическая сила лѣваго его

виска подобна силѣ лѣваго виска бога Туму. Чарующая власть его праваго глаза подобна власти того же глаза Туму, который пронизываетъ своими лучами тьму. Сила его лѣваго глаза подобна силѣ лѣваго глаза Горуса, который истребляетъ тварь“. Если и послѣ этихъ заклинаній нечистый духъ все еще не отступается, тогда ему объясняютъ, что каждый членъ Псару есть, такъ сказать, отдѣльный богъ. „Его верхняя губа—богиня Изиды, нижняя—богиня Нефтисъ, шея—богиня, зубы—мечи, тѣло—Озирисъ, руки—божественныя души, пальцы—синія змѣи, ужи, дѣти богини Селкитъ, бока—два Амоновыхъ пера, спина—становой хребетъ Сибу, животъ—Ну“ и т. д. до подошвъ; словомъ, онъ—богъ, и богъ изъ самыхъ грозныхъ, для котораго все доступно и возможно въ Геліополисѣ. Это—очень тонкій и остроумный способъ намекнуть, что Псару собственно есть воплощеніе Ра, однако, не утверждая этого слишкомъ опредѣленно. Нибамонъ повторилъ четыре раза свою заклинательную формулу и подложилъ шарикъ подъ голову больного. Ночью, когда мертвецъ явится, онъ не въ силахъ будетъ ничего сдѣлать больному, и безсиліе его продолжится до тѣхъ поръ, пока шарикъ будетъ на своемъ мѣстѣ.

Хайтъ, наполовину успокоенная, быстро всунула нѣсколько золотыхъ колецъ въ руку святаго человѣка и просила зайти завтра, чтобы убѣдиться въ дѣйствиі своихъ заклинаній. Псару цѣлую ночь бредилъ, утромъ у него шла изъ носу кровь, и появились другіе неблагоприятные признаки. Нибамона это огорчило, но ни мало не удивило. Злые духи не безъ сожалѣнія выпускаютъ свою жертву и употребляютъ всѣ усилія, чтобы оспаривать суставъ за суставомъ у заклинателя, объявившаго имъ войну. Душа умершаго, выгнанная изъ головы, теперь внѣдрилась въ животъ и уступить только вліянію новаго заклинанія. Преданіе рассказываетъ, что однажды Ра заболѣлъ мучительными спазмами. Горусъ тотчасъ слѣпилъ статую Изиды-дитяти, въ которую геліопольскіе боги волшебствомъ и перенесли боли, испытываемыя Солнцемъ. Нибамонъ не задумываясь испытываетъ благотворную силу этого рецепта надъ Псару. Онъ вынимаетъ изъ своего сундучка куклу, похожую на ту, которую сдѣлалъ когда-то Горусъ для Ра, и поетъ надъ ней заклинательную формулу, въ которой кратко рассказывается исторія исцѣленія съ ея помощью. „Горусъ и страдающій животомъ Ра—тутъ. Вызывайте къ геліопольскимъ богамъ: скорѣе, скорѣе, ваши книги! ибо Ра страдаетъ: если оставить его безъ помощи—живой богъ погибъ. Вызывайте къ хранителю запада, начальнику пустыни, чтобы онъ пришелъ на помощь къ животу, претерпѣвающему страданіе, и его исцѣлил!“ Эти слова, нарочно рассчитанныя на неясность, должны заставить думать геліопольскихъ боговъ, что ихъ царь снова боленъ: они прибѣгутъ со своими волшебными книгами и спасутъ Псару, думая, что спа-

саютъ самого Ра. Болѣзнь перейдетъ въ изображеніе Изиды, которое задержитъ въ себѣ и болѣзнь и духа, ее производящаго.

Но и второе заклинаніе не болѣе помогло, чѣмъ и первое; дни проходили, не принося никакого облегченія. Правда, головныя боли уменьшились, но зато показались розовыя, круглыя пятна и стали распространяться по тѣлу; силы слабѣли, безсознательное состояніе усиливалось,—казалось, Псару ничего не понималъ, что вокругъ него происходило. Чары и заклинанія не оказали дѣйствія. Пора было обратиться къ врачу. Пшаду изучалъ медицину въ геліопольскомъ храмѣ; онъ—главный придворный врачъ фараона; ему часто удавалось спасать больныхъ, когда другіе врачи не подавали надежды. Первое впечатлѣніе при осмотрѣ больного было неблагопріятно, но онъ и виду не показалъ, чтобы не испугать домашнихъ Псару. Разспросилъ о замѣченныхъ симптомахъ и лѣченіи, которое было употреблено до его прихода. Потомъ методически изслѣдовалъ больного съ головы до ногъ. Очевидно, онъ страдаетъ тѣми опасными пораженіями, которыя гнѣздятся въ кишкахъ, и которыя подробно описаны въ книгахъ Тоота. Болѣзнь, слишкомъ долго предоставленная самой себѣ, развилась настолько, что уже никакая человѣческая сила не въ состояніи ее остановить. Прописалъ Пшаду какого-то лѣкарства, скорѣе для очистки совѣсти, чѣмъ съ надеждою хоть сколько-нибудь облегчить или исцѣлить больного.

При наступленіи ночи вдругъ жестокая боль въ животѣ вела больного изъ оцѣпенѣнія: появились ознобъ и рвота—зловѣщіе признаки близкой смерти! Хаить ни на минуту не отходила отъ изголовья своего мужа; дѣти, расположившіяся на корточкахъ тутъ же въ комнатѣ, кто гдѣ и какъ могъ, съ томительной тоской ждали послѣдней минуты. Только по временамъ какая-нибудь изъ присутствующихъ женщинъ прерывала молчаніе восклицаніемъ: „Ахъ, мой господинъ!“ „Мой родитель!“ „Мой возлюбленный!“ тотчасъ же другія ей вторили хоромъ уже болѣе громко, а минуту спустя все опять разомъ стихало. Подъ утро вдругъ раздались громкіе вопли, стоны и крики, разбудившіе сосѣдей и возвѣстившіе имъ, что все кончено. Казалось, на всѣхъ—жену, дѣтей, родственниковъ, рабовъ—напало внезапное помраченіе ума. Бросаются на тѣло покойника, цѣлуютъ его, буквально обливаютъ его слезами, ударяютъ себя въ грудь и раздираютъ на себѣ одежды. Но вотъ, спустя нѣсколько минутъ, женщины покидаютъ комнату мертвеца, потомъ, съ обнаженными грудями, съ головой, посыпанной пепломъ, съ распущенными волосами и босыми ногами, выбѣгаютъ изъ дома и бросаются по безлюднымъ еще улицамъ. По дорогѣ къ нимъ присоединяются съ крикомъ наскоро прибѣжавшіе, полуодѣтые свойственники, друзья, кліенты умершаго: вскорѣ весь кварталъ оглашается дикими воплями, на которые даже совсѣмъ посторонніе и, каза-

лось бы, равнодушные люди считают долгом отвѣчать изъ своихъ домовъ. Между тѣмъ рабы, оставшіеся около покойника, наскоро обмываютъ его, чтобы передать бальзамирощикамъ. Спустя часа два, когда женщины, утомившись бѣготнею по улицамъ, наконецъ вернулись домой, двери уже были отворены, огни погашены, комнаты пусты: Псарю покинулъ свое жилище „на землѣ“, а мѣсто, гдѣ еще вчера онъ былъ полнымъ господиномъ, его болѣе уже не признаетъ.

По понятіямъ египтянъ, душа не умираетъ въ ту самую минуту, когда человѣкъ испускаетъ послѣднее дыханіе; она переживаетъ тѣло, но живетъ жизнью непрочною, вполне зависящею отъ продолжительности существованія и состоянія трупа. Одновременно съ наступленіемъ процесса разложенія послѣдняго, начинается гаснуть и разрушаться и душа: ея сознаніе затемняется, и самое существо ея постепенно умалется до того, что она представляетъ собою только форму, лишенную самознанія и содержанія, и наконецъ исчезающую, если отъ скелета умершаго ничего болѣе не остается. Существованіе, понимаемое такимъ образомъ, есть бесполезно продолжаемая агонія, поэтому, чтобы избавить „двойникъ“ (душу) отъ подобной участи, надо сдѣлать, чтобы тѣло было нетлѣннымъ,—чего и достигаютъ, превращая его въ мумію. Какъ и всѣ искусства, полезныя человѣчеству, искусство бальзамирванія—божественнаго происхожденія. Въ вѣка, слѣдующіе непосредственно за сотвореніемъ міра, его совсѣмъ не знали, и первые люди умирали дважды: сначала умирало тѣло, потомъ умиралъ двойникъ. Но, когда Тифонъ убилъ Озириса, Горусъ собралъ части тѣла своего отца, оросилъ ихъ благовонными веществами при помощи Изиды, Нефтисы, Тоота и Анубиса, пропиталъ предохраняющими отъ тлѣнія веществами и обвилъ ихъ широкими свивальниками, произнося все время молитвы, которые сдѣлали его дѣло на вѣки нерушимымъ (рис. 75). Слѣдовательно, Озирисъ былъ первой муміей, и впоследствии онъ послужилъ образчикомъ для приготовленія всѣхъ другихъ мумій.

Когда трупъ поступаетъ къ бальзамирощикамъ, они представляютъ родственникамъ три рѣзныя и раскрашенныя деревянныя модели въ ростъ человѣка, и предлагаютъ имъ выбрать способъ бальзамирванія умершаго. По первому способу съ трупомъ поступаютъ точь въ точь такъ, какъ Горусъ сдѣлалъ съ Озирисомъ: тутъ примѣняются къ человѣку всѣ самые мельчайшіе приемы, которые послужили къ обезпеченію безсмертія бога, при употребленіи тѣхъ же средствъ: благовонныхъ веществъ, лѣкарственныхъ снадобій, матерій, амулетовъ, и молитвъ. Этотъ способъ даетъ поразительные результаты, но онъ и слишкомъ медлителенъ и настолько дорогъ, что имъ могутъ пользоваться только цари и сильные міра сего, которые достаточно для этого богаты. Второй

способъ не такъ сложенъ и требуетъ меньше и времени и денегъ—онъ доступенъ для людей средняго достатка. Наконецъ, послѣдній почти ничего не стоитъ, и имъ пользуются бѣдные, т. е. четыре пятыхъ всего египетскаго населенія. Всѣ три способа основаны на одномъ и томъ же началѣ: удаливъ всѣ части тѣла, легко подвергающіяся разложенію, остальное пропитываютъ солями и ароматическими веществами, предохраняющими отъ разложенія. Необходимые для бальзамированія матеріалы болѣе или менѣе дороги, работа болѣе или менѣе тщательна, видъ муміи болѣе или менѣе роскошный, смотря по цѣнѣ, которую желаютъ

Рис. 75.—Анубисъ и мумія Озириса.

израсходовать, но результатъ остается одинъ и тотъ же: тѣло сохраняется, а не разлагается, его нетлѣнность обезпечиваетъ и нетлѣнность двойника.

Цсару занималъ слишкомъ высокое положеніе, чтобы можно было хотя минуту колебаться въ выборѣ перваго способа бальзамированія. Къ тому же самъ фараонъ велѣлъ объявить семьѣ, что всѣ издержки онъ принимаетъ на себя въ уваженіе заслугъ покойнаго. Тѣло покойника обнажено, обмыто, положено на землю головою къ югу подъ руководствомъ особаго церемоніймейстера. Послѣ молитвы хирургъ вводитъ черезъ лѣвую ноздрю изогнутый желѣзный инструментъ, пробиваетъ перегородки въ черепѣ и вынимаетъ изъ него по частямъ мозгъ. Послѣ второй молитвы сcribe проводитъ чернилами черту длиною въ десять сантиметровъ на

лѣвой сторонѣ живота, повыше паха, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Горусъ вскрыль тѣло Озирису. Новая молитва, и одинъ изъ бальзамировщиковъ, который называется парашитъ, дѣлаеть надрѣзь каменнымъ ножомъ изъ эіопскаго обсидіана. Такъ какъ нарушеніе цѣлости человѣческаго тѣла считается истиннымъ святотатствомъ, то, едва только парашитъ сдѣлаеть свое дѣло, всѣ присутствующіе бросаются на него, оскорбляютъ словами, толкаютъ и прогоняютъ его палками и камнями. Тогда другой изъ бальзамировщиковъ съ знаками глубокаго уваженія вводитъ въ разрѣзь руку, быстро вынимаетъ кишки, сердце, легкія и другія внутренности, обмываетъ полости пальмовымъ виномъ и наполняетъ ихъ мелко истолченными ароматическими веществами. Еще прочитывается послѣдняя молитва, и гробовщики уносятъ изувѣченные останки Псару, чтобы погрузить ихъ въ чанъ съ содовымъ растворомъ (натронъ), гдѣ они должны вымачиваться въ продолженіе семидесяти дней *).

Межъ тѣмъ какъ тѣло покойника исподволь пропитывается въ разсолѣ нетлѣнностью, двадцать мастерскихъ различныхъ ремеслъ безъ отдыха работаютъ надъ изготовленіемъ двойнику его приданаго и разной утвари, вполне достойныхъ ранга, который онъ занималъ на этомъ свѣтѣ и рассчитываютъ занять на томъ свѣтѣ. Дѣло идетъ ни болѣе ни менѣе о снаряженіи ему цѣлаго дома съ роскошью, равной, если еще не большей, той, къ которой онъ привыкъ, будучи живымъ. И вотъ: ваятели заняты заготовкою цѣлой дюжины статуй въ различныхъ положеніяхъ: въ стоячемъ, сидячемъ, на корточкахъ; рѣзчики высѣкаютъ красивыя надписи на каменныхъ плитахъ, на которыхъ потомство прочтаетъ его имя, должности, титулы, восхваленіе его добродѣтелей, удостовѣреніе, что онъ пребываетъ въ полномъ блаженствѣ; гончарные мастера дѣлаютъ изъ глины фигурки, покрытыя голубой и зеленой глазурью; золотыхъ дѣлъ мастера чеканятъ кольца, перстни, ожерелья, парикмахеры убираютъ для него различныхъ формъ, размѣровъ и цвѣтовъ парики. Его кладовая полна уже всякой запасной мебелью: креслами, табуретками, кроватями, маленькими столиками, сундучками для бѣлья и храненія ароматическихъ веществъ, не говоря уже о новой мебели, для которой только что сняли мѣрки, о гробахъ. Послѣднихъ ему надо не

*) Этотъ семидесяти-дневный періодъ подтверждается Библіей. Въ книгѣ Быт. гл. I. сказано: 2. «Іосифъ велѣлъ врачамъ, находящимся у него въ услуженіи, набальзамировать тѣло своего отца, и врачи набальзамировали Израиля. 3. Бальзамированіе продолжалось 40 дней: ибо это былъ (у египтянъ) обычай бальзамировать въ продолженіе 40 дней. И египтяне носили трауръ въ продолженіе 70 дней». Это свидѣтельство замѣчательно тѣмъ, что оно обозначаетъ лицъ, которыя занимались бальзамированіемъ, разумѣется, съ жрецомъ для произнесенія молитвъ. Геродотъ говорить, что эти люди опредѣлялись закономъ.

менѣе двухъ, плотно входящихъ одинъ въ другой, и они, по формѣ, въ главныххъ очертаніяхъ должны представлять внѣшній видъ чело-вѣка, или точнѣе челоуѣческой муміи. Ногамъ и рукамъ муміи дается вытянутое положеніе; выпуклости колѣнъ, мышцелковъ, лядвей и живота, хотя не совсѣмъ отчетливо, но должны обозначаться на гробѣ. Голова воспроизводитъ черты Псару, но нѣсколько въ прикрашенномъ видѣ (рис. 76): полныя щеки, улыбающійся ротъ, большіе эмалевые глаза, окруженные бронзовыми рѣсницами, придаютъ физиономіи выраженіе поразительной живости. Мертвецъ, задѣланный окончательно въ двойную гробницу, имѣетъ вполне видъ собственной статуи, которую, при случаѣ, легко поставить стоя на ноги. Затѣмъ идутъ предметы, менѣе настоятельной необходимости, пригодные все-же для удовлетворенія комфорта и удовольствій: колесницы для его путешествій по землѣ, небольшія лодки для переправъ или для перевозки его урожаяевъ, военное оружіе и охотничьи принадлежности, игры различнаго рода, въ особенности шашечныя игры съ разноцвѣтными шашками, принадлежности его ремесла, какъ, напр., для скрибы—палитра, каламы *), чашечки для красокъ, краски въ плиткахъ и сухія чернила, даже небольшая библіотечка для развлеченія, состоящая изъ исписанныхъ плитокъ известняка, содержащихъ отрывки изъ романовъ, стиховъ и религіозныхъ гимновъ. Для полного счастья покойника его *вѣчный домъ* долженъ быть снабженъ всѣмъ тѣмъ, что онъ любилъ при жизни. Домашніе его проводятъ эти долгіе мучительные дни въ постоянныхъ слезахъ и печали. Они уже не купаются, едва моются. Воздерживаются отъ вина, не ѣдятъ ни говядины, ни бѣлаго хлѣба, а питаются водой и чернымъ хлѣбомъ. Мужчины отпускаютъ волосы и бороду. Женщины не причесываютъ волосъ, не бѣлятся, не красятъ бровей и рѣсницъ, не окрашиваютъ болѣе рукъ лавзоніей **). Два раза въ день онѣ собираются въ комнату покойника и всѣ оплаки-

Рис. 76.—Голова, составляющая часть гробницы муміи.

чернымъ хлѣбомъ. Мужчины отпускаютъ волосы и бороду. Женщины не причесываютъ волосъ, не бѣлятся, не красятъ бровей и рѣсницъ, не окрашиваютъ болѣе рукъ лавзоніей **). Два раза въ день онѣ собираются въ комнату покойника и всѣ оплаки-

*) Греческое *kalamos* означаетъ стебель растенія, здѣсь же—тростниковую палочку, которую египтяне употребляли вмѣсто пера для писанія на папирусь.

Прим. перев.

***) Арабское *hennah* (*Lawsonia inermis*), для окрашиванія употребляются истолченные листья этого кустарника.

Прим. перев.

вають его. Смерть главы семьи остановила теченіе обычной жизни всего дома.

Трупъ, вынутый изъ разсола, представляетъ собственно не самое тѣло, а только скелеть, обтянутый желтоватою кожею, похожею на пергаментъ, такъ что видны всѣ кости. Напротивъ, голова сохранила почти цѣликомъ правильность и чистоту своихъ

Рис. 77.—Голова муміи: царь Сети I, сфотографировано съ трупа, находящагося въ Булакскомъ музее (около Каира).

формъ. Правда, щеки немного ввали, губы сдѣлались болѣе тонкими, ноздри тоже истончились и нѣсколько вздернулись, сравнительно съ тѣмъ, какъ были онѣ при жизни, но общій видъ лица остался безъ измѣненія: не будь этой неподвижности чертъ лица и темной окраски кожи, подъ которой уже не движется кровь, можно бы подумать, что Цсарю еще живъ, и вотъ-вотъ проснетъ (рис. 77). Бальзамировщики пользуются гибкостью членовъ, которую натронный разсолъ въ нихъ поддерживаетъ, чтобы плотно

свести ноги и скрестить на груди руки. Животъ и грудь они наполняютъ плотно тряпьемъ и древесными опилками, смѣшанными съ ароматическими порошками. Начинается самое положеніе въ гробъ. Ремесло бальзамировщиковъ требуетъ отъ нихъ, чтобы они были въ то же время жрецы, искусные маги и вполне опытные хирурги; такъ какъ они совершаютъ обязанности, которыя Анубисъ и дѣти Горуса исправляли по отношенію Озириса при приготовленіи первой муміи, то и считаются какъ бы воплощеніемъ этихъ божествъ. Похоронные свивальники въ ихъ рукахъ превращаются въ сѣтъ таинственныхъ переплетовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особенное значеніе, имѣющее цѣлю удалить отъ тѣла всякія опасности и всякихъ враговъ, угрожающихъ ему—боговъ, людей и насѣкомыхъ—и предохранить его отъ разложенія. Подкладываютъ подъ нихъ амулеты, фигурки, высушенные цвѣты, щепотки травъ, плитки, исписанныя іероглифами,—все это составляетъ заколдованную броню покойника.

Церемоніймейстеръ приклеиваетъ ему на грудь около шеи скарабея изъ зеленой яшмы *), надпись на которомъ запрещаетъ сердцу, „его сердцу, которое перешло къ нему отъ матери, его сердцу, бывшему у него, когда онъ жилъ на землѣ“, возстать и свидѣтельствовать противъ него передъ судомъ Озириса. Онъ надѣваетъ на пальцы золотыя кольца и изъ синей и зеленой эмали—все это талисманы, которые должны придать его голосу твердость, чтобы ему читать молитвы съ выраженіемъ, которое дѣлаетъ ихъ неотразимо убѣдительными. Голова покрывается густою кисейною маскою и сѣтью пропитанныхъ камедью полотняныхъ полосъ, почти вдвое увеличивающихъ ея объемъ. Все тѣло обвер-

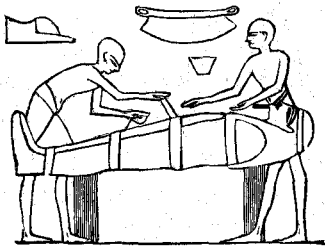

Рис. 78.—Пеленаніе муміи.

тывается первымъ слоемъ мягкой, теплой на оцупъ ткани (рис. 78), которая пересыщается въ разныхъ мѣстахъ натрономъ, служащимъ предохраняющимъ отъ разложенія средствомъ. Сердце, селезенка, куски высушеннаго мозга, волосы, обрѣзки бороды и ногтей распредѣлены по впадинамъ между ногъ, рукъ, подъ ложечкой, въ полости живота. Волосы въ магіи играютъ важную роль: сожигая ихъ съ

извѣстными заклинаніями, можно приобрѣсти почти неограниченную власть надъ лицомъ, коему они принадлежали. Поэтому баль-

*) Скарабей (*Ateuchus sacer*)—красивый большой жукъ, символъ вѣчности жизненнаго начала; при жизни носилъ кольца съ изображеніемъ скарабея въ качествѣ амулета противъ всего, угрожавшаго жизни.

замировщики прячутъ въ муміи всѣ тѣ волосы, которые они должны были снять во время своей операціи надъ покойникомъ: это самое вѣрное средство лишить колдуновъ возможности употребить ихъ на злыя дѣла.

Эта первая одежда обтягивается длиннымъ кускомъ полотна, на которомъ сcribe-каллиграфъ копируетъ отрывки (текстъ и виньетки) изъ главъ, содержащихся въ *Книгѣ объ исходѣ въ продолженіе дня*. Когда Царю будетъ ихъ читать, ему возвратятся его способности: онъ можетъ выходить изъ могилы и возвращаться въ нее по своей волѣ, приобрести расположеніе боговъ, которыхъ

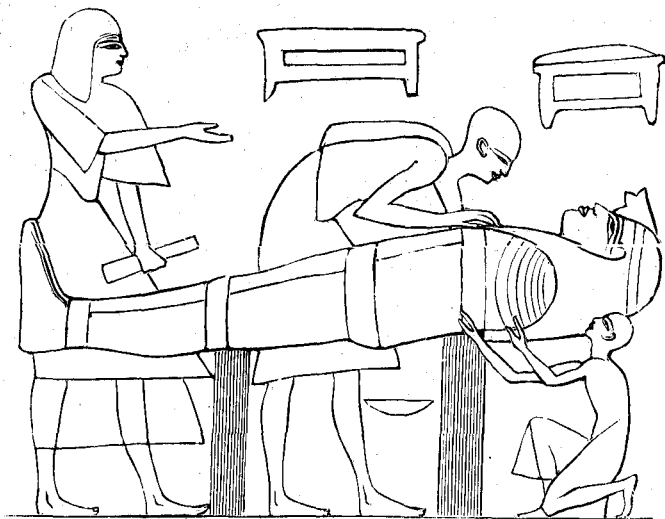

Рис. 79.—Церемоніймейстеръ читаетъ молитвы во время пеленанія.

онъ неизбежно встрѣтитъ на пути загробной жизни, можетъ сѣсть на корабль Солнца или отдохнуть на поляхъ блаженныхъ подъ отеческимъ скипетромъ Озириса. Этотъ кусокъ полотна прикрѣпляется нѣсколькими оборотами тесьмы, потомъ накладывается новый кусокъ полотна и также прикрѣпляется, и, наконецъ, надѣвается саванъ изъ грубаго холста и красная матерія, сшитая сзади и укрѣпленная тесьмами, расположенными параллельно длинѣ тѣла (рис. 79). Каждая вещь, при надѣваніи ея на покойника, сопровождается особою молитвою, которую произноситъ церемоніймейстеръ, и которая опредѣляетъ ея сущность и утверждаетъ ея дѣйственность (рис. 79); по временамъ онъ наклоняется къ покойнику и шепчетъ ему на ухо какія-то таинственныя наставленія, которые ни одинъ живущій не можетъ слышать безнаказанно. Пе-

ленаніе кончено, и теперь Псару знаетъ употребленіе каждой вещи, которыми его снарядили, и всю пользу, которую онъ изъ

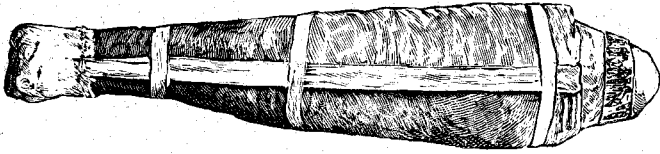

Рис. 80.—Мумія конченная.

нихъ можетъ извлечь на томъ свѣтѣ: мумія и двойникъ—онъ теперь готовъ сойти въ могилу.

ГЛАВА VIII.

Похороны и гробница.

Фивское кладбище.—Разграбленіе усыпальницъ.—Отбытіе изъ дома покойника.—Шествіе похоронной процессіи.—Плакальщицы и ихъ причитанія.—Переправа черезъ Нилъ.—Прибытіе къ могилѣ.—Приношенія и прощаніе передъ дверью.—Могилы: расположеніе, утварь, доходы.—Обрядъ *Раскрытія рта*.—Похоронный обѣдъ, танцы, пѣснь арфиста.—Что дѣлается съ двойникомъ послѣ смерти.—Его путешествія.—Смоковница богини Нуитъ.—Судилище Озириса.

Фивское кладбище расположено на лѣвомъ берегу Нила, въ отрогахъ, отдѣлившихся отъ Ливійскихъ горъ, которые оканчиваются какъ разъ противъ главнаго храма Амона на противоположномъ берегу *). Главный кряжъ, оканчивающійся отвѣсно и изрѣзанный глубокими долинами во всѣхъ направленіяхъ, окаймленъ со стороны Нила песчаными холмами, отдѣленными другъ отъ друга оврагами. Въ эпоху, когда Фивы были еще небольшимъ городомъ, жители хоронили своихъ покойниковъ въ ближайшихъ къ рѣкѣ холмахъ, но по мѣрѣ того, какъ городъ становился многлюднѣе, некрополь соотвѣтственно тоже увеличивался и, расширяясь по направленію къ западу, занялъ долъ Деиръ-ель-Багари. Съ этихъ поръ онъ не переставалъ идти въ юго-западномъ направленіи, захватывая своими подземельями всѣ возвышенности, всѣ извилины этой мѣстности все далѣе и далѣе. Теперь это настоящій городъ мертвыхъ, раскинувшійся не вдалекѣ отъ Нила, совершенно подобный городу живыхъ, имѣющій свои кварталы богатыхъ и притоны бѣдныхъ, дворцы и капища. Десятка полтора кирпичныхъ пирамидъ еще сохранились на верхушкѣ горы Драгъ-абуль-Неггахъ и показываютъ мѣста, гдѣ покоятся останки фараоновъ XI и XII династій, окруженные могилами своихъ придвор-

*) По невозможности узнать старинныя имена мѣстностей, я долженъ былъ почти вездѣ употреблять въ этой главѣ современныя арабскія имена. Деиръ-ель-Багари, Драгъ-абуль-Неггахъ, Гурнахъ и др. суть анахронизмы, которыхъ я не могъ избѣжать.

ныхъ сановниковъ. На гробницахъ Аменготпу I и его матери Нофритари, похороненныхъ при входѣ въ долину Ассасифъ, со-

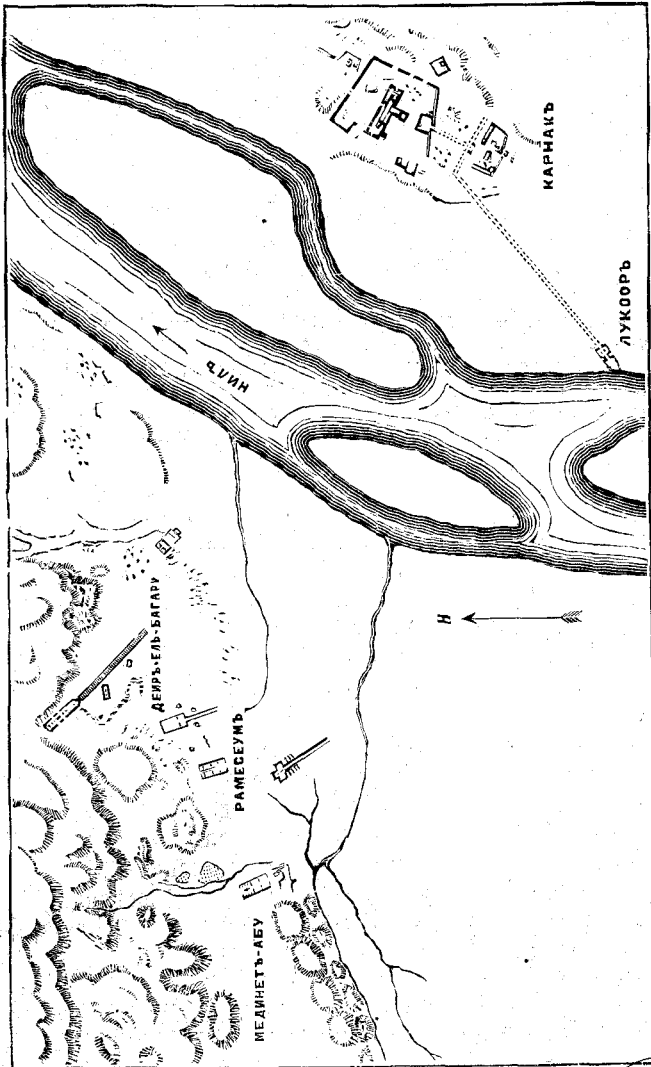

Рис. 81.—Общій планъ Фивъ.

вершаются торжественныя богослуженія, какъ мѣстнымъ божествамъ, покровительствующимъ странѣ. Тутмозу II, Тутмозу III и ихъ сестра Гатшопситу (Гатозу) почиваютъ подъ террасами той же

долины въ Деиръ-эль-Багари. Могилы фараоновъ менѣе извѣстныхъ, принцевъ не царствовавшихъ и принцессъ царской крови, придворныхъ вельможъ, государственныхъ людей, военачальниковъ, начальниковъ управленій прошлаго времени распределяются въ промежуткѣ усыпальницъ послѣдовательными группами по эпохамъ: если разсматривать все это въ подробности и послѣдовательности, передъ вами развертывается почти полная картина исторіи египетскаго Египта, иллюстрированная могилами тѣхъ самыхъ людей, которые собственно и совершали ее.

Многочисленные землянки, разбросанныя въ глубинѣ овраговъ некрополя, служатъ жилищами полицейскимъ солдатамъ, прислужникамъ и сторожамъ съ ихъ семействами, рабочимъ, кошающимъ и отдѣлывающимъ всякими украшениями могильныя пещеры (катакомбы), низшимъ степенямъ жреческаго сословія, приставленнымъ для исполненія похоронныхъ обрядностей и службъ о поминовеніи усопшихъ, торговцамъ предметовъ, употребляющихся для жертвъ и приношеній. Всѣ эти бѣдняки очень хорошо знаютъ, сколько золота и драгоценностей хоронится каждый день съ покойниками въ этихъ подземельяхъ, и понятно, что всѣ эти богатства, такъ близко находящіяся отъ нихъ, служатъ предметомъ постояннаго соблазна, которому они легко и поддаются. Разграбленіе усыпальницъ считается у нихъ дѣломъ самымъ зауряднымъ и составляетъ для нихъ самое вѣрное средство наживы. Менѣе смѣлые изъ нихъ, не открываясь другимъ, дѣйствуютъ въ одиночку и грабятъ только старыя гробницы вымершихъ семействъ и тѣ, которыя рѣдко кто посѣщаетъ. Другіе составляютъ шайки и, подкупивъ крупными взятками мѣстную полицію, смѣло обираютъ гробницы не только недавно умершихъ, но не щадятъ даже и царскихъ. Не довольствуясь кражей могильной утвари изъ усыпальницъ, они вскрываютъ самые гроба, раздираютъ на муміяхъ саваны и чехла, иногда разбивая самыя муміи, чтобы похитить положенныя внутри ихъ драгоценности; потомъ приводятъ муміи въ прежній видъ такъ искусно, что по внѣшности никто и не замѣтитъ, что онѣ были обокражены: чтобы открыть опустошенія, которымъ онѣ подверглись, надо снять верхній слой повязокъ. По временамъ, иные изъ нихъ или доносятъ другъ на друга, или же сами попадаютъ по неосторожности. Тогда губернаторъ и главный пророкъ Амонова храма, въ подсудности которыхъ находится эта часть области, наряжаютъ слѣдствіе. Слѣдствіе приводитъ въ ясность учиненныя опустошенія и убитки и отыскиваетъ виновныхъ. Судъ приговариваетъ съ волдюжины грабителей на колъ и десятка два—къ наказанію плетями. Проидеть мѣсяца два, впечатлѣніе отъ этой кары изгладится, и расхищеніе пойдетъ попрежнему.

Въ послѣдній разъ Псару вносятъ въ его жилище, кладутъ на парадное ложе, подъ которое ставится четыре большихъ вазы, ка-

нопы (рис. 82), изъ известняка съ его набальзамированными внутренностями: сердцемъ, легкими и др. Каждый изъ нихъ покрытъ крышкой особенной формы: въ видѣ человеческой головы, головы шакала, ястреба и обезьяны съ собачьей головой (*Syncephalus ursinus*—*Пер.*), они представляютъ боговъ четырехъ частей свѣта, дѣтей Горуса: Гора, Амзита, Тіумауфа и Хабгсонуфа; они

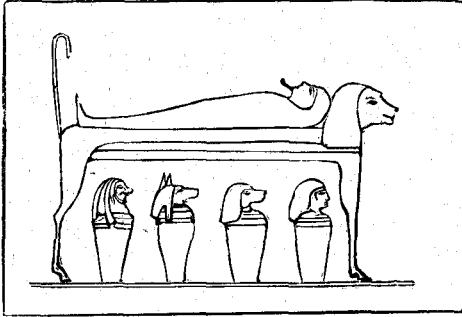

Рис. 82.—Каноны—вазы, въ которыхъ хранятся внутренности.

стерегутъ покойника и наблюдаютъ, чтобы его внутренніе органы, какъ наиболѣе тѣнныя и въ то же время наиболѣе необходимые для жизни, не были выкрадены или просто уничтожены. Роковой часъ наступилъ: могила уже готова и ждетъ его, назначенная ему утварь снаряжена вполнѣ, родственники и друзья сошлись, чтобы проводить Псару въ новое жилище,—наступило для него утро, чтобы „пойти укрыть свою голову въ печальную Долину гробницъ“ и снова „возсоединиться съ землею“. Въ этотъ торжественный моментъ жена и служанки дѣлаютъ послѣднее усиліе, чтобы воспрепятствовать выносу муміи: онѣ вѣщяются въ нее и съ яростными воплями бросаются на людей, пришедшихъ за тѣломъ. Наконецъ онѣ уступаютъ, и Псару уже въ послѣдній разъ переступаетъ порогъ своего дома.

Рис. 83.—Погребальное шествіе: носильщики погребальныхъ жертвъ.

Цѣлый рядъ невольниковъ и вассаловъ открываетъ похоронное шествіе, неся разнообразные предметы для жертвенныхъ приношеній (рис. 83). Первые шесть несутъ пироги, цвѣты, кувшины съ водой, бутылки съ настойками, сосуды съ ароматами: одинъ держитъ передъ собой на легонькой скамеечкѣ трехъ большихъ птицъ, другой ведетъ на привязи жертвеннаго теленка. Другіе

шесть — раскрашенные ящики для съѣстныхъ припасовъ и для гробничныхъ фигурокъ; двое наконецъ несутъ столъ на низенькихъ ножкахъ, нагруженный банками съ фруктами и пальмовыми вѣтвями. Это проходитъ группа со съѣстными и продовольственными припасами. Слѣдующая группа нагружена обычными принадлежностями обстановки: сундуками для бѣлья, складными стульями, креслами, парадной кроватью. Два конюха съ трудомъ не-

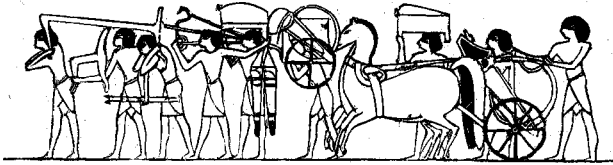

Рис. 84.—Погребальное шествіе: погребальныя колесницы.

сутъ на себѣ колесницу, съ колчанами и ярмомъ, кучеръ ведетъ другую колесницу, запряженную парой лошадей (рис. 84). Могильной утварью занята третья группа, многочисленнѣе обѣихъ первыхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Тутъ виднѣются: графинчики для жерт-

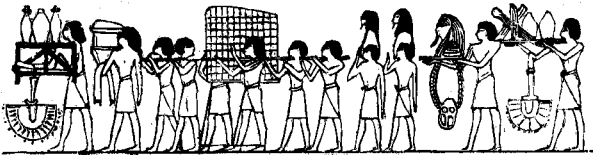

Рис. 85.—Погребальное шествіе: погребальная утварь.

веннаго возліянія вина, рѣшетчатый ящикъ, окрашенный въ бѣлую и красную краски клѣтками и назначенный для каноновъ, самыя каноны, далѣе на квадратныхъ подносахъ картонная позолоченная по голубому полю маска (рис. 85), оружіе, скипетры, жезлы,

Рис. 86.—Оружіе и драгоценности покойника.

ожерелья, скарабеи, металлическіе грифы съ распущенными вѣтромъ крыльями, которые въ дни торжествъ надѣваются на грудь въ видѣ нагрудника, цѣпочки, фигурки, ястребъ съ человѣческой головой—олицетвореніе души (рис. 86). Многіе изъ этихъ пред-

метовъ сдѣланы изъ массивнаго золота, другіе только позолочены, третьи деревянные съ накладнымъ золотомъ; — словомъ золото блеститъ въ изобиліи и возбуждаетъ удивленіе и въ то же время алчность толпы, собравшейся на пути слѣдованія похоронной процессіи. Все это богатство выставляется черезчуръ напоказъ и только вызываетъ человѣческую жадность; сторожамъ, приставленнымъ къ склепу Псару, не малаго труда будетъ стоять отстоять эти сокровища отъ покушеній воровъ.

За этими группами несутъ новыя жертвенныя приношенія (рис. 87), за которыми шумно и съ жестами слѣдуетъ толпа пла-

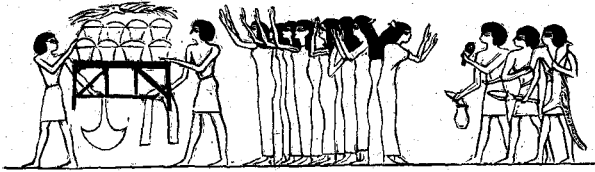

Рис. 87.—Плакальщицы и жрецы.

кальщицъ, далѣе невольникъ, какъ бы желая прибить пыль, время отъ времени брызгаетъ на нее молокомъ; церемоніймейстеръ, со шкурою пантеры на плечѣ, окропляетъ толпу изъ большой золотой ложки водой съ примѣсью благовоній: вотъ, наконецъ, появляется и самый катафалкъ (фиг. 88). По заведенному обычаю,

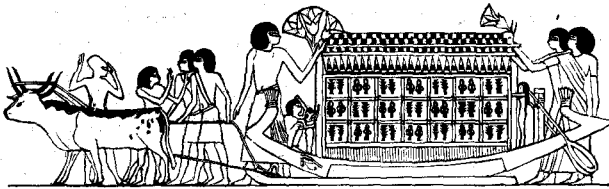

Рис. 88.—Катафалкъ, сопровождаемый друзьями покойника.

это—барка, поставленная на санный ходъ, въ которую впрягаются быки и феллахи, барка Озириса съ его двумя плакальщицами, Изидой и Нефтисой, съ затворенной каютой, въ стѣнахъ которой скрыта отъ взоровъ любопытной толпы мумія. Хантъ и ея дѣти не соблюдаютъ опредѣленнаго мѣста въ corteжѣ: то они идутъ впереди, то сзади, то съ боку барки; за ними слѣдуютъ друзья покойнаго, опираясь на палки, въ длинныхъ праздничныхъ мантияхъ, сосѣди и, какъ попало, безъ всякаго порядка, многочисленная толпа любопытныхъ. Шествіе совершается медленно, воловьимъ шагомъ по узкимъ, извилистымъ улицамъ, на нѣкоторое время прекращая торговлю и движеніе въ улицахъ и само безпрестанно

останавливаясь подь ничтожными предлогами: можно подумать, что Псару, оставляя съ сожалѣніемъ этотъ свѣтъ, всячески старается продлить въ немъ свое пребываніе, хотя бы только на нѣсколько часовъ.

Похороны въ Эивахъ совсѣмъ не похожи на тѣ молчаливыя процессіи, гдѣ скорбь выдаетъ себя только нѣсколькими, украдкой подступившими, слезинками; нѣтъ, здѣсь мертвымъ необходимы шумъ, громкія рыданія и неистовые беспорядочные жесты. Не только нанимають за плату особыхъ плакальщицъ, ремесло которыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ воютъ и вопятъ, рвутъ на себѣ волосы, голосятъ причитанія о покойникѣ и добросовѣстно изображаютъ глубокое отчаяніе, но и сами родственники и друзья не боятся выставять себя на показъ и нарушать выкрикиваніями своей печали равнодушіе прохожихъ. Во все время шествія то одна, то другая группа вдругъ возвыситъ голосъ и произнесетъ нѣсколько отрывочныхъ словъ, припоровленныхъ къ данному обстоятельству: „На западъ, въ жилище Озириса, на западъ и ты, кто былъ лучшимъ изъ людей и всегда ненавидѣлъ двуличность!“ А плакальщицы хоромъ отвѣчаютъ: „О начальникъ! ты отправляешься на западъ, и сами боги скорбятъ!“ Погонщикъ, подгоняя быковъ, говоритъ имъ, чтобы поощрить: „На западъ! О быки, которые тащите катафалкъ, на западъ! Вашъ господинъ идетъ позади!“—„На западъ“, начинаютъ друзья: „онъ ужъ больше не цвѣтетъ, превосходнѣйшій человекъ, который такъ любилъ истину и имѣлъ такое отвращеніе ко лжи!“ По временамъ причитанія смолкають, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ кортежъ продолжаетъ путь въ молчаніи. Но вотъ одна изъ плакальщицъ заведетъ, другія тотчасъ подтянутъ, и вопль снова начинается; только еще болѣе оглушительный и болѣе заунывный. Жалобы не отличаются ни оригинальностью мысли, ни живостью чувства. Скорбь выражается въ нихъ всегда въ однѣхъ словно по наказу усвоенныхъ формахъ—привычка присутствовать на похоронахъ и принимать участіе въ ихъ манифестаціяхъ вскорѣ поневолѣ приводитъ cadaго къ тому, что у него составляетъ довольно однообразный запасъ восклицаній и причитаній. Пожеланіе „на западъ!“ составляетъ главную основу ихъ; прибавляють къ нему нѣсколько ходячихъ эпитетовъ — и все сказано. Иногда лишь самыя близкіе родственники и домашніе находятъ неподдѣльную искренность и трогательную образность для выраженія своей скорби. Къ безсвязнымъ крикамъ печали, къ воззваніямъ и заученнымъ словамъ они присоединяють похвалы покойникамъ и ихъ добродѣтелямъ, намеки на ихъ вкусы, дѣла, должности, которыя они съ честью исполняли, почести, которыми ихъ награждали, размышленія о непрочности человѣческаго существованія, совѣты противъ опасностей въ загробной жизни—припѣвъ печальный, который каждое

поколѣніе повторяетъ надъ предыдущимъ поколѣніемъ въ ожиданіи, что послѣдующее поколѣніе въ свою очередь запоетъ его надъ настоящимъ.

Прибывъ къ берегу Нила, шествіе размѣщается на суда. Носильщики жертвенныхъ припасовъ и могильной утвари, друзья и невольники садятся на трехъ наемныхъ баркахъ. Плакальщицы и

Рис. 89.—Барка плакальщиць.

лица, принадлежащія къ семейству, располагаются на двухъ баркахъ самого Псару, мачты съ которыхъ сняты; каюта, снаружи обитая матеріей, вышитой пестрыми цвѣтными узорами, или вы-

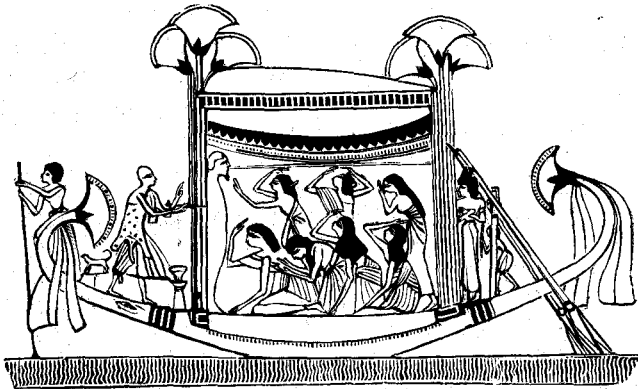

Рис. 90.—Барка покойника.

рѣзанной узорами кожей, представляетъ собой родъ пьедестала, на которомъ стоя расположились провожатые, обратившись лицомъ къ похоронной баркѣ (рис. 89). Эта послѣдняя построена по образцу таинственнаго челнока, который служилъ при похоронахъ Озириса, и которому поклоняются въ городѣ Абидосѣ подѣ

именемъ Ношемиъ (рис. 90). Она изящна, легка, длинна, на обоихъ концахъ украшена металлическими цвѣтами лотоса, которые граціозно изгибаются какъ бы подъ своей собственной тяжестью. Посрединѣ ея воздвигается капище, украшенное букетами и зелеными пальмами. Хаитъ и ея дочери скучились на краю челнока, не переставая жалобно стонать и охать; сзади ихъ стоять двѣ жрицы въ одѣяніи и головныхъ уборахъ богинь Изиды и Нефтисы и охраняютъ тѣло; впереди же церемоніймейстеръ жжетъ ладанъ. Барка плакальщицъ ведетъ на буксирѣ этотъ, въ нѣкоторомъ родѣ, погребальный ковчегъ, и вся флотилія направляется черезъ рѣку, движимая усиліями полусотни гребцовъ.

Наступаетъ торжественный моментъ! Псару, оставляя городъ, гдѣ жилъ, начинаетъ свое загробное странствіе. Толпа, раскинувшаяся по берегамъ, пріѣтствуетъ его своими пожеланіями: „Да достигнешь ты съ миромъ запада Оивскаго!—Иди съ миромъ въ Абидосъ! Сойди въ мирѣ къ Абидосу, къ западному морю!“ И въ самомъ дѣлѣ эта переправа черезъ Ниль имѣетъ особенную важность для будущности мертвеца. Переходъ съ этой земли въ „другую землю“ совершается не безразлично черезъ всякія мѣстности: какъ и большинство народовъ, египтяне знаютъ навѣрное то мѣсто, откуда души отправляются, чтобы проникнуть въ новый для нихъ свѣтъ. Это именно та узкая разсѣлина, продѣланная въ горѣ, которая находится на западъ отъ Абидоса; туда нельзя иначе попасть, какъ при помощи Озириса, на его баркѣ, и переправа муміи на другую сторону Нила есть эмблема этого сверхъестественнаго путешествія, которое душа предпринимаетъ, чтобы отправиться къ *Жерлу разсѣлины*. Собственно отправка въ Оивы мертвыхъ въ сущности — отправка ихъ въ Абидосъ, и вотъ почему имя Абидосъ смѣшивается съ именемъ Оивъ въ крикахъ толпы. Но все чаще и унылѣе раздаются голоса друзей: „На западъ, на западъ, въ страну праведныхъ! Мѣсто, которое ты любилъ, стонетъ и скорбитъ о тебѣ!“ А плакальщицы причитаютъ: „Съ миромъ, съ миромъ, на западъ, о досточтимый! иди съ миромъ! Если угодно будетъ богу, когда день вѣчности придетъ, мы тебя увидимъ, ибо ты отправляешься въ страну, которая соединяетъ безъ различія всѣхъ людей!“ Хаитъ, подавленная горемъ, забыла общепринятія формулы и съ отчаяніемъ взываетъ: „О мой супругъ, мой братъ, мой возлюбленный, останься, проживи съ нами, не удаляйся отъ здѣшняго міра, гдѣ ты теперь! Увы! ты стремишься къ перевозу, чтобы переѣхать рѣку! О, перевозчики! не спѣшите, оставьте его; вѣдь вы, вы вернетесь домой, а онъ отправляется въ страну вѣчности! О, барка Озириса, зачѣмъ ты пришла отнять у меня того, кто меня покидаетъ!“

Лодочки остаются равнодушными къ этому воззванію, и лодманъ, находящійся впереди, прерываетъ причитанія плакальщицъ,

предупреждая ихъ: „Эй, вы тамъ наверху, держитесь крѣпче на ногахъ: пристаемъ къ берегу!“ Въ самомъ дѣлѣ, толчокъ отъ удара о берегъ при приставаніи барки заставилъ бы ихъ потерять равновѣсіе и столкнулъ бы въ воду, если бы ихъ никто не предупредилъ. Барка съ друзьями, маневрируя, чтобы пристать вдоль берега, задѣла своими рулевыми веслами объ край небольшой шлюпки и опрокинула въ воду часть нагроможденныхъ на ней жертвенныхъ припасовъ и утвари (рис. 91); но на это никто не обратилъ вниманія, и друзья продолжаютъ распѣвать свои причитанія, какъ-бы ничего не случилось: „Онъ счастливъ, достойный человѣкъ: судьба ему позволяетъ идти опочить въ могилѣ, которую онъ самъ себѣ приготовилъ; онъ будетъ взысканъ милостями и благоволеніемъ Хонсу Оивскаго, и этотъ богъ дозволитъ ему направиться на западъ въ сопровожденіи своихъ слугъ, изъ рода въ родъ вѣчно оплакивающихъ его“. Мумію опять переносятъ на сани, группы строятся въ прежнемъ порядкѣ, и шествіе направляется къ холму, называемому Шейхъ-Абдъ-эль-Гурнахъ. Это здѣсь, на *Чель Оивъ* *), въ сосѣдствѣ пещеры, въ которой

Рис. 91.—Барка съ друзьями опрокидываетъ шлюпку.

богиня змѣя Миритскро изрекаетъ свои пророчанія и совершаетъ чудесныя исцѣленія, Псару велѣлъ себѣ построить „вѣчный домъ“, между могильныхъ подземелій Рехмири, Манхопиррисонбу, Пагсухиру и великихъ государственныхъ людей, которые прославили царствованіе Тутмозу III и его сыновей. Подъемъ, ведущій на холмъ, слишкомъ крутъ, чтобы волю могли взобраться на него, таща за собой такую огромную тяжесть. Друзья берутъ на плечи катафалкъ и, пошатываясь отъ тяжести, поднимаются сбивчивыми тропинками, извиристо проходящими между гробницъ.

Наконецъ, почти на половинѣ косогора, совершенно запыхавшись, они останавливаются на небольшой площадкѣ. Стѣна, высѣченная въ скалѣ, образуетъ фасадъ, посрединѣ котораго нахо-

*) Оивскимъ челомъ (та тогнить), кажется, назывался самый высокій изъ холмовъ Шейхъ-Абдъ-эль-Гурнахъ. Пещера, очень хорошо извѣстная феллахамъ, которые ее неохотно показываютъ европейцамъ, въ настоящее время посвящена мусульманскому шейху, который исцѣляетъ въ особенности ревматизмы, какъ прежде это дѣлала богиня Миритскро.

дится узкая, низкая дверь. Мумія прибыла къ цѣли своего пути; она ставится стоймя на кучу песку, спиною къ стѣнѣ, а лицомъ къ сопровождавшимъ ее, какъ это дѣлаетъ обыкновенно хозяинъ новой виллы, котораго друзья проводили до двери, и который оборачивается на минуту на порогъ, чтобы проститься съ ними прежде, чѣмъ войти въ домъ. Затѣмъ совершается служба, приносятся жертвы, читается молитва, и раздается новый взрывъ плача и причитаій: вопли и жалобы плакальщицъ усиливаются; онѣ катаются по землѣ, женщины, принадлежащія къ дому, украшаютъ мумію цвѣтами, прижимаютъ ее къ своимъ обнаженнымъ грудямъ, цѣлуютъ ей грудь и колѣна. „Я твоя сестра, твоя жена Хаитъ, о великій! не покидай меня! Неужели, ты въ самомъ дѣлѣ желаешь, о мой добрый отецъ, чтобы я удалилась отъ тебя! Вѣдь, если я уйду, ты останешься одинъ, и никого-то не будетъ съ тобой! Вспомни, какъ ты любилъ шутить со мной. Ты молчишь? Ты уже не говоришь со мной!“ Старая служанка, слѣдуя на корточкахъ сзади своей госпожи, выкрикиваетъ: „Охъ, отняли у меня нашего хранителя, оставляетъ онъ своихъ вѣрныхъ слугъ!“ Затѣмъ плакальщицы снова затягиваютъ хоромъ: „Соболѣзуйте и сокрушайтесь! Не переставайте, не переставайте рыдать такъ громко, какъ только можете. О чудный путешественникъ, направляющій свой путь къ землѣ вѣчности, тебя отъ насъ отторгнули! О, ты, котораго окружало столько людей, и вотъ ты теперь въ странѣ, которая налагаетъ уединеніе! Ты, такъ любившій ходить пѣшкомъ, теперь скованъ, связанъ, спеленанъ! Ты, любившій носить тонкія матеріи и чистое бѣлье, лежишь во вчерашнемъ одѣяніи! Та, которая тебя оплакиваетъ, осталась круглой сиротой; съ прикрытой грудью, она терзается и вся въ траурѣ, она катается по землѣ около твоего погребальнаго ложа!“ Безстрастный, посреди всѣхъ этихъ воплей, жрецъ совершаетъ жертвы, состоящія въ куреніи еиміама и возліяніи вина, произнося освященную ритуаломъ фразу: „Твоему двойнику, Озирисъ, князь, правитель области Оивъ, Псару, голосъ котораго праведенъ передъ великимъ богомъ“ (рис. 92). Затѣмъ два человѣка вносятъ на рукахъ мумію въ склепъ. Мракъ другого свѣта принимаетъ ее въ свои нѣдра, и никогда уже онъ не выпуститъ ее изъ нихъ.

Какъ и всякое благоустроенное жилище, могила Псару состоитъ изъ парадныхъ покоевъ, капища, гдѣ двойникъ принимаетъ поклоненіе и дары отъ своихъ семейныхъ и родныхъ въ дни поминовеній, и покоевъ частныхъ, куда входитъ только онъ одинъ. Капище состоитъ изъ двухъ комнатъ: одной, размѣры которой больше въ ширину, чѣмъ въ глубину, и другой, идущей перпендикулярно къ первой, параллельно входной двери и имѣющей большіе размѣры въ глубину, чѣмъ въ ширину. Стѣны его покрыты живописью, сдѣланною клеевыми красками на выштука-

туренныхъ и выполированныхъ стѣнахъ, которая представляетъ всевозможныя сцены изъ жизни. Тутъ вы видите, отъ полу до потолка, подробное изображеніе: пахоты, посѣва, жатвы, уборки хлѣба въ житницы, ухода за скотомъ, рыбной ловли, охоты на звѣрей въ пустынѣ; разныхъ мастерскихъ: столяра, каретника, ваятеля, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, булочной, кухни, даже изображенъ званый обѣдъ съ пѣснями и танцами алмей! Это—все талисманы, свойство которыхъ заключается въ томъ, что они обезпечиваютъ покойнику дѣйствительное пользованіе всѣмъ, что на нихъ изображено. Если ему хочется ѣсть, онъ выбираетъ на пастбищѣ любого изъ пасущихся быковъ, потомъ слѣдитъ по картинкамъ за всѣми мытарствами, которыя быкъ долженъ пройти, начиная отъ пастбища до бойни и кухни, чтобы очу-

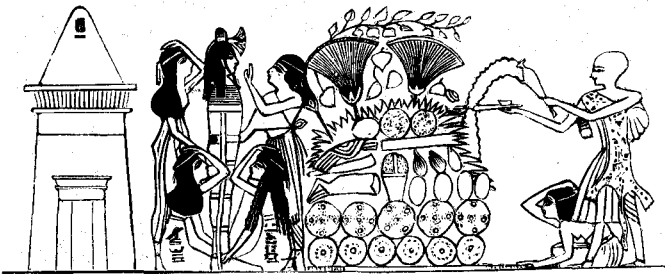

Рис. 92.—Прощаніе передъ входомъ въ могилу.

тятся наконецъ на столѣ. Въ то время какъ онъ смотритъ, дѣйствіе, изображенное на рисункѣ, становится дѣйствительно совершающимся; и въ моментъ, когда онъ видитъ на стѣнѣ свой портретъ, принимающимъ отъ своего слуги зажаренную бычачью ляшку, послѣдняя находится передъ нимъ въ дѣйствительности, увеселяя его взоръ и утоляя его голодь. Часто, однако, двойники богатыхъ лицъ или знатнаго происхожденія въ продолженіе перваго времени своего пребыванія не пользуются для удовлетворенія своихъ потребностей этимъ запасомъ: часто вдовы, дѣти и родственники или сами приносятъ имъ, или посылаютъ провизію въ видѣ жертвенныхъ даровъ. Они доставляютъ быка, гусей, вина, пироговъ своему излюбленному богу Амону или Озирису, Фта или Хонсу: богъ, въ видѣ комиссіонныхъ, удерживаетъ часть изъ этихъ вкусныхъ вещей для себя, а остальное передаетъ душамъ, которыхъ поручаютъ его покровительству! Кромѣ того, заключаются договоры съ жрецами храмовъ, чтобы они за извѣстную годовую плату или единовременное пожертвованіе совершали извѣстное число разъ въ году и въ опредѣленные дни службы

поминовенія по усопшимъ, т. е. снабжали послѣднихъ всѣми необходимыми припасами.

И все-таки, несмотря на заботы, которыя расточаются въ виду обезпеченія будущности покойника, настааетъ въ концѣ концовъ день, когда приношенія прекращаются. Иногда вся семья вымираетъ или мѣняетъ жительство, даже просто забываетъ своихъ давнишнихъ покойниковъ, съ другой стороны, жрецы, оставленные безъ надзора, не всегда добросовѣстно исполняютъ принятые на себя обязательства, и тогда двойникъ, лишенный всего, конечно, умеръ бы отъ нужды, если бы на стѣнахъ не было того запаса, которымъ онъ вѣчно можетъ пользоваться для утоленія своего голода. Для этого совершается еще одинъ послѣдній обрядъ, который надѣляетъ его новою способностью, совершенно отличной отъ тѣхъ, коими онъ уже обладалъ до этого. Процессъ бальзамированія превратилъ его тѣло въ нѣчто неподвижное, безильное, неспособное ни ходить, ни ѣсть, ни говорить, ни видѣть, ни совершать ни одного изъ жизненныхъ отправленій; слѣдовательно, необходимо уничтожить эти послѣдствія бальзамированія, если хотять, чтобы двойникъ жилъ, чего и достигаютъ *Открытіемъ рта* и его сложными обрядами. Церемоніймейстеръ и его помощники, дѣти Горуса, снова ставятъ Псару на кучу песку въ глубинѣ капища и совершаютъ вокругъ него то же священное таинство, которое Горусъ справилъ въ честь муміи Озириса. Они омывають его простой и красной водой, окуривають ладонемъ юга и квасцами сѣвера, какъ это совершается надъ статуями божества передъ совершеніемъ жертвоприношеній, потомъ продѣлываютъ различныя движенія, имѣющія цѣлью разбудить его отъ сна, въ который онъ погруженъ, освобождаютъ его отъ савана, снова призываютъ къ нему его тѣнь, потерянную имъ во время агоніи, и возвращаютъ ему способность движеній. Какъ только храмовые рѣзники убьютъ быка юга и разрѣжутъ на части, жрецъ беретъ цѣлую окровавленную ногу и подноситъ къ губамъ позолоченной маски, какъ-бы предлагая ей ѣсть, но губы не разжимаются и отказываются служить. Тогда онъ прикасается къ губамъ разными инструментами съ деревянными ручками и желѣзнымъ лезвемъ, которые, предполагается, должны ихъ разжать. Съ этого момента двойникъ свободенъ: онъ уходитъ и приходитъ по своей волѣ, видитъ, слышитъ, говоритъ, беретъ свою часть изъ приношеній, и онъ тотчасъ же примѣняетъ къ дѣлу эту новую способность дѣйствовать свободно и приглашаетъ всѣхъ сопровождавшихъ его на пиръ. Это—первый пиръ, который онъ задаетъ въ своемъ вѣчномъ жилищѣ.

Корридоръ, находящійся въ одномъ изъ заднихъ угловъ второй комнаты, ведетъ въ небольшую каморку, съ голыми стѣнами, низкую, безъ живописи и безо всякихъ украшеній; это—комната

Псарю, пріють, гдѣ его мумія будетъ поживать до скончанія вѣка, если угодно будетъ богамъ сберечь ее отъ воровъ. Могильщики некрополя кладутъ ее, обвиту гирляндами, въ приготовленные два гроба вдоль западной стѣны; невольники охапками приносятъ и разбрасываютъ по землѣ каноны, сундучки, мебель, съѣстные припасы, принесенные съ покойникомъ во время похороннаго шествія; жрецъ читаетъ послѣднюю молитву и удаляется, и каменщики тотчасъ же проворно задѣлываютъ кирпичной стѣной входъ въ камеру. Стукъ ихъ лопаточекъ наконецъ смолкъ, шумъ ихъ шаговъ стихъ, огарокъ факела, оставленнаго ими въ комнатѣ, догорѣлъ и потухъ... А тамъ наверху, на платформѣ и въ капищѣ въ это время рабы готовятъ и подаютъ похоронный

Рис. 93.—Танцы алмей.

пирь. Статуя покойника, высѣченная вышуклымъ рельефомъ въ глубинѣ второй комнаты предсѣдательствуетъ на пиршествѣ, и ей первой подается порція отъ каждаго блюда. Предметы также одарены душой, *двойникомъ*, какъ люди и животныя, и этотъ двойникъ, разъ переселившись въ другой міръ, обладаетъ тѣми же свойствами, которыя его тѣло имѣло въ этомъ мірѣ. Двойникъ стула, кровати — настоящіе стулъ и кровать для двойника человека. Двойникъ Псарю, присутствующій на пиршествѣ, столько же наслаждается двойниками питій и яствъ, сколько и его живые гости наслаждаются питьями и яствами настоящими.

Въ то время какъ гости, видимые и невидимые, пируютъ, алмей поютъ и пляшутъ (рис. 93). Въ своихъ пѣсняхъ онѣ то обращаются прямо къ покойнику, то къ живымъ присутствующимъ, но всегда съ однимъ и тѣмъ же прищвомъ: „Вкусите день сча-

стія и блаженства,—жизнь только мгновение.—Вкусите день счастья и блаженства! Когда вы вступите въ ваши могилы, тамъ вы будете покоиться вѣчно изо дня въ день, во весь долгій день“. Послѣ окончанія пиршества, надо, наконецъ, отправляться домой—порвать послѣднее звено, связывающее еще покойника со своими. И вотъ священный арфистъ (рис. 94) начинаетъ прелюдію, стоя передъ статуей, затѣмъ запѣваетъ мелопею *), которую пѣли на первый разъ очень, очень уже давно при похоронахъ фараона Антуфа. Миръ, говоритъ онъ, есть лишь измѣненіе и вѣчное, непрерывное возобновленіе. „Таково рѣшеніе Великаго Озириса, мудрое установленіе судьбы: по мѣрѣ того, какъ одно тѣло разрушается и исчезаетъ, другія послѣ него остаются, съ незапамятныхъ временъ. Фараоны, эти боги, которые жили на землѣ раньше насъ, и которые почиваютъ въ своихъ пирамидахъ, ихъ муміи и двойники равно похоронены въ ихъ пирамидахъ, но дворцовъ, построенныхъ ими, уже нѣтъ на своихъ мѣстахъ, они исчезли... Не отчайвайся же, слѣдуй своему желанію и своему счастью, пока ты на землѣ, не круши сердца, придетъ и для тебя тотъ день, въ который Озирисъ, богъ, сердце котораго уже не бьется, остается глухъ и къ мольбамъ и къ просьбамъ обращаемымъ къ нему. Жалобы всего свѣта не возвратятъ человѣку счастья, когда онъ въ гробу. Пользуйся же и ты днемъ счастья и блаженства, не лѣнись имъ насладиться! Вѣдь не дано человѣку унести съ собою въ другой міръ свои сокровища; не дано ему власти ни уходить изъ міра, ни возвращаться въ него по своему желанію!“

Рис. 94.—Священный арфистъ.

Вопросъ, что же будетъ съ двойникомъ послѣ похоронъ? Большинство населенія на этотъ счетъ имѣетъ весьма смутныя представленія. Думаютъ, что онъ обитаетъ въ могилѣ, влачитъ въ ней какое-то неопредѣленное существованіе, едва обладая самосознаніемъ. Онъ выходитъ изъ нея только тогда, когда ему недостаетъ сѣстныхъ припасовъ, вынуждаемый къ тому голодомъ: часто видятъ его блуждающимъ ночью по деревнямъ и жадно кидющимся на отбросы, валяющіеся по землѣ и даже не брезгующимъ самыми отвратительными нечистотами. Такія лишенія и бѣдствія возбуждаютъ въ немъ чувство ненависти и мести противъ живыхъ, которые его покинули: онъ на нихъ нападаетъ, мучитъ ихъ, причиняетъ болѣзни. Бываютъ и такіе двойники,

*) Мелопея—родъ музыкальной мѣрной декламации.

которые даже не ждутъ этого момента забвенія, чтобы вредить: это—злые по инстинкту; они испытываютъ какое-то удовольствіе въ преслѣдованіи своихъ родныхъ, самыхъ близкихъ имъ. Скрибу Кени цѣлые мѣсяцы преслѣдовалъ своимъ ночнымъ появленіемъ духъ его жены Онхари. А между тѣмъ Кени при жизни ея всегда былъ съ ней хорошъ, справилъ ей великолѣпныя похороны, назначилъ ей значительныя доходы: несмотря на это, она питала злобу на него и приходила мучить его каждую ночь. И онъ избавился отъ этого навожденія только угрозой преслѣдовать ее законнымъ порядкомъ. Онъ написалъ ей письмо, въ которомъ спрашивалъ о причинахъ ея посмертной злобы и перечислялъ всѣ доказательства своей любви къ ней.

„Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ твоимъ мужемъ и до сегодняшняго дня, что я сдѣлалъ тебѣ, что бы долженъ былъ скрывать? Что ты отвѣтишь, когда я расскажу все, что я сдѣлалъ для тебя, когда я предстану съ тобой предъ судилище Озириса, чтобы самому защищать себя предъ богами Запада, и когда тебя будутъ судить на основаніи написаннаго мною прошенія, въ которомъ я изложу всѣ твои козни, что ты отвѣтишь?“ Свитокъ папируса, привѣщенный къ деревянной женской статуэткѣ и вложенный въ

усыпальницу, дошелъ по назначенію: Онхари, убоясь быть призванной на судъ Озириса, перестала мучить бѣднаго человѣка.

Другіе правовѣрные, которымъ такое суровое заточеніе внушаетъ непреодолимое отвращеніе, полагаютъ, что душа оставляетъ могильный склепъ послѣ болѣе или менѣе долгаго въ немъ пребыванія, и переселяется въ „другую землю“. Очень, очень далеко отъ насъ, въ странахъ, гдѣ находится *Жерло разстланы*, существуютъ настоящія царства мертвыхъ, каждое подъ верховенствомъ отдѣльнаго бога, Хонтаментита, Фта-Сокари, Озириса. Туда принимаютъ души тѣхъ египтянъ, которые соблюдали особенную благоговѣйную набожность къ верховному божеству и провозгласили себя его вѣрнопопданнми—*аману*. Самое населенное изъ нихъ царство

Рис. 95.—Смоковница богини Нутъ.

Озириса. Оно состоитъ изъ многихъ острововъ, очертанія которыхъ мы видимъ съ нашей земли въ сѣверо-восточной части неба, на сѣверной оконечности млечнаго пути. Туда достигаютъ лишь послѣ продолжительнаго и опаснаго путешествія. Поки-

дая могилу, душа должна повернуться спиной къ долинь (Нила) и смѣло углубиться въ пустыню. Вскорѣ она тамъ встрѣчаетъ одну изъ тѣхъ смоковницъ, которыя растутъ далеко отъ Нила, на сыпучемъ пескѣ, и которыя феллахи принимаютъ за фей. Одна изъ богинь—Нуитъ, Гаторъ или Нить—появляется до пояса изъ листвы дерева, подаетъ ему цѣлое блюдо хлѣбовъ и сосудъ съ водой (рис. 95); тотъ, кто приметъ эти дары, становится ея гостемъ и не можетъ уже отнынѣ вернуться назадъ, по крайней мѣрѣ, безъ особаго позволенія. Страны ужасовъ начинаются по ту сторону этой смоковницы; онѣ наполнены змѣями и разными звѣрями, изрыты потоками кипящей воды, покрыты болотами, гдѣ огромныя обезьяны ловятъ двойниковъ сѣтями. Многія души не переносятъ всѣхъ мытарствъ, встрѣчающихся во время путешествія, и умираютъ. Только тѣ души, которыя обладаютъ амулетами и высшими чарами, достигаютъ наконецъ крутыхъ обрывистыхъ береговъ обширнѣйшаго озера, озера Ха, и издалека видятъ острова блаженства. Тоотъ, ибисъ, возноситъ ихъ на своихъ крыльяхъ, или священный паромщикъ беретъ ихъ въ свою лодку и сопровождаетъ къ Озирису. Богъ подвергаетъ ихъ допросу въ присутствіи своихъ сорока двухъ совѣтниковъ. Тоотъ взвѣшиваетъ ихъ сердца на своихъ вѣсахъ; Маитъ, Истина, подсказываетъ имъ ту отрицательную исповѣдь, каждый параграфъ которой провозглашаетъ ихъ невинными во грѣхахъ (рис. 96); наконецъ, онѣ признаются достойными войти въ Бобовыя Поля, въ среду блаженныхъ душъ. Бобовыя поля (Сохить-Галу) неистощимо плодородны: пшеница на нихъ семь локтей въ высоту,

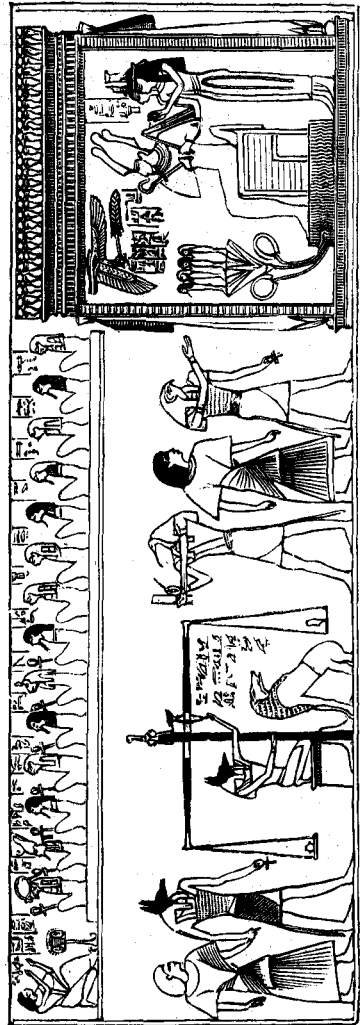

Рис. 96. — Душа передъ судилищемъ Озириса.

изъ которыхъ два идетъ на колось. Мертвые ихъ воздѣлываютъ, жнутъ на нихъ хлѣбъ и въ свое время убираютъ его въ житницы. Впрочемъ, если хотять, они могутъ замѣнить себя небольшими эмалевыми статуэтками, которыя кладутся въ ихъ гроба, и называются *Отвѣтчиками*, такъ какъ они отвѣчаютъ за своихъ хозяевъ каждый разъ, когда тѣхъ наряжаютъ на тяжелую работу. Въ остальное свободное время жизнь проходитъ въ вѣчныхъ пиршествахъ, пѣннн, долгихъ бесѣдахъ и всякаго рода играхъ и забавахъ. Есть, однако, не мало людей, которые такое представленіе о будущей жизни считаютъ уже слишкомъ грубымъ, чтобы признать его за истинное, и стремятся представить себѣ судьбу души въ будущемъ болѣе возвышеннымъ образомъ. Жрецы Амона-Ра исповѣдуютъ по этому предмету даже такое ученіе, которое они неохотно открываютъ другимъ: это—умозрѣнія ученыхъ теологовъ, народу до него нѣтъ дѣла. Человѣкъ можетъ пережить смерть—вотъ что безспорно; но, какъ онъ этого достигаетъ, въ полнотѣ истины объ этомъ знаютъ только одни боги.

ГЛАВА IX.

Въ путешествіи.

Рамзесъ II въ Сири.—Военный совѣтъ.—Бауку посланъ на развѣдки.—Изъ Газы въ Яффу: сирійскія крѣпости.—Изъ Яффы въ Магеддо: лѣсъ.—Магеддо: положеніе сирійскихъ городовъ подъ владычествомъ Египта.—Море: флотъ и морская торговля египтянъ.—Тирь: его положеніе и населеніе.—Египетскія и финикійскія суда.—Торговля тирянъ съ варварами.—Ливанскій горный проходъ.—Войско хиттитовъ выступаетъ съ цѣлью атаковать Рамзеса II.

Фараонъ выѣхалъ изъ своей египетской резиденціи задолго до наступленія дня похоронъ. Сдѣлавъ смотръ всѣмъ частямъ арміи, соединившимся въ Залу, онъ медленно направлялъ ихъ къ Сирию черезъ пустыню, вдоль береговъ Средиземнаго моря, изъ Залу въ Мигдолу, изъ Мигдолу въ Рафію и Газу. Газа со временъ Тутмозу I стала настоящимъ египетскимъ городомъ; Рамзесъ останавливается тамъ на нѣсколько дней, чтобы подождать отставшихъ, выслушать донесенія офицеровъ и губернаторовъ и посовѣтоваться со своими полководцами. Весь югъ страны до Магеддо спокоенъ, сидонская Финикія не шевельнулась, и незамѣтно никакого движенія со стороны Оронта; можно сказать всюду царитъ миръ, и вооруженныя силы хиттитовъ исчезли, не оставивъ слѣда. Царь не понимаетъ, что бы могло означать это кажущееся бездѣйствіе непріятели. Старшій сынъ его Аменгихоншувъ объясняетъ, что подлый вождь хиттитовъ, не смѣя встрѣтиться со старыми египетскими воинами въ открытомъ полѣ, размѣстилъ своихъ воиновъ по крѣпостямъ и готовится вести оборонительную войну. Придется брать одну за другой всѣ крѣпости сѣверной Сири (рис. 97): Кодшу, Гамать, Халупу, Ни, Каркемишъ и неизвѣстно еще какія. Самая сильная армія не разрѣшитъ такой неблагоприятной задачи безъ огромнаго урона для себя, и много лѣтъ потребуются, чтобы одолѣть непріятели этимъ способомъ. Рамзесъ, однако, отвергаетъ предположенія своего сына, какъ не подтверждающіяся доселѣ полученными свѣдѣніями. И въ самомъ дѣлѣ, Хитизару получилъ уже помощь отъ союзниковъ, которыхъ при-

обрѣлъ себѣ въ Малой Азій: не только ликійцы, но и мизяне, дарданцы, народы Иліона и Педасоса, населяющіе берега отдаленнаго моря, явились на его призывѣ, и отряды ихъ уже нѣсколько недѣль предъ тѣмъ соединились съ его арміей. Все это—варвары воинственные, жадные на добычу, страшные стремительностью натиска, но они никогда не согласятся надолго разлучиться съ родиной, и Хитизару, отлично знающій ихъ нравы, не созвалъ бы ихъ, если бы не рассчитывалъ нанести быстрый ударъ. Поэтому надо приготовиться къ скорому столкновенію. Если непріятель нигдѣ не показывается, это значитъ, что онъ скрывается гдѣ-нибудь въ ущельяхъ Ливана, откуда намѣревается напасть на егип-

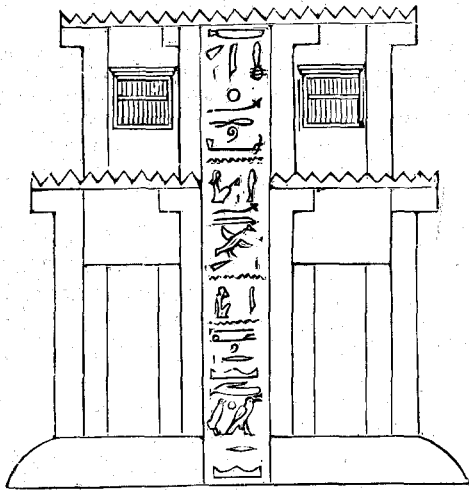

Рис. 97.—Сирійская крѣпость.

тянъ врасплохъ при первомъ представившемся ему случаѣ. Имѣя все это въ виду, Рамзесъ приказываетъ губернаторамъ и начальникамъ передовыхъ отрядовъ усилить мѣры предосторожности и хорошенько осмотрѣть всю страну около Кодшу, стараясь добыть какія-нибудь указанія на позиціи, занятые хиттитами. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсылаетъ по разнымъ направленіямъ отдѣльныхъ развѣдчиковъ: начальникъ наемниковъ Фрагіунамифъ посланъ на востокъ за Иорданъ, разузнать, не замышляютъ ли чего бедуины; пѣхотный офицеръ Рои направленъ къ Дамаску, хотя въ сущности никакой опасности не грозило со стороны племенъ, обитающихъ Гауланъ; наконецъ Бауку, одинъ изъ царскихъ конюшихъ, отряженъ къ Тиру и Сидону съ наказомъ перевалить черезъ Ливанъ на высотѣ Габуна, присоединиться къ арміи южнѣ Кодшу

и собрать какъ можно больше свѣдѣній о численности и составѣ силъ хититовъ. Самъ же фараонъ будетъ со всевозможными предосторожностями подвигаться обычнымъ путемъ изъ Газы въ Магеддо, изъ Магеддо въ Кодшу и составить окончательный планъ похода лишь послѣ полученія донесеній отъ своихъ посланцевъ.

Бауку беретъ съ собою только одного прислужника и, вооружившись какъ слѣдуетъ, отправляется на своей колесницѣ. Онъ быстро проѣзжаетъ долину, пролегающую между Газой и Яффой. Хлѣба на поляхъ вездѣ уже поднялись, но страна безлюдна, и деревни, которыя ему попадаются на пути, опустѣли почти совершенно. Уваженіе къ чужой собственности, при всей дисциплинѣ египетскихъ войскъ, не составляетъ главнаго свойства ихъ, и всѣ проходимыя ими мѣста, даже въ дружественной странѣ, уже заранѣе обречены на разграбленіе. Узнавъ о вступленіи Рамзеса въ Газу, жители забрали все, что у нихъ есть наиболѣе цѣннаго,—драгоценныя украшенія, мебель, разную утварь — и укрылись со своими стадами въ укрѣпленныхъ городахъ, зубчатая стѣны которыхъ высятся на холмахъ по обѣимъ сторонамъ дороги.

За Яффой общій видъ страны измѣняется. Красноватая песчаная почва заступаетъ мѣсто чернозема; тамъ и сямъ начинаютъ попадаться одиночные дубки, которые постепенно собираются въ рощицы все болѣе и болѣе частыя и переходятъ въ лѣсъ, состоящій изъ сучковатыхъ и искривленныхъ невзрачныхъ деревьевъ; самыя большія изъ нихъ не превышаютъ десяти метровъ; остальные совсѣмъ малорослы и скорѣе имѣютъ видъ крупнаго кустарника. Грязныя рѣчки, переполненныя крокодилами, медленно текутъ среди густыхъ береговыхъ зарослей, мѣстами совсѣмъ исчезая въ болотахъ, отдѣляющихъ заразные мѣзасы. Египтянинъ, привыкшій къ безлѣснымъ пейзажамъ нильскихъ береговъ, съ удивленіемъ и тревогой смотритъ на эту неизвѣстную ему природу, и Бауку вступаетъ подъ древесные своды съ безотчетнымъ чувствомъ не то страха, не то отвращенія. Не говоря уже о бедуинахъ, заходящихъ порою въ эти мѣста, тамъ рыщутъ хищныя звѣри: гіены, свирѣпыя кабаны, медвѣди. Здѣсь, говоритъ преданіе, бывало охотился Казарити, царь земли Асару (Ассиріи), оставившій по себѣ память въ народѣ своими славными подвигами; но Казарити былъ великій охотникъ предъ Вѣчнымъ и легендарный герой, а Бауку—обыкновенный человѣкъ, безъ сомнѣнія, очень храбрый, но все-же не болѣе, какъ простой смертный. Одинъ, безъ конвоя и проводника, ѣдетъ онъ почти наугадъ по едва замѣтнымъ тропинкамъ, заваленнымъ камнями и пересѣченнымъ рывтинами. Вниманіе его поглощено единственной заботой: провезти благополучно свою колесницу черезъ всѣ эти препятствія, и вся его душа ушла, такъ сказать, въ его руки. Пытливымъ взглядомъ

окидываетъ онъ каждый кустикъ, опасаясь скрытой засады; ему вездѣ мерещится непріятель, и всякій разъ какъ его неожиданно хлснетъ какая-нибудь вѣтка или зацѣпить своими колючками терновникъ, онъ мгновенно хватается за оружіе. Случается, что обернувшись, онъ слишкомъ затянетъ вожжи, и вотъ лошади поднимаются на дыбы и, бросившись въ сторону, опрокидываютъ колесницу и сбрасываютъ его на земь, такъ что онъ поднимается весь окровавленный и разбитый. Мѣстность, между тѣмъ, понемногу повышается, на горизонтѣ показываются высокія горы. Дорога начинаетъ извиваться, проходя, словно по карнизу, между скалистою стѣною, съ одной стороны, и глубокою пропастью—съ другой. Это самое жуткое мѣсто путешествія. Бауку подвигается впередъ осторожно, шагъ за шагомъ, слѣзая съ колесницы при малѣйшемъ препятствіи. Но это не помѣшало его колесницѣ сильно удариться объ огромный камень и очень попортиться. Деревянные болты, скрѣпляющіе дышло съ кузовомъ, сломались. Бауку наскоро исправляетъ кое-какъ поврежденія, лишь бы только съ бережью дотащить свою колесницу до ближайшаго города. Къ счастью ущелье расширяется, спускъ становится менѣ крутымъ; гора какъ-будто разомкнулась, и сквозь открывшуюся въ ней расщелину Бауку видитъ зеленѣющую долину и въ отдаленіи—башни города Магеддо.

Магеддо лежитъ на вершинѣ довольно высокаго и крутого холма. Съ востока его защищаетъ мутный потокъ Кана, который, прорѣзавъ своими излучинами долину, спѣшитъ по болотистымъ низинамъ и трясинамъ соединиться съ рѣкою Кишонъ. Магеддо—городъ небольшой, бѣдный и грязный съ виду, но хорошо укрѣпленный и важный по занимаемому имъ положенію. Крѣпости Сиріи не похожи на египетскія. Это не прямоугольники или квадраты, обведенные кирпичными стѣнами безъ выступовъ и углубленій. Стѣны сирійскихъ крѣпостей сложены изъ тесанаго камня и обрисовываютъ своей линіей всѣ неровности почвы, на которой онѣ построены. Онѣ снабжены высокими четырехугольными башнями, которыя во время войны становятся еще выше отъ разныхъ деревянныхъ надстроекъ. Крѣпостныя ворота устраиваются всегда въ узкомъ промежуткѣ между двумя башнями, съ которыхъ обороняющіеся могутъ поражать стрѣлами и камнями непріятеля, если онъ задумаетъ подступитъ къ воротамъ съ топоромъ или тараномъ. Такія укрѣпленія берутся иногда приступомъ, но чаще всего голодомъ. Магеддо часто подвергался осадамъ. Вслѣдствіе его положенія, господствующаго надъ дорогами, пролегающими черезъ него: изъ южной Сиріи въ сѣверную, изъ Египта въ страну Хити, съ береговъ Нила къ берегамъ Евфрата, войска разныхъ народовъ много разъ сражались подъ его стѣнами, оспаривая другъ у друга обладаніе этимъ важнымъ пунктомъ. Тутмозу III

разбилъ тутъ коалицію сирійскихъ народовъ, объединившихся въ федерацію подъ предводительствомъ князя Кодшу *), и овладѣлъ крѣпостью посредствомъ блокады, продолжавшейся нѣсколько недѣль; съ тѣхъ поръ она не выходила уже изъ-подъ власти фараоновъ.

Кодшу управляется подъ наблюдениемъ египетскаго гарнизона своимъ наслѣдственнымъ туземнымъ княземъ. Египтяне обыкновенно не заселяютъ колонистами завоевываемые ими города и области и не подчиняютъ ихъ непосредственно власти губернаторовъ, назначаемыхъ фараономъ, а оставляютъ во главѣ управленія прежнихъ государей съ ихъ титулами и властью, довольствуясь наложеніемъ на нихъ болѣе или менѣе значительной дани. Нѣсколько царскихъ чиновниковъ ежегодно пріѣзжаютъ изъ Оивъ за полученіемъ дани и разрѣшеніемъ недоразумѣній, возникшихъ между вассалами и ихъ сюзереномъ, но они не властны вмѣшиваться во внутреннія дѣла завоеванныхъ областей, гдѣ законы и обычаи остаются въ прежней силѣ, различныя мѣстныя религіи свободно отправляютъ свое богослуженіе, и наслѣдованіе трона совершается по исконнымъ обычаямъ страны. Нерѣдко случается, въ особенности во время вступленія на престолъ новаго фараона, что сирійскіе князьки пытаются свергнуть это легкое иго: отказываются уплачивать дань, изгоняютъ или избиваютъ царскихъ чиновниковъ и, не будучи въ силахъ бороться по одиночкѣ, соединяются въ союзы по двадцати или тридцати, чтобы образовать общую армію, достаточно сильную для веденія настоящей войны. Тогда является фараонъ съ своимъ войскомъ, наноситъ имъ пораженіе и, разсѣявъ ихъ дружины, принуждаетъ ихъ одного за другимъ снова покориться. При этомъ онъ иногда прощаетъ возставшихъ и не измѣняетъ прежняго положенія дѣлъ, а иногда заключаетъ кого-нибудь изъ мятежниковъ въ тюрьму или передаетъ казни, но на мѣсто казненнаго возводитъ одного изъ его сыновей, если же сыновья слишкомъ уже замѣшаны въ возстаніи отца, то какого-нибудь его родственника, считающагося за человѣка преданнаго Египту.

Изъ Магеддо въ Тиръ ведутъ двѣ дороги. Одна, болѣе длинная, но зато и болѣе безопасная, идетъ вдоль подошвы Кармель, спускается къ морю и, миновавъ Ако **), уже не удаляется отъ

*) Кодшу или Кадешъ — сильное, укрѣпленное мѣсто, окруженное лукой Оронта съ трехъ сторонъ, въ странѣ амморейнъ; оно служило оплотомъ противъ египтянъ для азіатскихъ народовъ, населяющихъ Сирію и страны, лежащія отъ нея къ сѣверу. При XVIII и XIX династіяхъ египтяне, подчинивъ эти народы, установили черезъ Сирію два великіе военные пути: одинъ изъ Египта до Магеддо, а другой — отъ Магеддо въ Месопотамію, со стратегическимъ пунктомъ въ Кодшу, который надъ нимъ господствовалъ.

**) Одинъ изъ приморскихъ финикійскихъ городовъ на югѣ (Акконъ, Акръ).

берега. Другая—нѣсколько покороче, но пролегаетъ по гористой странѣ, жители которой пользуются очень дурной славой. Они постоянно подстерегаютъ одинокихъ путниковъ или богатые караваны, идущіе изъ Тира въ Дамаскъ, грабятъ вьюки съ товарами, захватываютъ вьючныхъ животныхъ и продаютъ торговцевъ въ рабство. Бауку рѣшается однако избрать именно этотъ опасный путь, въ надеждѣ получить отъ этихъ постоянно бродящихъ тутъ разбойниковъ нужныя ему свѣдѣнія о движеніяхъ хиттитовъ. Одинъ изъ нихъ взялся провести его за приличное вознагражденіе до Тира. Дѣйствительно, путешествіе съ помощью этого проводника завершается безъ помѣхъ, и Бауку выходитъ цѣль и невредимъ на первую дорогу нѣсколько сѣвернѣе Аксафу, но ничего не развѣдавъ. Потому ли, что варварамъ въ самомъ дѣлѣ нечего было сообщить, или они просто не хотѣли сказать, но они заверяютъ, что имъ ничего не извѣстно о движеніяхъ Хити. Во время своихъ разъѣздовъ имъ не случилось повстрѣчать ни одного неприятельскаго отряда, и они не думаютъ, чтобы Хитизару нѣкогда во настоящее время въ окрестностяхъ Кодшу. Когда Бауку выбрался изъ ущелій, прорѣзывающихъ гору Узиру *), его охватило чувство глубокаго изумленія. Родившись въ Оивайдѣ, онъ рѣдко видѣлъ море, и всякій разъ, какъ ему случится увидать его, оно кажется ему все величественнѣе и прекраснѣе прежняго. Отъ отдаленнаго края горизонта до самыхъ почти ногъ его разстилается громадная водная равнина, всюду усеянная парусами и окаймленная бѣлой пѣной въ мѣстахъ, гдѣ волны разбиваются о прибрежныя скалы.

Большинство иностранцевъ думаетъ, что египтяне считаютъ море нечистымъ, питаютъ къ нему отвращеніе и никогда по собственной волѣ не отваживаются пускаться по его волнамъ. Это—заблужденіе; египтяне не гнушаются, они просто не знаютъ моря. Ихъ страна владѣетъ совершенно незначительными морскими берегами, да и тѣ усеяны дюнами и болотами, дѣлающими ихъ необитаемыми. На западной оконечности Дельты, близъ Ракоти **), есть еще нѣсколько острововъ съ удобными стоянками для купеческихъ и военныхъ кораблей, но корабль, застигнутый бурей во всякомъ другомъ пунктѣ египетскаго берега, долженъ для собственнаго спасенія укрыться въ одно изъ устьевъ Нила, съ большимъ рискомъ завязнуть и даже погибнуть въ массахъ ила и песку, заграждающихъ путь въ нихъ. Вотъ почему египтяне отдавали до сихъ поръ преимущество сухопутнымъ дорогамъ передъ морскими. Всякій разъ, однако, когда обстоятельства вы-

*) Это египетское названіе части холмовъ, занятыхъ вполнѣдствіи іудейскимъ колыномъ Аспра.

***) Ракоти—имя египетскаго мѣстечка, на мѣстѣ котораго была вполнѣдствіи основана Александрія.

нуждали ихъ пускаться въ *Темно-Зеленое* *), они выходили съ честью изъ этого испытанія. Съ самаго дѣтства Ниль приучилъ ихъ управлять парусами и веслами, и опытъ, прибрѣтенный въ прѣсныхъ водахъ, облегчалъ для нихъ трудъ приспособленія къ водамъ соленымъ. Извѣстно, что еивскіе матросы, отправленные царицей Гатшопситу къ Красному морю, отлично сумѣли довести свои пять кораблей до страны Пунить и привести ихъ обратно съ грузомъ благовоній и драгоценныхъ товаровъ. Галеры Рамзеса II тоже исправно поддерживаютъ правильныя сообщенія между Танисъ или Пи-Рамсису и Тиромъ, а вѣдъ извѣстно, какъ опасны сирійскія воды, и съ какими усиліями сами финикіяне, хотя они и считаютъ себя искусными мореплавателями, преодолеваютъ теченіе, идущее вдоль ихъ береговъ и приносящее къ нимъ съ собою нильскую тину.

Чѣмъ далѣе подвигается Бауку, тѣмъ болѣе растетъ его изумленіе. Горы повсюду подступаютъ довольно близко къ берегу, и дорога то совсѣмъ спускается на приморскій песокъ для обхода цѣпи обрывистыхъ горъ, то узкою лентою круто поднимается вверхъ черезъ скалистый выступъ, врѣзавшійся въ море. Въ одномъ мѣстѣ дороги высѣчены въ скалѣ огромныя ступени, и она представляется громаднѣйшей лѣстницей (рис. 98). Волны съ яростью дробятся о подножье этого узкаго карниза, а во время бури тяжелая масса воды, поднятая вѣтромъ, ударяетъ, какъ тараномъ, въ скалистыя стѣны съ такой силой, что наружный слой ихъ раздробляется и начинаетъ осыпаться. Бауку, свыкшійся со всѣми ужасами и опасностями пустыни, сначала съ трепетомъ вступаетъ всетаки на эту тропинку, наблюдая за каждымъ шагомъ своимъ. Но вскорѣ, замѣтивъ, что никакой дѣйствительной опасности не предстоитъ ему, онъ ускоряетъ шагъ. Это уже послѣднее препятствіе. Далѣе, по ту сторону этихъ „Тирскихъ лѣстницъ“, горы отступаютъ отъ берега и, уходя въ глубь материка, очищаютъ мѣсто для довольно широкой равнины, которая на далекомъ сѣверѣ замыкается большимъ мысомъ. Тутъ уже идутъ воздѣланныя поля, оливковыя лѣса, тѣнистые плодовые сады, далѣе видѣется городъ, раскинувшійся вдоль песчанаго берега, а напротивъ его—другой, весь опоясанный башнями и словно выросшій изъ глубины моря какимъ-то чудомъ или волшебствомъ.

Двѣнадцать вѣковъ тому назадъ и даже болѣе первые финикіяне утвердились на материкѣ и основали тамъ первый Тиръ, процвѣтавшій въ свое время. Потомки ихъ, размножаясь, заселили постепенно рядъ островковъ, которые тянутся вдоль берега, словно остатки разрушенной плотины, и построили новый Тиръ, который

*) *Темно-Зеленое*—названіе, которое египтяне давали двумъ извѣстнымъ имъ морямъ: Красному и Средиземному.

мало по малу и разорилъ старый городъ. Постоянно осаждаемое волнами и бурями съ открытаго моря, мѣстоположеніе его было дико и сурово. Въ прѣсной водѣ чувствовался почти полный недостатокъ; кромѣ нѣсколькихъ скудныхъ источниковъ солоноватой воды даже и теперь большинство населенія вынуждено довольствс-

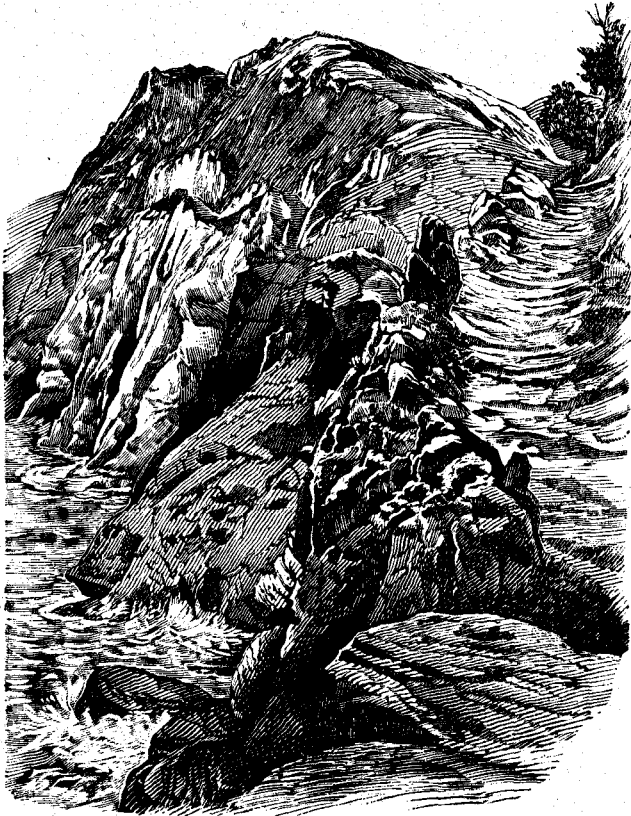

Рис. 98.—Сирійскія лѣстницы.

ваться дождевою водою, собираемою въ водоемахъ, а болѣе взыскательные изъ нихъ посылаютъ ежедневно лодки за водою къ источникамъ на материкъ. Но всѣ эти неудобства забываются передъ существенными выгодами, извлекаемыми городомъ изъ его островнаго положенія. Въ случаѣ войны рукавъ моря, отдѣляющій его отъ материка, служитъ для него рвомъ, подъ защитою котораго онъ можетъ пренебрегать всѣми угрозами непріятели; при помощи своего сильнаго флота онъ безпрепятственно получаетъ со сто-

роны моря и съѣстные припасы, и наемныхъ воиновъ въ какомъ ему угодно количествѣ. Его торговля съ союзными или нейтральными народами не прерывается и въ военное время и въ мирное; между тѣмъ какъ непріятель бесполезно блокируетъ его, Тирь въ два-три морскія путешествія добываетъ себѣ средствъ больше даже, чѣмъ нужно, чтобы заново перестроить старый Тирь, возобновить разрушенныя дачи и возвести фермы, сожженныя или разграбленныя во время войны. Тирійцы, подобно своимъ соотечественникамъ изъ Араду, въ сѣверной Финикіи, могли бы, если бы захотѣли, отказаться признать верховную власть фараоновъ и перестать уплачивать имъ дань; но этотъ благородный порывъ къ независимости, удовлетворяя ихъ тщеславію, нанесъ бы ущербъ ихъ матеріальнымъ выгодамъ; не говоря уже о разграбленіи, которому подверглись бы ихъ владѣнія на материкѣ, они потеряли бы навсегда Египетъ, свой главный рынокъ, на которомъ теперь они производятъ самыя большіе обороты. Поэтому, взвѣсивъ хладнокровно, перенести ли легкій уколъ своему тщеславію отъ слишкомъ скорой покорности, или повести огромный ущербъ въ своей торговлѣ отъ вражды съ Египтомъ, они рѣшились уплачивать дань, тѣмъ болѣе, что она ежегодно сторицей вознаграждается ихъ торговлей съ Египтомъ; и съ тѣхъ поръ у фараона никогда не бывало вассаловъ болѣе вѣрныхъ и менѣе причиняющихъ ему всякихъ затрудненій.

Бауку, пріѣхавъ въ старый Тирь, оставляетъ колесницу и лошадей у царскаго чиновника, пріѣзжающаго сюда каждый годъ для собиранія дани, а самъ со своимъ служителемъ переправляется въ лодкѣ въ Новый Тирь. Новый Тирь построенъ на трехъ островкахъ, отдѣленныхъ каналами, неглубокими и усѣянными едва выступающими изъ-подъ воды скалами. Общій видъ этого города нисколько не напоминаетъ египтянамъ привычнаго имъ вида нильскихъ городовъ. Такъ какъ здѣсь дорожатъ каждой пядью земли, то въ городѣ нѣтъ ни садовъ, ни большихъ площадей, ни широкихъ, застроенныхъ какъ попало улицъ. Улицы Тира похожи на узкіе проходы между четырехъ и пятиэтажными домами, которые жмутся другъ къ другу, какъ ячейки въ соту. Вокругъ храмовъ, и даже вокругъ

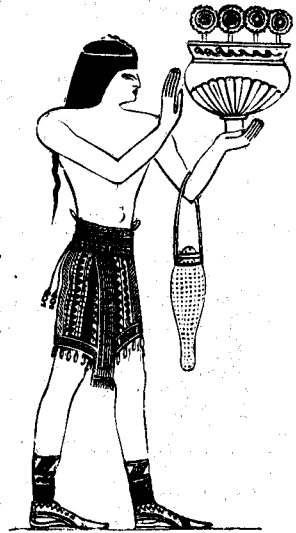

Рис. 99.—Финикянинъ.

самаго древняго и наиболѣе чтимаго храма Мелькарта, оставлено свободнаго пространства какъ разъ столько, сколько необходимо для совершенія обрядностей культа и процессій. Сооруженія (элинги), гдѣ строятся и исправляются корабли, возведены вдоль каналовъ, преимущественно къ сѣверу и юго-востоку, въ такъ называемыхъ сидонскомъ и египетскомъ портахъ. Торговля лавки низки и тѣсны, а помѣщенія, гдѣ выдѣлываются всѣ эти пурпуровыя ткани, стеклянныя издѣлія, золотыя и серебряныя вазы и подражанія египетскимъ амулетамъ, которыя въ такомъ изобиліи развозятся на финикійскихъ корабляхъ по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря, смотрятъ настоящими кельями. За исключеніемъ частей города неподалеку отъ гавани и храма Астарты, гдѣ только-что возвратившіеся изъ морской экспедиціи матросы прокучиваютъ свою долю барышей, городская толпа, снующая по остальнымъ улицамъ, всецѣло поглощена своими дѣловыми заботами.

Туземцы по одеждѣ почти не различаются между собою (рис.

Рис. 100.—Сѣверный сиріецъ.

99). Голый бюстъ, короткій пестрый передникъ, перехваченный въ талии длиннымъ поясомъ съ висящими спереди концами; ноги или совсѣмъ безъ обуви, или обуты въ сапожки; длинные волосы, ниспадающіе локонами почти до поясицы, а на лбу подобранные въ четыре ряда лежащихъ другъ надъ другомъ завитковъ. На этомъ общемъ фонѣ туземнаго населенія выдѣляются до двадцати различныхъ типовъ: тутъ и амореянинъ, и горецъ съ Ливана, въ длинной, изящно обрисовывающей его станъ, одеждѣ, съ пелериной изъ красной съ синимъ пестрой ткани; пышные густые волосы спадаютъ словно въ сѣтеѣ на затылокъ и придерживаются спереди легкой повязкой въ видѣ чепчика (рис. 100); египтянинъ—въ бѣломъ запонѣ и завитомъ въ мелкіе локоны парикѣ; турша и шагалаша изъ Малой Азіи—въ красныхъ шерстяныхъ плоскихъ колпакахъ, какія носятъ моряки; варвары ахеяне и данайцы, бѣлолицы, съ рыжими или бѣлоку-

рыми волосами, покрытыя звѣриными шкурами или въ туникахъ; даже негры и татуированные дикари, прибывшіе изъ Гесперіи *) и изъ страны серебряныхъ и свинцовыхъ мѣстонахо-

*) Гесперіей или Эирной Эіопіей назывались, по Страбону, обширныя совершенно неизвѣстныя страны, лежація къ западу отъ Египта за Ливійской пустыней.

жденій по ту сторону Гадира *). Бауку нигдѣ не приходилось встрѣчать такого удивительнаго смѣшенія типовъ и племень, ни въ Мемфисѣ, ни въ Фивахъ, ни въ Танисѣ (городъ въ Дельтѣ), но его удивленіе еще болѣе усилилось бы, если бы онъ могъ заглянуть во внутренность домовъ. Тирійцы—самые ловкіе торговцы человѣческимъ мясомъ, когда-либо существовавшіе въ мірѣ; большую часть невольниковъ, привозимыхъ ихъ кораблями, они продаютъ египетскимъ и ассирійскимъ купцамъ, но не мало, особенно женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей, остается у нихъ на рукахъ; и этотъ живой человѣческій товаръ доставляютъ имъ не только всѣ страны Азіи: Халдея, Ассирія, Эламъ, Урарти (въ Халдеѣ), но и берега Архипелага, Чернаго моря, Ахейскіе острова, Ливія и тѣ страны за Ливіей, положеніе которыхъ они тщательно

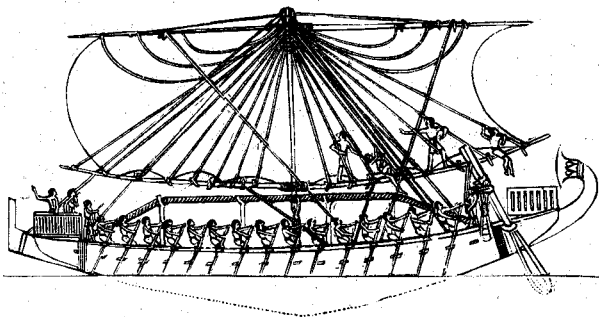

Рис. 101.—Египетскій парусный и весельный корабль.

скрываютъ, избѣгая даже говорить о нихъ въ присутствіи иностранцевъ, чтобы не возбудить въ нихъ соревнованія и не создать себѣ соперниковъ.

Нѣсколько египетскихъ кораблей стоятъ на привязи въ портѣ и нагружаютъ товары для отправленія въ Мемфисъ и Танисъ. Съ виду они очень похожи на нильскія суда, да они, впрочемъ, такъ и выстроены, чтобы могли ходить по рѣкамъ и по морямъ (рис. 101). Корпусъ такого корабля, укрѣпленный на кругломъ килѣ, невысокъ и узокъ, съ острыми приподнятыми кормой и носомъ и весь покрытъ сплошной палубой. Носъ, снабженный металлическимъ водорѣзомъ, прикрѣпленнымъ крѣпкими веревками, выдвигается впередъ метра на три надъ водой, потомъ поднимается откосомъ на одинъ метръ надъ палубой корабля. Корма—длиннѣе и выше носа и заканчивается длиннымъ металлическимъ

*) Гадиръ—теперешній Кадиксъ, былъ первой гаванью финикійцевъ по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ (Гибралтаръ).

стеблемъ лотоса, пышно распустившійся цвѣтокъ котораго загибается внутрь. На кормѣ и на носу устроены для стрѣлковъ помосты, окруженные деревянными балюстрадами; они служатъ баками. Трюмъ не глубокъ и можетъ вмѣщать только балластъ, товары, оружіе и провизію. Борты корабля возвышаются надъ палубой приблизительно на пятьдесятъ сантиметровъ. Скамьи для гребцовъ узки, коротки и прикрѣплены къ бортамъ, оставляя въ серединѣ свободное мѣсто для помѣщенія шлюпки, если она имѣется, или для тюковъ съ товарами, воиновъ, рабовъ и пассажировъ. Гребцы—все египтяне родомъ — раздѣлены на артели по пятнадцати человѣкъ, и каждый гребетъ отдѣльнымъ весломъ. Руль состоитъ изъ двухъ большихъ веселъ, опирающихся на двѣ отвѣсныя стойки, по одной на каждомъ борту; каждымъ весломъ управляетъ отдѣльный рулевой въ стоячемъ положеніи. Мачта, вышиною метровъ въ восемь, возвышается отвѣсно посреди корабля и укрѣпляется двумя подпорками спереди и двумя сзади. Единственный парусъ натянуть на двухъ реяхъ, каждая изъ нихъ около пятнадцати метровъ длиною и состоитъ изъ двухъ прочно связанныхъ концами жердей. Экипажъ корабля состоитъ изъ тридцати гребцовъ, четырехъ марсовыхъ, двухъ рулевыхъ, лоцмана, отдающаго приказанія рулевымъ, капитана и начальника галерныхъ каторжниковъ, что вмѣстѣ съ воинами или пассажирами составляетъ около пятидесяти человѣкъ на корабль. Во время сраженія борты корабля возвышаются обшивками такъ, чтобы изъ-за нихъ видны были только однѣ головы гребцовъ, а туловище было защищено; двое солдатъ ставятся на переднемъ помостѣ, третій помѣщается на вершинѣ мачты въ наскоро сдѣланномъ марсѣ (сидѣнье на мачтѣ), а остальные разставляются по палубѣ и на заднемъ помостѣ, откуда и поражаютъ своими стрѣлами стрѣлковъ неприятельской галеры.

Финикійскіе корабли разнятся отъ египетскихъ только нѣкоторыми частностями. Будучи выстроены изъ превосходнаго дерева, добываемаго изъ горъ Ливана и Амануса, они прочнѣе и длиннѣе, лучше сопротивляются волнамъ и могутъ предпринимать болѣе опасныя плаванія. Моряки ихъ тоже превосходятъ египетскихъ моряковъ и ловкостью и отвагой. Египтяне во время плаванія никогда почти не рѣшаются терять изъ виду берега. Днемъ они плывутъ вдоль берега, а вечеромъ останавливаются съ тѣмъ, чтобы на утро продолжать путь. Такимъ способомъ они совершаютъ иногда очень опасныя путешествія и даже доходятъ до „Рынка Фиміамовъ“ въ странѣ Пунитъ: значить, дѣло во времени, а время въ Египтѣ цѣнится недорого. Финикіяне же научились плавать въ открытомъ морѣ и даже ночью. Ихъ корабли идутъ прямымъ путемъ изъ Тира или Сидона къ острову Ази *),

*) Островъ Ази—Азія—нынѣшній Кипръ.

изъ Ази—къ берегамъ Ликии или къ далекому Родосу, изъ Родоса, переходя отъ острова къ острову,—къ странѣ ахейнъ и данайцевъ, а оттуда въ Гесперию. Въ направленіи пути днемъ они руководятся высотой солнца, а ночью — положеніемъ звѣздъ Большой Медвѣдицы. Во многихъ мѣстахъ своего торговаго пути финикияне завели постоянныя стоянки, изъ которыхъ нѣкоторыя потомъ обратились въ большіе города, а въ другихъ мѣстахъ они появляются только на время, въ извѣстные сроки года и, совершивъ торговый обмѣнъ съ туземцами, уходятъ. Высадившись на берегъ, обыкновенно въ большомъ числѣ, они раскладываютъ на землѣ или на лоткахъ, наскоро устанавливаемыхъ на козлахъ, товары, которые въ спросѣ у мѣстныхъ жителей: въ одномъ мѣстѣ драгоцѣнности, браслеты, ожерелья, амулеты финифтяные, стеклянные, изъ золота и серебра,—въ другомъ мѣстѣ оружіе, топоры, мечи изъ дамасской стали съ золотой насѣчкой; въ иныхъ мѣстахъ кубки, матеріи, окрашенные въ пурпуръ или вышитыя яркими цвѣтами. Большая часть этихъ предметовъ выдѣлывается въ Египтѣ или въ самой Финикии по египетскимъ образцамъ, но болѣе или менѣе измѣненнымъ подъ вліяніемъ халдейскихъ образчиковъ. Благодаря этой повсюду распространенной торговлѣ, можно видѣть у тириносскихъ и микенскихъ вождей, что они вооружены египетскими кинжалами, у нихъ на пальцахъ кольца, украшенные изображеніями лотоса, и ожерелья вавилонскаго происхожденія на шеѣ.

Обмѣнъ не всегда обходится безъ ссоръ и даже опасныхъ столкновеній. Иногда туземцы, возбужденные видомъ множества богатствъ, пытаются овладѣть ими хитростью или силой, нападаютъ врасплохъ на высадившихся на берегъ купцовъ, избиваютъ ихъ и даже овладѣваютъ ихъ кораблемъ. Еще чаще сами финикияне злоупотребляютъ довѣріемъ или безсиліемъ туземцевъ: нападаютъ съ оружіемъ въ рукахъ на безоружную толпу, грабятъ и убиваютъ стариковъ, а молодыхъ людей, женщинъ и дѣтей въ цѣпяхъ уводятъ въ рабство. Случается, что они ухитряются заманить на свой корабль дочерей какого-нибудь туземнаго властителя подъ предлогомъ, напр., показать имъ такія драгоцѣнности, которыхъ они не рѣшаются выносить на берегъ изъ опасенія воровъ, и, когда тѣ поглощены разсматриваніемъ этихъ драгоцѣнностей, финикияне тихоньку снимаются съ якоря и, отплывъ на нѣкоторое разстояніе, внезапно бросаются на любопытныхъ и вяжутъ ихъ, чтобы тѣ не бросились въ воду и не спаслись вплавъ. Женщины изъ Греціи и Ликии цѣнятся очень дорого на рынкахъ Египта и Ассиріи, и не мало ихъ попало уже въ гаремы Фивъ или Ниневіи, гдѣ онѣ и оканчиваютъ жизнь въ положеніи рабы или наложницы.

Наконецъ Бауку добываетъ въ Тирѣ нѣкоторыя достовѣрныя свѣдѣнія о хитгитахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и о движеніяхъ

египетской арміи. Оказывается, что Рамзесъ проникъ въ долину Оронта и медленно подвигается къ Кудшу; что же касается до хиттитовъ, то на равнинѣ находятся только одни легко вооруженные отряды ихъ, главныя же силы арміи укрываются въ ущельяхъ ливанскаго хребта, къ сѣверо-западу отъ города. Послѣ минутнаго колебанія Бауку рѣшается углубиться на развѣдки по ту сторону Сидона и перевалить черезъ гору въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ скрывается непріятель, въ надеждѣ доставить фараону болѣе точныя свѣдѣнія о положеніи вражескихъ силъ. Между Сидономъ и долиной Оронта нѣтъ настоящей дороги, а есть только едва пробитыя тропинки, извѣстныя только пастухамъ козихъ стадъ да бедуинамъ. Съ середины горы начинается лѣсъ, состоящій изъ кипарисовъ, сосенъ и громаднхъ вѣковыхъ кедровъ, вершины которыхъ, кажется, касаются неба, а густая листва едва-едва пропускаетъ свѣтъ. Нигдѣ, даже между Яффою и Магеддо, не приходилось Бауку очутиться въ такомъ густомъ, мрачномъ и безмолвномъ лѣсу. Духъ его подавленъ одиночествомъ и безмолвіемъ, ему кажется, что онъ испытываетъ то же самое чувство, которое, какъ говорятъ, испытываютъ души умершихъ во время своего загробнаго странствованія за поисками рая Озириса, и религиозный ужасъ глухихъ лѣсовъ охватываетъ его. Колесница у него снова сломалась, такъ что лошади едва тащатъ ее; порою издали доносится до него грозное рыканіе льва, или визгливый хохотъ гіены внезапно оглашаетъ чащу.

Къ вечеру, совсѣмъ разбитый отъ усталости, онъ достигаетъ вершины горы и засыпаетъ не ѣвши и не разведя бивуачнаго огня. Утромъ стало свѣжо, онъ проснулся и видитъ, что онъ одинъ, ни души около него. Проводникъ задумалъ ночью украсть у него лошадей, но, такъ какъ тѣ заартачились въ непривычныхъ рукахъ, онъ вынужденъ былъ отказаться отъ своего предпріятія, накинута на дорожную поклажу Бауку и унесъ, что могъ. Слуга Бауку, разбуженный шумомъ, видѣлъ все происходившее, но вмѣсто того, чтобы извѣстить своего господина, выждалъ, пока воръ уйдетъ, и, захвативъ остальное, убѣжалъ въ свою очередь. И вотъ Бауку очутился одинъ на вершинѣ горы, среди густаго тумана, не позволяющаго видѣть предметы въ двадцати шагахъ: стоитъ оступить—и онъ можетъ свалиться въ пропасть и разбиться совсѣмъ. Лучше подождать восхода солнца: вскорѣ туманъ дѣйствительно разсѣялся, сначала медленно всплыли вершины горъ, а за ними лѣсистые скаты горъ; туманъ, спускаясь мало-по-малу въ логовины, наконецъ, разсѣвается подъ вліяніемъ лучей восходящаго солнца, и вдругъ подъ ногами Бауку развертывается вся площадь Сирійской котловины (Coelesyria) съ ея квадратами полей, темными лѣсами, разсѣянными селами, излучинами рѣкъ, обозначенными двойнымъ рядомъ растущихъ по берегамъ ихъ деревьевъ;

онъ отличаетъ вдали египетскій лагерь, а за нимъ—блистающее на солнце небольшое озеро Кодшу. Тропинка становится все удобнѣе и довольно быстро приводитъ его въ долину. Бауку бросаетъ остатки своей колесницы, беретъ подъ уздцы обѣихъ лошадей и отправляется въ путь, довольный, что отдѣлался такъ дешево. Онъ собирался, спустившись съ горы, сѣсть верхомъ на одну изъ лошадей, а другую запасную вести въ поводу. Часа два хорошей ѣзды, и онъ будетъ въ египетскомъ лагерѣ *).

Вдругъ на одномъ изъ поворотовъ тропинки слухъ его поразилъ странный гулъ, какъ бы громадной толпы. Онъ осторожно подвигается впередъ, разводитъ вѣтки куста и видитъ передъ собою въ довольно широкой долинѣ массу людей и лошадей, построенныхъ въ боевомъ порядкѣ и готовыхъ двинуться по первому знаку. Это была неуволимая армія Хити, которую ихъ полководецъ до сихъ поръ такъ искусно разсѣвалъ по окрестностямъ, а теперь, со вчерашняго дня, собралъ въ этомъ мѣстѣ. Пока Бауку наблюдалъ за ней, вдругъ онъ увидѣлъ, что въ толпѣ произошло движеніе и начало передаваться всей массѣ: по всѣмъ направленіямъ скачутъ адъютанты съ приказаніями, всадники въ послѣдній разъ осматриваютъ упряжь лошадей, колеса и дышла, и, вскочивъ на колесницы, берутся за возжи. Вотъ раздается крикъ команды, бичи захопали въ воздухъ, и колесницы двинулись подивизионно. Во главѣ колонны идутъ хиттиты, ихъ колесницы тяжелѣе и больше египетскихъ, и въ каждой находится по три человѣка: воинъ, возница и щитоносецъ, прикрывающій своихъ товарищей. На нихъ длинныя одежды изъ полосатой матеріи съ красными и синими, красными и бѣлыми, или синими и бѣлыми полосами, они вооружены лукомъ, копьемъ и кинжаломъ. Ихъ союзники дарданцы и мизійцы слѣдуютъ за ними, а остальные дружины Малой Азіи и Сиріи замыкаютъ шествіе. Конница состоитъ изъ двухъ тысячъ пятисотъ колесницъ, раздѣленныхъ на четыре почти равные отряда. Бауку съ удивленіемъ замѣчаетъ, что вмѣсто того, чтобы двинуться прямо по долинѣ, они пробираются по сторонамъ, прикрываясь деревьями и пользуясь всѣми неровностями почвы, чтобы скрыть свои движенія. Ясно—подготавливается неожиданное нападеніе, а, можетъ быть, и гибель египетской арміи, если фараонъ не будетъ заблаговременно предупрежденъ. Бауку ускоряетъ шаги, спускается съ горы и скачетъ прямо въ лагерь. Непріятель, наконецъ, замѣтилъ его въ моментъ, когда онъ показался въ открытомъ полѣ; три-четыре колесницы изъ переднихъ рядовъ пустились—было въ погоню за нимъ, но, видя, что не могутъ его настигнуть, возвращаются назадъ, пустивъ въ него съ досады нѣсколько недолетѣвшихъ до него стрѣлъ.

*) Путешествіе Бауку, рассказанное мною, составлено по разсказу объ одномъ подобномъ же путешествіи, записанномъ на страницахъ *Патируса Анастаси № 1*.

ГЛАВА X.

С р а ж е н і е.

Египетскій лагерь подь Кодшу.—Сцены лагерной жизни.—Шпіоны Хити.—Выступленіе въ походъ и порядокъ движенія.—Военный совѣтъ.—Египетскій лагерь застигнуть врасплохъ хиттитами.—Рамзесъ атакуеть непріятеля.—Рѣчь Рамзеса къ своимъ полководцамъ.—Битва при Кодшу.—Послѣ побѣды.—Хитизару просить мира.—Договоръ Рамзеса съ Хити.

Египетское войско уже нѣсколько дней расположилось лагеремъ на правомъ берегу Оронта, на нѣкоторомъ разстояніи къ югу отъ Кодшу. Лагерь его представляетъ огороженный со всѣхъ сторонъ прямоугольникъ, вдвое большій въ длину, чѣмъ въ ширину (рис. 102). Онъ обведенъ ровомъ и внутреннимъ валомъ, вышиною почти въ ростъ человѣка, образовавшимся изъ земли, накиданной во время выкапыванія рва. Большіе, прямоугольные въ основаніи и закругленные въ верхней части щиты изъ ивы выставлены съ наружной стороны этой незатѣйливой стѣны, служа для нея прикрытіемъ. Въ лагерьѣ всего одни только ворота въ одной изъ боковыхъ сторонъ стѣны. Переброшенная черезъ ровъ доска служить мостомъ для входа и выхода въ лагерь. Два взвода пѣхоты, разставленные изнутри по обѣимъ сторонамъ лагерныхъ воротъ, держать караулъ днемъ и ночью съ палками и обнаженными мечами въ рукахъ (рис. 103).

Внутреннее пространство лагеря разбито по длинѣ на три отдѣленія, отгороженные легкими перегородками. Среднее — занимаетъ самъ царь, и тутъ разбитъ его шатеръ со всѣми удобствами и роскошью его египетскихъ дворцовъ. Въ немъ находится царская опочивальня, столовая, заль аудіенцій и даже моленная, гдѣ государь каждое утро совершаетъ жертвоприношеніе своему отцу и властителю Эивъ — Амонра, состоящее изъ воды и еміама. По обѣимъ сторонамъ шатра царя помѣщаются сопровождающіе его князья, конюшіе и военачальники; за шатромъ длинными рядами тянутся боевые кони, военные колесницы, багажные фуры и упряжные быки, а передъ быками стоитъ закрытая

кибитка, служащая для путешествія одного изъ самыхъ необычайныхъ союзниковъ челоѣка на поляхъ битвъ: это огромный левъ, прирученный и выдрессированный для сраженія, съ кото-

рымъ Рамзесъ не разстается никогда. Въ обыкновенное время это — животное довольно смирное, проявляющее добродушіе большой собаки, и только въ пылу сраженія онъ возбуждается, и тогда вся его прирожденная свирѣпость пробуждается во всей силѣ. Правое и лѣвое отдѣленія лагеря служатъ для солдатъ. Тутъ не видно ни военныхъ палатокъ, ни временныхъ шалашей: египтяне привыкли жить подъ открытымъ небомъ; они готовятъ пищу, ѣдятъ, спятъ и занимаются своими дѣлами на вольномъ воздухѣ. Вотъ одинъ воинъ чиститъ оружіе, наблюдая въ то же время за котломъ, гдѣ что-то варится; другой пьетъ вино прямо изъ козьяго мѣха, поддерживаемого рабомъ; третій чинитъ разобранную по частямъ колесницу, замѣняя поносившіяся части; а тамъ солдаты оттачиваютъ кинжалы, копьа, чинятъ сандалии, передники, а тамъ обмѣниваются палочными и кулачными ударами. Передъ каждымъ взводомъ выставлены въ рядъ его боевыя колесницы, и сложены въ кучу на землѣ багажъ, бѣлье, оружіе, провизія. Строевыя кони и вьючные

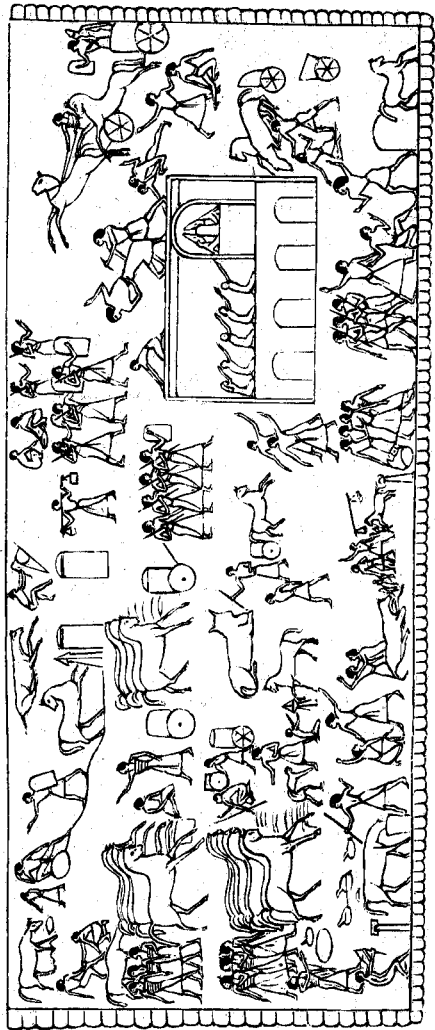

Рис. 102. Египтяне подъ Коптѣ. — Котлопреклоненные люди въ палаткѣ цари изображаютъ жрецовъ, произносящихъ молитвы. Хитя прорвали ограду справа у верхняго угла, и ихъ колесницы врываются въ лагерь; нѣсколько пѣшихъ воиновъ спѣшатъ на встрѣчу имъ.

кони и вьючные

ослы ѣдятъ и отдыхаютъ вдосталь; то тамъ, то сямъ какой-нибудь разыгравшійся осель катается по землѣ съ радостнымъ, но ужаснымъ ревомъ (рис. 104).

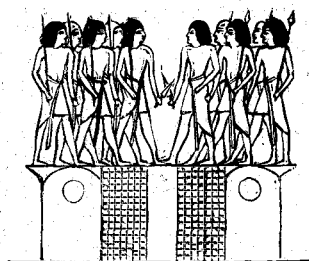

Рис. 103. — Караулъ при входѣ въ лагерь.

Время отъ времени въ лагерь прибываютъ офицеры и сообщаютъ извѣстія тѣмъ, которые не оставляли лагерь; но все еще нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій: подлый Хити продолжаетъ оставаться невидимкой, и допрашиваемые азіаты ничего не знаютъ или увѣряютъ, будто не знаютъ. Молодежь склонна видѣть въ бездѣйствіи непріятели доказательства его трусости или слабости: Хитизару прячется, потому что струсилъ. Но старые опытные воины только покачиваютъ головами, слушая такія рѣчи;

они думаютъ заодно съ фараономъ, что часъ сраженія уже близокъ, и тѣмъ болѣе опасаются врага, чѣмъ онъ менѣе показывается. У подлаго Хити хорошіе полководцы, отлично дисциплинированная армія и отважные союзники, и, если онъ не показывается, то только потому, что подготавливаетъ какую-нибудь засаду. Если бы можно было проникнуть взглядомъ во всѣ эти ущелья и лѣса на склонахъ горъ, окружающіе долину то, можетъ быть, гдѣ-нибудь и открыли бы то, чего напрасно ищутъ вотъуже цѣлыхъ два мѣсяца. Грозовыя тучи образуются обыкновенно на высотѣ, и — берегись дня, когда онѣ разразятся надъ долиной. Фараону слѣдуетъ въ виду этого удвоить мѣры предосторожности, вѣдь на войнѣ такъ легко быть захвачену врасплохъ, и одно сраженіе, проигранное подъ стѣнами Кодшу, принудитъ египетскую армію вернуться въ Газу еще скорѣе, чѣмъ она пришла сюда отсюда.

Рамзесъ озабоченъ не менѣе своихъ старыхъ военачальниковъ. Хотя всѣ донесенія его развѣдчиковъ единогласно утверждаютъ, что на двадцать лье въ окружности лагерь не замѣчается присутствія непріятели, но нельзя, однако, допустить, что Хитизару рѣшился оставить безъ защиты, уступить египтянамъ самыя богатыя области своего царства. Бедуины, которыхъ иногда приводятъ къ фараону, сообщаютъ за вѣрное, что хититы находятся не ближе сорока миль отсюда, у Халуну, что отряды ихъ собираются очень медленно, и что, поэтому, не худо, можетъ быть, было бы ударить на нихъ прежде, чѣмъ они успѣютъ собрать всѣ свои силы.

Послѣ долгихъ колебаній Рамзесъ рѣшается, наконецъ, дѣйствовать сообразно этимъ указаніямъ. Онъ созываетъ своихъ полководцевъ, излагаетъ имъ свой планъ кампаніи и отдаетъ при-

казаніе выступитъ въ походъ завтра на разсвѣтъ. Онъ рѣшается оставить Кодшу въ тылу и отправиться искать армію союзныхъ

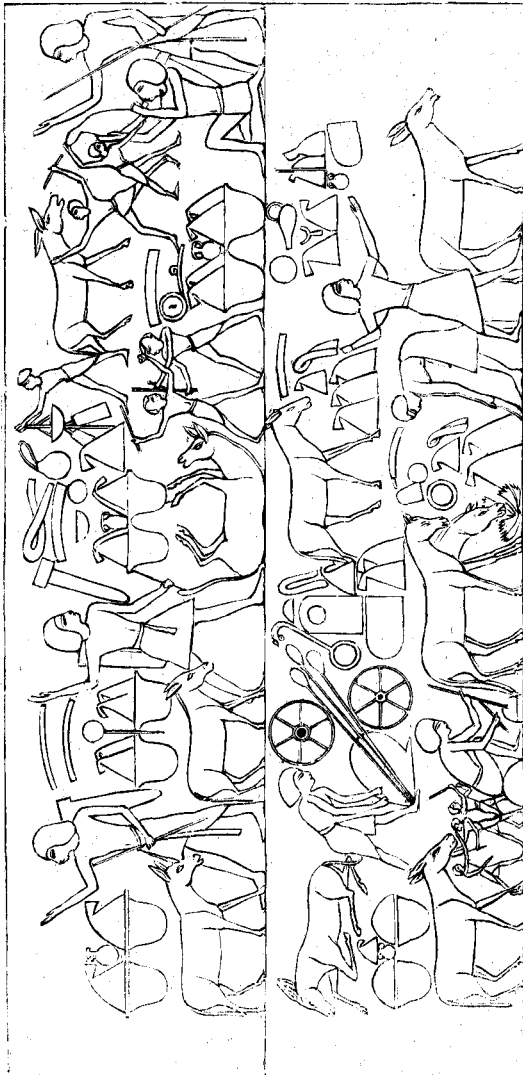

Рис. 104.—Стены лагерной жизни.

князей въ самомъ сердцѣ ихъ страны. Легіонъ Фра составитъ лѣвое крыло и перейдетъ долину южнѣе Шабтуна; легіонъ Фта пойдетъ въ центрѣ по направленію къ деревнѣ Арнамъ; легіонъ

Сутеху займетъ позицію направо и двинется по большой дорогѣ, между тѣмъ какъ легионъ Амона останется въ лагерѣ, откуда выступить только послѣзавтра подъ предводительствомъ самого фараона. Ночь прошла въ послѣднихъ приготовленіяхъ, а на другой день рано утромъ три отряда уже выступаютъ, каждый въ указанномъ ему направленіи.

Непріятельскіе пикеты, наблюдавшіе тайкомъ за египтянами съ окрестныхъ высотъ, даютъ знать объ ихъ выступленіи. Хитизару тотчасъ же отдаетъ по всему войску приказъ взяться за оружіе и ждать, готовый въ любую минуту встрѣтить врага. Ужъ не заподозрилъ ли Рамзесъ устраиваемой ему засады, и не маневрируетъ ли онъ теперь съ цѣлью выманить непріятеля на равнину? Или, можетъ быть, обманутый ложными показаніями подосланныхъ къ нему бедуиновъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ снимается лагеремъ, чтобы идти на Халупу? Мало-по-малу движеніе египетскихъ войскъ выясняется; они рѣшительно идутъ впередъ, исчезая въ облакахъ пыли, поднятой колесницами и копытами лошадей. По числу знаменъ Хитизару убѣждается, что двѣ трети египетской арміи уже удалились отъ Кодшу, и что въ лагерѣ съ Рамзесомъ остался всего одинъ легионъ да отрядъ царскихъ тѣлохранителей. Правда, это—двѣтъ египетской арміи, но едва ли они въ состояніи будутъ долго противиться напору двухъ тысячъ пятисотъ азіатскихъ колесницъ; Хитизару овладѣетъ лагеремъ непріятеля, а двинутыя столь неблагоприятно къ сѣверу дивизіи будутъ продолжать свой путь впередъ; легионъ Амона будетъ разгромленъ, и самъ фараонъ убитъ или взятъ въ плѣнъ прежде, чѣмъ онъ успѣютъ вернуться; а затѣмъ не трудно уже одолѣть въ свою очередь и остальные войска, когда они лишатся главнаго своего вождя. Утро уже въ самомъ разгарѣ; солнце высоко стоитъ на небѣ; египетскій лагерь сохраняетъ свой обычный видъ, и никто тамъ, повидимому, и не подозрѣваетъ близящейся опасности. Наконецъ, Хитизару даетъ давно ожидаемый сигналъ—и колесницы его мчатся во весь карьеръ въ равнину.

Рис. 105.—Палочное истязаніе шпіоновъ.

Проводивъ свое войско, Рамзесъ возвратился въ палатку и, сидя на золотомъ тронѣ, бесѣдовалъ съ двумя старшими сыновьями, какъ вдругъ развѣдчики привели къ нему двухъ захваченныхъ шпіоновъ подлаго Хити. „Что вы за люди?“ спрашиваетъ ихъ его величество. Тѣ не хотѣли было отвѣчать, но боль отъ пошывшихся на нихъ палочныхъ ударовъ развязала имъ языкъ (рис. 105), и они отвѣтили: „Мы—слуги подлаго Хити, и онъ послалъ насъ развѣдать, гдѣ его величество?“—„А гдѣ находится самъ под-

дый Хити?“ спрашивает его величество: „Мнѣ говорили, что онъ стоитъ теперь неподалеку отъ Халупу?“ „Подлый Хити,—отвѣчаютъ плѣнные,—ведетъ съ собою народы въ великомъ множествѣ; съ нимъ находятся всѣ племена изъ страны Хити, Нагаранна и всего Киди *); всѣ эти народы, безчисленные какъ песокъ морской и вооруженные съ ногъ до головы, стоятъ теперь, готовые къ бою, со своими колесницами, позади города Кодшу!“—Гнѣвъ и тревога закипѣли въ сердцѣ царя при этомъ открытіи. Что дѣлать теперь? Есть ли еще время вернуть три легіона, или не лучше ли ему бросить лагерь и самому поспѣшить присоединиться къ нимъ, пока еще не показался непріятель? Его величество созываетъ военачальника легіона Амона, предводителя шарда-

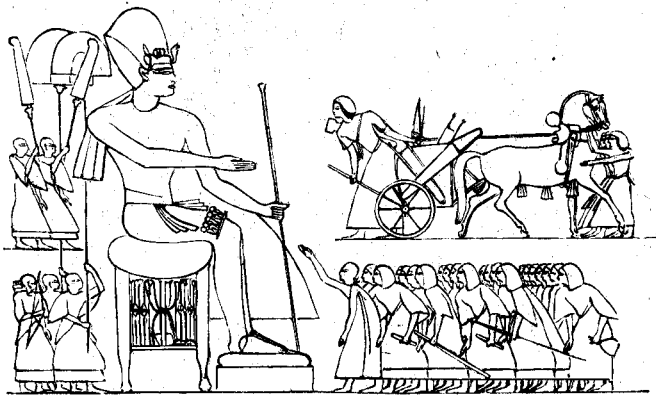

Рис. 106.—Военный совѣтъ Рамзеса.

новъ и начальниковъ колесницъ, чтобы сообщить имъ извѣстіе, только что выбитое палками изъ двухъ шпионовъ подлago Хити (рис. 106).—„Смотрите—говоритъ онъ—что сдѣлали начальники развѣдчиковъ вассальныхъ князей, управляющихъ краемъ, гдѣ находится ихъ государь. Они все твердили мнѣ: „Хити находится въ странѣ Халупу, куда онъ бѣжалъ отъ твоего величества, лишь только свѣдалъ о твоёмъ появленіи“. Такъ говорили они постоянно, и вотъ я сейчасъ только узналъ отъ двухъ шпионовъ изъ страны Хити, что подлый Хити наступаетъ на насъ въ союзѣ со многими народами, съ колесницами и воинами, безчисленными; какъ прибрежный песокъ, что онъ стоитъ позади проклятаго Кодшу, — и никто изъ развѣдчиковъ подвластныхъ намъ князей этого края ничего не зналъ объ этомъ!“—Военачальники фараона

*) Нагаранна—страна между Оронтомъ и Балихомъ; Киди—Кетисъ греческихъ географовъ—берегъ Киликіи.

смущены не менѣе самого царя.—„Правители иноземныхъ областей и подвластные князья его величества, — восклицали они, — совершили ужасное преступленіе, не озаботившись собрать свѣдѣнія о движеніяхъ подлаго Хити“. — Но разбирать виноватыхъ не время: надо дѣйствовать, и безотлагательно. Рѣшено послать легионамъ приказъ поспѣшить назадъ усиленными маршами, и совѣтники фараона стали уже расходиться, чтобы привести поскорѣе лагерь въ оборонительное положеніе, когда внезапно въ шатеръ явился Бауку съ извѣстіемъ о немедленномъ нападеніи непріятеля. И въ самомъ дѣлѣ, Хитизару уже наступаетъ со всѣмъ своимъ войскомъ на египтянъ. Въ нѣсколько минутъ ровъ засы-

Рис. 107.—Рамзесъ II со своимъ львомъ устремляется на врага.

цанъ, земляной валъ прорванъ, несмотря на прикрывающіе его щиты, и азіатскія полчища врываются черезъ пробитую ими брешь въ египетскій лагерь. Неожиданность нападенія была полная! Часть пѣхоты перебита была, не успѣвъ даже взяться за оружіе, и только нѣсколько взводовъ успѣли выстроиться и, поддержанные шарданами, задержали на мгновеніе врага у самыхъ воротъ царскаго отдѣленія. Но, подавленная превосходными силами, эта кучка защитниковъ разстраивается и уже готова обратиться въ бѣгство, какъ вдругъ въ это самое время раздается громкій воинственный кличъ, смѣшанный съ рычаніемъ: Рамзесъ II со своимъ львомъ выступаетъ въ бой!

При видѣ первыхъ колесницъ Хити фараонъ испустилъ вопль ярости и гнѣва, подобно отцу своему, Монту еивскому. Онъ облекся въ доспѣхи, схватилъ копье, велѣлъ отвязать льва, вскочилъ на колесницу и ринулся въ самую горячую схватку

(рис. 107). Нѣсколько колесницъ, устремившихся вѣлѣдъ за нимъ, были скоро опрокинуты, воины перебиты или захвачены въ плѣнъ, и фараонъ очутился среди враговъ одинъ со своимъ конюшимъ Менни, отрѣзанный рядами непріятельскихъ колесницъ отъ своего сопротивлявшагося еще войска. Менни, видя себя окруженнымъ, растерялся: сердце его сжалось, смертельный ужасъ сковалъ всѣ его члены, и онъ возопилъ къ фараону: „Милосердый повелитель, великодушный государь, великій покровитель Египта на поляхъ битвъ! мы одни среди непріятелей. Наши стрѣлки и всадники покинули насъ. — Остановись, дабы сохранить дыханіе устамъ нашимъ! Спаси насъ, о, господинъ нашъ, Рамзесъ Міамунъ!“ и его величество отвѣчаетъ конюшему: „Не бойся, укрѣпись духомъ, о, конюшій мой! Я налечу на нихъ, какъ ястребъ на добычу, и покрою прахъ трупами ихъ, избивая и умерщвляя ихъ. Зачѣмъ страшишься ты этой презрѣнной твари? Амонъ предалъ ихъ въ руки мои!“ и, возвышая голосъ къ божеству, онъ воскликнулъ: „Взываю къ тебѣ, о, Амонъ, отецъ мой! Я окруженъ многочисленными и неизвѣстными мнѣ народами. Всѣ племена возстали на меня, и я одинъ стою противъ нихъ, и никого нѣтъ со мною. Мое множество воиновъ покинуло меня, ни одинъ изъ стоящихъ на колесницахъ не обратилъ на меня взора, и, когда я звалъ ихъ, никто не отозвался на голосъ мой. Но я вѣрую, что Амонъ защититъ меня лучше, чѣмъ миллионъ воиновъ и сто тысячъ всадниковъ, лучше, чѣмъ десятки тысячъ братьевъ и юныхъ сыновей собранныхъ вмѣстѣ. Подвиги многочисленнѣйшей толпы людей ничего не значатъ передъ мощью Амона. Я дѣйствовалъ по внушенію устъ твоихъ, о, Амонъ! Я никогда не преступалъ завітовъ твоихъ, — и вотъ я распространилъ славу имени твоего до послѣднихъ предѣловъ земли!“

Онъ ринулся на врага, и „въ одно мгновеніе десница его истребила ихъ“, и они стали говорить другъ другу: „Мы не съ человѣкомъ сражаемся; эту Сутеху, великій воинъ, это самъ Вааль. Человѣкъ не могъ бы совершить подвиговъ, которые онъ совершаетъ противъ насъ. Онъ одинъ, совсѣмъ одинъ, безъ воиновъ и воеводъ отражаетъ сотни тысячъ. Скорѣе побѣдимъ отъ него, спасемъ нашу жизнь, сохранимъ еще дыханіе устъ нашихъ“. Пять разъ устремлялся онъ на нихъ, и пять разъ прорванные имъ ряды снова смыкались вокругъ него; наконецъ, въ шестой разъ ему удалось разбить окружавшее его кольцо вражеской силы и соединиться со своими. Немного уже ихъ оставалось, но стойкою храбростью своею они все еще успѣвали сдерживать непріятеля. Обыкновенно фараонъ не участвуетъ лично въ сраженіяхъ; онъ присутствуетъ, но не вмѣшивается въ нихъ, и его полководцы не допускаютъ его подвергать себя дѣйствительной опасности. Но на этотъ разъ Рамзесъ II сражался какъ

простой воинъ. Онъ ободрялъ своихъ голосомъ и жестами, водилъ ихъ въ атаку, прикрывалъ ихъ отступленіе, когда они, подавленные превосходствомъ силъ, оборачивали тылъ. Возобновляя нападеніе, онъ всякій разъ громко призывалъ Амона, и казалось, что Амонъ прикрывалъ его невидимымъ щитомъ, ибо, между тѣмъ какъ всѣ его приближенные пали одинъ за другимъ, колесница фараона осталась невредима, и самъ онъ не получилъ ни единой даже раны.

Нѣсколько часовъ уже длился этотъ неравный бой, и египтяне, потерявъ добрую половину своихъ, томимые изнеможеніемъ

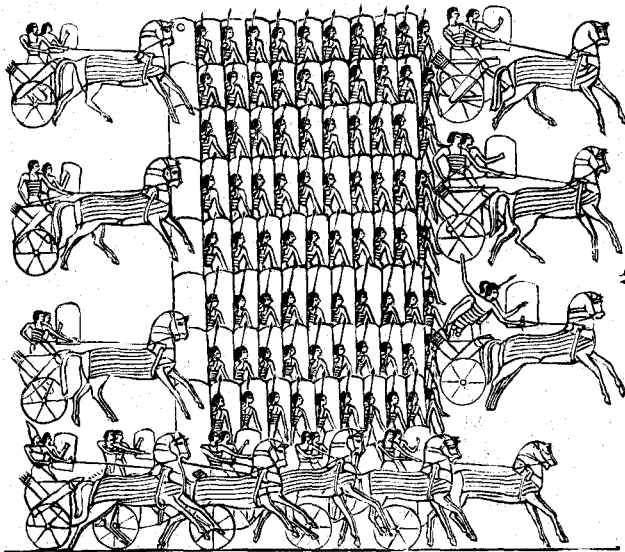

Рис. 108.—Легионъ Фта въ боевомъ строю.

и жаждой, уже думали только о томъ, чтобы подороже продать жизнь, какъ вдругъ могучій боевой кличъ раздался въ тылу неприятеля. Это легионъ Фта вступалъ въ бой (рис. 108). Настигнутый посланцемъ недалеко къ сѣверу-востоку отъ Кодшу, онъ приближалъ въ боевомъ порядкѣ, съ колесницами во главѣ и на флангахъ, пѣхота глубокими колоннами. Хити и союзники ихъ, упавшіе духомъ уже отъ битвы съ царскимъ отрядомъ, не стали ожидать напора свѣжихъ силъ и, обративъ тылъ, начали отступать въ безпорядкѣ по направленію къ Кодшу. Стремительная атака, конечно, обратила бы ихъ отступленіе въ полное пораженіе, но египтяне были совершенно изнурены или усиленнымъ маршемъ или битвой въ продолженіе всего дня и вступили въ лагерь, не преслѣдуя не-

пріятеля. Вскорѣ прибылъ легионъ Сутеху, и поздно вечеромъ лишь къ нимъ присоединился и третій отрядъ, легионъ Фра. Онъ тоже выдержалъ неожиданную атаку во время своего слѣдованія: азіатскія колесницы сдѣлали внезапное нападеніе на него и отчасти смяли его ряды. Но войны, составляющіе его, большею частью старые и опытные ветераны сирійскихъ походовъ, вскорѣ оправившись отъ смущенія, дали отпоръ непріятелю и, послѣ нѣсколькихъ часовъ кровопролитнаго боя, остались на занимаемыхъ ими позиціяхъ. Такимъ образомъ, планъ Хитизару, ловко задуманный и хорошо приводившійся въ исполненіе, рушился передъ несокрушимымъ мужествомъ Рамзеса и предъ стойкостью его войскъ.

Фараонъ сходитъ съ колесницы, и первую его мысль были лошади, которыя такъ храбро носили его по полю битвы, его любимыя *Сила-въ-Оивахъ* и *Нуригъ-утъха*. Оказалось, что ни лошади, ни левъ не были даже ранены; но ихъ попоны были всѣ въ пыли и крови, на шейные чехлы изорваны и висятъ лохмотьями, великолѣпныя перья, украшавшія ихъ головы, совсѣмъ истрепаны. Рамзесъ ихъ гладитъ, говоритъ имъ ласковыя слова, общается до конца ихъ жизни самое почетное мѣсто въ своихъ дворцовыхъ конюшняхъ, корму безъ всякой мѣры и великолѣпную сбрую. Славныя животныя, казалось, понимали его и, несмотря на усталость, поднимали свои головы въ отвѣтъ на слова его. Потомъ онъ отдаетъ приказъ — созвать къ нему всѣхъ военачальниковъ. Тѣ прибѣгаютъ и, по принятому обычаю, громогласно привѣтствуютъ, окружая его. „Итакъ, о, славный вождь, ты спасъ твое войско! Сынъ бога Атуму и твореніе его рукъ, ты истребилъ своимъ мощнымъ мечомъ народъ Хити. Ты—величайшій воитель, и нѣтъ царя, который подобно тебѣ сражался бы за своихъ рядовыхъ въ день битвы. Ты—герой, съ великодушнымъ сердцемъ, бросаешься первымъ на врага, въ самый пылъ битвы, не думая о томъ, что чуть не цѣлый міръ вооружился противъ тебя. Ты—храбрѣйшій изъ храбрыхъ передъ лицомъ твоего войска и передъ лицомъ всей земли. Никто не можетъ этого отрицать, такъ какъ ты покровитель и защитникъ Египта и гроза вражескихъ народовъ, ты на вѣки сокрушилъ чресла Хити“. Несмотря на этотъ льстивый тонъ, они далеко не были спокойны и страшились, какъ бы фараонъ не заставилъ ихъ дорого заплатить за ихъ небрежность, едва не стоившую ему жизни, и первыя слова его были совсѣмъ не успокоительнаго характера. „О, какое преступленіе вы учинили, мои военачальники, мои пѣхотинцы, мои всадники на колесницахъ, не пришедшіе на поле битвы! Давно ли человѣкъ пересталъ быть славенъ въ своей странѣ, если онъ выказалъ мужество, сражаясь рядомъ съ своимъ вождемъ, и снизскалъ славное имя воина? Воистину, воистину, человѣкъ возвеличенъ только за свою доблесть!“

Онъ напоминаетъ благодѣянiя, которыми онъ ихъ осыпалъ, и которыя заслуживали большей признательности съ ихъ стороны. „Развѣ я никому, изъ васъ не дѣлалъ добра, что вы меня покинули одного среди непрiятелей? Вы испугались, и вотъ вы живы, вы еще дышите, а я по вашей винѣ—я остался одинъ. Развѣ вы не могли сказать въ своемъ сердцѣ, что я вашъ несокрушимый, желѣзный оплотъ? Что скажетъ мой отецъ Амонра Оивскiй, когда узнаетъ, что вы меня оставили одного и безъ помощи; что ни одинъ князь, ни одинъ начальникъ надъ колесницами или стрѣлками не подыалъ своей руки вмѣстѣ съ моей на врага!“ Но при воспоминанiи объ ихъ прошлыхъ завоеванiяхъ, однако-жъ онъ смягчился, и, такъ какъ въ глубинѣ души ему было не особенно непрiятно, что онъ далъ такое блистательное доказательство своей силы и своего мужества, то онъ соглашается забыть ихъ вину и помнить только имена вѣрныхъ слугъ, которые не покинули его въ часъ опасности. „Я побѣдилъ, я опрокинулъ миллионы народовъ, я—одинъ: *Силла-въ-Оивахъ* и *Нуритъ-утъха* были моими славными конями: ихъ я нашелъ подъ руками, когда былъ одинъ посреди разъяреннаго врага. Я самъ буду давать имъ кормъ и при себѣ каждый разъ, какъ буду въ своемъ дворцѣ, ибо, повторяю, я ихъ находилъ около себя, когда врагъ окружалъ меня, съ главнымъ моимъ конюшимъ. Менни и съ офицерами моего двора, которые сопровождали меня неотлучно и были очевидцами моей битвы съ врагомъ,—вотъ тѣ, кто были со мною. Я возвращаюсь послѣ битвы побѣдителемъ, я поразилъ своимъ мечомъ соединенныя вражескiя полчища“.

Это былъ успѣхъ, но купленный дорогою цѣною: лагерь, достигнутый врасплохъ, отчасти былъ разграбленъ, половина Амонова легiона и иностранной гвардiи перебита или разсѣяна, правда, врагъ отраженъ, но отраженъ съ большими усилиями и готовъ возобновить бой. Рамзесъ отдаетъ на завтра слѣдующiя распоряженiя: легiоны Фра, Фта и Сутеху расположить въ такомъ же маршевомъ порядкѣ, какъ было утромъ, на лѣво, въ центрѣ и направо; остатки Амонова легiона и отряда шардановъ оставить въ резервѣ. Хитизару, съ своей стороны, стягиваетъ къ себѣ тѣ корпуса, которые не принимали участiя въ дѣлѣ, и выстраиваетъ ихъ впереди

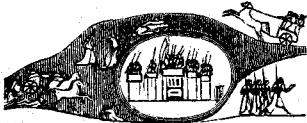

Рис. 109.—Городъ Кодшу.

Кодшу (рис. 109).

Первоначально этотъ городъ занималъ пространство, окруженное лукою, которую образуетъ рѣка при выходѣ изъ одного небольшого озера, такъ что онъ съ трехъ сторонъ былъ защищенъ проточными водами; только съ восточной стороны онъ не былъ защищенъ природнымъ рвомъ и оставался открытымъ для прямого

нападенія. Одинъ изъ древнихъ царей, желая сдѣлать его неприступнымъ, велѣлъ перерѣзать косу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она соединяется съ долиной двойнымъ каналомъ, вырытымъ отъ озера къ рѣкѣ. Теперь городская черта представляетъ почти правильный кругъ. Стѣны изъ большихъ камней снабжены башнями; тѣ, которыя защищаютъ ворота, выше другихъ и прочнѣе построены. Слѣдовательно, Кодшу расположенъ на островѣ, который сообщается съ твердой землей посредствомъ двухъ мостовъ, переброшенныхъ черезъ окружающіе его каналы; мосты эти поднимаются или опускаются, смотря по надобности.

Хитизару располагаетъ еще двумя тысячами колесницъ; онъ ихъ выстраиваетъ въ боевой порядокъ на нѣкоторомъ разстояніи впереди города, правое крыло опирается на рѣку, лѣвое протянуто въ долину, а пѣхоту онъ оставляетъ въ крѣпости, съ приказаніемъ выдти изъ нея только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ побѣжденъ, чтобы остановить преслѣдованіе египтянъ.

Бой завязался съ самаго ранняго утра схваткою между стрѣлками изъ луковъ, но, едва они успѣли обмѣняться нѣсколькими стрѣлами, Рамзесъ и Хитизару отдали имъ приказъ разступиться и дать свободное мѣсто конницѣ на колесницахъ. Если судить по внѣшности, силы обоихъ войскъ не равны. Колесницы Хити, высокія, тяжелыя, съ тремя воинами на каждой, должны бы имѣть перевѣсъ надъ египетскими легкими колесницами, опрокинуть ихъ даже только своею тяжестью. Вотъ обѣ массы тронулись тихо съ своихъ мѣстъ, и, постепенно ускоряя движеніе, устремляются, наконецъ, другъ на друга со всею скоростію, съ глухимъ грохотомъ, похожимъ на раскаты грома. Египтяне, приученные постоянными и долгими упражненіями къ ѣздѣ въ строгомъ порядкѣ, разомъ понеслись впередъ, какъ будто они еще въ Фивахъ на мѣстѣ обычныхъ своихъ маневровъ: ни одна колесница не выдается изъ-за другой, и вытянутые въ струнку ряды представляютъ на полѣ сраженія какъ бы непрерывныя линіи. Всадникъ, связавъ узломъ возжи, обматываетъ ихъ вокругъ туловища на поясицѣ и, подаваясь то направо, то налѣво, то назадъ, то впередъ, править свободно лошадей, мчащейся во всю прыть, останавливаетъ или пускаетъ ее впередъ; въ рукахъ же онъ держитъ натянутый лукъ, тетива котораго заведена за ухо, а остроконечная стрѣла уже нацѣлена, и остается только ее пустить, тогда какъ возница, держась одной рукой за кузовъ колесницы, въ другой держитъ передъ товарищемъ щитъ, чтобы прикрывать его (рис. 110). Всадники Хити, менѣе искусные, уже послѣ нѣсколькихъ минутъ движенія вскачь теряютъ правильность рядовъ: ихъ линіи колеблются, перепутываются по мѣрѣ того, какъ они несутся впередъ, несмотря на всѣ усилія сохранить ихъ въ должномъ порядкѣ. Хити также вооружены луками, но они не охотно употребляютъ ихъ въ дѣло и

предпочитають дѣйствовать пикой, которую на всемъ скаку держатъ на половину наклоненною, чтобы ударить врага, когда будутъ отъ него на разстояніи достать его ею.

Вотъ уже обѣ линіи раздѣлены другъ отъ друга разстояніемъ шириною всего на двѣ лошади: раздается короткая команда—и всѣ египетскія стрѣлы со свистомъ полетѣли: десятка два хиттитовъ и дарданцевъ падаетъ, и столько же повалилось лошадей; опустѣвшія колесницы мечутся въ сторону на сосѣдей, опрокидываются. Второй залпъ производитъ невообразимый безпорядокъ; первая линія

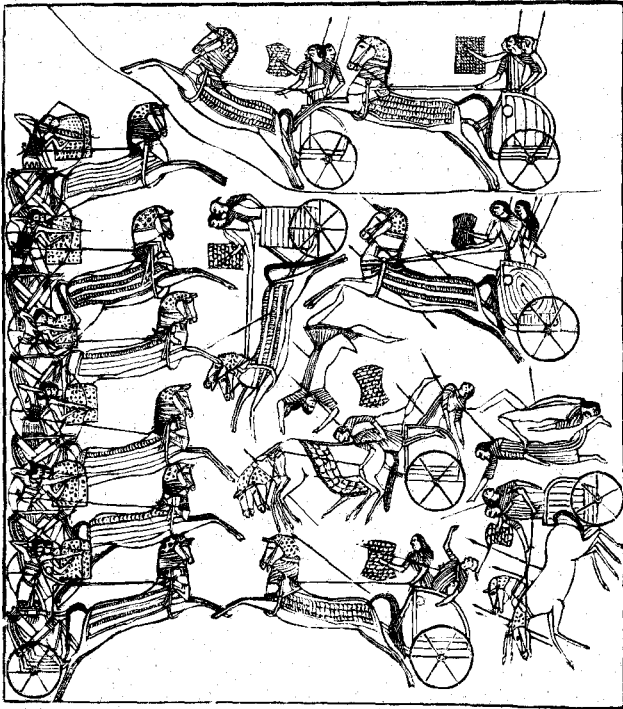

Рис. 110.—Стычка колесницъ. Египтяне—налѣво, а Хити—направо.

союзниковъ прорывается, уцѣлѣвшія колесницы мчатся въ сторону, всадники, сброшенные на землю съ разбитыхъ колесницъ, схватываютъ за поводья лошадей, перерубаютъ прикрѣпляющія ихъ къ дышлу постромки, вскакиваютъ верхомъ на лошадей и снасятся куда попало. Хитизару пускаетъ другую дивизію, которая возобновляетъ бой и, схватившись съ египтянами, наноситъ имъ тяжкія потери, опрокидываетъ ихъ центръ и преслѣдуетъ остатки его по пятамъ. Въ этотъ самый моментъ Рамзесъ становится во главѣ

своего праваго крыла, быстро устремляется съ нимъ на хиттитовъ; послѣдніе, взятые во флангъ царемъ, дрогнули и мало-по-малу были оттѣснены къ рѣкѣ и, наконецъ, были приперты къ ней. На глазахъ у Хитизару пали одинъ за другимъ его лучшіе и преданные сподвижники: Тирганнаса, начальникъ конницы, Агама капитанъ пѣхоты, Халусару, его историографъ, Зауазасъ, князь Тонизы, его родной братъ Мазрима. Хитизару направляетъ свою колесницу въ воду, чтобы переплыть озеро и спастись за стѣнами Кодшу. Многіе изъ его воиновъ, послѣдовавшихъ его примѣру, были унесены теченіемъ воды и потонули; самъ онъ былъ выброшенъ у подножія стѣны еле живой. Его подобрали, подняли за ноги внизъ головой и трясли его, чтобы освободить его отъ проглоченной имъ воды. Той порой его пѣхота вышла изъ города и бросилась на египтянъ всею массою въ восемь тысячъ человѣкъ. Ея вмѣшательство въ дѣло было слишкомъ уже поздно, чтобы оно могло измѣнить участь битвы; оно только удерживаетъ натискъ побѣдителя и спасаетъ остатки конницы. Вче-

Рис. 111.—Вписываніе отсѣченныхъ рукъ и плѣнниковъ.

рашнее сраженіе остановило только движеніе Хитизару, а сегодняшнее привело въ полное разстройство и почти уничтожило его армію.

Въ тотъ же вечеръ его посланные предстали предъ Рамзесомъ. Какъ только бой кончился, солдаты разсыпались по долинѣ съ цѣлью обобрать мертвыхъ и принести добычи; египтяне не отсѣкаютъ головъ у непріятелей, а только отрѣзаютъ кисть правой руки или какой либо другой членъ и приносятъ его къ скрибѣ для вписанія имени принесшаго. Фараонъ удостоиваетъ лично предѣлательствовать съ высоты своей колесницы при вписываніи рукъ (рис. 111). Посланцы прибыли какъ разъ въ то время, когда онъ былъ окруженъ этими кровавыми трофеями. Онъ прервалъ эту церемонію, чтобы ихъ принять. Если бы онъ захотѣлъ слѣдовать своимъ тайнымъ желаніямъ, онъ продолжалъ бы войну во что бы то ни стало и постарался бы разъ навсегда покончить съ этими упорными противниками; но достаточно ли многочисленна его армія послѣ понесенныхъ ею потерь, можетъ ли она долго выдержать кампанію? Остатки арміи Хити еще очень грозны, Кодшу сильно укрѣпленъ и сдастся только послѣ долгой осады. А пока его осаждаютъ, Хитизару успѣетъ собрать новую

армію, южная Сирія можетъ возстать, — и одна неудача, даже незначительная, испортила бы плоды только-что достигнутаго успѣха. Рамзесъ съ сожалѣніемъ рѣшается не отклонять предложеній непріятели и принимаетъ письмо, которое посланцы ему передали.

Письмо было отъ самого Хитизару и написано въ самыхъ униженныхъ льстивыхъ выраженіяхъ. „Это чтобы доставить удовольствіе сердцу его величества, бога, по своей волѣ изливающегоъ свое живительное вліаніе, повелителя, мужественнаго быка, возлюбившаго истину, верховнаго царя, охраняющаго своихъ воиновъ, героя съ непобѣдимымъ мечомъ, оплота воиновъ въ день битвы, царя Верхняго и Нижняго Египта Узирь-мари-сотпунри, сына Солнца, Рамзеса-Міамуна. Твой слуга Хитизару тебѣ говоритъ, чтобы объявить тебѣ, сыну Амона и испешему изъ его существа, что, какъ онъ ввѣрилъ тебѣ всѣ страны, соединенныя водоедино, такъ и земля Египетская и земля Хити соединяются, чтобы положить къ твоимъ ногамъ свою преданность. Ра, твой августѣйшій отецъ, далъ тебѣ силу и побѣду; соизволь не овладѣвать нами, о ты, котораго душа великодушна! Твое мужество покарало народъ Хити, но хорошо ли тебѣ будетъ, если перебьютъ твоихъ слугъ? Ты нашъ господинъ; неужели твой гнѣвъ не укротится на твоемъ лицѣ, и ты не смилуешься надъ нами? Ты пришелъ вчера—и избилъ сотни тысячъ; придешь сегодня—и не останется ни одного человѣка, чтобы быть твоимъ подданнымъ. Не довершай твоихъ страшныхъ предначертаній, о, побѣдоносный царь, геній, которому лобы битвы! Оставь намъ дыханіе жизни!“ Рамзесъ созываетъ совѣтъ, сообщаетъ ему посланіе князя Хити. Военачальники разсуждаютъ только для виду и будучи убѣждены, какъ и онъ самъ, въ необходимости мира, просятъ фараона показать себя великодушнымъ съ побѣжденными. „Вотъ это превосходно! Соизволь умиловаться, о государь, нашъ повелитель! Если Хитизару недостойно помилованія, кто же будетъ достоинъ? Онъ тебя боготворить, соблаговоли умѣрить свой гнѣвъ“. На другой день соглашеніе состоялось, и Рамзесъ, торжествуя, отправился въ обратный путь въ Египетъ.

Собственно, это былъ не миръ, а перемиріе; вскорѣ война загорѣлась снова и продолжалась съ переменнымъ успѣхомъ то той то другой стороны еще въ теченіе шестнадцати лѣтъ. Между тѣмъ Рамзесъ старился и уже не являлся къ арміи, и въ то время, какъ его полководцы сражались за него, самъ онъ строилъ храмы, основывалъ новые города, перестроилъ большую часть изъ древнихъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ миръ, наконецъ, былъ заключенъ, и назначенъ былъ день для обмѣна серебряныхъ плитокъ, на которыхъ имѣли обыкновеніе вписывать торжественные договоры. Церемонія происходила 21 тоби (16 января; см.

примѣч. на стр. 6), въ Па-Рамзесъ-Міамунъ, въ Дельтѣ. Посланный князя Хити, Тартизабу, торжественно вручилъ фараону плитку своего повелителя и получилъ такую же, на которой былъ написанъ іероглифами текстъ мирнаго трактата. Текстъ перечислялъ прежніе договоры между царями Египта и князьями Хити, заключенные во времена Рамзеса I и Сети I. Въ этомъ договорѣ постановлено было, что миръ между двумя народами долженъ быть вѣчнымъ. „Если какой непріятель идетъ противъ странъ, подвластныхъ великому царю египетскому, и если фараонъ посылаетъ сказать великому князю Хити: „Приди, приведи мнѣ войско противъ него“, великій князь Хити сдѣлаетъ, какъ повелитъ великій царь египетскій; великій князь Хити истребитъ его враговъ. Но, если великій князь Хити предпочтетъ не прибыть самолично, то онъ пришлетъ стрѣлковъ и колесницъ изъ страны Хити великому царю египетскому, чтобы истребить его враговъ“. Подобная же статья обезпечивала и князю Хити помощь египетскихъ войскъ. Дальнѣйшія статьи касались покровительства торговли и промышленности обоимъ договорившимся союзнымъ народамъ, а также и обезпеченія лучшаго отправленія правосудія у нихъ. Каждый преступникъ, пытающійся уклониться отъ отвѣтственности передъ закономъ бѣгствомъ въ сосѣдную страну, будетъ переданъ въ руки чиновниковъ своей страны; всякій перебѣжчикъ не преступникъ, всякій подданный, захваченный силою, всякій рабочій, который перемѣстится изъ одной земли въ другую съ цѣлью остаться тамъ на жительство—будутъ отосланы въ свое отечество, съ тѣмъ, однако же, условіемъ, чтобы это удаленіе ихъ изъ своей родины не было поставлено имъ въ преступленіе. „Тотъ, кто будетъ такимъ образомъ удаленъ, не будетъ отвѣтственъ за учиненную имъ ошибку; чтобы не уничтожали ни его дома, ни его жены, ни его дѣтей; чтобы не убивали его матери, чтобы его не били ни по глазамъ, ни по устамъ, ни по ногамъ, — наконецъ, чтобы никакого обвиненія противъ него не вчинять“. Условія трактата исполнялись добросовѣстно и съ той и съ другой стороны. Рамзесъ женился на дочери Хитизару, и этотъ послѣдній, нѣсколько лѣтъ спустя, сдѣлалъ дружескій визитъ своему зятю. Съ тѣхъ поръ „Египетскіе народы имѣли одно сердце съ князьями Хити—что не видано было со временъ бога Ра“.

Рамзесъ еще долго жилъ; онъ умеръ на шестьдесятъ седьмомъ году своего царствованія, въ шестьдесятъ второй годъ послѣ этого сраженія при Кодшу, которое онъ выигралъ благодаря личной храбрости. Ему сдѣлали пышныя похороны, и его мумія перенесена была для почиванія въ усыпальницу, которую онъ велѣлъ вырыть еще при жизни, въ *Долину Царей*. Впрочемъ онъ недолго тамъ оставался: чтобы спасти мумію отъ воровъ, пришлось ее перенести въ усыпальницу Аменготпу I, гдѣ она пролежала въ продолженіе

почти двухъ вѣковъ вмѣстѣ съ великими фараонами предшествовавшихъ династій Ахмосу I, Тутмосу I, его дѣдомъ Рамзсеомъ I, его отцомъ Сети I и царевнами ихъ семьи. Когда Эивы пришли въ упадокъ, одинъ царь XXII династіи, желая избавиться отъ нагроможденія этихъ мертвыхъ, велѣлъ ихъ похоронить, какъ по-пало, въ одномъ мѣстѣ въ горѣ, и до такой степени скрытно, что они тамъ оставались забытыми въ продолженіе двадцати восьми

Рис. 112. — Рамзесъ II.

столѣтій. Около 1871 года нѣсколько феллаховъ, въ поискахъ древностей, случайно напали на этотъ кладъ фараоновъ, осмотрительно пользовались имъ въ продолженіе десяти лѣтъ, продавая скарабея въ одномъ мѣстѣ, папирусы — въ другомъ, куски матерій, драгоценности, похоронныя статуэтки — однимъ словомъ, всякія пожитки бывшихъ фараоновъ — въ третьемъ. Остальное, что ускольз-

нуло отъ подобнаго разграбленія, было перенесено въ 1881 году въ Булакскій музей, и Рамзесъ, освобожденный отъ своихъ пеленокъ послѣ трехъ тысячъ лѣтъ слишкомъ, снова увидалъ дневной свѣтъ. Теперь онъ поживаетъ своимъ послѣднимъ сномъ въ одной изъ залъ музея подъ стекляннымъ футляромъ. Онъ для насъ всебѣмъ не тотъ Рамзесъ, какимъ былъ для нашихъ отцовъ и для ихъ отцовъ раньше ихъ, т. е. героемъ сомнительной легенды, или еще того менѣе, именемъ, не связаннымъ ни съ какимъ реальнымъ образомъ, витающимъ въ воображеніи ученыхъ, безъ красокъ, безъ очертаній. Онъ высокаго роста и хорошо сложенъ. Онъ имѣетъ небольшую, продолговатую голову, лысый лобъ, нѣсколько прядей сѣдыхъ волосъ на вискахъ и на затылкѣ. Лобъ низокъ и узокъ, довольно густые брови, глаза небольшіе и прилегающіе близко къ носу, носъ тонкій, съ горбинкой, виски впалые, скулы выдающіяся, уши круглыя и красиво очерченныя. Онъ сохраняетъ въ своей вѣковой неподвижности выраженіе гордости и спокойнаго величія. Измѣрили его ростъ, опредѣлили объемъ его мозга, составили опись его могильнаго имущества, и тому, кто пожелаетъ видѣть, каковъ онъ былъ въ моментъ смерти, мы предлагаемъ здѣсь его портретъ, срисованный (рис. 112) съ фотографіи, снятой прямо съ муміи, хранящейся въ Булакскомъ музеѣ.

Ассирія.

ГЛАВА XI.

Царская резиденція: Дурь-Шарукинъ.

Саргонъ задумываетъ соорудить городъ, принадлежащій только ему одному. — Выборъ мѣста. — Предварительное совѣщаніе съ богами. — Основаніе города. — Заготовка кирпичей. — Дурь-Шарукинъ покинуть послѣ смерти Саргона послѣдующими царями. — Городскія стѣны. — Ворота: крылатые быки. — Жизнь и дѣятельность, происходящая около городскихъ воротъ. — Улицы, дома, жители. — Дворецъ и службы. — Гаремъ — Царскія палаты и ихъ украшенія. — Жрецы и ихъ значеніе въ государствѣ. — Семиэтажная башня (Зиггурать).

Въ одиннадцатый годъ своего царствованія и въ одинъ благопріятный день Саргонъ, великій царь, могущественный царь, царь легионовъ, царь страны Ассура, основалъ городъ и дворецъ по соизволенію боговъ и желанію своего сердца. Во всѣхъ царскихъ мѣстопробываніяхъ, въ которыхъ онъ до сего времени жилъ, все ему напоминало слишкомъ живо блескъ и славу государей, ему предшествовавшихъ. Надписи ему повѣствовали подробно исторію ихъ жизни, барельефы живописали передъ нимъ ихъ охоты и битвы: престарѣлый Тиглаѳаласаръ выстроилъ вотъ этотъ корпусъ палатъ, одинъ изъ Самсираммановъ прибавилъ къ нему эти два флигеля, Ассурназиргабалъ возвелъ семиэтажную башню, а Салманасаръ перестроилъ гаремныя зданія. Саргонъ хотѣлъ имѣть городъ, который принадлежалъ бы ему вполне, и прошлое котораго начиналось бы только съ его царствованія.

Проводя дни и ночи въ размысленіи и отысканіи съ набожной заботой мѣста, которое ему лучше бы подходило, онъ избралъ наконецъ деревушку Магганубба, на нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверо-востоку отъ Ниневіи, въ широкой равнинѣ, простирающейся отъ крутыхъ береговъ Хусура *) до Мусрійскихъ горъ.

*) Хусуръ — теперешній Хоссеръ, который впадаетъ въ Тигръ при Моссуль; Мусрійскія горы — горная цѣпь, къ которой принадлежитъ Джебелъ-Маглубъ.

Земля тамъ даетъ въ годъ двѣ жатвы, зато она и слыветъ въ окружающихъ ее странахъ подъ именемъ *Дзувешней равнины*. Одинъ изъ источниковъ, ее орошающихъ, пахнетъ сѣрой и обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ: вездѣ въ долинѣ Тигра и туземцы и даже чужеземцы страдаютъ мучительными крупными чирьями, которые цѣлый годъ не сходятъ съ лица и оставляютъ на немъ неизгладимые рубцы, между тѣмъ тѣ, кто пьетъ его воды, или бывають совсѣмъ пощажены этой болѣзнью, или же быстро выздоравливають. Слѣдовательно, мѣстоположеніе представляло большія выгоды, а однако, триста пятьдесятъ государей, слѣдовавшіе одинъ за другимъ на ассирійскомъ тронѣ, имѣя его передъ своими глазами, въ продолженіе вѣковъ не подумали воспользоваться имъ. Саргонъ, болѣе сообразительный, рѣшилъ основать тутъ свою резиденцію и скупилъ сразу у всѣхъ жителей ихъ земельную собственность. Одни изъ нихъ въ вознагражденіе за отобранныя у нихъ поля получили полную стоимость ихъ серебромъ и мѣдью, которая и была вписана въ купчую крѣпость; другіе предпочли вмѣсто денегъ получить въ обмѣнъ за свои имѣнія землю одинаковой цѣнности въ другой мѣстности. При этомъ было употреблено все стараніе на то, чтобы эти сдѣлки были совершены съ большою осмотрительностью и справедливостью, такъ, чтобы онѣ не вызвали ни малѣйшихъ основательныхъ жалобъ; подвергнись хоть одинъ изъ прежнихъ хозяевъ-собственниковъ земли несправедливости, его проклятія непременно принесуть несчастіе новому городу.

Закладка города совершается какъ религіозное священнодѣйствіе, каждый моментъ котораго сопровождается продолжительными и сложными обрядами. Недостаточно обозначить направленіе городскихъ стѣнъ, разбить улицы, открыть рынки и расселить какъ попало тысячи семействъ; если хотять, что бы все это было прочно и благоденствовало, необходимо привлечь въ городъ, кромѣ населенія людей, еще населеніе и боговъ, которые согласились бы остаться въ немъ и взять подъ свое покровительство жителей. Поэтому, раньше чѣмъ рѣшиться предпринять что-либо, Саргонъ съ набожнымъ чувствомъ обратился за совѣтомъ къ Эа, царю боговъ, и сестрѣ его Дамку. Онъ отправился въ храмъ Иштары, покровительницы Ниневіи, и, стоя во святилищѣ, молилъ богиню благословить его начинаніе. Молитва его была услышана: Иштара повелѣла ему начать работы, и онъ, съ благоговѣйнымъ упованіемъ въ обѣщаніе той, которая никогда не обманываетъ, призвалъ тотчасъ работниковъ и приступилъ къ заготовкѣ всякаго рода строительныхъ матеріаловъ. Городъ, по составленному плану, долженъ имѣть форму почти вполнѣ правильнаго квадрата и занимать поверхность около трехсотъ гектаровъ (гектаръ = 0,915 десятинамъ). Углы городскихъ стѣнъ расположены были строго соотвѣт-

ственно положенію четырехъ странъ свѣта; направленіе стѣнъ обозначено было на землѣ валомъ изъ плитъ известняка толщиной въ 24 метра, высѣченныхъ въ ближайшихъ горахъ. Чтобы освятить фундаментныя сооруженія и удалить отъ нихъ всякія враждебныя вліянія, бросали, въ особенности въ мѣстахъ, назначенныхъ для воротъ, глиняные идолчики, представляющіе главныхъ боговъ страны, цилиндры съ надписями, различныхъ формъ амулеты. Ассирійскіе архитекторы, подражая рабски древнимъ халдейскимъ мастерамъ, неохотно употребляютъ для построекъ камень: возведя стѣну вышиною въ 1,1 метра (около полутора аршина), остальную часть до верху они выводили изъ кирпичей.

Кирпичъ, употребляемый на общественныя сооруженія, считается какъ бы священнымъ и заготавливается не во всякое время. Приготовленіе кирпича совершается подъ покровительствомъ особаго бога, Симана, патрона сооруженій, и только въ продолженіе

Рис. 113.—Царское жертвоприношеніе.

мѣсяца, который носить его имя. И вотъ въ первыхъ числахъ симана (май-іюнь) *) царь прибылъ и расположился съ многочисленной свитой въ равнинѣ Магганубба. Воздвигнуть былъ жертвенникъ: царь зажегъ огонь, совершилъ возліяніе въ мѣдную священную чашу, велѣлъ зарѣзать быка и, воздѣвъ руки, умолялъ Симана и его отца Бела, зиждителя міра, удостоить руководить его работами (рис. 113). Глина была заготовлена тутъ же на мѣстѣ, очищена отъ камней, находящихся въ ней, потомъ перемѣшана съ рубленой соломой и водой, вытоптана и вымѣшана ногами. Затѣмъ, придавъ ей форму кирпича, разложили на солнцѣ для высушки. Кирпичъ имѣетъ форму почти квадратную, длиною около сорока сантиметровъ (15 дюймовъ), толщиной въ пять, иногда въ десять сантиметровъ (2—4 дюйма); на одной сторонѣ кладется

*) Симанъ — имя третьяго ассирійскаго мѣсяца. Это былъ «мѣсяцъ выдѣлки кирпича»; онъ совпадалъ съ моментомъ, когда Тигръ и Евфратъ, разлившіеся въ предыдущемъ мѣсяцѣ, начинаютъ спадать. Игъ, оставленный ими, даетъ отличный матеріалъ для формовки кирпича, который потомъ сушатъ на солнцѣ; тогда оно еще не такъ калитъ, какъ въ іюнь и августъ мѣсяцахъ, когда кирпичъ весь растрескался бы.

Ассирійскіе мѣсяцы идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1. Низанъ (мартъ — апрѣль), 2. Айръ, 3. Симанъ, 4. Дузь, 5. Абу, 6. Улудъ, 7. Таширгъ, 8. Арагъ-Шамна, 9. Кисиливъ, 10. Тебитъ, 11. Шебатъ и 12. Аддаръ (февраль—мартъ).

штампъ съ именемъ и титулами царя, по повелѣнію котораго онъ былъ заготовленъ. Спустя два мѣсяца, именно въ мѣсяцѣ абу, начались и самыя строительныя работы, продолжались четыре года и кончились только ко времени возвращенія Саргона изъ его послѣдняго похода. Недолго пришлось ему наслаждаться у себя, въ городѣ, носившемъ его имя, и гдѣ все ему говорило о его величіи. Вскорѣ послѣ освященія города царь былъ убитъ по наущенію, а можетъ быть и собственною рукою своего сына Сеннахериба. Возведенный въ достоинство столицы по капризу своего основателя, Дуръ-Шарукинъ *) въ настоящее время низведенъ въ разрядъ многочисленныхъ резиденцій ассирійскаго царя. Большую часть года онъ будто совсѣмъ вымираетъ или, по крайней мѣрѣ, засыпаетъ: улицы пустыни, рынки едва посѣщаются, населеніе малочисленно и пребываетъ въ какомъ-то лѣнливомъ строеніи. И только разъ или два въ году городъ снова пробуждается, приходитъ въ движеніе: дворцы отворяются, улицы и перекрестки оживляются, однимъ словомъ—суматоха и шумъ жизни наполняетъ весь городъ: Ассурбаницаль, утомленный столичной шумной жизнью въ Ниневіи, только что изволилъ въ него прийти съ своимъ гаремомъ и со всѣмъ дворомъ.

Дорога, ведущая въ Дуръ-Шарукинъ, перерѣзываетъ Хусуръ какъ разъ при выходѣ изъ Ниневіи потомъ и почти все время идетъ по лѣвому берегу рѣки. Это настоящее каменное шоссе, какъ всѣ дороги, бороздящія Ассирію, шириною въ шесть сажень; вдоль пути на неодинаковыхъ промежуткахъ разставлены каменные столбы, показывающіе пройденныя разстоянія. Послѣ многочисленныхъ поворотовъ дорога приводитъ къ воротамъ Аштары въ юго-западной стѣнѣ города. Укрѣпленія Дуръ-Шарукина остались такими же, какъ они были при самомъ Саргонѣ. Городская стѣна прямо выходитъ въ равнину; она снабжена въ видѣ укрѣпленій квадратными башнями черезъ каждые двадцать семь метровъ, которые господствуютъ надъ нею своими зубчатыми верхушками и образуютъ выступы въ четыре метра. Высота стѣны надъ уровнемъ почвы двадцать метровъ, а ширина ея такъ велика, что по дорогѣ, которая проходитъ по ней вокругъ всего города, могутъ скакать семь колесницъ рядомъ, не задѣвая. Собственно говоря, всѣ эти сооруженія представляютъ собою не что иное, какъ цѣльную, плотно сбитую массу земли: кирпичи, наложенные одинъ на другой безъ известки и цемента. когда они были еще сырые, слипаются и какъ бы вѣдряются другъ въ друга. и нѣтъ такого стѣнобитнаго орудія, которое въ состояніи было бы продѣлать проломъ, чтобы черезъ него взять городъ приступомъ.

*) Имя Саргонъ собственно должно читаться: Шарукинъ, но я его вездѣ сохранилъ, кромѣ названія города, въ первомъ видѣ.

Воротъ всѣхъ восемь, по двое съ каждой стороны; каждая ворота помѣщаются между двумя башнями и занимаютъ между ними весь пролетъ, служащій входомъ. Каждая изъ нихъ посвящена одному изъ боговъ города, именемъ которыхъ и называются; есть ворота Бела, ворота Белтисы, ворота Ану, ворота Иштары. Со стороны поля прикрытіемъ имъ служитъ небольшой замокъ, углы котораго защищены съ каждой стороны низкой, метровъ въ двѣнадцать шириною, башней (рис. 114). Пять изъ этихъ воротъ служатъ входомъ и для людей, и для скота. Окрестные поселяне каждое утро черезъ нихъ пригоняютъ свой скоть или прѣзжаютъ съ тяжело нагруженными возами всякой зелени и плодовъ. Про-

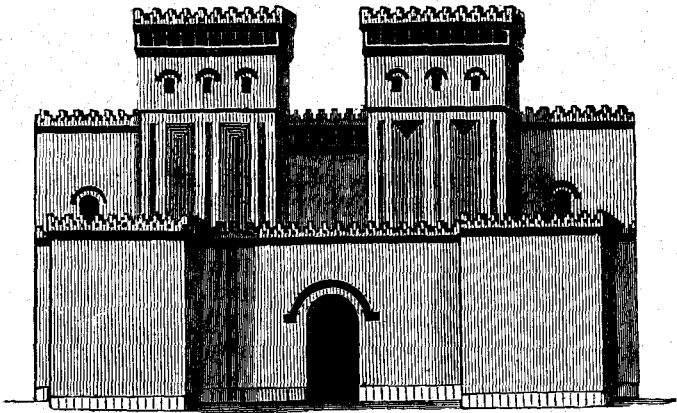

Рис. 114.—Одни изъ воротъ города Шарукина.

ѣхавъ переднюю постройку, они затѣмъ пересѣкаютъ обширный, высланный камнемъ дворъ и въѣзжаютъ между двумя башнями подъ своды узкаго прохода, длиною въ сорокъ семь метровъ (около 22 саж.), перерѣзаннаго въ двухъ мѣстахъ, почти на равныхъ промежуткахъ, двумя поперечными галереями. Остальныя трое воротъ отличаются отъ этихъ своимъ особеннымъ расположеніемъ. Находящаяся передъ входомъ во дворъ лѣстница съ одиннадцатью ступеньками мѣшаетъ проходу скота и телѣгъ. Два огромныхъ быка съ человѣческой головой находятся по сторонамъ входа, ведущаго въ проходъ со сводомъ; лицо и грудь обращены кнаружи, а туловищемъ они опираются на стѣну: они вмѣстѣ съ двумя крылатыми гениями, скрытыми за ними, имѣютъ видъ, какъ будто ждутъ нападенія врага. Арка, раздѣляющая ихъ и опирающаяся на ихъ митры, украшена рядомъ изразцовыхъ кирпичей, гдѣ другіе гении, обращенные другъ къ другу лицомъ попарно, протягиваютъ черезъ разноцвѣтную розетку сосновыя шишки.

Перенесеніе и постановка на мѣсто этихъ каменныхъ гигантовъ дѣло нелегкое. Надо было отправиться за каменными глыбами до горъ Курдистана и спустить ихъ оттуда до береговъ Забы *). Потомъ ихъ грубо оболваниваютъ, придавая форму быка, только чтобы облегчить ихъ вѣсъ, затѣмъ ставятъ ихъ на сани, и цѣлыя взводы иностранныхъ плѣнниковъ поднимаютъ ихъ при помощи канатовъ и рычаговъ на пьедесталъ, гдѣ скульпторы и придаютъ имъ окончательный видъ (рис. 115). И теперь они становятся тѣми таинственными стражниками города, которые не только удаляютъ нападеніе на него людей, но и отгоняютъ отъ него злыхъ духовъ и всякія гибельныя болѣзни (рис. 116). Каждый день у подножія ихъ собираются старики и сосѣдній праздноша-

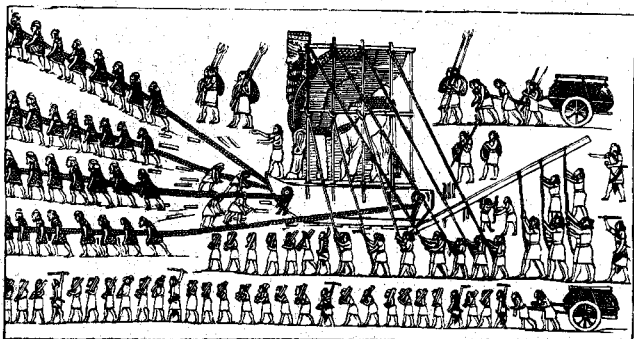

Рис. 115.—Перенесеніе быка.

тающійся людъ. Вся эта толпа, расположившись кто стоя, кто сидя на корточкахъ, а кто на лавкѣ или на какомъ-нибудь сидѣньѣ, принесенномъ изъ дому, бесѣдуетъ и судачить о своихъ дѣлахъ и распоряжается судьбами государства въ полной увѣренности, что ихъ тутъ не потревожатъ. Зимомъ они грѣются на солнышкѣ на переднемъ дворѣ, а лѣтомъ прохлаждаются подъ тѣнистымъ сводомъ. Иногда и судья прилегающаго квартала приходитъ сюда творить судъ и объявлять свои приговоры; кушцы тутъ торгуются и заключаютъ сдѣлки, а политики, всегда все знающіе, обмѣниваются послѣдними заграничными извѣстіями: въ родѣ того, что губернаторъ Египта Псамитику (Псаметихъ), сынъ Неко (Нехао), изгналъ изъ Мемфиса ассирійскій гарнизонъ, или, что киммерійцы выжгли Сарды и убили Гигеса лидійскаго.

Такъ какъ Дуръ-Шарукинъ былъ выстроенъ почти весь въ одинъ

*.) Притокъ Тигра, протекающій отъ Дуръ-Шарукина по направленію къ востоку немного больше двадцати верстъ, идетъ почти параллельно Тигру и впадаетъ въ него верстахъ въ сорока ниже Ниневіи.

пріемъ, то онъ и не представляетъ тѣхъ неправильностей въ расположеніи, которыя замѣчаются въ старинныхъ городахъ. Улицы, берущія свое начало отъ воротъ, сохраняютъ на всемъ протяженіи ширину дорогъ, которымъ онѣ служатъ продолженіемъ. Онѣ такъ же вымощены, какъ и дороги, безъ тротуара, или какихъ-либо приспособленій по сторонамъ для пѣшеходовъ и пересѣкаются подъ прямымъ угломъ. Дома, которые ихъ окаймляютъ, большею частью въ одинъ этажъ. Высокая и узкая дверь какъ бы прячется въ углу фасада; однообразіе глухихъ наружныхъ стѣнъ домовъ лишь время отъ времени едва нарушается очень рѣдкими слуховыми окнами,

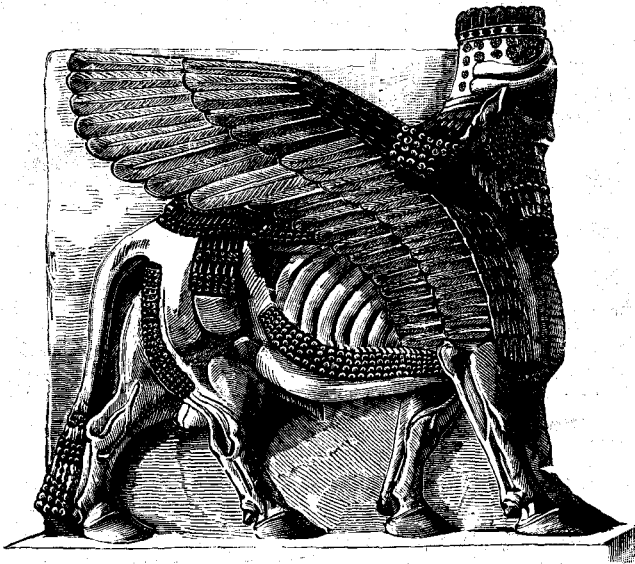

Рис. 116. — Крылатый быкъ (въ окончательной отдѣлкѣ).

а надъ плоскими крышами домовъ возвышаются надстройки въ видѣ коническихъ или шаровидныхъ полу-куполовъ, открытой стороной обращенныхъ внутрь двора (рис. 117). Иногородніе останавливаются обыкновенно въ большихъ гостиницахъ, расположенныхъ въ сосѣдствѣ около вала. По внѣшности онѣ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ домовъ. При входѣ въ нихъ также попадаешь въ обширные прямоугольные дворы, съ колодеземъ по срединѣ, осѣненнымъ смоковницей. По сторонамъ идутъ въ нѣскольکو этажей небольшія комнаты, служащія для пріѣзжихъ спальнями, и нѣсколько большихъ помѣщеній, одни изъ нихъ служатъ стойлами для вьючныхъ животныхъ, другія складами товаровъ. По мѣрѣ того, какъ приближаешься къ центральнымъ частямъ города, дома становятся и красивѣе, и рос-

кошнѣ, движеніе увеличивается, пышныя колесницы смѣшиваются съ толпою пѣшеходовъ. Простонародье и горожане довольно рѣзко отличаются между собою и по происхожденію, и по наружности. Ассирійскіе завоеватели всегда были великими передвигателями народовъ. Они гордились своей властью пересаживать націи, какъ деревья, и переселять цѣлыя племена на югъ съ сѣвера, съ востока на западъ. Послѣ каждой войны тысячи плѣнныхъ направлялись въ изгнаніе изъ побѣжденной родины въ отдаленныя страны, населеніе которыхъ завтра, можетъ быть, въ свою очередь будетъ выселено въ пустыя земли, оставленныя этими невольными пришельцами. Саргонъ заселилъ свой городъ жителями, собранными съ четырехъ концовъ свѣта, съ гористыхъ странъ и равнинъ, изъ городовъ и пустынь, и потомъ поставилъ надъ ними для удержанія ихъ въ уздѣ и повиновеніи гореть солдатъ, жрецовъ и ассирійскихъ саванниковъ. Теперь, по прошествіи болѣе шестидесяти лѣтъ со дня основанія города, потомки этихъ невольныхъ колонистовъ усвоили языкъ и нравы своихъ побѣдителей. По рѣчи и по костюму ихъ не отличить отъ ассирійцевъ, и только по физиономіи можно распознать въ нихъ чужеземцевъ. Одинъ сохранилъ еще орлиный профиль еврея изъ Самаріи, другой—русые волосы и голубые глаза мидянина-арійца, третій представляетъ самый чистый типъ армянина, наконецъ, нѣкоторые, происшедшіе отъ смѣшанныхъ браковъ, соединяютъ въ себѣ характеристическія черты трехъ или четырехъ различныхъ племенъ. Такая смѣсь племенъ значительно рѣже встрѣчается въ Ниневіи, Ассурѣ, Калахѣ *) и въ древнихъ городахъ: однако, и тамъ она существуетъ, и не одно семейство хвастается чистотою ассирійской крови въ своихъ жилахъ, а между тѣмъ родоначальники ихъ окажутся изъ плѣнныхъ варваровъ, если тщательно поискать источникъ ихъ происхожденія.

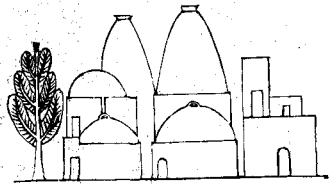

Рис. 117.—Ассирійскіе дома.

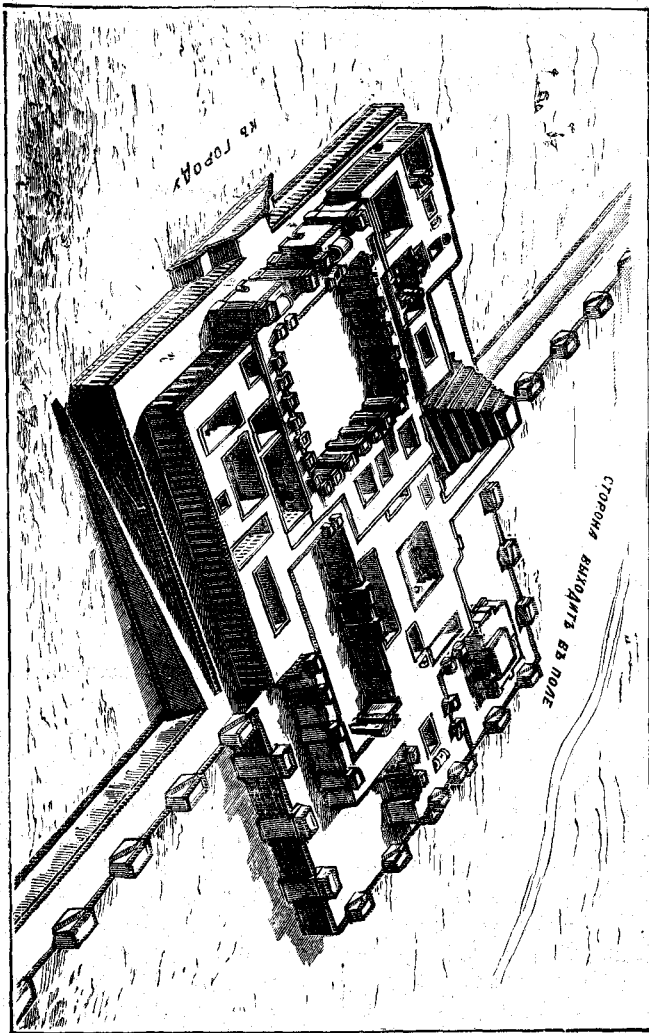
Царскій дворецъ находится на сѣверо-восточной сторонѣ, одною половиною внутри, а другою внѣ городской стѣны (рис. 118). Какъ и большая часть обширныхъ гражданскихъ и храмовыхъ зданій, онъ возведенъ на кирпичной эспланадѣ, которая представляетъ настоящій холмъ, въ формѣ буквы **T**, созданный человѣческими руками; она возвышаетъ такимъ образомъ основаніе стѣнъ дворца значительно выше крышъ окружающихъ его зданій.

Царскій дворецъ находится на сѣверо-восточной сторонѣ, одною половиною внутри, а другою внѣ городской стѣны (рис. 118). Какъ и большая часть обширныхъ гражданскихъ и храмовыхъ зданій, онъ возведенъ на кирпичной эспланадѣ, которая представляетъ настоящій холмъ, въ формѣ буквы **T**, созданный человѣческими руками; она возвышаетъ такимъ образомъ основаніе стѣнъ дворца значительно выше крышъ окружающихъ его зданій.

*) *Калахъ*—самая древняя столица Ассирійской имперіи, древнѣе Ниневіи, при р. Тигрѣ, нынѣ состоитъ изъ деревни Нимрудъ и многочисленныхъ въ окрестности ея кургановъ, богатыхъ древностями; находится около 30 верстъ ниже Мосуля.

Въ него входятъ только со стороны города: пѣшеходы — прямо по двойной лѣстницѣ, идущей прямо съ мостовой съ двухъ сторонъ, всадники и экипажи — по отлогому откосу, поднимающемуся

Рис. 118. — Царскій дворець въ Дурь-Шарукширь.

по правой сторонѣ зданія и выходящему на восточный фасадъ. Поднявшись наверхъ, упираются въ высокую ограду, украшенную зубцами и выштукатуренную на-бѣло. Царь тутъ точно въ замковой башнѣ, откуда онъ можетъ господствовать надъ

равниной издалека, и гдѣ онъ можетъ держаться еще долго послѣ того, какъ все окружающее дворець уже попало въ руки непріятеля. Двое главныхъ воротъ сообщаются съ двумя подъездными дорогами: одна, сѣверо-восточная, идетъ прямо къ царскимъ палатамъ, а другая свертываетъ въ сторону къ городу и оканчивается у двойной лѣстницы (рис. 118). Двѣ высокія мачты съ царскимъ штандартомъ на верхушкѣ издали показываютъ въѣздные ворота (рис. 119). Ворота помѣщаются между двухъ башенъ, украшенныхъ въ основаніи крылатыми быками и геніями съ человѣческимъ образомъ. Двое изъ быковъ, самые чудовищные по величинѣ, стоятъ по обѣ стороны у самаго входа и всѣмъ ту-

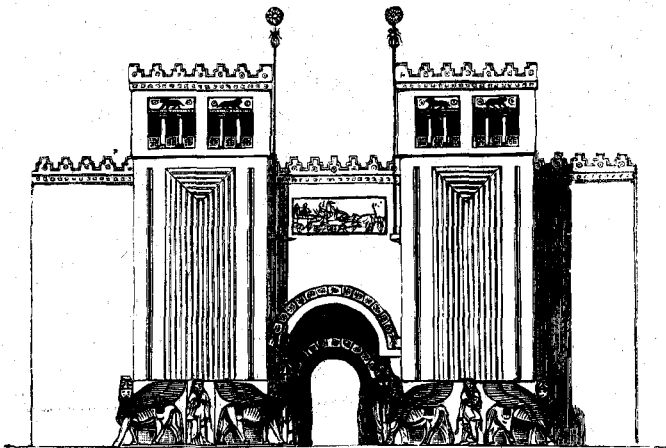

Рис. 119.—Триумфальныя ворота при въѣздѣ во дворець.

ловищемъ обращены къ посѣтителю. Надъ входомъ обрисовывается арка каймой изъ изразцовыхъ кирпичей, а еще выше надъ этой дугой сейчасъ подъ зубцами стѣны помѣщена тоже эмалированная картина, изображающая Саргона во всей его славѣ. Эта въ нѣкоторомъ родѣ триумфальная арка и въ самомъ дѣлѣ служитъ только для выходовъ царя, толпа же пропускается въ два боковые пролета, не такіе высокіе и менѣе изукрашенные.

Громадный дворъ, на который ведутъ ворота, также доступенъ публикѣ, въ него допускаются рѣшительно всѣ: поставщики, купцы, челобитчики и просто любопытные посѣтителю входятъ туда безъ малѣйшаго препятствія. Насчитываются тысячами всевозможныя лица, находящаяся на службѣ при особѣ царя и въ управленіи его дѣлами — спальники, казначей, дьяки (скрибы),

евнухи, военачальники, рядовые, слуги и повара. Поминутно проходят взводы воиновъ, идущіе на смѣну часовыхъ, гонцы, отправляющіеся или прибывающіе съ донесеніями, чиновники, спѣшашіе къ царскому приему или возвращающіеся съ него. Съ утра до вечера тянутся гуськомъ нагруженные всевозможной провизіей ослы, сотни невольниковъ обоого пола рядами идутъ за водой въ притоки Хосура для потребностей всего этого придворнаго населенія. Кладовыя занимаютъ три стороны двора: здѣсь находятся погреба для вина и масла, тамъ—складъ желѣзнаго оружія, дальше идутъ мѣдныя лавки, кладовыя для драгоценныхъ металловъ и камней, царская сокровищница, куда поступаютъ и постоянныя подати подданныхъ и военная добыча, собранная съ побѣжденныхъ народовъ. Кухни идутъ въ одномъ и томъ же ряду съ хлѣбопекарней; стойла для лошадей и верблюдовъ примыкаютъ къ сараю, въ которомъ стоятъ колесницы, а отхожія мѣста скромно скрываются въ одномъ углу. Еще дальше въ строеніяхъ, занимающихъ южный уголъ, живетъ какъ ни попало прислуга, занимая отдѣльно для каждой семьи темныя и тѣсныя конурки; одѣвается она на счетъ царя и кормится его хлѣбомъ: это дворцовое простонародье, царская дворня.

Небольшая дверь, почти незамѣтная въ южномъ углу двора, ведетъ въ гаремъ. Ассирійскія престолюдинки пользуются почти неограниченной независимостью: онѣ свободно ходятъ по всѣмъ улицамъ и дорогамъ, босикомъ, съ открытымъ головой и лицомъ, и одѣтыя въ длинныхъ туникахъ изъ мохнатой матеріи. Онѣ ходятъ на базаръ, посѣщаютъ своихъ подругъ, вообще занимаются своими дѣлами безъ малѣйшей помѣхи; самостоятельно распоряжаются своимъ имуществомъ, наследуютъ, покупаютъ и продаютъ за свой собственный счетъ, свидѣтельствуютъ на судѣ, словомъ, онѣ пользуются полнымъ или почти полнымъ равенствомъ съ своими мужьями. За женщинами изъ высшаго класса всѣ эти права тоже признаются закономъ; на дѣлѣ же на ихъ долю выпадаетъ очень мало дѣйствительной свободы. Всякую роскошь, всякія удобства, которыя можно приобрести богатствомъ, все это у нихъ есть, или онѣ могутъ себѣ доставить, но онѣ должны оставаться дома: когда же имъ приходится выходить, онѣ обыкновенно окружаются служанками, евнухами, пажамъ, густые ряды которыхъ почти вовсе скрываютъ отъ нихъ окружающій міръ. Царицы — совершенныя рабыни своего царскаго достоинства и положенія: вся ихъ жизнь проходитъ въ затворничествѣ; кромѣ прислуги и членовъ семьи, ихъ почти никто посторонній не видитъ.

Когда Саргонъ основывалъ городъ, у него было три законныхъ супруги, для которыхъ онъ установилъ отдѣльные штаты: стало быть, его гаремъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій или, лучше ска-

затъ, изъ трехъ домовъ. Первый помѣщается отдѣльно въ южномъ углу дворца; два остальные выходятъ на квадратный дворъ, который и служитъ имъ общими сѣнями. Двѣ скамьи, выстланныя изразцами, идутъ вдоль стѣнъ фасада. Съ каждой стороны двери двѣ пальмы изъ позолоченной бронзы украшаютъ входъ въ нее: какъ извѣстно, пальма представляетъ эмблему граціи и плодовитости, и никакой другой мотивъ не могъ бы лучше приличествовать къ украшенію гарема (рис. 120).

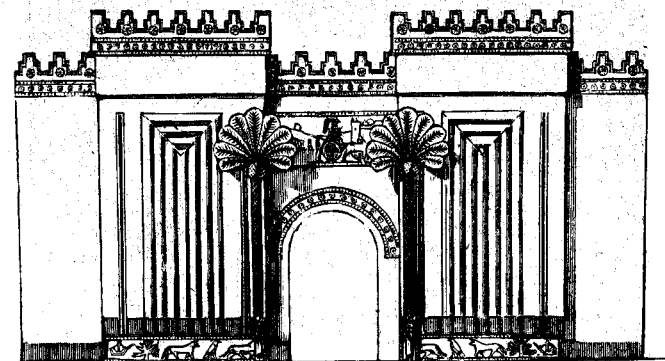

Рис. 120. — Одна изъ дверей гарема въ Дуръ-Шаруниѣ.

Внутреннее расположеніе гаремовъ одинаково во всѣхъ трехъ домахъ; передняя, размѣры которой болѣе въ ширину, чѣмъ въ длину, гостиная, съ открытой на половину своей длины крышей, прикрытая полукуполомъ на другой половинѣ, лѣстница въ одиннадцать ступенекъ и спальня (рис. 121). Стѣны выштукатурены на-бѣло и обведены чернымъ плитусомъ, полъ вымощенъ плитнякомъ или выложенъ тщательно кирпичами; тамъ и сямъ разостланы циновки, ковры, разставлены табуреты, кресла, низкіе столики на одной ножкѣ, а въ спальнѣ — высокая деревянная кровать съ матрацемъ и одеяломъ.

Вотъ въ такой темницѣ и протекаетъ жизнь царицъ послѣ замужества: туалетъ, вышиваніе, шитье и хозяйство, долгіе разговоры съ своими невольницами, не говоря о визитахъ, которые онѣ дѣлаютъ другъ другу, и танцевальныхъ съ пѣснями праздникахъ, которыми онѣ взаимно себя угощаютъ. Время отъ времени царь проводитъ нѣсколько часовъ съ ними или приглашаетъ ихъ къ своему столу и повеселиться въ всякихъ дворцовыхъ садахъ. Жены князей и высшихъ сановниковъ иногда допускаются для выраженія имъ подданническаго долга, но и то рѣдко, изъ опасенія, чтобы онѣ не послужили посредницами между затворницами и лицами, внѣ дворца находящимися. И

несмотря на это безчисленные интриги происходят под покровомъ этой изо дня въ день однообразно тяжущейся жизни и кажущейся простоты нравовъ. Понятно, супруги, принужденны дѣлиться расположеніемъ одного человѣка, не могутъ чувствовать искренней взаимной дружбы. Малѣйшій знакъ особеннаго вниманія, оказанный господиномъ одной изъ нихъ, составляетъ предметъ безпокойства

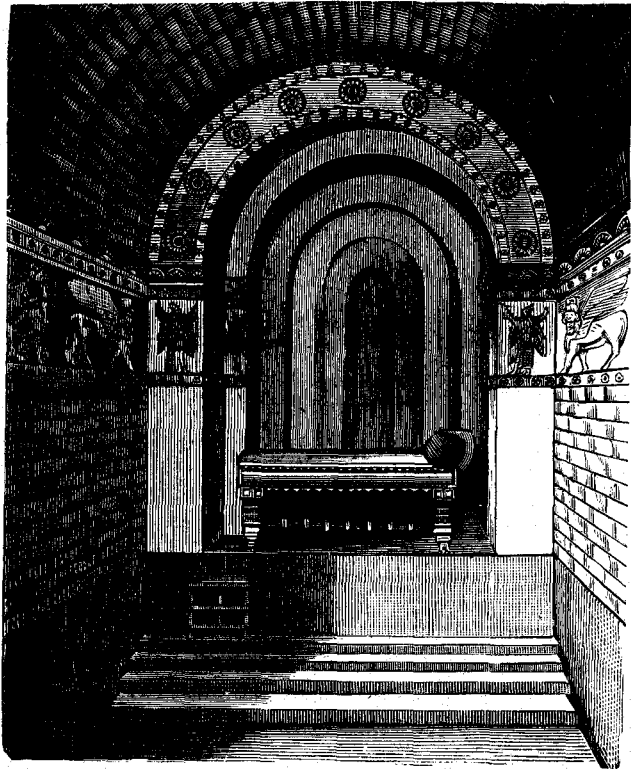

Рис. 121.—Спальня въ гаремъ въ Дуръ-Шарукхъ.

для ея подругъ, а если отличіе растеть, безпокойство переходитъ въ ревность, а ревность—въ смертельную ненависть. Пренебрегаемая, забывъ прежніе раздоры, соединяются противъ счастливцы, евнухи вмѣшиваются въ дѣло, и война загорается, война хитрости и обмана, которая и оканчивается преступленіемъ. Нѣсколько капельъ яда, подмѣшаннаго кстату, часто избавляли отъ соперницы, которая, какъ имъ казалось, приобрѣла слишкомъ большое вліяніе на умъ повелителя.

Царскія палаты, такъ сказать, обращены спиною къ гарему и главному двору. Фасадомъ онѣ выходятъ на юго-востокъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ подъездъ ко дворцу соединяется съ городской стѣной (см. рис. 118, съ правой стороны рисунка). Царь достигаетъ до входа въ свои покои даже не сходя съ колесницы или коня. Онъ сходитъ на землю передъ монументальнымъ входомъ, охраняемымъ, по заведенному обычаю, взводомъ крылатыхъ быковъ изъ раскрашеннаго гипса. Онъ проходитъ дверь между рядами неподвижныхъ часовыхъ и кланяющихся въ поясъ невольниковъ съ скрещенными на груди руками, проходитъ передній дворъ, корридоръ и достигаетъ до почетнаго двора въ центрѣ самаго дворца. Онъ занимаетъ десятка два комнатъ довольно небольшихъ и очень простого стilia; тутъ онъ спитъ, ѣсть, работаетъ, принимаетъ, рѣшаетъ важныя текущія дѣла съ своими секретарями подъ охраною своихъ евнуховъ. Остальное состоитъ изъ парадныхъ залъ, совершенно одинаковыхъ по убранству и расположению, гдѣ обыкновенно цѣлыя толпы придворныхъ и визирей ждутъ частныхъ аудіенцій или выхода повелителя. Слабый свѣтъ проникаетъ въ нихъ сверху, черезъ круглыя окна, продѣланныя сквозь всю толщу свода, служащаго потолкомъ. Барельефы изъ разрисованнаго яркими красками гипса идутъ вдоль стѣнъ широкими полосами на три метра отъ полу, на которыхъ изображены сцены изъ жизни основателя. Вотъ Саргонъ принимаетъ стоя одного изъ своихъ министровъ, представляющаго ему какіе-то предметы, не то для войны, не то для путешествія. Каждый предметъ несетъ въ рукахъ евнухъ: чаши и рога для питья, оканчивающіеся львиной мордой, тронъ, поставленный на колесахъ и запрягающійся въ видѣ колесницы (рис. 122), кресло, столикъ на одной ножкѣ, служащій для легкихъ закусокъ или для жертвоприношеній, военная колесница, сѣдалище на два мѣста, треножникъ, и, замыкая шествіе, идетъ виночерпій, держа обѣими руками металлическую чашу, въ которой онъ выполаскиваетъ царскій кубокъ каждый разъ, какъ царь осушаетъ его. Въ другомъ мѣстѣ Саргонъ представленъ на охотѣ преслѣдующимъ газель или льва. Въ третьемъ, верхомъ на конѣ, во главѣ своего войска, онъ ведетъ его чрезъ сирійскія равнины или армянскія горы. Тутъ художникъ старался воспроизвести та-

Рис. 122.—Царскій тронъ на колесахъ, несомый двумя челоѡвками.

кія подробности, которыя каждой странѣ даютъ свойственный ей обликъ: вотъ гора, покрытая сосной и кипарисомъ, вотъ мѣстность, засаженная виноградниками; далѣе рѣчки, кажется, открываютъ передъ вашими глазами все, что находится въ ихъ нѣдрахъ: животныхъ и рыбъ всевозможныхъ породъ, разнообразныя раковины, черепахи, крабовъ и даже угрей и прибрежныхъ лягушекъ. Прежніе ваятели имѣли обыкновеніе уснащать свои произведенія длинными надписями, которыя проходили по фигурамъ дѣйствующихъ лицъ, что очень обезображивало картину. Новая школа уже менѣе щедра на надписи. Краткія замѣтки на полѣ объясняютъ еще содержаніе картинъ, или подробности важнаго дѣйствія; но длинные тексты отнесены на обратную сторону гипсовыхъ плитъ и обращены къ стѣнѣ. Ассирійская монархія пережила уже столько вѣковъ, что видѣла по опыту, какимъ превратностямъ подвергаются самыя лучшія дворцы. Какою бы прочностью ни отличалась ихъ работа, какъ бы ни могущественны казались династіи, наступалъ роковой день, когда новые города и царства возникали на смѣну древнихъ городовъ и царствъ. Когда время упадка придетъ и для Дуръ-Шарукина, когда его залы запусъютъ, и стѣны рушатся, скрытыя надписи появятся на свѣтъ и расскажутъ ихъ исторію будущимъ народамъ, и имя Саргона выйдетъ еще болѣе славнымъ изъ обломковъ города, который онъ основалъ!

Боги не были забыты: ихъ жилище находится въ сѣверо-восточномъ углу, между гаремомъ и царскими палатами, въ сосѣдствѣ дворцовыхъ садовъ. Имъ отвели зданіе, отличающееся правильностью своей постройки, а комнаты этой части дворца ничѣмъ по виду не отличаются отъ большинства тѣхъ, которыя мы видѣли въ другихъ отдѣленіяхъ: стѣны выкрашены бѣлою краскою, плитусъ черный, нѣсколько фресокъ, представляющихъ арабески, животныхъ, символическихъ геніевъ. Тутъ, въ уединеніи почти столь же полномъ, какъ и въ отдѣленіи женщинъ, жрецы и священныя невольники проводятъ дни въ изученіи тайнъ и въ совершеніи религіозныхъ обрядовъ. Ассирійскій царь не считается, какъ египетскій фараонъ, прямымъ потомкомъ одного изъ боговъ. Онъ—человѣкъ, рожденъ отъ отца, простого смертнаго, и въ какую бы древность онъ ни углублялся въ воспоминаніи о происхожденіи своего рода онъ всегда встрѣчаетъ тамъ такихъ же людей, какъ и онъ самъ. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки верховный глава національныхъ религій: онъ приноситъ жертвы во имя народа, предсѣдательствуетъ на торжественныхъ празднествахъ, одинъ имѣетъ право входить во святилище, видитъ боговъ лицомъ къ лицу и говоритъ съ ними. Онъ ничего не предпринимаетъ, не посовѣтовавшись съ ними, идетъ на войну только тогда, когда они его ободрили благоприятными предвѣщаніями, откладываетъ для нихъ десятину изъ добычи, отнятой у непріятели, и ту признательность, которую онъ имъ сви-

дѣтельствуесть за ихъ помощь, онъ распространяесть и на ихъ жрецовъ.

Однако же такое религиозное благочестіе не ослѣпляетъ его до такой степени, чтобы допустить господство жреческаго сословія въ управленіи государственными дѣлами. Бывали случаи, что египетскіе фараоны должны были иногда преклоняться предъ первосвященниками Амона еивскаго и съ немалыми усиліями отстаивать свою корону, но никогда еще не видано было, чтобы ниневійскій монархъ склонилъ свою голову передъ жрецами Шамаша *) или Ассура. А между тѣмъ потомки Саргона питають къ царицѣ Иштарѣ, покровительницѣ Ниневіи и Арбелы, особенное благочестивое почитаніе. Есаргадонъ называлъ ее своей владычицей: онъ видѣлъ, какъ она во время сраженій поражала передъ нимъ непріятелей. Ассурбанипаль въ важныхъ случаяхъ обращался только къ ней, а не къ другимъ богамъ: благоговѣніе, которое онъ чувствовалъ къ ней, правда, служило источникомъ обогащенія жрецовъ, но никоимъ образомъ не внушало ему мысли допустить ихъ къ участию въ дѣлахъ правленія. Поэтому, въ то время, какъ въ Египтѣ храмъ строится съ расчетомъ на долговѣчность изъ известняка, гранита или изъ тесаннаго песчаника, а дворець—изъ легкихъ строительныхъ матеріаловъ, которые не выдерживаютъ разрушительнаго вліянія времени, въ Ассиріи, наоборотъ, дворець беретъ первенство надъ храмомъ величіемъ размѣровъ и богатствомъ украшеній. Царь, придворные, его жены, его сокровищницы занимають болѣе трехъ четвертей всей платформы; жрецы же словно оттиснуты въ уголь, на послѣдній планъ царскаго города.

Жрецы, но не боги. Насколько зубчатая терраса дворца возвышается надъ городской мостовой, настолько, и даже болѣе, главы храмовъ возвышаются надъ дворцовыми зубцами. Одно древнее преданіе, которое хорошо извѣстно всѣмъ народамъ Евфрата, и которое іерусалимскіе евреи вписали въ свои книги, говоритъ, что послѣ потопа, въ которомъ погибло все человѣчество, люди, обитавшіе въ странѣ Шумиръ, сказали себѣ: „пойдемъ, наготовимъ кирпичей и обожжемъ ихъ“. И былъ у нихъ кирпичъ вмѣсто камня и горная смола вмѣсто цемента. И снова они сказали себѣ: „выстроимъ городъ и возведемъ башню, верхушка которой касалась бы небесъ“. Но боги испугались дерзости людей. смѣшали ихъ языкъ и разсѣяли ихъ по всей землѣ. Башня такъ и не была никогда окончена, и многіе утверждаютъ, что главный храмъ Бела въ Вавилонѣ представляетъ одинъ изъ ея остатковъ.

*) Шамашъ (самасъ) одинъ изъ ассирійской тріады (троицы), состоящей изъ Шамаша, бога солнца, Сина, богъ луны, и Бана, бога атмосферы.

Первые халдейскіе зодчіе, въ противоположность египетскимъ каменщикамъ, для приданія величія своимъ храмовымъ зданіямъ не прибѣгали къ примѣненію развитія горизонтальныхъ линій: они стремились дать имъ возможно большее развитіе въ вышину, словно пытаясь взобраться на небо и заботясь только не перейти границъ, за которыми нельзя ручаться за ихъ прочность. Ихъ *зиггуратъ*, какъ зовутъ ихъ храмы, издали напоминаютъ видъ ступенчатыхъ пирамидъ, которыя встрѣчаются близъ Мемфиса; дѣйствительно это—этажные башни, сложенные изъ кирпичныхъ кубовъ

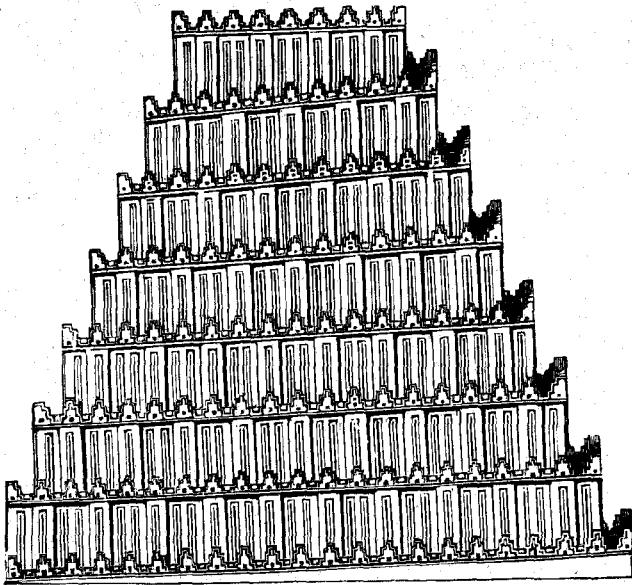

Рис. 123.—Семиэтажная башня въ Дурь-Шарукинѣ.

такимъ образомъ, что каждый слѣдующій этажъ занимаетъ своимъ основаніемъ меньшую площадь, и такъ до послѣдняго верхняго этажа; всѣ этажи соединяются между собой общимъ подъемомъ, идущимъ по широкому карнизу каждого этажа, отъ самаго нижняго до верхняго. Башня Дурь-Шарукина возвышается на сорокъ три метра надъ эспланадой (рис. 123). Она состоитъ изъ семи этажей, посвященныхъ божествамъ семи планетъ; каждый этажъ окрашенъ въ особо присвоенный его богу цвѣтъ: первый въ бѣлый, второй въ черный, третій въ пурпуровый, четвертый въ синій, пятый въ ярко-красный, шестой подъ цвѣтъ серебра, а послѣдній этажъ позолоченъ. Башня вся сплошная и не содержитъ въ себѣ ни одного зала,

и только верхняя платформа снабжена небольшим вызолоченным куполомъ: два каменныхъ жертвенника, статуя Иштары, ложе и жертвенныя принадлежности составляютъ всю утварь этого миниатюрнаго капища. Въ это святилище богини, кромѣ царя и маговъ, никто не можетъ проникнуть, не совершивъ святоотатства. Духъ ея пребываетъ тутъ, внѣдренный въ статуѣ, какъ двойникъ египетскихъ идоловъ. Съ высоты этой башни она бдитъ надъ народомъ, кишащимъ подъ ея ногами, предсказываетъ бѣдствія, угрожающія ему, указываетъ устами своихъ волхвовъ средства, при помощи которыхъ можно смягчить бѣдствія и даже совсѣмъ избѣгнуть. Утромъ яркіе солнечные лучи зажигаютъ вызолоченный куполь и верхній этажъ, и весь день они, точно яркое пламя, блестятъ между небомъ и землей, издали указывая мѣсто города. Путникъ ищетъ взорами на горизонтѣ этотъ блескъ и, завидѣвъ, радостно привѣтствуетъ его и съ нетерпѣніемъ понукаетъ своихъ усталыхъ коней. Когда же онъ покидаетъ городъ, тотъ же самый отблескъ какъ бы сопровождаетъ его и освѣщаетъ ему путь еще долго послѣ того, какъ городской шумъ уже затихъ въ отдаленіи, и самыя коньки дворцовъ скрылись изъ глазъ и потонули въ дали горизонта.

ГЛАВА XII.

Домашняя жизнь въ Ассиріи.

Суда на р. Тигръ.—Опасности и непріятности торговаго дѣла.—Домъ горожанина: террасы, мебель, домашняя утварь и кухня.—Предохранительные амулеты.—Заговоры, охраняющіе здоровье человѣка и благосостояніе дома.—Покупка имѣнія.—Составленіе и подпись купчей.—Бракъ съ торговь.—Сватовство.—Контрактъ и брачные обряды.—Идеаль хозяйки дома.

Купецъ Иддина вернулся наканунѣ изъ Вавилона, куда онъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ. Онъ ведетъ постоянную торговлю съ этимъ городомъ и Наири *), поэтому ему и приходится быть въ частыхъ разъѣздахъ и отлучкахъ. Каждый годъ онъ отправляется въ Амиди и закупаетъ въ его окрестностяхъ у знакомыхъ крестьянъ сборъ винограда и самъ же присматриваетъ за постройкой судовъ, на которыхъ сплавляетъ закупленное вино. Форма судовъ очень своеобразна. Это — круглыя корзины, сплетенныя изъ ивовыхъ или вербовыхъ вѣтвей, и этотъ кузовъ обшивается кожей; нѣкоторыя изъ судовъ побольше и могутъ поднять грузъ даже до пяти тысячъ талантовъ **). Дно судна выстилается соломой, на которую ставятся правильными рядами кувшины, наполненные виномъ, и потомъ весь грузъ покрывается еще слоемъ соломы. Экипажъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ гребцовъ и одного или нѣсколькихъ ословъ. Прибывши къ мѣсту назначенія, купецъ распродаетъ вино и солому, затѣмъ снимаетъ съ остова кожи и, навьючивъ ихъ на ословъ, возвращается сухимъ путемъ къ себѣ домой, а самый остовъ, такъ какъ трудно по быстрому теченію Тигра вести судно противъ теченія опять въ Наири, онъ продаетъ, за что можетъ.

Торговля представляетъ множество опасностей. Тигръ имѣетъ характеръ скорѣе очень быстрого и своенравнаго потока: не одно

*) Наири—страна, лежащая въ верхнемъ бассейнѣ Тигра, между озеромъ Ваномъ и р. Евфратомъ. Амиди находятся въ этой странѣ.

***) Круглымъ числомъ около 130000 килограммовъ (7936 пудовъ).

судно, увлеченное вдругъ набѣжавшей волной или водоворотомъ, идетъ ко дну со всѣмъ грузомъ или разбивается о берегъ, такъ что приходится его снова перестраивать. Прибрежные жители большею частію воры и народъ опасный, они останавливаютъ и грабятъ цѣлые караваны, или же заставляютъ за свободный проходъ платить выкупъ. При этомъ сами ассирійскіе губернаторы и вавилонскіе чиновники—все люди корыстные и недобросовѣстные. Ихъ доброе расположеніе тоже приходится снискивать подарками въ натурѣ или деньгами, и, добрая половина товаровъ такимъ образомъ переходитъ въ ихъ руки. Понятно, что все это уменьшаетъ барышъ купца и увеличиваетъ его рискъ, но несмотря на это прибыль бываетъ все-таки такъ велика, что многіе занимаются подобною рискованною торговлею по рѣкѣ и наживаются отъ нея. Впрочемъ и сухопутныя дороги нисколько не лучше, и если бы вздумалось ждать того времени, когда водворится полная безопасность для веденія торговли, то пришлось бы всю жизнь оставаться дома, такъ и не дождавшись благопріятнаго времени для поѣздки. Только по дорогамъ, пролегающимъ по собственной Ассиріи, отъ Ниневіи до Арбелы, отъ Арбелы до Калаха и Эль-Ассура *), можно проѣзжать безъ малѣйшей опасности: цари въ этихъ частяхъ Ассиріи учредили и поддерживаютъ строгую и неумолимую полицію, и каждый можетъ путешествовать спокойно во всякое время, не боясь нападеній воровъ, развѣ только во время междоусобій. Но по мѣрѣ удаленія отъ центра имперіи, безопасность уменьшается, и купцы отваживаются посѣщать сирійскія провинціи и другія иностранныя земли только большими караванами; да и самые многолюдные караваны не всегда избѣгаютъ напасти. Дѣло въ томъ, что не одни только кочевники и разбойники по ремеслу рыщутъ вокругъ нихъ и заставляютъ ихъ быть на сторожѣ на каждомъ шагѣ, но и жители поселеній, мелкіе мѣстные князьки и даже сами цари, не довольствуясь правильными пошлинами, которыя они законно собираютъ за проѣздъ по своимъ владѣніямъ, не совѣстятся нападать на нихъ въ дорогѣ. Товары дѣлятся между грабителями или идутъ на обогащеніе царской казны, сами люди избиваются или продаются въ рабство. Такимъ образомъ торговецъ постоянно колеблется между обогащеніемъ, рабствомъ или смертью.

Домъ купца Иддина находится неподалеку отъ воротъ Иштары. Онъ обширнѣе и выше сосѣднихъ домовъ, но, по внѣшности, только этимъ отъ нихъ и отличается. Небольшая дверь со сводомъ отворяется прямо на улицу и служитъ непосредственно входомъ въ узкій, темный корридоръ, ведущій въ глубину

*) Мѣстности, идущія отъ Ниневіи по направленію къ Вавилону и расположенныя на берегахъ Тигра.

зданія и выходящій на довольно просторный дворъ, вокругъ котораго размѣщаются различныя хозяйственныя службы. Вокругъ двора идетъ родъ портика, состоящаго изъ врытыхъ въ землю столбовъ, поддерживающихъ легкой навѣсъ, однимъ краемъ опирающійся на стѣну. Комнаты узки, продолговаты, однѣ со сводами, другія—съ плоскими потолками, которые поддерживаются пальмовыми столбами. Большинство помѣщений служитъ амбарами и складами, въ которыхъ хранятся запасы и всякая хозяйственная утварь; только небольшая часть изъ нихъ служитъ для жилья. Надо всѣмъ этимъ высится терраса, на которую ведетъ очень крутая кирпичная лѣстница; отсюда открывается видъ на сосѣдніе дома. Ассиріянки любятъ проводить время на плоскихъ кровляхъ. Онѣ остаются на нихъ съ утра до того времени, когда зной солнца стогнитъ ихъ оттуда, а потомъ онѣ снова всходятъ, когда оно начинаетъ склоняться къ горизонту. Тутъ на открытомъ воздухѣ онѣ выполняютъ рѣшительно всѣ хозяйственныя работы, обмѣниваясь разговорами съ сосѣдками ближайшихъ террасъ. Тутъ онѣ мѣсятъ хлѣбъ, готовятъ пищу, моютъ бѣлье и тутъ же его развѣшиваютъ для сушки. А тѣ, у кого есть рабы, на которыхъ онѣ могутъ взвалить эту грубую работу (рис. 124), занимаются, на открытомъ воздухѣ, усѣвшись на подушкахъ, шитьемъ или вышиваньемъ узорами. На время сильной жары онѣ сходятъ съ террасъ внизъ, во внутреннія комнаты; самыя прохладныя изъ комнатъ выходятъ во дворъ и помѣщаются въ подвальныхъ этажахъ, куда солнечные лучи почти не проникаютъ. Полъ въ нихъ выстланъ шлифованными гипсовыми плитами, которыя имѣютъ видъ очень красиваго, бѣлаго съ сѣрыми крапинами, мрамора; стѣны оштукатурены измельченной известью, пріятной для глазъ и на ощупь. Лѣтомъ ихъ поливаютъ нѣсколько разъ въ день, и вода, испаряясь, освѣжаетъ воздухъ.

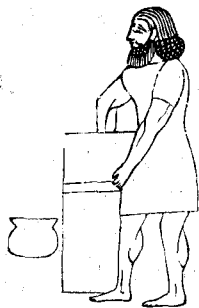

Рис. 124.—Раба мѣситъ тѣсто.

Меблировка дома, даже у богатыхъ горожанъ, очень проста: нѣсколько стульевъ и табуретовъ разнообразной формы, на прямыхъ или скрещенныхъ ножкахъ. Большею частью спятъ на циновкахъ, но спальни хозяина и хозяйки дома снабжены деревянными кроватями на четырехъ ножкахъ въ видѣ львиныхъ лапъ, съ матрацемъ и двумя одѣялами *). Въ одномъ изъ угловъ двора помѣщается печь для печенья хлѣба: на столбахъ портика развѣшаны бурдюки съ виномъ и кувшины съ водой для утоления

*) См. рисунокъ 121.

жажды и освѣженія. На очагѣ, устроенномъ на открытомъ воздухѣ, стоитъ большой котелъ съ ключомъ кипящей водой, и въ немъ варится чуть не четверть туши. Ассиріяне много ѣдятъ, а пьютъ еще больше. Бѣдные, по неволѣ, довольствуются небольшимъ количествомъ хлѣба, овощами, приправленными солью и масломъ, и рыбой, которую рѣки доставляютъ въ изобиліи. Разнообразіе и обиліе блюдъ у богатыхъ ассирійцевъ не менѣе богато, чѣмъ у знатныхъ египетскихъ вельможъ. За трапезой они возлежатъ на ложахъ изъ слоновой кости или изъ дорогого дерева и передъ обѣдомъ обильно умащаются духами. Во время парадныхъ пиршествъ мужчины и женщины ѣдятъ отдѣльно, въ обыкновенное же время каждый день всѣ собираются за однимъ столомъ или, вѣрнѣе, за однимъ блюдомъ.

Въ домѣ на каждомъ шагѣ попадаются различные амулеты, назначенные охранять домашнихъ отъ дурного глаза и отъ злыхъ духовъ. Ассирійцы вѣрують, что міръ кишитъ демонами, вѣчно занятыми удовленіемъ человѣка въ свои сѣти. Хотя ихъ не видятъ, или очень рѣдко, но чувствуютъ ихъ присутствіе вездѣ—въ воздухѣ, на землѣ, въ глубинѣ водъ, и они такъ же многочисленны, какъ тѣ мельчайшія пылинки, которыя крутятся въ лучѣ свѣта, проходящаго въ скважину. Ихъ можно удалить отъ себя только заговорами и амулетами. Самое вѣрное средство отдѣлаться отъ нихъ, это — поставить на видномъ мѣстѣ ихъ изображеніе въ видѣ статуи; передъ ней произносятъ заговоръ, или же вырѣзываютъ его на самомъ изображеніи, этотъ заговоръ и держитъ ихъ въ отдаленіи. Съ этой цѣлью собственно подвѣшиваются надъ дверями или на террасахъ статуэтки одного изъ самыхъ страшныхъ демоновъ, юго-западнаго вѣтра,

Рис. 125 — Юго-западный вѣтеръ (демонъ), бронзовая статуэтка.

пламенное дыханіе котораго сушитъ жатву и сжигаетъ лихорадкой людей и животныхъ. Въ домѣ Идины находятся его статуэтки различныхъ величинъ и изъ различныхъ матеріаловъ: изъ бронзы, красной яшмы, изъ желтаго камня, изъ обожженной глины. У этой милой личности тѣло собачье, стоящее на заднихъ лапахъ съ когтями орла, руки вооружены львиными когтями, хвостъ скорпіона, двѣ пары крыльевъ и человѣческая голова почти только

кожа да кости, и козьи рога. Онъ до такой степени безобразенъ, что при взглядѣ на свой портретъ онъ съ ужасомъ бѣжитъ отъ него (рис. 125). Другія изображенія подобнаго же свойства зарываются подъ камнемъ, служащимъ порогомъ, съ цѣлью преградить доступъ злымъ духамъ. Большинство изъ нихъ имѣетъ голову различныхъ животныхъ и представляетъ формы, совершенно невиданныя въ нашемъ мѣрѣ. Во многихъ случаяхъ поручаютъ обще-національнымъ богамъ, посредствомъ извѣстныхъ заклинаній, быть хранителями частнаго человѣка, каковы, на примѣръ, Бель въ своей тиарѣ и съ рогами, Нергаль, съ львиной мордой, Небо, Меродахъ, Иштара.

Чтобы бороться съ злыми духами, которые угрожаютъ нашему бѣдному человѣчеству, какъ всякій видитъ, такая многочисленная армія божествъ совсѣмъ не лишняя. „Они суть исчадія ада, огромные черви, которыхъ небо ниспослало на землю, страшилца, рыканіе которыхъ разносится по городу; они низвергаются съ небесными водами, они — дѣти, рожденные изъ нѣдръ земли. Они обвиваются вокругъ высокихъ столбовъ, толстыхъ столбовъ, словно вѣнокъ. Они переходятъ изъ дома въ домъ: дверь ихъ не останавливаетъ, замки имъ не служатъ препятствіемъ, засовы не мѣшаютъ имъ проникнуть; они проскальзываютъ, какъ змѣи, подъ дверь, вкрадываются, какъ струя воздуха, черезъ дверныя петли. Они вырываютъ супругу изъ объятій супруга, прогоняютъ ребенка съ колѣнъ мужчины, выживаютъ свободнаго человѣка изъ дома, гдѣ онъ родился, и превращаются въ тѣ грозные голоса, которые преслѣдуютъ его по пятамъ“ *). Боги, которымъ препоручено отраженіе злыхъ духовъ, каждый находится на томъ боевомъ посту, гдѣ ожидается нападеніе. Нергаль—на стѣнѣ и подъ порогомъ, Эа и Меродахъ—въ корридорѣ и проходахъ, по правую и лѣвую сторонамъ двери, Наруди—въ землѣ, около кровати. Такъ какъ всякій трудъ долженъ вознаграждаться, то имъ утромъ и вечеромъ въ углу ставятъ яства и полныя чаши съ напитками, приглашая ихъ насытиться вдоволь: „О, вы, верховные, дѣти Эа, ѣшьте и пейте въ удовольствіе, охраняйте насъ отъ всякаго зла, чтобы оно не могло внѣдриться среди насъ“.

Иддина, возвратившись домой послѣ долгаго отсутствія, наскоро произноситъ заклинаніе, которое должно отогнать отъ его дома все, что онъ могъ привезти съ собою вреднаго. „Чума, лихорадка, которыя загубили бы моихъ людей; болѣзнь, чахотка, которыя опустошили бы мою страну, вредныя для плоти, разрушительныя для тѣла; злой летунъ (огненный змѣй), злой демонъ, злой домовый, злой человѣкъ, дурной глазъ, злобный ротъ, злой

*) Это—намекъ или на таинственные голоса, которые иногда слышатся посреди ночи, или на голосъ чародѣя, дѣйствіе котораго неотступно преслѣдуетъ человѣка, противъ котораго онъ направилъ заклинаніе.

языкъ, да бѣгутъ отъ человѣка, раба божія, да изыдутъ изъ его тѣла, изъ его чрева. Да не коснутся никогда моего тѣла, не ранытъ моихъ глазъ, не вгнѣзятся за моей спиной; да никогда не внидутъ въ мой домъ, не перешагнутъ моего порога и не проникнутъ въ мое жилище.—Двойникъ на небѣ, отврати ихъ, двойникъ на землѣ, не допусти ихъ!“ *)

Лишь только онъ отвелъ ословъ въ конюшню, а тюки сложилъ въ амбары, его жена, Нубта, принялась ему рассказывать обо всемъ, что произошло у нихъ въ его отсутствіе.—о поведеніи прислуги, о томъ, сколько было наткано и выкрашено холстовъ. Ткачъ Мусидну приходилъ занять пять шестыхъ мины серебра, сынъ ихъ Замамандинъ ихъ далъ ему взаемъ съ условіемъ, чтобы тотъ заплатилъ черезъ годъ: проценты выговорены такіе, что ткачу придется заплатить двойную сумму. Иддина выражаетъ вслухъ свое удовольствіе, что ихъ сынъ сумѣлъ заключить такую сдѣлку. Замамандину перевалило уже за двадцать: это—сильный, изящный и образованный молодой человѣкъ, онъ начинаетъ понимать въ дѣлахъ почти не хуже своего отца. Вотъ уже два года, какъ Иддина поручаетъ ему вести свои дѣла во время своего отсутствія и поѣздокъ въ Наири; до сихъ поръ Замамандинъ ловко изворачивался въ самыхъ щекотливыхъ дѣлахъ. Теперь онъ подумываетъ жениться и подыскиваетъ гдѣ-нибудь по близости Дуръ-Шарукина купить имѣніе, доходы съ котораго вмѣстѣ съ частью барышей, ему назначенной отцомъ, позволили бы ему прилично содержать свою семью. И онъ думаетъ, что нашелъ какъ разъ подходящее себѣ имѣніе за Хусуромъ, почти на полдорогѣ отъ деревни Саири, и, кажется, хозяинъ имѣнія не слишкомъ запрашиваетъ. Поле довольно большое, говорятъ, на немъ высѣваютъ тридцать пять мѣръ, впрочемъ, легко провѣрить, точна ли эта цифра. Это очень добрая земля подъ ишеницу; Набурибъ давно уже владѣетъ ею; но онъ думаетъ ее продать; старъ онъ уже слишкомъ, чтобы самому ее обрабатывать, а его родные живутъ всѣ въ городѣ и занимаются ремеслами болѣе прибыльными, чѣмъ обработка земли. Онъ запросилъ семь минъ, но уже и теперь порядочно посбавилъ цѣну, а Замамандинъ надѣется купить даже за пять. Иддина принимаетъ все это къ свѣдѣнію и общаетъ самъ заняться этимъ дѣломъ, лишь только поуправится съ своими собственными. Ему удалось приобрести на вавилонскомъ рынкѣ, со скидкой, большую партію тюковъ шерстяной ткани, окрашенной въ финикійскій пурпуръ, которую одинъ сидонскій торговецъ, спѣшившій вернуться домой, долженъ былъ сбыть съ рукъ во что бы то ни стало. По тонинѣ

*) Здѣсь слово двойникъ употреблено въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ оно употреблялось въ Египтѣ.

и красотѣ, эта матерія просто безподобна, и, если начальникъ евнуховъ замолвить словечко передъ царицей, можно получить за нее втрое, чѣмъ она стоила ему, считая тутъ всѣ накладные расходы и доставку въ Дурь-Шарукинъ. Половину прибыли получить Замамандинъ, и это за глаза покроетъ покупку, которую ему хочется сдѣлать.

Начальникъ евнуховъ, напередъ уже расположенный въ пользу сдѣлки съ финикійскимъ пурпуромъ подаркомъ чрезвычайно изящно вырѣзаннаго амулета, гдѣ Эа, богъ-рыба, представленъ между двумя лицами въ положеніи поклоненія ему, ведетъ дѣло такъ ловко, что царица покупаетъ всѣ тюки заразъ. И на другой день послѣ этой счастливой операціи Иддина, въ самомъ дѣлѣ, отправляется въ Саири, чтобы осмотрѣть имѣніе, которое предлагаютъ его сыну. Положеніе имѣнія хорошо, земля, повидимому, превосходна. Небольшой ручеекъ пересѣкаетъ его и дѣлитъ на двѣ неравныя части; меньшую изъ нихъ легко можно обратить въ огородъ; для поливки его достаточно устроить на берегу одинъ или два оцепа. Дѣло еще протянулось нѣсколько дней, но, благодаря обоюдной уступкѣ, въ концѣ-концовъ сладилось за пять минъ, и назначенъ день для заключенія купчей у судьи Набусакина. Двадцать пятаго тебетъ (декабрь-январь) утромъ обѣ договаривающіяся стороны отправляются къ воротамъ Иштары, каждая со своимъ скрибою и свидѣтелями (рис. 126). Званіе скрибы въ Ассиріи не пользуется такою извѣстностью, какъ это мы видѣли въ Египтѣ; чиновники, благородные и сановники высшаго ранга пренебрегаютъ имъ и охотно уступаютъ его писцамъ по ремеслу, которые составляютъ оправдательные документы и контракты, заключаемые между частными людьми. Скрибы запасаются большимъ количествомъ глиняныхъ плитокъ, достаточно еще мягкихъ, чтобы можно было получить на нихъ отпечатокъ предмета, но вмѣстѣ и настолько уже отвердѣлыхъ, чтобы онѣ сохранили не искажая то, что на нихъ начерчено или написано. Каждый изъ нихъ беретъ по плиткѣ и кладетъ ее на лѣвую ладонь, потомъ въ правую руку беретъ прямой трехгранный стилетъ, одинъ конецъ котораго срѣзанъ наискось съ сохраненіемъ грани, и начинаетъ писать. Черты, которыя онъ получаетъ, нажимая слегка своимъ орудіемъ на глиняную плитку, имѣютъ форму клина или металлическаго гвоздя *). Онъ начинаетъ на плиткѣ съ лѣваго края, вверху, и съ необыкновеннымъ искусствомъ исписываетъ обѣ стороны. Скрибы сторонъ и судейскій скриба одновременно вписываютъ запродажный актъ, потому что каждый гражданскій актъ пишется,

*) Поэтому-то современные ученые и дали письменамъ такого типа наименованіе клинообразныхъ письменъ.

по крайней мѣрѣ, въ трехъ экземплярахъ. Въ прежнее время писалось только два, которые и хранились — одинъ у покупателя, другой у продавца, но случалось иногда, что люди ловкіе, но недобросовѣстные, передѣлывали ихъ въ свою пользу. Халдеи при-

Рис. 126. Скриба. Фигура, реставрированная Гёзе для выставки 1889 года.

думали остроумный способъ сдѣлать невозможными подобныя поддѣлки. Разъ актъ составлень, плитка покрывалась новымъ слоємъ глины, на который чертилась точная копія съ подлинника. Поддѣлыватели тутъ ничего не могутъ поддѣлать; въ случаѣ могущаго произойти спора, когда заподозрять какую-нибудь поддѣлку въ

наружномъ текстѣ плитки, она тогда, при свидѣтеляхъ, взламывается и свѣряется съ редакціей текста внутренней плитки, соответствуютъ ли они другъ другу. Теперь акты пишутся въ трехъ экземплярахъ: два даютъ заинтересованнымъ лицамъ, а третій остается на сохраненіи у царскаго страпцаго.

Написавъ актъ въ трехъ экземплярахъ, скрибы ихъ сличаютъ, чтобы убѣдиться, что ничего въ нихъ не упущено, послѣ чего судья читаетъ вслухъ купчую.

„Поле такого протяженія, что на немъ высѣвается тридцать пять четвериковъ хлѣба для его обѣмненія, земля пахатная, находящаяся въ городѣ Сапри, смежная съ собственностью Ириси, смежная съ полемъ Шамасшумузира, смежная съ полемъ Шамасалимъ, смежная съ общимъ пастбищемъ; Иддина его приобрѣлъ за пять минъ серебра.

„Цѣна поля договорена окончательно, плата за него внесена, и покупатель вступилъ во владѣніе, такъ что расторженіе купчей не можетъ болѣе быть допущено.

„Если кто, когда бы то ни было, станетъ оспаривать продажу, самъ ли Набуирибъ, или его сыновья, или его братья, и вчинить искъ противъ Иддина, противъ его сыновей, противъ сыновей его сыновей, чтобы достигнуть расторженія купчей сдѣлки, онъ заплатитъ десять минъ серебра, одну мину золота въ казну богини Иштары, которая обитаетъ въ Ниневіи, и сверхъ того уплатитъ покупателю десятиричную продажную цѣну: искъ вчинить онъ можетъ, но не можетъ выиграть тяжбу.

„Въ присутствіи: Мадье, Виншумедира, Набушумидина, Мусезибила, Габасле, Белкашдура, Ириси, Каннунаи, Баге: судья Набусакинъ.

„Мѣсяца тебеть, 25 дня, при эпонимѣ Шарнури“.

Послѣ прочтенія документа *), стороны и свидѣтели подписали его на мѣстѣ и точнымъ порядкомъ, предписаннымъ обычаемъ. Иддина и его свидѣтели дѣлаютъ знакъ ногтемъ на плиткѣ, и этотъ знакъ, сопровождаемый или предшествуемый упоминаніемъ *ноготь Иддина, ноготь Виншумедира*, и составляетъ ихъ подпись. Набуирибъ и скрибы прикладываютъ печати наверху и на оборотной сторонѣ плитки, а надпись, сдѣланная сверху или сбоку печати, указываетъ имя лица, которому печать принадлежитъ. Печати изготовляются изъ твердаго камня всякихъ породъ: красной или зеленой яшмы, агата, сердолика, оникса, горнаго хрустала, иногда изъ янтаря и металла. Часто онѣ имѣютъ форму ци-

*) Этотъ актъ — совершенно подлинный и помѣченный въ царствованіе Есаргадона (декабрь 673 года до Р. Х.). Я его отнесъ, какъ онъ есть, къ царствованію Ассурбанипала, замѣнивъ имя дѣйствительнаго покупателя именемъ Иддина; точно такъ же я превратилъ ассирійскія мѣры въ современныя, почти соответствующія.

линдра, иногда усѣченного конуса съ выпуклымъ нѣскольکو осно-
ваніемъ; на нихъ вырѣзываются изображенія боговъ или богинь,
иногда однихъ, а иногда вмѣстѣ съ поклонниками ихъ въ благоговѣй-
номъ положеніи; часто къ изображенію этого зрѣлища прибавляется
и имя собственника печати (рис. 127). Каждый свидѣтель вращаетъ
свой цилиндръ или прикладываетъ печать къ плиткѣ, и судья
послѣ всѣхъ скрѣпляетъ подписи. Потомъ плитки кладутся въ
печь и быстро превращаются въ твердый кирпичикъ. Иддина
тотчасъ же передаетъ своему сыну, съ тѣми же формальностями,
землю, которую онъ только-что приобрѣлъ. Доля имущества Замана-
надина такимъ образомъ нерушимо
за нимъ укрѣплена. Нубта теперь
можетъ приняться за дѣло и поды-
скивать себѣ невѣстку.

Бракъ у ассиріянъ имѣетъ двоя-
кій характеръ: какъ актъ граждан-
скаго права и какъ обрядъ домаш-
няго богослуженія. Первый вытекаетъ
изъ обязательствъ, принимаемыхъ
на себя сторонами и освящаемыхъ
однимъ или нѣсколькими форменными
договорами; сcribe составляетъ актъ,

а свидѣтели удостовѣряютъ приложеніемъ своихъ печатей, точная
копія его передается на храненіе одному изъ городскихъ стряп-
чихъ. Госпожѣ Нубта, конечно, нетрудно будетъ прискать жену
Заманадину. Молодой человекъ, богатый, видный собой, за-
нимающійся честнымъ и почтеннымъ ремесломъ, можетъ выби-
рать любую изъ дѣвушекъ своего околотка: немного родителей
найдется, которые рѣшились бы отказать ему въ рукѣ ихъ дочери.
Нубта только затрудняется въ выборѣ между различными обря-
дами свадьбы, которые допускаетъ обычай, и соображаетъ, кото-
рый изъ нихъ болѣе подходитъ для сына и для нея самой. Ужъ
не лучше ли ей купить свою будущую невѣстку? Говорятъ,
прежде въ Вавилонѣ ежегодно происходили ярмарки для продажи
дѣвицъ на одномъ изъ городскихъ рынковъ. Особенный публичный
глашатай выставялъ ихъ для продажи съ аукціона, одну за дру-
гой по очереди, начиная съ самыхъ красивыхъ; всѣ тѣ, кто на-
мѣревался жениться, являлись на рынокъ и на отбой раскупали
красивыхъ невѣстъ, набивая при этомъ за нихъ высокія цѣны.
Потомъ, когда очередь доходила до безобразныхъ, то не только
за нихъ ничего не просили, но придавали еще къ нимъ серебра
тому, кто желалъ ихъ взять за себя, пропорціонально ихъ безобра-
зю, и это вознагражденіе производилось изъ суммъ, вырученныхъ
отъ продажи красивыхъ дѣвицъ. Когда всѣ покупныя сдѣлки кон-
чались, тогда пары приступали къ совершенію брачныхъ кон-

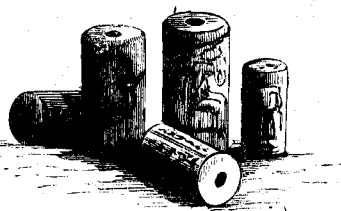

Рис. 127.— Ассирійскіе цилиндры
(печати).

трактовъ по всѣмъ обычнымъ формамъ, послѣ чего женщины слѣдовали за своими хозяевами въ свое новое жилище.

Теперь нравы измѣнились: уже не покупаютъ себѣ женъ всенародно, а брачныя сдѣлки совершаются частно между родителями молодого человѣка и дѣвицы. Именно такимъ способомъ Нихтекаррау, одна изъ сосѣдокъ Нубта, приобрѣла жену для своего сына Зиха, молоденькую Тавасъ-газину. Тавасъ-газина была красивая, работящая, образованная, но бѣдная дѣвушка: ея родители были очень счастливы, что имъ удалось обезпечить ея будущность такой брачной продажей. Обыкновенно цѣна въ подобныхъ случаяхъ бываетъ не высока: Нихтекаррау заплатила за свою невѣстку восемнадцать драхмъ *) серебромъ, чего она, конечно, и стоитъ. А вотъ красильщикъ Набуахидинъ, который живетъ на углу улицы, сдѣлалъ еще лучше. Онъ ничего не заплатилъ за Банатсаггиль, музыкантшу, а только вписалъ въ контрактъ условіе, по которому онъ обязуется уплатить ей неустойку въ шесть минъ серебра **), въ случаѣ, если онъ разведется съ ней, чтобы жениться на другой женѣ. Правда, шесть минъ серебра — сумма довольно крупная, но зато и онъ принялъ свои предосторожности, чтобы не потерять ихъ зря: вторая статья прибавляетъ, что, если Банатсаггиль когда-либо нарушитъ свой долгъ, она подвергнется смерти отъ желѣзнаго меча. Обыкновенно дѣло до примѣненія на самомъ дѣлѣ смертной казни не доходитъ: ограничиваются тѣмъ, что невѣрную супругу раздѣваютъ до нага и выгоняютъ на улицу, гдѣ она и живи, какъ можетъ. Смертная казнь упоминается только для того, чтобы легче отдѣлаться Набуахидину отъ обязательства уплатить шесть минъ, если ему придетъ охота развестись съ Банатсаггиль: онъ ей и окажетъ эту милость, если она откажется, въ свою очередь, отъ требованія съ него этой неустойки. Нубта не заглядываетъ такъ далеко впередъ и не предусматриваетъ бѣды; бракъ по покупке, ей кажется, представляетъ важныя выгоды. Купленная дѣвушка не вноситъ въ домъ мужа той надменности и притязаній на первенство, которыя часто причиняютъ свекровямъ не мало огорченій. Въ собственномъ интересѣ молодая должна вести себя кротко, предупредительно, уважать привычки своей новой семьи; разладъ съ родителями мужа повелъ бы къ разводу и повергъ бы ее опять въ нищету. По правдѣ сказать, она тогда раба, вещь своего мужа, и законъ смотритъ на нее какъ на рабу, такъ что, если бы ея отецъ или кто другой изъ ея домашнихъ вздумалъ ее требовать у мужа, онъ подвергся бы взысканію, которому подвергаются

*) Около 67 франковъ 50 сантимовъ (16 рубл. 88 к.).

***) Шесть минъ серебра составляютъ приблизительно 1350 франковъ по вѣсу французской серебряной монеты.

люди, оспаривающіе безъ малѣйшихъ доказательствъ законность покупного акта, пенѣ: эта пеня въ случаѣ Тавасъ-газины выговорена въ самомъ контрактѣ въ десять минъ серебра *).

Невѣсть по дешевой цѣнѣ не мало. Но раньше, чѣмъ рѣшиться на выборъ между ними, Нубта постарается разузнать, нѣтъ ли у ея подругъ или у подругъ ея подругъ дѣвушки довольно богатой, чтобы Замаманадинъ могъ на ней жениться, не платя за нее наличными и не назначая ей вдовьей части наслѣдства. А вотъ и кстати: Нихтекаррау водить знакомство съ женой купца Сулай, который живетъ около воротъ Шамашъ, и у котораго нѣсколько дочерей на возрастѣ. Билитсуну, старшей, скоро минетъ тринадцать лѣтъ; она высока, стройна, бѣлолица, съ пунцовыми губами, большими продолговатыми глазами, черными, густыми, сходящимися надъ переносицей, бровями. Она умѣетъ вести хозяйство, пѣть, играть на арфѣ, вышивать безъ модели и при этомъ умѣетъ бѣгло читать и писать: едва ли есть даже между благородными дѣвушками такія, которыя получили бы лучшее и такое полное воспитаніе, какъ она. Отецъ ея человѣкъ справедливый, честный и извѣстенъ во всемъ околоткѣ за свою прямоту. Къ тому же и его лавка съ матеріями и тканями имѣетъ много покупателей; кромѣ того, по смерти своей матери, которая еще жива и обладаетъ значительными землями, онъ получитъ отъ нея въ наслѣдство эти земли. Нубта попросила позволенія представиться въ гаремъ Сулай: молодая дѣвушка ей понравилась, спросъ о свадьбѣ между женщинами улаженъ, и оставалось только, чтобы предложеніе было сдѣлано формально.

Иддина притирается, душится и наряжается въ свое лучшее платье съ бахромами — и отправляется къ Сулай. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ прямо приступаетъ къ дѣлу: „Выдай твою дочь—дѣвицу Билитсуну — за моего сына Замаманадина“. Сулай соглашается и, не медля нимало, порѣшаютъ дѣло о приданомъ. Отцы, несомнѣнно, не корыстные люди и оба богаты, но, обладая купеческими привычками, они не могли не поторговаться. И началось съ того: одинъ запросилъ слишкомъ много, другой предложилъ слишкомъ мало; послѣ нѣсколькихъ часовъ торговли кончили полнымъ согласіемъ на томъ, на чемъ каждый изъ нихъ давно уже про себя порѣшилъ, чтобы приданое вышло приличное: мина серебра, три служанки, бѣлье и всякое шитье, мебель, при этомъ отецъ невѣсты могъ, вмѣсто вещей, уплатить стоимость ихъ серебромъ. Свадьба назначена черезъ недѣлю, десятаго адара. Приготовленія къ ней не длинны. Еще въ прошломъ году дѣвушка сама наткала и вышила ткани для своихъ платьевъ и для украшенія своей комнаты. Служанки, которыхъ даютъ за ней, родились въ

*) Около 2250 франковъ по вѣсу серебра въ монетѣ.

домъ ея родителей и знаютъ свою госпожу съ самаго ранняго дѣтства. Что касается до мебели: кровати, кресель, сундуковъ, посуды, составляющихъ принадлежность гарема, все это можно купить готовымъ на рынкѣ. Важный вопросъ для невѣсты состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать себя красивой и привлекательной и чтобы завоевать расположеніе къ себѣ жениха въ ту минуту, когда въ день свадьбы она сниметъ съ себя передъ нимъ покрывало, и когда онъ увидитъ ее, безъ свидѣтелей, въ первый разъ. Она моется, долго умащаетъ свое тѣло и волосы благовонными эссенціями, окрашиваетъ ладони и ногти въ красный цвѣтъ мазью изъ лавзоніи, притираетъ румянами щеки и чернитъ рѣсницы. Ея подруги окружаютъ ее, помогаютъ ей, совѣтуютъ, а главное шумно болтаютъ съ утра до вечера: и то сказать: эти дни ожиданія въ жизни ассирійскихъ женщинъ считаются самыми счастливыми днями въ ихъ жизни!

Утромъ десятаго числа адара друзья обѣихъ семей собрались въ домъ невѣсты. Явился и сcribe для написанія брачнаго контракта. Отцы и женихъ въ праздничныхъ одеждахъ принимали гостей. Совѣщались съ астрологомъ, который сказалъ, что день выбранъ счастливый, и всѣ предзнаменованія благоприятны. Мужчины собрались въ пріемной залѣ, а женщины толпятся въ гаремѣ около невѣсты. Наконецъ, время совершенія обычныхъ обрядностей наступило. Иддина встаетъ и громко дѣлаетъ предложеніе. Сулаи его принимаетъ и объявляетъ, что онъ даетъ въ приданое. Слышится одобрителный шопоть между гостями. Въ этотъ самый моментъ входитъ Билитсуну, сопровождаемая подругами и женщинами обѣихъ семействъ. Ее сажаютъ около жениха; Иддина, взявъ ея руку и руку сына, прикладываетъ ихъ ладонями другъ къ другу и связываетъ шерстинкой, эмблемой союза, которымъ съ этой минуты супруга сочетается съ супругомъ. Затѣмъ онъ взываетъ къ двойнику Небо и Меродаха, а также и къ двойнику царя Асурбанипала, и проситъ ихъ ниспослать долгіе годы счастья новобрачнымъ. Только свободный человѣкъ имѣетъ право совершать это символическое священнодѣйствіе и призывать боговъ во свидѣтели брака, который совершается во имя ихъ. Лишь только онъ кончилъ, всѣ присутствующіе присоединили и свои благословенія, стараясь вернуть въ нихъ заклятыя самыя дѣйствительныя для охраненія новобрачныхъ отъ дурного глаза и всякихъ вредныхъ навожденій; искреннія пожеланія всегда исполняются для тѣхъ, кто ихъ принимаетъ.

Между тѣмъ сcribe, слѣдившій за всѣмъ происходившимъ передъ нимъ, чтобы видѣть, все ли соблюдено согласно обычаю, начинаетъ составлять на глиняной плиткѣ окончательный брачный актъ. Его формула проста и ясна: „Иддина сказалъ Сулаи: отдай свою дочь, дѣвицу Билитсуну, въ замужество за моего сына

Замаманадина. Сулаи на это согласился и далъ свою дочь Билитсуну, и съ ней мину серебра, трехъ служанокъ: Латубарану, Илласиллабитинизизу и Таслиму, прибавивъ полный наборъ хозяйственныхъ принадлежностей и поле, величиною въ восемь тростей (межевыхъ саженей), какъ приданое Билитсуну Замаманадину. Онъ передалъ Замаманадину, въ обезпеченіе мины серебра, которую заплатитъ впоследствии, свою служанку Нанакиширату, которая стоитъ двѣ трети мины, и не прибавляетъ ничего въ обезпеченіе остальной трети мины, которую онъ остается ему должнымъ; когда онъ уплатитъ мину серебра, Нанакиширата ему будетъ возвращена“. Свидѣтели дѣлаютъ знакъ ногтемъ или прикладываютъ печати на плиткѣ. Бабушка новобрачной, госпожа Этиллиту, желая выразить удовольствіе, которое приноситъ ей этотъ союзъ, отъ себя еще прибавляетъ двухъ служанокъ къ тѣмъ, которыхъ далъ Сулаи за дочерью. Этотъ подарокъ потребовалъ составленія дополнительнаго акта въ томъ же родѣ, какъ и первый: „Госпожа Этиллиту даетъ, по собственному желанію, госпожѣ Билитсуну, дочери Сулаи, ея старшаго сына, Банитлумуру и Базиту, двухъ своихъ служанокъ, кромѣ трехъ данныхъ ей отцомъ ея Сулаи. Если же кто принесетъ жалобу, чтобы уничтожить этотъ даръ, пусть Меродахъ и Зарпанитъ пошлютъ гибель ему, да сократитъ его будущіе дни Небо, скриба Эсаггила“ *).

Молитва, которая читается при соединеніи рукъ шерстинкой, призываетъ благословеніе неба на союзъ молодыхъ людей: собственно, этимъ только религія и входитъ въ брачный обрядъ. Какъ только всѣ акты прочтены, Сулаи приказываетъ разставить столы и приглашаетъ присутствующихъ откусать и выпить съ нимъ. Остальная часть дня проходитъ въ пиршествахъ и увеселеніяхъ: танцовщицы танцуютъ, пѣвцы поютъ, играютъ на арфѣ и флейтѣ; фигляры выдѣлываютъ разные фокусы, рассказчики рассказываютъ сказки и забавныя исторіи. Домъ, такой недоступный въ обыкновенное время, отворяетъ гостепрѣмно настежь свои двери и предлагаетъ свое гостепрѣмство всякому, кто хочетъ его принять: всѣ сосѣди приходятъ поздравить родителей новобрачныхъ и принять участіе въ торжествѣ. Но вотъ приближается вечеръ, и приходитъ время, когда Билитсуну должна покинуть навсегда отчій домъ. Она плачетъ, держится за свою мать, старается замедлить отбытіе, какъ это принято для каждой благовоспитанной дѣвицы. Наконецъ, она выходитъ, идетъ пѣшкомъ, окруженная своими подругами, при свѣтѣ факеловъ и при шумѣ крикливыхъ головъ, которыми женщины имѣютъ обыкновеніе выражать свою

*) Это—подлинныя контракты; я ограничился только измѣненіемъ нѣсколькихъ именъ и нѣкоторыхъ подробностей, чтобы согласовать ихъ между собой и съ общими данными моего разсказа.

радость въ важныхъ случаяхъ. Публика сбѣгается посмотрѣть шествіе провожатыхъ съ арфистками, пѣвицами, шутами, процессіей рабынь, мебелью, сундуками, который предшествуютъ новобрачной. Замамандинъ ждетъ ее, окруженный друзьями, и принимаетъ ее на порогѣ дома. Пиръ снова пошелъ горой, съ виномъ, яствами и музыкой, и продолжался даже и тогда, когда новобрачные уже удалились въ гаремъ.

Празднество продолжалось еще нѣсколько дней; потомъ жизнь вступила въ обоихъ домахъ въ свою обычную колею. Билитсуну быстро освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ замужней женщины, и Нубта въ восхищеніи отъ своего выбора для сына. Изъ Билитсуну вышла добродѣтельная матрона, какихъ высоко цѣнили и прославляли мудрецы всѣхъ странъ. „Сердце ея мужа можетъ положиться на нее, и польза ея будетъ велика. Она ему дѣлаетъ добро и никогда никакого зла въ продолженіе всей своей жизни; доставъ шерсти и льна, она охотно дѣлаетъ изъ нихъ своими руками все, что можетъ. Вставъ до солнечнаго восхода, она раздаетъ пищу семьѣ, работу—прислугѣ. Ночью, ея лампа не угасаетъ. Потомъ, садится за прялку, и ея пальцы не перестаютъ вертѣть веретенomъ. Она протягиваетъ руку бѣдняку, протягиваетъ ее всякому, кто въ нуждѣ; но не боится снѣга для своихъ: вся семья ея тепло одѣта. Сама шьетъ богатое постельное убранство; одѣвается въ великолѣпное бѣлье и пурпурныя ткани. Ея уста выражаютъ мудрость, ея поученія пріятно слышать. Она присматриваетъ за всѣмъ хозяйствомъ, и ея хлѣбъ — не хлѣбъ праздности. Дѣти, возставъ отъ сна, благословляютъ ее, а мужъ превозноситъ ее: „Много было добродѣтельныхъ дѣвицъ, но ты превосходишь ихъ всѣхъ!“ *).

*) Этотъ портретъ заимствованъ мною изъ еврейской книги «Притчей» (глава XXXI). Такъ какъ онъ представляетъ идеалъ не только еврейской женщины, но восточной женщины вообще, то я и позволилъ себѣ примѣнить его и къ ассиріанкѣ.

ГЛАВА XIII.

Смерть и похороны.

Человѣкъ и его богъ-хранитель. — Молитва богу-хранителю противъ болѣзни.—Богъ-*Головная-бол.*—Заклинатель: заклятія противъ бога-*Головной-бол.* — Выставленіе больного на площадь. — Смерть и похороны. — Судьба душъ послѣ смерти.—Халдейскія гробницы.—Аллатъ (богиня) и адъ.—Душа, принятая богами въ свою среду.

Прошло нѣсколько недѣль послѣ свадьбы. Иддина началъ входить незамѣтно въ какое-то безсиліе и уныніе, причины которыхъ ни самъ онъ, ни окружающіе его не могли понять. Каждый человѣкъ со дня своего рожденія поступаетъ подъ покровительство какого-нибудь бога или богини и считается ихъ слугой и сыномъ; онъ ихъ иначе и не называетъ, какъ мой богъ, моя богиня, не называя ихъ даже по именамъ. Они охраняютъ его днемъ и ночью не столько отъ видимыхъ опасностей, сколько отъ существъ невидимыхъ, которыя шныряютъ поминутно и неотлучно на всякомъ мѣстѣ около людей, осаждая ихъ со всѣхъ сторонъ. Если человѣкъ набоженъ, почитаетъ съ благоговѣніемъ своего бога-хранителя и боговъ своей родины, исполняетъ предписанные обряды, совершаетъ молитвы, приноситъ жертвы, однимъ словомъ, творитъ дѣла благочестія, тогда онъ никогда не будетъ оставленъ безъ ихъ помощи: они благословятъ его многочисленнымъ потомствомъ, счастливой старостью, долготѣіемъ до той минуты, во всѣ времена предуставленной судьбою, когда онъ долженъ безропотно, съ покорностью, покинуть дневной свѣтъ. Если же, напротивъ, онъ ведетъ нечестивую, буйную жизнь, безчестенъ, тогда „его богъ срѣжетъ его какъ былинку“, погубитъ его потомство, сократитъ его дни и предастъ его демонамъ, которые вѣдрятся въ его тѣло и будутъ его мучить болѣзнями прежде, чѣмъ поразить его смертельно. Иддина спрашиваетъ себя, какой грѣхъ, неизвѣстный даже ему самому, онъ могъ совершить, что, казалось, самъ его богъ отвернулся отъ него. Онъ обращается съ молитвой къ богинѣ Иштарѣ и описываетъ ей свою

слабость, въ которую онъ впалъ. „Мой день—только одно воздыханіе, ночь—потокъ слезъ, мой мѣсяцъ—только одни страданія, мой годъ—вѣчный стонъ; мои силы точно скованы во всемъ тѣлѣ; мои ноги спотыкаются и не держатъ меня, какъ будто онъ отягченъ цѣпями; я лежу, мыча какъ быкъ; въ моей скорби я блею, какъ овца!.. Ни одинъ богъ не пришелъ ко мнѣ на помощь, ни одна богиня не протянула мнѣ руку помощи, ни единый не сжалился надо мною, ни единая не пришла защитить меня!“

Въ Ассиріи нѣтъ, какъ въ Египтѣ, школы священной медицины, въ которой преподають рациональные приемы опредѣлять и лѣчить болѣзни, самыя сложныя. Въ ней лѣченіемъ занимаются только колдуны и заклинатели, все искусство которыхъ заключается въ выслѣживаніи бѣсовъ въ человѣкѣ, которые только и производять болѣзненные нарушенія въ живомъ тѣлѣ и, наконецъ, причиняють смерть. Для этихъ кудесниковъ общій видъ больного, манера вести себя во время припадка болѣзни, слова, которыя у него вырываются въ бреду—все это разные симптомы, опредѣляющіе характеръ, а иногда и имя врага, противъ котораго они призваны дѣйствовать. Самые ужасные изъ злыхъ духовъ, это—лихорадка и чума. Къ счастью, симптомы у Иддина не изъ тѣхъ, которые свойственны имъ. Большую часть времени онъ проводитъ въ какомъ-то глубокомъ забытіи, изъ котораго онъ выходитъ по временамъ съ помраченнымъ разсудкомъ, мутнымъ взглядомъ, звономъ въ ушахъ и шумомъ въ головѣ, какъ будто его бьютъ молотками по головѣ. Это богъ—*Головная-боль* вѣдрился въ него, вотъ его-то и надо изгнать изъ больного. Заклятія, употребляющіяся въ такомъ случаѣ, перенши изъ глубокой древности, изъ Халдеи, и сохранились въ старинныхъ книгахъ, языкъ и таинственныя письма которыхъ доступны пониманію лишь очень небольшого числа ученыхъ. Чародѣй, котораго Нубта позвала лѣчить мужа, принести съ собою нѣсколько изъ тѣхъ заговоровъ, которые славятся своей силой противъ болѣзни, какъ ему описали ее. Онъ долго разсматриваетъ глаза и лицо больного, велитъ рассказать, какъ началась болѣзнь, и какъ она измѣнялась потомъ, и объявляетъ, что положеніе больного гораздо опаснѣе, чѣмъ можно было подумать; Иддина—жертва порчи, человѣкъ, котораго онъ должно быть оскорбилъ, теперь мститъ, изводя его медленнымъ огнемъ. Проклятіе, произнесенное противъ него устами одного чародѣя, преслѣдуетъ его, не давая ему ни покоя, ни отдыха, и оно изведетъ его, если не принять средствъ для уничтоженія его дѣйствія противоположнымъ заклятіемъ, которое привлечетъ услуги всемогущаго Эа, верховнаго бога, и Меродаха.

Врачующіе заговоры и заклятія—это настоящія религіозныя священнодѣйствія, которыя собственно должны бы совершаться въ стѣнахъ храма; но, такъ какъ Иддина уже очень ослабленъ нѣсколькими

днями страданій, которымъ онъ подвергался безпрерывно, заклинатель соглашается приходить лѣчить его на дому. Поэтому онъ запасся книгами, пучкомъ травъ, которыя онъ собралъ самъ, и предметами, необходимыми для составленія чаръ. Онъ разувается, моется и, войдя въ комнату, гдѣ лежалъ больной, разводитъ на полу огонь, сожигая на немъ пахучія травы и растенія, которыя горятъ яркимъ пламенемъ, почти безъ дыма. Въ первой части заклятія, которое онъ произноситъ, онъ излагаетъ родъ волшебства, отъ котораго страдаетъ его больной. „Проклятiе“, произноситъ онъ нарастающимъ, твердымъ голосомъ и отчетливо, „проклятiе, какъ бѣсъ, набросилось на человѣка, голосъ чародѣя, какъ бичъ, поразилъ его, злобный голосъ повергъ его въ уныніе,—злотворное проклятiе, колдовство, головная боль. Злобное проклятiе душитъ этого человѣка, какъ агнца: его богъ-хранитель удалился отъ него, его богиня-заступница покинула его, и бичующій голосъ облекъ его какъ бы одеждою и поразилъ его разслабленіемъ“. Болѣзнь, которую чародѣй напустилъ на больного, ужасна, но боги могутъ еще помочь, и Меродахъ уже сжалился, Меродахъ воззрѣлъ на страданія больного, Меродахъ вошелъ въ домъ отца своего Эа и сказала: „О, мой отецъ, злое проклятiе пало на человѣка словно бѣсъ!“ Дважды онъ это повторилъ ему и спрашиваетъ: „Не знаю, что долженъ этотъ человѣкъ сдѣлать, чтобы исцѣлиться?“ Эа отвѣчаетъ своему сыну Меродаху: „Сынъ мой, чего ты не знаешь, что я тебѣ могу сказать такого, чтобы ты не зналъ уже? О, Меродахъ, что я тебѣ могу сказать такого, чего бы ты не зналъ. Все, что я знаю, и тебѣ известно также: итакъ, иди, сынъ мой, Меродахъ, веди его очиститься водою, отврати отъ него колдовство, выгони изъ него чары, удали боль, которая его мучитъ, послана ли она проклятiемъ его отца, или проклятiемъ матери, проклятiемъ старшаго брата или пагубнымъ проклятiемъ неизвѣстнаго человѣка. Да будетъ снято это колдовство чарами Эа, какъ перышко чесноку, какъ финику, разрѣзанный на кусочки, какъ цвѣточная вѣтка вербы, которую срываютъ! О, двойникъ неба, отврати чародѣйство, о двойникъ земли, закляни его!“ *) Боги вооружаются въ пользу больного, и самъ Эа, властитель міра, соизволилъ назначить лѣкарство. Больной долженъ послѣдовательно употребить листочекъ чесноку, финику и вѣтку цвѣтущей вербы, бросая ихъ по кусочкамъ въ огонь, сопровождая это дѣйствіе произношеніемъ заклятія: никакое колдовство не можетъ противостоятъ этому средству, дѣйствія его будутъ уничтожены.

Иддина очищается, какъ повелѣлъ Эа; онъ моетъ ноги, руки, лицо и опрыскиваетъ ароматической водою все тѣло. Послѣ этого заклинатель и больной становятся передъ жаровней, отрываютъ листочекъ чесноку, какъ требовалъ этого богъ, и сжигаютъ его, бор-

*) Здѣсь двойникъ принять въ томъ же значеніи, какое египтяне ему даютъ.

моча слѣдующее заклинаніе: „Какъ этотъ листочекъ чесноку, брошенный въ огонь, поглотило жгучее пламя, и онъ не возродится болѣе въ огородѣ, не будетъ уже орошаться водою пруда или изъ жолоба, корни его не востутъ уже въ землю, его стебель не будетъ болѣе расти и никогда болѣе не увидитъ солнышка, онъ не послужитъ въ пищу богамъ или царю: такъ да изгонитъ Меродахъ, вождь боговъ, изъ Иддины чародѣйство и да расторгнетъ пути снѣдающей его лютой болѣзни, грѣха, вины, испорченности, преступленія“. Иддина слабымъ голосомъ повторяетъ за нимъ это заклинаніе: „Болѣзнь, которая сидитъ въ моемъ тѣлѣ, въ моей плоти, въ мышцахъ, да будетъ совлечена, какъ этотъ листочекъ чесноку, и истреблена въ этотъ день всепожирающимъ пламенемъ: выдь изъ меня колдовство, чтобы я могъ еще долго наслаждаться созерцаніемъ дневного свѣта“. Волшебникъ разрѣзываетъ въ мелкіе кусочки финикъ, и въ то время, какъ послѣдній стораецъ, онъ продолжаетъ монотонно распѣвать: „Какъ этотъ финикъ, разрѣзанный на кусочки и брошенный въ огонь, пожирается всесокрушающимъ пламенемъ, и тотъ, кто его сорвалъ, не приставитъ уже къ стеблю на прежнее мѣсто, и онъ не послужитъ пищей царю: такъ пусть Меродахъ, вождь боговъ, отгонитъ далеко колдовство отъ Иддины и порветъ пути снѣдающаго его недуга, грѣха, вины, испорченности, преступленія“. И въ этотъ разъ Иддина за нимъ повторяетъ: „Болѣзнь, удручающая мое тѣло, снѣдающая мою плоть, мои мышцы, да будетъ изрѣзана, какъ этотъ финикъ, и истреблена въ сей день во всепожирающемъ пламени: выдь изъ меня колдовство, чтобы я могъ еще долго наслаждаться созерцаніемъ дневного свѣта“.

Священнодѣйствіе продолжается, и по очереди преданы соженію вербовая вѣтка въ цвѣту, клочокъ шерсти, козьяго волоса, мотокъ крашенныхъ нитокъ, бобъ. И каждый разъ, когда заклинатель повторяетъ свое отчитываніе, онъ вставляетъ два-три слова, указывающія на свойства приношеній: листья вербы никогда не будутъ соединены съ деревомъ, не будутъ употреблены въ дѣло красильщикомъ тканей, шерсть и волосы не возвратятся на спину животного, отъ котораго они взяты, и не послужатъ болѣе для приготовления платья. Несмотря на свою слабость, Иддина крѣпился до конца, но съ послѣднимъ словомъ онъ, совсѣмъ измученный, почти безъ сознанія повалился на кровать. Впрочемъ, слабость большого въ подобныхъ случаяхъ рассматривается какъ благоприятное предзнаменованіе: это показываетъ, что чары воздѣйствовали. Борьба, происходящая въ тѣлѣ между благотѣльными богами и злымъ духомъ, всегда очень ожесточенна, немногіе изъ людей могутъ ее вынести, не почувствовавъ страданій. Испорченный тогда мечется, дрожитъ всѣми своими членами, испускаетъ вопли и жалобные стоны, катается по полу съ такою силою, что

съ трудомъ можно его удержать; затѣмъ, послѣ всѣхъ неистовствъ, наступаетъ полнѣйшее безсиліе, которое собственно и обозначаетъ временную побѣду больного надъ болѣзнію. Заклинатель читаетъ тогда послѣднюю молитву, въ которой онъ еще разъ обращается къ покровительству Эа, Меродаха, наконецъ бога огня, который съ такою готовностію принялъ участіе въ обрядѣ заклинанія. „О, огонь, движущійся начальникъ, ты распространяешься по странѣ, герой, сынъ бездны, ты который распространяешься по странѣ, о, богъ огня, своимъ священнымъ огнемъ ты возстановилъ свѣтъ въ области тьмы. Ты опредѣляешь судьбу всего, что имѣетъ имя, ты соединяешь, сплавляя ихъ, мѣдь и олово; ты очищаешь серебро и золото; тотъ, кто заставляетъ трепетать злыхъ ночью — это ты. Сдѣлай, чтобы члены человѣка, снова сдѣлавшагося сыномъ своего бога, блистали чистотою, чтобы онъ сталъ ясенъ, какъ небо, чтобы онъ блисталъ, какъ твердь надъ землею, чтобы онъ засіялъ, какъ небесная высота, и чтобы злой языкъ, произнесшій противъ него чары, не имѣлъ болѣе силы надъ нимъ“.

Прошло два дня, а заклинаніе, повторяемое утромъ и вечеромъ, не только не производило никакого дѣйствія, но, казалось, каждый разъ прибавляло что-нибудь къ постепенному ослабленію больного. Увы, Иддина не сдѣлался снова „сыномъ своего бога“, скорѣе можно было бы подумать, что его богъ покинулъ его и предаетъ его смерти уже безо всякой борьбы.—Въ Вавилонѣ существуетъ старинный обычай выносить больныхъ на площадь и выставять напоказъ прохожимъ. Эти послѣдніе подходятъ и спрашиваютъ о симптомахъ болѣзни, о средствахъ, которыя были противъ нея употреблены, и, если у нихъ были или есть родственники, страдавшіе такою же болѣзнію, они называютъ лѣкарство, которое имъ помогло. Этотъ обычай распространился въ Ассиріи вмѣстѣ со многими другими, перешедшими въ нее отъ халдеевъ, и Нубта, наконецъ, рѣшается прибѣгнуть къ нему. Она укутываетъ больного шерстяными одѣялами, укладываетъ въ постель и велитъ нести его осторожно своимъ невольникамъ къ воротамъ Иштары. По обыкновенію, судьи тамъ засѣдаютъ, передъ дворомъ праздношатающіеся околотка всѣ въ сборѣ, крестьяне и чужеземцы снуютъ черезъ городскія ворота взадъ и впередъ: очевидно, если есть еще какая надежда получить точный и полезный совѣтъ, то надо придти за нимъ именно сюда, а не въ другое мѣсто.

Видъ Иддины возбуждаетъ въ толпѣ различныя чувства. Многіе боятся, не заразительна ли его болѣзнь, и какъ бы бѣсъ, сидящій въ немъ, не бросился въ кого-нибудь изъ нихъ; другіе относятся къ нему болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ боязнью или съ сочувствіемъ: друзья съ жалостію смотрятъ на его изможденное лицо и обмѣниваются между собою соображеніями о бренности человѣческой жизни. Нашлись и радѣтели: они протискиваются къ одру боль-

ного, спрашиваютъ, обмѣниваются предположеніями и догадками, предлагаютъ рецепты, которые семейные выслушиваютъ со страхомъ и ожиданіемъ. „Заключенія не помогли? Но какія же? А читали ли заговоръ противъ семи демоновъ? Пробовали ли заговоръ Эриду? Берутъ шерсть овцы, еще ярки, и колдунья—да колдунья, а не колдунъ — привязываетъ ее къ вискамъ больного, къ правому и лѣвому. Дѣлается семь узловъ въ два приема; потомъ обвязываютъ одной веревкой голову больного, а другою вокругъ шеи; то же дѣлается со всѣми членами, чтобы воспрепятствовать его душѣ уйти, если бы она попыталась это сдѣлать, и затѣмъ льютъ на больного наговореную воду“. Другой рассказываетъ, что его вылечили слѣдующимъ колдовствомъ: приготовили изъ земли болванчикъ, похожій на него, совершили надъ нимъ жертву возліанія вина, прочитали заклинаніе — и болѣзнь прошла. Или дѣлаютъ такъ: мѣшаютъ вмѣстѣ шесть различныхъ породъ дерева, толкутъ ихъ съ кускомъ змѣи, прибавляютъ вина, сырого мяса, и изъ всего этого дѣлаютъ тѣсто, которое и проглатываютъ. Дѣйствіе этого средства великолѣпно! Оно упоминается въ старинной книгѣ, очень чтимой, которую царь Ассурбанипалъ велѣлъ списать для собственнаго употребленія.

Свѣжій воздухъ, теплое солнце, окружающій шумъ вначалѣ оживили немного Иддину, но потомъ все это стало его утомлять, и, наконецъ, силы его совсѣмъ истощились. Возвратившись домой, онъ впалъ въ глубокое оцѣпенѣніе, изъ котораго не могли его вывести ни колдовство, ни лѣкарства, ни отчаянные призывы жены и дѣтей. Тихіе хрипы, по временамъ дрожь и легкія судорожныя движенія показывали, что жизнь еще не совсѣмъ угасла. Такъ продолжалось два дня, а на третій, незадолго передъ закатомъ солнца, онъ тихо испустилъ духъ, и Шедъ, богъ смерти, завладѣлъ имъ на вѣки.

Подобно египтянамъ, народы Тигра и Евфрата выражаютъ свою скорбь шумнымъ, необузданнымъ образомъ. Какъ только человѣкъ скончался, члены семьи и лица, принадлежащія къ ней, въ особенности женщины, раздираютъ на себѣ одежды, царапаютъ себѣ лицо и грудь, посыпаютъ голову пепломъ и покрываютъ прахомъ, заводятъ продолжительныя завыванья и причитанья, которыя приводятъ сосѣдей въ волненіе и заставляютъ ихъ принять участіе въ поразившемъ семью несчастіи. Но, если внѣшніе знаки выраженія горя одинаковы, приемы обращенія съ покойникомъ и понятіе объ его загробной судьбѣ совершенно различны. Конечно, не допускаютъ, чтобы съ прекращеніемъ жизни въ человѣкѣ все кончилось; извѣстно, что только часть изъ элементовъ, составляющихъ его, умираетъ въ нашемъ мірѣ, и что другіе продолжаютъ существовать, если не вѣчно, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое время. Однако они не думаютъ, какъ это дѣлаютъ египтяне, что участь

того, что переживаетъ, неразрывно связана съ тѣмъ, что остается на землѣ, и что душа, лишенная тѣлесной оболочки, уничтожается, или существуетъ, смотря по тому, уничтожится ли въ могилѣ тѣло, которое ее поддерживало, или нѣтъ. Разумѣется, для нея безразлично, что станетъ потомъ съ личинкой, которую она покинула: ея мученія отъ смерти или томленій, испытываемыхъ въ ея новомъ состояніи, увеличиваются: если сожгутъ ея тѣло, изувѣчатъ ли, или бросятъ его безъ погребенія въ добычу хищнымъ птицамъ. Только это чувство не настолько сильно въ Ассиріи, чтобы заставить ассиріянъ предпринимать мѣры противъ разложенія тѣла, прибѣгая къ египетскому способу его сохраненія, т. е. балъзамированію и превращенію его въ мумію. Трупъ не подвергается ни пропитыванію, ни вымачиванію въ сохраняющей отъ разложенія жидкости, ни такому завертыванію, что оно дѣлается тѣло нетлѣннымъ; здѣсь трупы умащаютъ благовоніями, одѣваютъ очень просто, и избавляются отъ нихъ, какъ только наступитъ разложеніе, по прошествіи всего нѣсколькихъ часовъ послѣ того, какъ жизнь оставила ихъ.

Въ то время, какъ семья плачетъ и убивается, нѣсколько старухъ, которыя исполняютъ печальную обязанность сидѣлокъ, обмываютъ трупъ Идины, обливаютъ пахучимъ масломъ, одѣваютъ въ парадное платье, притираютъ щеки и подводятъ глаза, надѣваютъ ожерелье на шею, а на пальцы—кольца, складываютъ руки на груди, потомъ кладутъ на его кровать и ставятъ около изголовья жертвенникъ для обычныхъ жертвоприношеній, состоящихъ изъ воды, еиміама и пироговъ. Злые духи снуютъ неотступно вокругъ мертвецовъ, стараясь или накормиться на ихъ счетъ, или сдѣлать ихъ орудіями своихъ вредныхъ козней: мертвецъ, въ котораго они проскользнутъ въ этотъ моментъ, можетъ обратиться въ вампира и впослѣдствіи приходитъ и сосать кровь у живыхъ людей. Поэтому обращаются съ молитвами къ добрымъ гениямъ и богамъ, чтобы они оберегали мертвое тѣло. Двое изъ нихъ становятся невидимо у изголовья и около ногъ покойника и простираютъ надъ нимъ свои руки, чтобы его благословить (рис. 128): они имѣютъ видъ Эа и, какъ Эа, облечены въ рыбью кожу. Другіе трое размѣщены по комнатѣ, гдѣ стоитъ покойникъ, и держатся наготовѣ, чтобы поразить всякаго, кто въ нее проникнетъ: одинъ изъ нихъ съ челоуѣчьей, а двое съ львиной головой на челоуѣцкомъ тѣлѣ. Другіе парятъ надъ домомъ, чтобы отгонять демоновъ, которые попытались бы проникнуть въ него сквозь крышу. Такимъ образомъ, тѣло умершаго проводитъ свои послѣдніе дни на землѣ, охраняемое цѣлымъ легиономъ божествъ.

Похоронное шествіе выходитъ изъ дома очень рано утромъ. Тѣло покоится на ложѣ, которое несутъ нѣсколько челоуѣкъ. Передъ нимъ идетъ толпа плакальщицъ и музыкантовъ, другая, та-

кая же, идетъ сзади покойника, потомъ родные въ узкихъ безъ складокъ мѣшкахъ изъ грубой, темнаго цвѣта, холстины, друзья, знакомые и, наконецъ, жители околотеа, которые желаютъ отдать

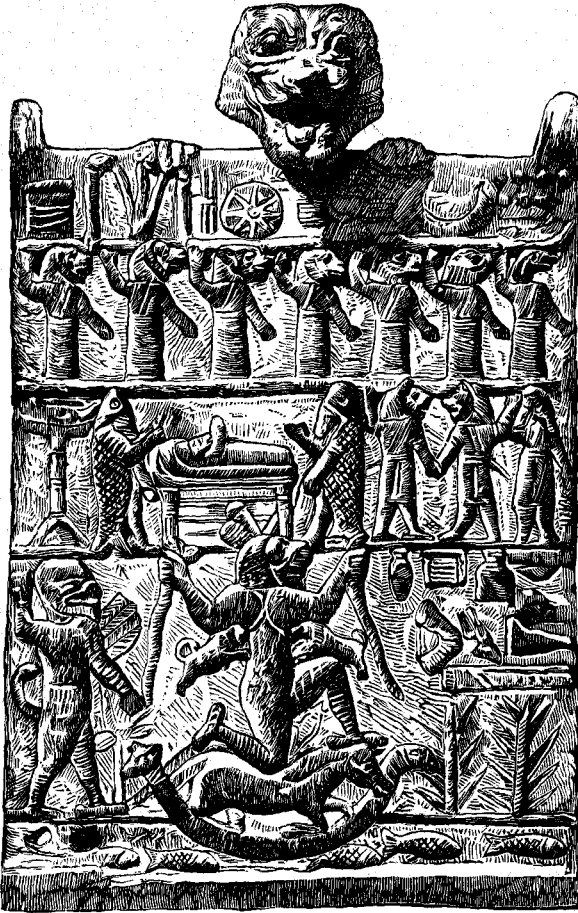

Рис. 128.—Покойникъ и адъ. Въ срединѣ покойникъ изображенъ лежащимъ на своемъ ложѣ, охраняемымъ двумя божествами. Адъ съ своими божествами изображенъ внизу. Самый памятникъ арамейской или финикійской работы, тѣмъ не менѣе нагроможденныя на немъ картины заимствованы изъ ассирійской мѣлологіи.

последній долгъ своему сосѣду. Здѣсь слышатся тѣ же причитанія, какъ и въ Египтѣ, тѣ же восклицанія, прерывающіяся моментами молчанія: „Увы, Иддина! Увы, господинъ! — Увы, мой отецъ!“

Время отъ времени друзья обмѣниваются между собою разсужденіями о суетѣ человѣческой жизни, которая вездѣ, въ подобныхъ случаяхъ, даетъ неистощимый матеріалъ для разговора живымъ. „Развѣ мы знаемъ, что съ нами случится?—Смертный часъ никому неизвѣстенъ.—Такъ-то въ этомъ мірѣ. Вчера вечеромъ былъ живъ человѣкъ, а сегодня утромъ нѣтъ его!“ Похоронное шествіе изъ города движается медленно и направляется къ одному изъ кладбищъ, гдѣ покоятся вѣчнымъ сномъ жители города Дурь-Шарукина. Въ Ассиріи не ищете ни погребальныхъ монументальныхъ подземелій, ни пирамидъ, какъ мы видѣли въ Египтѣ. Нѣтъ даже тѣхъ горныхъ кражей, которые окаймляютъ Нилъ съ обѣихъ сторонъ и состоятъ изъ мягкой каменной породы, въ которой легко устраивать длинныя и обширныя галлерей для погребальныхъ усыпальницъ, и въ то же время настолько прочной, что все эти усыпальницы, разъ высѣченныя, сохраняются навсегда и сами-собою никогда не обрушиваются. Ниневія и большинство большихъ городовъ въ Ассиріи и Халдеѣ окружены обширными низменными равнинами, гдѣ похороненныя тѣла быстро разлагаются подъ вліяніемъ жары и влажности: въ вырытыя въ землѣ склепы скоро просачивается вода, несмотря на каменную кладку, живопись и скульптура развѣдаются селигрой, погребальная утварь и самые гробницы разрушаются. Слѣдовательно, домъ ассирійскаго или халдейскаго покойника не можетъ быть, какъ домъ египтянина, *вѣчнымъ домою*.

И все-таки, онъ живетъ въ немъ и его душа—съ нимъ, и поэтому стараются, во время оставленія имъ своего городского жилища снабдить его всею—пищей, одеждой, нарядомъ, всякою необходимой утварью для его потребностей. Если дѣти или наследники поступаютъ съ нимъ хорошо, т. е. помнятъ его, то и онъ ихъ охраняетъ, какъ можетъ, отгоняетъ отъ нихъ всякія дурныя вліянія. Если же они бросаютъ и забываютъ его, онъ имъ мститъ, приходя ихъ мучить въ ихъ жилищахъ, напускаетъ на нихъ болѣзни, тяготитъ и сокрушаетъ ихъ своими проклятіями. Если, почему-либо, они лишили его надлежащаго погребенія, онъ становится опаснымъ не только своимъ семейнымъ, но и для всей страны. Мертвецы, неспособные сами по себѣ обзавестись всею для нихъ необходимымъ, чтобы жить прилично, неумолимы и жестоки другъ къ другу: кто къ нимъ является безъ могилы, безъ возліянія вина, безъ жертвъ, они того не принимаютъ въ свою среду и не подаютъ ему милостыни изъ своихъ небогатыхъ запасовъ, ни одного хлѣба. Духъ мертвеца, не погребеннаго и не имѣющаго угла, ни средствъ существованія, блуждаетъ по городамъ, по деревнямъ и поддерживаетъ свое существованіе только грабежами и преступленіями, которые онъ учиняетъ противъ живыхъ. Это онъ, прокравшись въ домъ ночью, вдругъ является живущимъ въ немъ подъ отвратительной чудовищной маской и

доводить ихъ до безумія отъ ужаса. Всегда на сторожѣ, лишь только онъ замѣтитъ свою жертву, стремительно набрасывается на нее „головой противъ ея головы, рукой противъ ея руки, ногой противъ ея ноги“. Тотъ, кого онъ выберетъ своей жертвой, человекъ ли, животное ли, не избавился бы отъ него никогда, если бы магія не обладала могущественнымъ оружіемъ, служащимъ для отраженія его нападеній: вампиръ считается, на ряду съ привидѣніемъ и пожирателями труповъ, *гулями*, въ числѣ демоновъ, ярость и злобу которыхъ заговариваютъ, обращаясь къ заступничеству *двойниковъ*, небеснаго и земнаго.

Древніе халдеи строили могилы изъ кирпича, какъ и свои дома и дворцы. Это были обширные подвалы со сводами съ выступами, куда хоронили одного или разомъ нѣсколькихъ покойниковъ вмѣстѣ. Были также гробницы: однѣ — въ видѣ простыхъ, большихъ глиняныхъ корчагъ, въ которыхъ покойники помѣщались на корточкахъ; другія, въ формѣ двухъ цилиндрическихъ

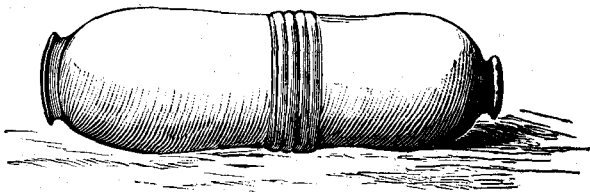

Рис. 129.—Халдейскій гробъ изъ горшечной глины, цилиндрической формы.

кувшиновъ, которые потомъ слѣплялись въ мѣстѣ ихъ соединенія горной смолой; въ этихъ послѣднихъ покойники лежали вытянутыми (рис. 129). Бывали еще и гробницы въ видѣ небольшихъ круглыхъ или овальныхъ сооружений, возведенныхъ на кирпичномъ фундаментѣ и покрытыхъ куполомъ или плоской крышей (рис. 130). Внутреннее пространство этихъ гробницъ большею частью было очень тѣсно, и часто случалось, что ихъ обитатели, чтобы проникнуть въ нихъ, должны были сгнаться въ три погибели. Въ самыхъ тѣсныхъ могилахъ можно было еще помѣстить одежды, драгоценности, бронзовыя стрѣлы и нѣсколько мѣдныхъ или изъ другого металла сосудовъ, принадлежащихъ обитателю печальнаго жилища. Въ другихъ помѣщался наборъ всякой утвари, хотя и менѣе полный, чѣмъ тотъ, которымъ загромождали египтяне свои обширныя усыпальницы, но все-таки совершенно достаточный для удовлетворенія потребностей духа. Тѣло совсѣмъ одѣтое клалось на цыновку, пропитанную горной смолой, голова лежала на подушкѣ или на плоскомъ кирпичѣ, руки сложены на груди, саванъ, которымъ обертывалось тѣло, обыкновенно при-

крѣпился ремнями вокругъ бедръ и лодыжекъ. Иногда ихъ клали на лѣвый бокъ съ нѣскольکو согнутыми ногами и правой рукой, закинутой къ лѣвому плечу и погруженной въ чашу, какъ будто покойникъ намѣревался ее взять и поднести ко рту. Кув-

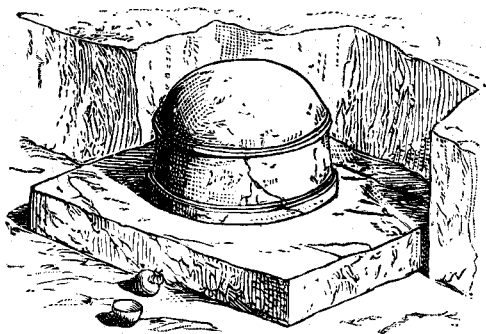

Рис. 130.—Халдейская гробница круглой формы.

шины и глиняныя блюда, разставленныя вокругъ него, наполнялись пищей и питьемъ. Тутъ были: любимое имъ вино, финики, рыба, живность, дичь, иногда даже кабанья голова; кромѣ того, какъ это дѣлалось и въ Египтѣ, нѣскольکو предметовъ

Рис. 131.—Внутренность халдейской гробницы.

изъ камня для жертвенныхъ приношеній, которые замѣняли предметы дѣйствительныя, въ натурѣ, и конечно долше могли сохраниться для этой набожной цѣли (рис. 131). Кромѣ съѣстныхъ припасовъ, мужчина уносилъ въ могилу и свое оружіе: пику, дротики, парадный посохъ и цилиндръ, служившій ему при жизни

печатью. Съ женщинами клали нѣсколько перемѣнъ украшеній и драгоценностей, цвѣты, склянки съ духами, гребенки и косметическіе приборы и вещества—бѣлила и румяна и черную помаду для черненія рѣсницъ и бровей.

Гробницы, тѣсно примыкающія другъ къ другу и засыпанныя въ послѣдствіи пескомъ и щебнемъ, подъ которыми они оставались столѣтія, съ теченіемъ времени покрывались рядами новыхъ гробницъ и, въ концѣ концовъ, образовали въ Урукѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Халдеи настоящіе курганы, которые продолжали расширяться и расти въ вышину. Въ Ассиріи гробницы не такъ скучены и, кромѣ того, не такъ прочно устраивались, а потому онѣ скоро исчезали, не оставляя на земной поверхности слѣдовъ, и тому, кто пожелалъ бы заняться ихъ открытіемъ, пришлось бы не мало перерыть земли, чтобы докопаться хоть до какихъ-нибудь остатковъ отъ нихъ. Извѣстны мѣста только царскихъ памятниковъ. Говорятъ, что въ царскомъ дворцѣ находится гробница Нина, баснословнаго основателя города и имперіи *): этажная башня выстроена надъ ней и издали показываетъ ея мѣстоположеніе. Возможно, что народное преданіе справедливо въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ, на которые оно даетъ положительные отвѣты, но ему обыкновенно мало даютъ вѣры. Въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что цари покоятся большею частію въ городахъ, гдѣ они жили подъ покровительствомъ мѣстныхъ боговъ. Вавилонскія хроники заботливо вписываютъ послѣ имени каждаго государя обозначеніе дворца, въ которомъ онъ былъ похороненъ. Что касается до ассирійскихъ царей, то развѣ старожилы ниневійцы не вспоминаютъ еще празднествъ, которые устроилъ Сеннахерибъ въ ихъ честь, когда онъ реставрировалъ ихъ могилы, на половину разрушенныя во время войны и революцій предыдущаго столѣтія.

Теперь, положимъ, уже не вѣрятъ, чтобы глиняное вмѣстилище, гдѣ покоится тѣло, могло быть вѣчнымъ жилищемъ души. Полагаютъ, что очень далеко отъ насъ находится, — одни говорятъ подъ землей, другіе—на восточной или сѣверной сторонѣ вселенной, — страна тьмы, гдѣ все, что осталось отъ прежнихъ поколѣній, живетъ въ общеніи, подъ игомъ бога Нергала и богини Аллатъ. Туда впадаетъ рѣка, берущая свое начало изъ первобытныхъ водъ океана, въ срединѣ котораго помѣщается нашъ міръ. Область мертвыхъ окружена семью стѣнами и заперта семью воротами, которая охраняется неумолимымъ привратникомъ. Тѣни туда проникаютъ только по повелѣнію богини: тамъ у нихъ отби-

*) Ктезиасъ рассказываетъ, что Семирамида похоронила Нина внутри ниневійскаго дворца; преданіе, о которомъ онъ упоминаетъ, конечно, гораздо древнѣе эпохи, когда онъ писалъ, и я, вѣроятно, не ошибусь, если отнесу его ко временамъ Саргонидовъ.

раютъ все, что онѣ съ собой принесли, совершенно нагими онѣ предстаютъ передъ богиней Аллатъ на судъ, послѣ котораго она назначаетъ каждой изъ нихъ мѣсто въ своихъ владѣніяхъ. Тѣ, которыя ей не понравятся, подвергаются ужаснѣйшимъ мукамъ: онѣ страдаютъ отъ голода и жажды, проказа ихъ гложетъ до скончанія вѣковъ, всевозможныя болѣзни обрушиваются на нихъ и медленно пожираютъ, никогда окончательно не убивая ихъ. Тѣни, избѣжавшія мученій, влачатъ существованіе тоже мрачное и безрадостное. Жажущія и голодныя, онѣ находятъ для утоленія голода и жажды только нечистоты и пыль. Страдая отъ холода, онѣ прикрываются одеждою изъ перьевъ и снабжаются большими тяжелыми крыльями ночныхъ птицъ, при помощи которыхъ онѣ безпрестанно летаютъ, издавая жалобные звуки. Разъ попавъ въ это царство плача и рыданія, онѣ выходятъ изъ него только по повелѣнію боговъ въ рѣдкихъ случаяхъ, чтобы наводить ужасъ на живыхъ людей и мучить ихъ. У нихъ совсѣмъ не сохраняется воспоминанія о томъ, что они дѣлали при жизни на землѣ. Любовь къ домашнимъ, дружба, воспоминаніе объ оказанныхъ услугахъ — все безвозвратно изглаживается въ ихъ слабыхъ головахъ: у нихъ только остается глубокое сожалѣніе, что они покинули солнечный свѣтъ, и мучительное жгучее желаніе подняться къ нему. Аллатъ могла бы ихъ удовлетворить въ этомъ, если бы захотѣла. Порогъ ея дворца устроенъ надъ источникомъ, вода котораго возвращаетъ къ жизни каждаго, кто въ ней выкупается или напьется: она начинаетъ бить ключомъ, какъ только отвалитъ камень, который ее скрываетъ. Но духи земли, *Аннунасъ*, ревниво охраняютъ ее. „Ихъ семеро, ихъ семеро; ихъ семеро въ глубинѣ бездны; они ни мужчины, ни женщины, но подобны разлившимся потокамъ; они не берутъ себѣ женъ, у нихъ никогда не бываетъ дѣтей; имъ не доступны ни жалость, ни благодѣянія; они глухи и къ молитвамъ, и къ просьбамъ; они размножаютъ ненависть въ горахъ; они — враги Эа, вѣстники смерти и служители Аллатъ“. То они распространяются по свѣту въ видѣ тлетворныхъ вѣтровъ и дуютъ бурями, то бросаются въ сраженія и безошадно косятъ героевъ. Одинъ только Эа достаточно могущественъ, чтобы вырвать у нихъ нѣсколько капель живой воды, да и то они даютъ съ неудовольствіемъ, возмущаясь противъ великодушной воли верховнаго бога.

Такое мрачное и жестокое представленіе о совмѣстной жизни въ одномъ общемъ для всѣхъ царствѣ еще безотраднѣе той идеи о продолжительномъ пребываніи въ могилѣ, которую оно смѣнило. Въ могилѣ, по крайней мѣрѣ, душа находится одна съ своимъ тѣломъ, съ которымъ соединена, тогда какъ въ жилищѣ Аллаты она бродитъ какъ потерянная между демонами, порожденіями ночи. Она видитъ вокругъ себя въ безпрестанномъ движеніи эти чудовищ-

ные образы, въ неясныхъ чертахъ представлявшіеся ей въ грезахъ и воображеніи и на землѣ уже преслѣдовавшіе ее. Ни одинъ изъ этихъ демоновъ не носить простаго облика, похожаго на человѣческой: обыкновенно они представляютъ странныя сочетанія чловѣка съ животными или животныхъ между собой, при чемъ искусственно сочетаются наиболѣе отвратительныя черты каждаго вида животнаго. Головы львовъ красуются на шакальихъ туловищахъ съ орлиными когтями и хвостомъ скорпіона — и все это реветъ, воетъ, шипитъ, ненасытно требуя мятежныхъ душъ для мученій или истребленія. Начальники этихъ чудовищъ, министры Аллатъ, носятъ имена — чумы, лихорадки, юго-западнаго вѣтра. Сама Аллатъ, можетъ быть, еще отвратительнѣе всѣхъ своихъ подданныхъ, надъ которыми она царствуетъ. У нея женское тѣло, покрытое волосами и безобразно сложенное, морда, гримасничающей львицы, крылья и лапы хищной птицы. Въ каждой рукѣ она держитъ большую змѣю и размахиваетъ ими; жало ихъ прокусываетъ и отравляетъ безошадно врага. Дѣти ея — два льва, которыхъ она кормитъ своимъ молокомъ. Она разтѣзжаетъ по своему царству, не сидя верхомъ на лошади, а стоя или на колѣняхъ на спинѣ лошади, которую она раздавливаетъ своей тяжестью. Иногда она лично отправляется для осмотра рѣки, которая притекаетъ изъ міра живыхъ людей; тогда она съ своею лошадью помѣщается на лодку-фею, котóрая плаваетъ безъ паруса и руля, и носъ которой оканчивается птичьимъ клювомъ, а корма — бычачьей головой (рис. 128). Ничто отъ нея не укроется, ничто ей не можетъ сопротивляться; сами боги могутъ проникнуть въ ея царство не иначе, какъ при условіи умереть, какъ обыкновенные люди, и униженно признать себя ея рабами.

И однако пришло время, когда человѣческая совѣсть возмутилась противъ такого жестокаго догмата, осуждавшаго всѣ поколѣнія людей на вѣчныя страданія въ царствѣ тьмы. Какъ? Цари, проявившіе къ своимъ народамъ чувства справедливости и кротости, герои, побѣдившіе и истребившіе чудовищъ, войны, безъ колебаній и страха пожертвовавшіе своею жизнью на поляхъ сраженія, — всѣ они будутъ ввержены безразлично въ вѣчную ночь вмѣстѣ съ тиранами, рабами и трусами! Ихъ могущество, ихъ храбрость, ихъ добродѣтели послужили только къ сокращенію ихъ пребыванія въ нашемъ солнечномъ мірѣ и преждевременному вверженію въ глубину ада! Возникло новое представленіе о загробной жизни. Боги, отдѣляя избранниковъ отъ обыкновенныхъ людей, принимаютъ ихъ на плодоносный островъ, освѣщаемый солнцемъ и отдѣленный отъ обиталища простыхъ людей непроходимой рѣкой, впадающей въ царство Аллатъ. Тамъ растетъ дерево, и течетъ источникъ жизни; нѣкоторымъ избранникамъ иногда удается проникнуть туда еще при жизни и выйти оттуда здоро-

выми и сильными, какъ въ лѣта ихъ молодости. Прежде думали, что эта счастливая земля находится въ болотахъ Евфрата, около устья рѣки, потомъ, когда лучше узнали страну, перенесли ее по ту сторону моря. Но по мѣрѣ того, какъ открытія торговыхъ людей и походы завоевателей расширяли границы кругозора, въ которыхъ первые халдеи были замкнуты, таинственный островъ все больше и больше отодвигался,—сначала къ востоку, затѣмъ къ сѣверу и, наконецъ, почти исчезъ въ отдаленіи... На послѣдокъ, небесные боги, сдѣлавшіеся гостепріимными, стали принимать души героевъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ на вершинѣ *Горы міра*.

Эта гора занимаетъ сѣверную сторону вселенной. Однимъ своимъ краемъ звѣздная небесная твердь опирается на ея вершины; каждое утро солнце вырывается изъ ея нѣдръ на востокъ и входитъ въ нее вечеромъ на западѣ. Когда умираетъ герой, его духъ поднимается съ земли, подобно облаку пыли, которую вѣтеръ гонитъ передъ собой; разъ онъ достигнетъ облачной страны, боги тотчасъ выбѣгаютъ къ нему на встрѣчу и привѣтствуютъ его, какъ если бы онъ былъ одинъ изъ нихъ. „Приди, приглашаютъ они, — вымой свои руки, очисти свои руки; боги, твои старшіе, вымоютъ свои руки и очистятъ свои руки вмѣстѣ съ тобой“, чтобы пріобщиться къ празднеству безсмертія. И теперь: „вкушай чистую пищу на чистыхъ блюдахъ, пей чистую воду изъ чистыхъ чашъ, готовься наслаждаться миромъ праведника“. Самъ Эа, повелитель боговъ, удостоиваетъ назначить своему гостю мѣсто въ священныхъ странахъ и переноситъ его туда своими собственными руками. Онъ угощаетъ его медомъ и жиромъ, вливаетъ ему въ ротъ живой воды, которая возвращаетъ ему способность говорить, похищенную смертью. И вотъ онъ, возлежа на парадномъ ложѣ отдохновения, созерцаетъ оттуда съ высоты землю и ея бѣдствія. А потомъ эта привилегія героевъ сдѣлалась совершенно общимъ достояніемъ: если человѣкъ жилъ хорошо, праведно—подъ этимъ я разумью, что онъ былъ набоженъ, въ точности соблюдалъ ихъ праздники, неуклонно обращался къ нимъ съ молитвами и жертвенными дарами, — онъ встрѣтитъ хорошій пріемъ въ загробной жизни. Меродахъ и его супруга Зарпанитъ „возвращаютъ его къ жизни“: онъ уходитъ, приходитъ, говоритъ, ѣсть и пьетъ по собственному желанію, наслаждается солнцемъ и свѣтомъ. Въ царствѣ Аллатъ находятся только прежнія поколѣнія, именно тѣ, которыя отжили и умерли въ первыя времена существованія міра. Они и до сихъ поръ еще томятся тамъ во тьмѣ, окружаютъ троны, на которыхъ возсѣдаютъ прежніе цари ихъ Нерь и Этана, древніе герои временъ до-потопна. Теперешніе люди болѣе счастливы. Годы, которые они проводятъ между нами, не опечалены, какъ было это во времена ихъ предковъ, постояннымъ ожиданіемъ

емъ въ будущемъ вѣчной ночи. Благочестіе ихъ дѣлаетъ достойными неба, раскаяніе заглаживаетъ ихъ грѣхи, и боги благоклонно устраиваютъ для нихъ, пиры, и сами пируютъ съ ними какъ съ равными себѣ.

Гробница Иддины снабжена и припасами и утварью. Это дѣлается скорѣе изъ уваженія къ прежнимъ обычаямъ, чѣмъ изъ вѣры въ идеи, которыя они прежде выражали. Конечно, многіе еще въ народѣ, даже и въ высшемъ классѣ общества, воображаютъ, что душа пребываетъ около тѣла и питается пищею, которою его щедро снабжаютъ. Родные Иддины не раздѣляютъ этого народнаго вѣрованія. Имъ извѣстно, что душа ихъ возлюбленнаго покойника воспарила къ небу въ самый моментъ погребенія. Они твердо вѣрують, что благодѣтельные боги охраняли его полеть и защитили отъ злобы демоновъ. Когда придетъ ихъ часъ покинуть этотъ міръ, они надѣются снова встрѣтиться съ нимъ тамъ, на вершинѣ *Горы міра*, въ странѣ „серебристыхъ облаковъ“.

ГЛАВА XIV.

Царская охота.

Ассурбанипаль: его страсть къ удовольствіямъ и охотѣ.—Эламскія дѣла: племянники царя Тіуммана находятъ прибѣжище при дворѣ Ассурбанипала.—Отъѣздъ на львиную охоту: газели, лави, дикіе ослы.—Переправа черезъ рѣку.—Станъ, царская палатка.—Зубрь и охота на него. Жертвоприношеніе при возвращеніи съ охоты.—Ассирійскій левъ и охота на льва въ болотахъ.—Охота на плѣннаго льва въ царскомъ паркѣ.—Посольство Тіуммана.

Ассурбанипаль вступилъ на престолъ еще молодымъ. Ему не было тридцати лѣтъ, какъ Есаргадонъ, его отецъ, избралъ его между своими дѣтьми и провозгласилъ наслѣдникомъ престола въ Ниневіи въ присутствіи вельможъ и арміи. Спустя годъ, онъ былъ царемъ. Онъ высокъ, силенъ, хорошо сложенъ; у него широкое лицо, смѣлый открытый взглядъ, прямой носъ, на устахъ строгое и высокоумное выраженіе, волосы длинные, вьющіеся. Его предшественники страстно любили войну и завоеванія; они жили, а иногда, какъ Есаргадонъ, и умирали въ военномъ станѣ. Ассурбанипаль неохотно надѣвалъ латы. Обыкновенно распоряженіе военными дѣйствіями онъ возлагалъ на своихъ полководцевъ; а такъ какъ эти полководцы прошли хорошую школу, то дѣла страны шли отъ этого не хуже прежняго. Это не значитъ, что, при случаѣ, онъ не могъ бы предводительствовать войсками и сражаться, какъ всякій другой, но онъ по природѣ былъ безпечень, сластолюбивъ, набоженъ, любилъ роскошь и искусства, а при этомъ былъ отважный наѣздникъ и великій ловець перedy вѣчнымъ.

Чтобы избавиться отъ неприятностей политики, онъ переѣхалъ на нѣсколько недѣль въ Дуръ-Шарукинъ, надѣясь тутъ отдохнуть отъ нея, но напрасно: въ Дуръ-Шарукинѣ, какъ и въ Ниневіи, обычныя занятія царскаго сана не переставали обременять его. Гонцы, прибывающіе съ утра до вечера со всѣхъ концовъ имперіи, безпрестанно нарушаютъ его покой и отрываютъ его своими извѣстіями отъ удовольствій. Вавилонъ глухо волнуется;

Урарти возмущилась и угрожаетъ сѣвернымъ границамъ Ассиріи; Египеть не прекращаетъ своихъ происковъ и тайкомъ возмущаетъ противъ Ассиріи мелкихъ князьковъ іудейскихъ, моавитскихъ и филистимскихъ; киммерійцы, побѣжденные Ардисомъ, сыномъ Гигеса, и его лидійцами, дѣлають видъ, что намѣреваются вторгнуться въ Киликію; мидяне убили одного изъ своихъ правителей, преданнаго Ассиріи, чтобы посадить на его мѣсто одного изъ его двоюродныхъ братьевъ, который явно недружелюбенъ; Эламъ открыто вооружается, и князь его ждетъ только благовиднаго предлога, чтобы выступить въ походъ. Тіумманъ — это „воплощенный дьяволъ“, надменность и кровожадность котораго не знаютъ границъ; едва онъ вступилъ на престолъ, какъ тотчасъ же хотѣлъ схватить и умертвить дѣтей своихъ братьевъ Уртаку и Умманалдаша, царствовавшихъ передъ нимъ; предупрежденные вѣрными друзьями, они успѣли бѣжать съ своими слугами, и цѣлыя толпы эламитовъ ихъ сопровождали въ Ассирію. Ассурбанипаль ихъ принялъ благосклонно, отчасти по естественному великодушію, а больше по расчету. Эти молодые люди, коверкающіе ассирійскій языкъ и носящіе варварскія имена: Умманигашъ, Умманаша, Таммариту, Кудурру, Парру, — законные наслѣдники сузійской короны; у нихъ въ странѣ осталось много сторонниковъ, которые навѣрное возьмутся за оружіе, если ихъ поддержать, и которые, въ случаѣ войны, могутъ произвести диверсію, благопріятную для ассирійскихъ войскъ. Въ ожиданіи этого Ассурбанипаль имъ оказываетъ самое широкое гостепримство; обходится съ ними скорѣе какъ съ принцами, принадлежащими какъ бы къ его собственной семьѣ, а не какъ съ иностранцами. Каждому изъ нихъ онъ назначилъ особый домъ, свиту, богатые доходы, почти царскую обстановку; онъ ихъ часто приглашаетъ къ своему столу, и завтра онъ беретъ ихъ съ собой на львиную охоту по ту сторону Заба, по направленію къ мидійскимъ горамъ.

Теперь левъ уже не встрѣчается, какъ въ прежнее время, по близости большихъ городовъ; приходится его отыскивать далеко, въ открытомъ полѣ, и облавы, снаряжаемыя противъ него, походятъ скорѣе на набѣгъ на вражескую страну, нежели на охоту. На восходѣ солица, съ половиною своей гвардіи, царь выступаетъ въ походъ. Дуръ-Шарукинъ окруженъ дачами и садами, въ которыхъ каналы, проведенные изъ Хусура, постоянно поддерживаютъ прохладу. Поѣздъ, стѣсненный между оградами по бокамъ дороги, тянется длинной вереницей и кажется безконечнымъ. Но вотъ дома и рощицы начинаютъ рѣдѣть, обработанныя поля уже не попадаются, начинается степь. Здѣсь на просторѣ небольшая армія охотниковъ строится какъ бы въ боевой порядокъ.

Отсюда переходъ къ берегамъ Заба прелестенъ: роскошная трава сплошь покрываетъ мѣстность, а теплое солнце только

грѣть, но не жжетъ еще полей. Равнина уходитъ своей волнистой поверхностью до отдаленнаго горизонта, вся роскошно зеленая и наполненная ароматами цвѣтовъ. Мѣстами она усыяна цвѣтами такъ густо и такъ близко другъ къ другу, что можно принять ихъ за цвѣтной коверъ, который на обширномъ пространствѣ покрываетъ землю. Собаки, спущенныя въ луга, выбѣгаютъ оттуда испещренныя желтыми, розовыми и голубыми цвѣтами. На каждомъ шагу перебѣгаютъ испугнутые зайцы, или цѣлыя стаи куропадокъ поднимаются почти изъ-подъ ногъ лошадей. Стада газелей и дикихъ козъ, пасущіяся на волѣ въ отдаленіи, тревожно поднимаютъ головы, прислушиваются, втягиваютъ въ себя воздухъ, осматриваются во все стороны и, потомъ, все разомъ бро-

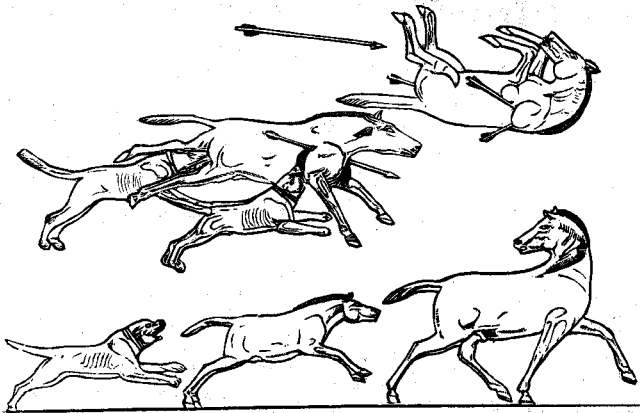

Рис. 132.—Охота на дикаго осла.

саются и быстро исчезаютъ въ отдаленіи. Эти животныя бѣгаютъ такъ быстро и такъ выносливы, что самыя лучшія гончія рѣдко ихъ нагоняютъ. Все-таки спустили на нихъ нѣсколько борзыхъ, которыя случайно выгнали цѣлый косякъ дикихъ ословъ (рис. 132). Осель довольно красивое животное, съ сѣрой шелковистой шерстью, бѣгаетъ такъ ловко и быстро, что легко перегоняетъ лошадь. Завидѣвъ врага, онъ издастъ пронзительное ржаніе, брыкнетъ, отбѣжитъ на нѣкоторое разстояніе, остановится и, обернувшись, ждетъ; но, лишь только врагъ начинаетъ приближаться, онъ задаетъ снова стрекача, останавливается, и продѣлываетъ все это безъ усталы до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ его преслѣдовать. Десятка два всадниковъ бросаются за ними, не столько въ надеждѣ ихъ настичь, сколько просто чтобы погорячить лошадей и поскакать по лугамъ. Но зато на возвратномъ пути они были болѣе счастливы: они напали случайно на цѣлое семейство ланей, без-

заботно пасущихся въ небольшой лоцинкѣ. Раненный двумя стрѣлами, старый самецъ храбро сталъ напирать на собакъ, и его защита дала той порой время спастись молодымъ.

Но Ассурбанипаль ни на минуту не удостоиваетъ своего вниманія такой легкой поживы: онъ медленно перерѣзываетъ равнину, безстрастно стоя на своей парадной колесницѣ (рис. 133). Широкий зонтикъ изъ матеріи, вышитой краснымъ и синимъ, защищаетъ его отъ солнца. Возница, стоящій рядомъ съ нимъ направо, направ-

Рис. 133.—Кортежъ Ассурбанипала.

ляетъ лошадей такимъ образомъ, чтобы избѣжать толчковъ насколько возможно; двое евнуховъ, держась одною рукою за края колесницы, безпрестанно машутъ опахалами. Колесницы сузійскихъ князей слѣдуютъ гусемъ одна за другой, затѣмъ идутъ колесницы визирей, отрядъ конныхъ копейщиковъ, пѣхота, выжлятники и прислу-

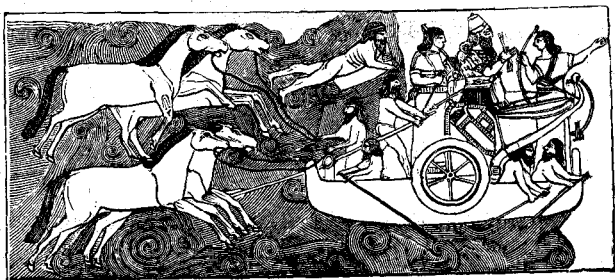

Рис. 134.—Царь переправляется черезъ рѣку на баркѣ; лошади слѣдуютъ вплавь.

га; мулы, нагруженные съѣстными припасами и охотничьими принадлежностями, замыкаютъ шествіе. Въ полдень дѣлается привалъ на часъ; вечеромъ располагаются станомъ около ручья, еще разливающегося рѣкою отъ тающихъ снѣговъ. На другой день къ закату солнца отрядъ достигъ Заба, почти не замѣтивъ его: такъ оно глубоко лежитъ въ своихъ крутыхъ берегахъ посреди этой плоской равнины, гдѣ ни малѣйшій признакъ не обнаруживаетъ присутствія рѣки.

Развѣдчики, высланные впередъ, все приготовили для переправы черезъ рѣку. Ассурбанипаль и сузійскіе князья размѣстились на двухъ баркахъ. Всадники скучились, какъ попало, въ

рыбачьих лодках. Лошади слѣдовали за ними вплавь въ поводу, который держалъ въ рукахъ конюхъ, или привязалъ къ лодкѣ (рис. 134). У каждаго пѣхотинца всегда имѣется пустой довольно большой мѣхъ. Они его надуваютъ (рис. 135), завязываютъ отверстие бросаются съ нимъ въ воду и переплываютъ рѣку не снимая съ себя своего оружія (рис. 136). Вся переправа продолжается не болѣе получаса.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки разбивается станъ на сухомъ песчаномъ мѣстѣ, на передовыхъ постахъ разставляются часовые, какъ въ военное время. Остальной отрядъ тотчасъ принимается за разбивку на скорую руку палатокъ, иные же располагаются просто подъ открытымъ небомъ, кто какъ можетъ. Изъ взятаго съ собою изъ Дурь-Шарукина сухого хворосту и собранной на мѣстѣ травы быстро разводится костеръ. Вскорѣ закипаетъ котелокъ подъ зоркимъ глазомъ одного изъ товарищей или одной изъ женщинъ, сопровождающихъ воиновъ. И вотъ всѣ тѣ, кто не занятъ какими-нибудь служебными обязанностями, расположившись небольшими кучками въ

Рис. 135.—Пѣхотинцы, надувающіе мѣха воздухомъ.

Рис. 136.—Переправа вплавь съ надувными мѣхами.

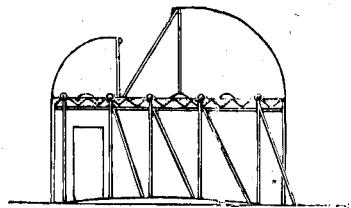

Рис. 137.—Царская палатка.

3—4 человекъ, начинаютъ пить и ѣсть при веселомъ разговорѣ. У каждаго знатнаго вельможи разбита своя палатка вблизи царской. Царскій шатеръ представляетъ собой родъ небольшого временнаго дворца, довольно сложной постройки. Вбивается въ землю два параллельныхъ ряда изъ десяти жердей, соединенныхъ въ верхнихъ частяхъ перекладинами; съ наружной стороны жерди укрѣпляются веревками,

притянутыми къ кольшкамъ, вбитымъ въ землю. Потомъ обтягиваютъ этотъ остовъ толстой матеріей или войлоками—что и составляетъ стѣны палатки (рис. 137). Огороженное такимъ образомъ мѣсто имѣетъ форму сплюснутаго съ боковъ эллипса. Средняя часть палатки, гдѣ устраиваютъ очагъ, остается открытою, для свободнаго выхода дыма; два полукружія по концамъ покрываются полу-куполами изъ матеріи или изъ войлоковъ, неравной вышины, каждый изъ нихъ поддерживается развѣтвленной стойкою. Дверь помѣщается на одномъ изъ концовъ постройки подъ меньшимъ куполомъ. Меблировка и убранство палатки обыкновенное: складной столъ на газелевыхъ ножкахъ, табуреты, кресло, кровать со всеми принадлежностями: посуда для стола, т. е. для ѣды и питья, развѣшана на сучьяхъ стойки. Жертвенникъ помѣщается снаружи, около конюшни, въ которой лошади находятъ мѣсиво и убѣжище отъ ночного холода (рис. 138). Стадо коровъ, овецъ и козъ, огороженное позади конюшни, доставляетъ къ царскому столу молоко и свѣжее мясо утромъ и вечеромъ. Конечно, Ассурбанипаль готовъ подвергать свою жизнь опасности, но онъ не желаетъ лишать себя комфорта и удобствъ, къ которымъ привыкъ съ самаго дѣтства. Ловчіе до сихъ поръ еще не попали на слѣдъ льва, но зато они увѣряютъ, что въ нѣкоторомъ разстояніи, по направленію къ сѣверо-востоку, замѣтили съ дюжину дикихъ быковъ. Въ послѣднее полустолѣтіе зубръ стали попадаться рѣдко. Ассирійскіе цари съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдовали его, что почти истребили

Рис. 138.—Царская конюшня.

всю породу: тѣ же, которыхъ замѣчаютъ время отъ времени, отдѣльно или стадами, заходятъ на равнину изъ горъ Мидіи и Арменіи. Ассурбанипаль обрадовался этому извѣстію тѣмъ болѣе, что ему еще ни разу не случилось показать храбрости по примѣру своихъ предковъ на охотѣ на зубра. Онъ собираетъ на совѣщаніе старыхъ придворныхъ чиновниковъ, ходившихъ въ молодости на охоту съ его дѣдомъ Сеннахерибомъ, и составляетъ программу завтрашняго дня съ такимъ же рвеніемъ, словно дѣло идетъ о планѣ нападенія на непріятели. Да и въ самомъ дѣлѣ, зубра можно взять только при помощи особенной стратегіи. Это не обыкновенный домашній быкъ, родъ тупого, кроткаго мечтателя; кромѣ того, что онъ обладаетъ страшною силой и огромнымъ ростомъ, онъ считается также животнымъ самымъ быстрымъ и хитрымъ; онъ очень недоувѣрчивъ, когда къ нему приближаются, и чрезвычайно опасенъ, когда нападаетъ.

Итакъ, охотники дѣлятся на двѣ партіи. Первая съ большими предосторожностями располагается двумя цѣпями по сторонамъ стада, замыкаясь позади его полукругомъ; потомъ неожиданно съ крикомъ выскакиваетъ изъ засады и гонитъ зубровъ къ мѣсту, гдѣ въ выжидательномъ положеніи помѣстился царь со своими гостями. Ассурбанипаль оставилъ въ станѣ свою парадную колесницу, какъ слишкомъ тяжелую съ находящейся на ней прислугой. Онъ всходитъ съ возницей на военную колесницу, низкую и легкую, запасшись копьемъ, лукомъ и колчаномъ; одинъ верховой въ охотничьемъ вооруженіи ведетъ за нимъ въ поводу запасную лошадь; потому что и легкой колесницей не во всякомъ мѣстѣ удобно управлять на охотѣ. Она врѣзывается на топкихъ болотистыхъ мѣстахъ, разбивается о камни, опрокидывается на рытвинахъ

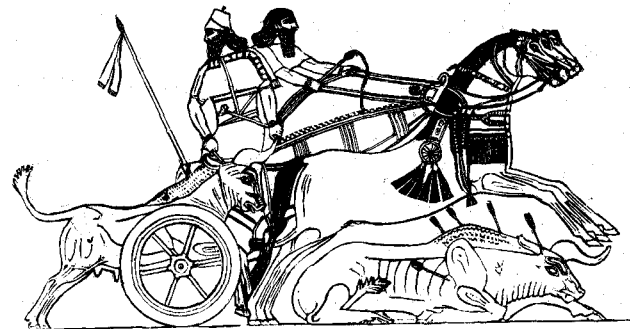

Рис. 139.—Царь убиваетъ ударомъ кинжала зубра.

и на неровныхъ мѣстностяхъ, или же на ней такъ трясеть, что воину, постоянно думающему только о своемъ равновѣсіи, рѣшительно нѣтъ возможности свободно дѣйствовать своимъ оружіемъ. Въ этомъ случаѣ верховая лошадь съ большимъ удобствомъ замѣняетъ колесницу. Зубры, озадаченные неистовыми криками и неожиданнымъ появленіемъ врага, съ минуту колеблются, недоумѣваютъ. Одинъ изъ нихъ, огромнаго размѣра, грознаго вида, съ яростнымъ мычаніемъ опускаетъ голову и бросается на ближайшаго къ нему всадника съ такою стремительностью, что тотъ не успѣлъ во время увернуться, и быкъ однимъ ударомъ рога взмахнулъ на воздухъ и лошадь, и сѣдока, съ такою легкостью, словно охапку сѣна, потомъ прорвалъ линію загонщиковъ и пустился въ галопъ по направленію къ горамъ. Никто не отважился его преслѣдовать въ отступленіи. Остальные зубры бросились въ противоположную сторону, гдѣ равнина имъ казалась свободной, и какъ разъ наткнулись на охотниковъ. Три зубра

въ мгновеніе ока были пронизаны многочисленными стрѣлами и рухнули на землю; четыре, легко раненные, круто повернувъ, пустились во всё лопатки къ рѣчкѣ. Ассурбанипаль преслѣдуетъ самаго крупнаго изъ нихъ, котораго, какъ ему показалось, онъ безспорно ранилъ въ мякоть надъ лопаткой, мало-по-малу нагоняетъ его и, не убавляя хода, ловко направляетъ свою колесницу рядомъ съ нимъ; потомъ, положивъ лукъ, обнажаетъ одинъ изъ кинжаловъ, которые онъ носитъ на поясѣ, на-скаку схватываетъ одной рукой животное за рогъ, а другой—вонзаетъ кинжалъ въ шею: короткое, но широкое лезвее прорѣзываетъ спинной мозгъ въ мѣстѣ соединенія шеи съ плечомъ; зубръ рухнулъ всей своей тушей на землю, точно громомъ пораженный (рис. 139). Остальные бѣглецы однимъ дружнымъ залпомъ стрѣлъ были добыты раньше, чѣмъ они успѣли броситься въ воду. Такимъ образомъ, изъ всего стада спасся только одинъ старый самецъ, удравшій съ поля сраженія при самомъ началѣ нападенія на нихъ.

Возвращеніе къ мѣсту привала было настоящимъ триумфомъ. Лишь только часовые завидѣли возвращающійся поѣздъ, воины,

Рис. 140.—Царь приноситъ благодареніе богинѣ Иштаръ за счастливую охоту.

невольники, женщины, всё тѣ, которыхъ обязанности этикета или военный нарядъ не удерживаютъ на своихъ мѣстахъ, сбѣжались и построились въ два ряда, чтобы видѣть шествіе. Видъ семи зубровъ, изъ которыхъ cadaго несли пять-шесть человекъ, заставилъ почти забыть должное сдержанное почтеніе къ самому царю. Шумно, съ крикомъ восторгались они величиною зубровъ и могучествомъ ихъ роговъ, дикостью ихъ вида, которую придаетъ имъ косматая, роскошная грива. Всё восхваляютъ храбрость своего повелителя и громогласно возносятъ благодареніе богамъ, что они поспособствовали приобрѣтенію такой рѣдкой и такой страшной добычи. Прибывъ къ своему шатру, Ассурбанипаль сходитъ съ колесницы и готовится воздать благодареніе за свою побѣду богу Ассуру и богинѣ Иштаръ Арбельской (рис. 140). Два жреца, приложивъ пальцы къ струнамъ арфѣ, ждутъ только мо-

мента, чтобы воспѣть благодарственный гимнъ богамъ. Носильщики приносятъ зубровъ и кладутъ ихъ въ рядъ одного возлѣ другого. Царь, защищаемый опахалами и зонтикомъ отъ солнца, помѣщается направо, держа лукъ въ лѣвой рукѣ. Онъ принимаетъ чашу, наполненную виномъ для священнодѣйствія, которую ему подносятъ визирь, онъ только пригубливаетъ вино, потомъ часть его выливаетъ на головы жертвъ при звукахъ музыки. Въ тотъ же вечеръ одинъ изъ евнуховъ отправится въ Ниневію, чтобы начертать на камнѣ новый подвигъ повелителя. Тамъ будутъ изваяны отѣздъ, преслѣдованіе и смерть быковъ, торжественное возвращеніе, и надпись, вырѣзанная надъ послѣдней сценой, возвѣститъ будущимъ народамъ имя побѣдителя. „Я, Ассурбанипаль, царь воинствъ, царь страны Ассура, которому Ассуръ и Белтисъ даруютъ могущество, я убилъ семь зубровъ, я натянулъ противъ нихъ мощный лукъ Иштары, повелительницы битвъ, я принесъ надъ ними жертвы, и я возлилъ на нихъ вино“ *).

Собственно мясо и жиръ зубра довольно посредственнаго качества, въ особенности у стараго животнаго, и только отрѣзывается голова и снимается кожа, которыя тщательно выдѣлываются и потомъ сдаются въ сокровищницу. Этотъ родъ трофеевъ очень цѣнился еще прежними царями Ассиріи. Скоро будетъ шестьсотъ лѣтъ, какъ Тиглаэфаласаръ I похвалялся, что онъ привезъ ихъ доброе число изъ Сиріи вмѣстѣ съ слоновыми клыками и нильскимъ крокодиломъ, которыхъ онъ получилъ въ даръ отъ фараона. „Я бралъ даже молодыхъ зубровъ и разводилъ отъ нихъ стада“. Дѣлалъ это онъ съ цѣлью имѣть постоянный запасъ для своихъ охотъ, разумѣется, нисколько не думая о подчиненіи этихъ огромныхъ животныхъ подъ ярмо человѣка и прирученіи ихъ до состоянія домашняго быка. Другіе послѣ него, безъ сомнѣнія, пытались если не приручить вполне, то по крайней мѣрѣ хранить ихъ въ неволѣ въ паркахъ; но, кажется, ни одна изъ подобныхъ попытокъ не удалась: мы нигдѣ въ ассирійскихъ лѣтописяхъ не находимъ упоминанія, что были когда-то зубры, родившіеся или даже долгое время сохранившіеся въ состояніи неволи. Для множества современниковъ самое названіе животнаго лишено опредѣленнаго значенія. Въ сущности, они не знаютъ, означаетъ ли оно дѣйствительно существующее животное, или оно относится къ тѣмъ фантастическимъ чудовищамъ, которыя населяли землю первое время послѣ сотворенія міра. Скоро одни только барелье-

*) До сихъ поръ на памятникахъ Ассурбанипала не открыто ничего, касающагося его охоты на зубровъ; всѣ предыдущія подробности заимствованы изъ картинъ охоты Сеннахериба. Текстъ надписи взятъ съ барельефовъ, представляющихъ царя Ассурбанипала охотящимся на льва; я замѣнилъ льва зубромъ.

фы, изваянные на стѣнахъ дворцовъ, останутся, чтобы показать намъ этихъ животныхъ въ ихъ истинномъ видѣ *).

Прошло два дня въ безплодныхъ поискахъ; на третій день, когда царь началъ подумывать, ужъ не снятся ли ему со стана, одинъ крестьянинъ, дрожа еще отъ страха, прибѣжалъ оповѣстить, что сегодня утромъ у него утащили овцу два льва, со-всѣмъ около деревни, въ которой онъ живетъ.

Ассирійскій и халдейскій левъ меньше и не такъ свирѣпъ, какъ африканскій. Молодымъ онъ легко дѣлается ручнымъ и съ возрастомъ привязывается къ хозяину, который его кормитъ и хорошо съ нимъ обращается. У царей обыкновенно во дворцѣ всегда находится одинъ изъ такихъ прирученныхъ львовъ, который служитъ имъ для забавы. Однако, ничто не показываетъ, чтобы ихъ дрессировали для сопровожденія царей на войну, съ цѣлью спускаться на непріятеля, какъ это дѣлалось часто въ Египтѣ у фараоновъ **). Въ дикомъ состояніи онъ водится около болотъ, около рѣкъ или каналовъ. Днемъ залегаетъ въ кустарники и тамъ притаивается, покидая ихъ только въ крайнихъ случаяхъ; ночью онъ отпра-

Рис. 141.—Волкодавъ.

вляется отыскивать добычу и нападаетъ врасплохъ на газелей и дикихъ ословъ. И только не встрѣчая подобной дичи, онъ приближается къ человѣческимъ жилищамъ и высматриваетъ, нѣтъ ли чѣмъ поживиться: овца, волъ, лошадь, собака—все ему годится, но на человѣка онъ бросается рѣдко. На него охотятся обыкновенно съ большими сильными собаками, которыхъ поддерживаютъ, т. е. имъ помогаютъ, верховые охотники, отлично вооруженные; при этомъ необходимо, чтобы собаки и лошади были заранее приучены къ подобной охотѣ, иначе одинъ видъ и запахъ льва нагоняетъ

*) Ассирійское *риму*, еврейское *ремм* было дѣйствительно неправильно переведено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Библии, пока не были прочтаны клинообразныя письмена; чаще всего переводится это слово словомъ *единорогъ*.

**) См. стр. 148, гдѣ говорилось о прирученномъ лвѣ Рамзеса II и объ участіи, которое онъ принималъ въ битвѣ при Кодну.

на них паническій страхъ. Для охоты на льва употребляются волкодавы крупнаго роста, покрытые жесткой всклокоченной шерстью, на туловищѣ—чернаго цвѣта, а на ногахъ и головѣ—рыжаго. Хвостъ у нихъ загнутый, губы отвислыя, скулы широкия (рис. 141). Объ нихъ говорятъ: разъ они впѣются въ добычу, такъ скорѣе допустятъ растерзать себя въ куски, нежели выпустить ее.

Ассурбанипаль, счастливый такой неожиданной удачей, приказываетъ немедленно окружить болото, въ которомъ аввы-мародеры скрылись со своей добычею, и, прежде чѣмъ пуститься въ чашу, на мигъ останавливается, чтобы лучше осмотрѣть мѣстность. Она представляетъ топкую, низменную впадину. Сначала идутъ небольшія разбросанныя лужи стоячей воды, потомъ попросли въ видѣ острововъ, покрытыхъ настоящими лѣсами изъ гигантскаго тростника, поднимающагося футовъ на 12—15, а

Рис. 142.—Царь на скаку пускаетъ въ львицу стрѣлу.

внизу — всевозможными водяными растеніями и камышами. Двѣ, три тропинки, протоптанныя рыбаками, отваживающимися приходиться въ такое опасное мѣсто, извиваются въ различныхъ направленіяхъ въ чащѣ кустарниковъ. Какаѣ-то рѣчка, перерѣзывая эту мѣстность, дѣлится на дюжину рукавовъ, изъ которыхъ одни по величинѣ повидимому даже судоходны, и они на нѣкоторомъ разстояніи отсюда впадаютъ въ рѣку Забъ. Ассурбанипаль распорядился помѣстить барку съ войнами поперекъ самаго широкаго притока, съ цѣлью отрѣзать льву отступленіе, если бы онъ попытался съ этой стороны спастись вплавъ черезъ болота въ долину, лежащую за ними. Самъ онъ разставляетъ линію загонщиковъ, потомъ садится на лошадь съ колчаномъ за спиной, съ лукомъ въ рукѣ, и велитъ спустить собакъ, удерживаемыхъ до того времени на сворѣ псарями. Смѣлыя животныя безъ колебанія углубляются въ густую траву, слѣдомъ за ними пускаются царь и конюшіе, изъ которыхъ одинъ держитъ его оружіе, а другой ведетъ въ поводу его запасную лошадь.

Но вотъ два или три раза собачій гамъ и лай былъ заглушенъ короткимъ хриплымъ рычаніемъ, ревомъ гнѣвающагося ры-

жаго хищника. Выѣхавъ на опушку одной довольно широкой прогалины, царь увидаль на противоположной сторонѣ двухъ львовъ (рис. 142), удалявшихся медленнымъ шагомъ, за ними на почтительномъ разстояніи слѣдовало съ дюжину собакъ. Первая стрѣла, пущенная на

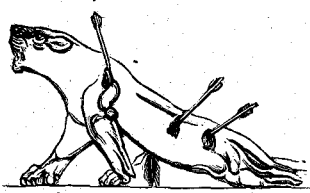

Рис. 143. Смерть львицы.

всемъ скаку, вонзилась между ребрами самки; въ тотъ мигъ, какъ она собиралась сдѣлать прыжокъ, другая стрѣла попала въ лопатку, а третья поранила позвоночный столбъ на уровнѣ почекъ. Львица падаетъ, потомъ поднимается на переднія лапы и, съ усиліемъ таща парализованную заднюю половину тѣла,

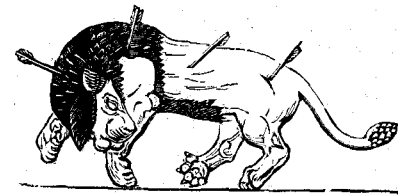

Рис. 144.—Раненый левъ.

ждетъ новаго удара, вытянувъ впередъ шею, съ угрожающей пастью (рис. 143); ударъ дротика, нанесенный мимоходомъ въ открытую пасть, прекращаетъ ея страданія. Сначала ея товарищъ какъ будто намѣревался защищать ее, но при видѣ такой быстрой расправы съ ней, у него уже не хватило на это храбрости, и мгновенно четыре стрѣлы поразили его и окончательно ошеломили (рис. 144). Однимъ прыжкомъ онъ бросается въ заросли и исчезаетъ, собаки отъ него не отстаютъ. Ассурбанипаль устремился за ними, но вдругъ почва подъ нимъ подалась, лошадь погрузилась до колѣнъ въ тину и едва выкарабкалась. Наскоро онъ повернулъ назадъ, передалъ ее конюшему и, схвативъ въ руки дротикъ, пытается пробраться пѣшкомъ до рѣки.

Лай собакъ, за минуту еще такъ громко раздававшійся, вдругъ умолкъ подъ зеленымъ сводомъ, и царь не зналъ, куда ему направится. Поминутно ноги его скользятъ, онъ спотыкается о корни, тапутьвается въ молодой поросли и въ трущобѣ валявшихся по землѣ сухихъ стволовъ. Камыши его тѣснятъ со всѣхъ сторонъ и мѣшаютъ видѣть что бы то ни было: кто знаетъ, левъ, можетъ быть, тутъ гдѣ-нибудь и, не подозрѣвая ничего, можно наткнуться прямо на него. И дѣйствительно, вдругъ передъ царемъ сквозъ чащу зелени, тѣсно окружающей его со всѣхъ сторонъ, показывается прогалинка и неожиданно открываетъ передъ нимъ картину: левъ, стоя на обрывистомъ берегу, въ какихъ-нибудь двадцати шагахъ отъ него, выдѣляется во всемъ своемъ могуществѣ на зеркальной поверхности воды какъ бы погруженный въ созерцаніе барки, преграждающей ему путь. Очевидно, въ своемъ львиномъ умѣ онъ спрашиваетъ себя, что лучше: дать

сраженіе на водѣ, чтобы пробить себѣ дорогу, или опять бѣжать и погрузиться въ глубину болотъ. Появленіе царя рѣшаетъ дѣло, и ему приходится теперь выбирать лишь между двумя врагами. Бѣшенство, испытываемое имъ, что его такъ неотступно преслѣдуютъ, выводитъ его изъ себя. Онъ бьетъ хвостомъ себя по бокамъ, наморщиваетъ лобъ, потрясаетъ гривой и, съ оскаленными клыками и открытой пастью, поднимается на заднія лапы, чтобы однимъ ударомъ когтей покончить съ врагомъ. Ассурбанипаль, ждавшій только этого момента, хватается его за ухо лѣвой рукой, а правой—всаживаетъ копьё въ самую средину груди (рис. 145). Оружіе, вонзенное съ такой силой, пронизываетъ сердце, проходитъ сквозь все тѣло и выходитъ на полъ-острія черезъ плечо.

Рис. 145.—Царь ударомъ копья убиваетъ льва.

Это былъ старый левъ бурога цвѣта, не совсѣмъ обычныхъ размѣровъ, около шести футовъ длины отъ морды до корня хвоста; перетащить его черезъ болота было бы не легко; къ счастью,

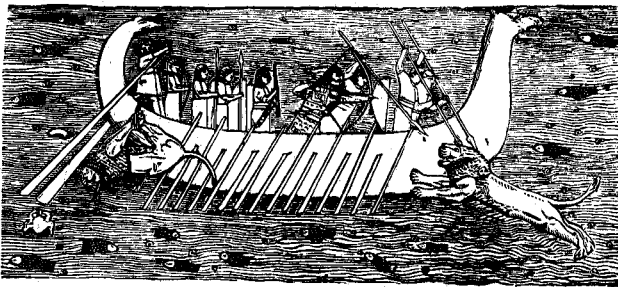

Рис. 146.—Левъ бросается на царскую барку.

барка была тутъ по близости; дотасили до нея и подвѣсили его къ корму за лапы, голова свѣсилась внизъ, а хвостъ волочился по водѣ. Затѣмъ и самъ царь вошелъ въ барку и велѣлъ плыть въ Забъ, чтобы вернуться въ лагерь. Каналь, мѣстами настолько широкъ, что образуетъ обширныя озера, а мѣстами суживается. При выходѣ изъ одного изъ такихъ проливовъ, вдругъ раздался лай, и огромный раненный левъ выскочилъ изъ чащи тростника, однимъ прыжкомъ перескочилъ десяти-футовое разстояніе, отдѣлявшее его отъ барки, и вцѣпился когтями въ обшивку барки (рис. 146). Но царь еще

на лету его привѣтствовали стрѣлой, вонзившейся прямо въ животъ, а экипажъ началъ колоть его пиками, и вмигъ онъ былъ добитъ, втащенъ въ лодку и подвѣшенъ съ другой стороны кормы противовѣсомъ первому льву. Надъ тремя трупами, принесенными въ станъ (рис. 147), былъ совершенъ тотъ же религиозный обрядъ

Рис. 147.—Льва несутъ въ станъ.

передъ богиней Иштарой, какъ и надъ дикими быками; ваятелямъ было приказано представить рукопашную борьбу государя съ его кровожаднымъ непріателемъ. „Я, Ассурбанипаль, царь народовъ, царь земли Ассура, одинъ и пѣшій, въ моемъ царскомъ величествѣ, схватилъ за ухо мощнаго льва пустыни, и милостію Ассура и Иштары, богини битвъ, я пронзилъ его копьемъ въ грудь своими собственными руками“.

Охота не всегда бываетъ такою удачною; часто въ эти послѣдніе годы царь, съ торжественностью отправляясь изъ Ниневіи на охоту, возвращался назадъ съ пустыми руками послѣ двухъ-трехъ недѣль бесполезныхъ развѣздовъ, если не считать за серьезную добычу нѣскольکو газелей и дикихъ козь, которыя ему попадались. Теперь не тѣ уже времена, когда Тиглаѳаласаръ могъ на старости похваляться тѣмъ, что онъ лично одинъ убилъ сто двадцать взрослыхъ львовъ, пѣшій, конный или на колесницѣ. Во всей Месопотаміи, можетъ быть, теперь не найдется такого количества, и приходится прибѣгать къ различнымъ средствамъ, чтобы имѣть ихъ достаточно на случай царскихъ охотъ. Стараются ихъ приобрести изъ благодатныхъ странъ, въ которыхъ они находятся въ такомъ количествѣ, каковаго, можетъ быть, не желали бы имѣть цари этихъ странъ, напр. изъ Халдеи, Аравіи, Элама и даже изъ Африки. Поставщики изобрѣли очень простой способъ ловить львовъ живыми. Вотъ одинъ изъ нихъ самый простой: вырывается широкая и глубокая яма, края которой обносятся каменной стѣнкой средней высоты, какъ бы дѣло шло объ изгороди обыкновеннаго загона для домашняго скота; потомъ въ срединѣ устанавливаютъ толстый столбъ, верхушка котораго немного выше отвѣрстія, и на него привязываютъ живого ягненка. Левъ, привлеченный жалостнымъ блеяніемъ несчастнаго ягненка, окидываетъ взглядомъ стѣнку, легко перескакиваетъ ее и, къ своему крайнему изумленію, падаетъ на дно ямы. Засѣвшіе неподалеку охотники тотчасъ прибѣгаютъ, даютъ ему утомиться въ бесполезныхъ усиліяхъ освободиться изъ ямы, выдержавши его тамъ до-

вольное время голоднымъ, наконецъ, спускають туда на канатахъ отворенную клѣтку, куда кладется часть жареной говядины. Лишь только онъ въ нее войдетъ за пищей, закрываютъ ее и вытаскиваютъ плѣнника наверхъ, а онъ пылаетъ яростью и стыдомъ отъ такого неприятнаго приключенія. Затѣмъ львовъ доставляютъ въ Ассирію кратчайшимъ путемъ. Тамъ ихъ пускають въ обширные огороженные парки, въ которыхъ они пользуются сравнительной свободой, и для ихъ потребностей находятся цѣлыя стада козъ. Время отъ времени царь отправляется въ эти огороженные поля развлечься охотой уже на ихъ счетъ. Часто бываетъ и такъ, что льва вывозятъ въ клѣтку въ открытое поле, окружають его непрерывной цѣпью воиновъ, образуя въ нѣкоторомъ родѣ временной паркъ, гдѣ стѣна, вмѣсто каменной, состоитъ изъ людей. Когда такая облава изъ людей устроена, сторожъ поднимаетъ трапъ и прячется въ рѣшетчатую будку, по-

строенную нарочно для этого на самой крышѣ клѣтки (рис. 148). Левъ разомъ выбрасывается всѣмъ туловищемъ, потягивается, осматривается вокругъ себя, и, увидавъ своего врага, соображаетъ, въ чемъ дѣло. Такое подобіе охоты устраивается по всѣмъ правиламъ настоящей охоты, съ тѣмъ же оружіемъ и тѣми же приемами нападенія: въ дѣло пускаются стрѣлы, копыя, люди дѣйствуютъ или пѣшіе, или на коняхъ

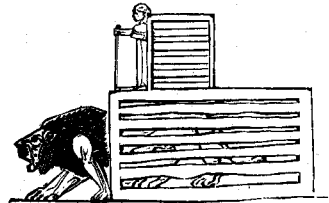

Рис. 146.—Левъ выходящій изъ клѣтки.

и колесницахъ, съ тою только разницей, что левъ здѣсь не имѣетъ права спастись бѣгствомъ съ поля сраженія: каждый разъ, какъ онъ пытается прорваться чрезъ неприятельскую цѣпь воиновъ, тѣ его отгоняють, и онъ долженъ вернуться и выдерживать нападенія государя. Такимъ образомъ, что случилось съ зубрами, повторится и со львами, т. е. придетъ время, когда только надиси и изваянія будутъ свидѣтельствовать о беззавѣтной храбрости, съ которою ассирійскіе цари загнали льва до самыхъ сокровенныхъ его убѣжищъ.

Но вѣрно уже въ книгѣ судебъ было написано, что охота, такъ блистательно начатая Ассурбанипаломъ, не будетъ доведена до конца. Именно, въ то самое время, когда царь приносилъ львовъ въ жертву Иштарѣ, великій визирь, оставшійся для исполненія текущихъ дѣлъ въ Дуръ-Шарукинѣ, проситъ его денешей соблаговолить безотлагательно возвратиться домой. Эламитскій посолъ прибылъ на границу царства отъ Тіуммана. Хотя его требованіе аудіенціи, правда, выраженное въ самыхъ приличныхъ выраженіяхъ, и не упоминаетъ ничѣмъ о предметѣ его посольства,

но никто не сомнѣвается, что ему вѣльно требовать выдачи эламитскихъ князей, и люди, его сопровождающіе, даже этого не скрываютъ. „Тіумману извѣстно,—говорятъ они,—какую дружбу Ассурбанипаль питаетъ къ племянникамъ Уртаку, и онъ былъ бы глубоко огорченъ ее нарушить. Онъ не требуетъ, чтобы ему выдали ихъ цѣликомъ: могли бы сохранить ихъ тѣла при ассирійскомъ дворѣ, а онъ удовлетворился бы только ихъ головами; когда ему ихъ пошлютъ, тогда онъ ничего не будетъ имѣть противъ Ассиріи“. Отказъ въ аудіенціи поведетъ немедленно къ войнѣ, и великій визирь не рѣшается взять на себя такую тяжелую отвѣтственность. Ассурбанипала это извѣстіе озадачило менѣе, чѣмъ можно было предполагать: счастливая удача на охотѣ его одушевляетъ, и война съ Эламомъ пугаетъ его не больше, чѣмъ война со львомъ. Онъ возвращается въ Дурь-Шарукинъ въ томъ же порядкѣ и съ тою же пышностью, съ которыми шелъ на охоту. Сузійскіе князья, зная, что рѣшается ихъ судьба, съ безпкойствомъ наблюдаютъ выраженіе лица царя и съ радостью замѣчаютъ, что на немъ не проявляется ни малѣйшей внутренней тревоги. Воины, которые всегда видятъ въ войнѣ новый поводъ быстро нажиться посредствомъ грабежа, радуются при мысли о войнѣ, въ исходѣ которой они не сомнѣваются, и добрый народъ Дурь-Шарукина, который привѣтствовалъ царя при отъѣздѣ, еще громче привѣтствуетъ его при вѣздѣ при видѣ зубровъ и львовъ, несомыхъ передъ царемъ.

ГЛАВА XV.

Царская аудіенція и приготовленія къ войнѣ.

Ассирійскій дворъ; его роскошь, и чѣмъ она отличается отъ египетской роскоши.—Царское одѣяніе —Вышиванье: оно служитъ средствомъ распространенія за предѣлами страны формъ ассирійскаго искусства.—Драгоценности.—Царскіе министры и ихъ обязанности: *Туртану* и *Лимму*.—Эламитское посольство: различные народы Элама.—Объявленіе войны.—Ассирійское войско: его приемы вести войну.—Опасность коалиціи и средства ея предупрежденія.—Приказы, разосланные правителямъ областей и военнымъ начальникамъ.

Назначенный для аудіенціи день пришелъ. Ассурбанипаль хотѣлъ, чтобы послы Элама были приняты со всевозможнымъ вниманіемъ: весь дворъ былъ въ сборѣ, чтобы присутствовать при ихъ приѣмѣ. Ассирійское царство едва ли не самое пышное изъ всѣхъ царствъ своего времени. Его побѣды и завоеванія, не прекращавшіяся вотъ уже цѣлое столѣтіе, обогатили его военной добычей, собранной съ двадцати народовъ. Саргонъ присоединилъ остатки хиттитовъ; Сеннахерибъ покорилъ Халдею, и сокровища Вавилона поглощены были въ его сундукахъ. Есаргадонъ и самъ Ассурбанипаль ограбили Египетъ и его большіе города: Саисъ, Мемфисъ и стовратныя Оивы. Сами иноземные боги: Халдія Армянскій, Мелькартъ Тирскій, Камошъ Моавитскій, Ягова Израильскій, Фта, Амонъ и ихъ стада боготворимыхъ животныхъ униженно смирились передъ Ассуромъ, и священные сосуды ихъ храмовъ сложены безпорядочными кучами въ палатахъ ниневійскаго дворца. Торговля слѣдовала по пути, который проложили арміи. Нынѣ иностранные торговцы стекаются въ Ниневію и ввозятъ самыя дорогіе товары со всѣхъ концовъ свѣта: золото и драгоценныя вещества изъ южной Аравіи, слоновую кость изъ Африки и съ береговъ Халдейскаго моря, египетскія ткани и стеклянныя и узорчатыя эмалевыя произведенія, серебряныя и золотыя вещи, олово, серебро, финикійскій пурпуръ, неподдающееся червоточивъ дерево ливанскаго кедра, пушныя товары и желѣзо изъ Малой Азіи и Арменіи: самый незначительный изъ вельможъ, состоящій при особѣ

царя, собираетъ въ своемъ дворцѣ и носить на себѣ естественныя и обработанныя произведенія всего свѣта.

Въ былыя времена такое же положеніе вещей наблюдалось на берегахъ Нила; но египтяне, вслѣдствіе своей болѣе утонченной образованности, не выставляли напоказъ своихъ богатствъ съ такимъ тщеславіемъ. Фараоны и вельможи ихъ цѣнили, да цѣнятъ еще и теперь, изящество и совершенство болѣе, чѣмъ богатство украшеній и домашней утвари. Они одѣваются легко и притомъ въ простыя одежды изъ бѣлой ткани, столь легкія и тонкія, что формы и цвѣтъ тѣла просвѣчиваютъ сквозь нихъ; своимъ прикосновеніемъ онѣ какъ бы ласкаютъ члены тѣла. Ассирійцы, напротивъ, любятъ ткани тяжелыя, жесткія, косматыя и бахромчатыя, уснащенные грубыми рисунками и разноцвѣтными вышивками. Ихъ длинныя одежды окутываютъ ихъ отъ шеи до лодыжекъ, неуклюже драпирюя и обертывая бюстъ и бедра почти совсѣмъ безъ складокъ. даже женщины, повидимому, предпочитаютъ такой покрой платья, который окутывалъ и скрывалъ бы насколько возможно полнѣе очертаніе ихъ тѣла; это настоящіе футляры, въ которые онѣ замыкаются, и которые, придавая имъ видъ какой-то напускной степенности, совсѣмъ не въ ихъ пользу отличаютъ ихъ отъ граціозной гибкости и свободныхъ движеній египтянокъ.

Ассурбанипаль тщательно набѣленъ и нарумяненъ. Волосы и борода, надушенные, расчесанные, завиты поперечными рядами колець и падаютъ густыми прядями на плечи и на грудь. Сообразно обстоятельству, онъ одѣтъ въ парадный костюмъ, самый пышный. На головѣ у него высокая митра въ формѣ усѣченного конуса, которая плотно прилегаетъ къ очертаніямъ лба и висковъ: она изъ бѣлой шерсти съ синими полосками. Широкая лента, усѣянная розетками изъ золотыхъ нитокъ, поддерживаетъ ее на лбу, и оба ея конца, завязанные узломъ назади, падаютъ на затылокъ. Верхнее платье съ короткими рукавами, темно-синяго цвѣта, расшито красными розетками; въ талии оно стянуто широкимъ поясомъ съ тремя правильно сложенными складками, поясъ обшитъ по нижнему краю бахромой, каждая кисть которой оканчивается четырьмя нитками стеклянныхъ бусъ. Камзолъ безъ рукавовъ, надѣтый поверхъ туники, доходитъ только до поясицы; онъ такъ расшитъ узорами, что почти не видать самой матеріи. По краямъ идутъ широкой каймой цвѣты и пальмовыя листья, а все пространство, ими окаймленное, расшито изображеніями религіозныхъ сценъ. Въ одномъ мѣстѣ царь поклоняется священному дереву, въ другомъ—борется противъ льва и противъ двухъ крылатыхъ сфинксовъ, въ третьемъ—приноситъ различнымъ богамъ лукъ и стрѣлу (рис. 149). Весь рисунокъ очень тонокъ и отчетливъ, и, если въ общемъ онъ слишкомъ загроможденъ фигурами, во всякомъ случаѣ детали представляютъ разнообразіе

украшений, до такой степени хорошо исполненное, что оно могло бы удивить тѣхъ, кто не зналъ, какія искусныя рукодѣльницы ассирійскія женщины. Это вѣдь онѣ изготовляютъ или, лучше, рисуютъ иглой эти хрупкія тонкія картины. Ихъ слава распространилась за предѣлы страны, и не только издавна образованныя націи, какъ, наприм., Сирія или Египеть, но даже и полуварварскіе народы Элады и отдаленной Этруріи очень цѣнятъ ихъ работы.

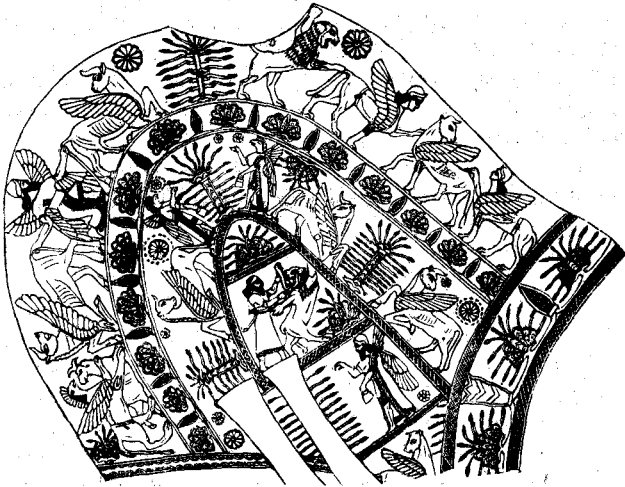

Рис. 149. Лоскутъ ассирійскаго вышиванія, снятый съ барельефа, опубликованнаго Лейардомъ.

И дѣйствительно, расшитыя ткани Ниневіи и Вавилона составляютъ товаръ, который финикіяне вывозятъ съ большими барышами, и который прославилъ Ассирію и Халдею даже въ тѣхъ странахъ, куда слава ихъ оружія никогда не проникала. Изображенія боговъ и животныхъ, существующихъ или фантастическихъ, которыя на нихъ красуются, воспроизводились мастерами этихъ различныхъ странъ на ихъ собственныхъ тканяхъ, глиняной посудѣ, издѣліяхъ изъ драгоценныхъ металловъ, всякой домашней утвари изъ камня и металла. Но, такъ какъ они не знали истиннаго значенія фигуръ, то они раздѣляли ихъ или произвольно сочетали съ единственною цѣлью составить стройныя гармоническія украшенія. Они даже ввели въ нихъ типы украшеній, заимствованные у другихъ народовъ, особенно у египтянъ, и смѣсь этихъ несогласимыхъ элементовъ возбуждаетъ весе-

дость или негодование у образованныхъ ассирійцевъ, когда одно изъ такихъ уродливыхъ произведеній случайно попадетъ въ ихъ руки. Утверждаютъ даже, что нѣкоторые изъ этихъ варваровъ будто бы признаютъ портреты своихъ боговъ и героевъ въ изображеніяхъ ниневійскихъ боговъ и царей. Такимъ образомъ, эллины присвоили великолѣпную группу, представляющую великана Издубара (Гилла-меша), обхватившаго одной рукой льва и уносящаго его. Они въ немъ признали Геркулеса, Зевесова сына, который когда-то такимъ же образомъ задушилъ огромнаго льва, и ликъ древняго халдейскаго героя сдѣлался портретомъ ихъ національнаго героя. Въ этомъ выражается одно изъ въ высшей степени любопытныхъ и непредвидѣнныхъ вліяній торговли одной націи съ другой: матеріальная форма отдѣлилась отъ идеи, которая ее вдохновила, и переселилась на другой край свѣта, чтобы облечь другую, отличную отъ первой, идею и доставить тѣло, недостающее ей.

Произведенія изъ драгоценныхъ металловъ соотвѣтствовали одеждѣ. Ассирійцы, мужчины, сохранили обычай носить въ ушахъ серьги, который египтяне бросили уже нѣсколько вѣковъ. Серьги, которыя носить сегодня царь, очень просты и стариннаго образца, служившаго еще во времена Саргона; онѣ состоятъ изъ простого золотого колечка, украшеннаго по бокамъ тремя шариками и снабженнаго подвѣскою въ формѣ веретена съ вѣнчиками. Браслеты уже болѣе изысканной формы. Обыкновенно ихъ надѣваютъ по два на каждую руку. Первый надѣвается выше локтя и состоитъ изъ золотого спиральнаго кольца, каждый конецъ котораго оканчивается львиной головой. Браслетъ, надѣвающийся на запястье, состоитъ тоже изъ золотого кольца, замыкающагося десятилепестковой розеткой. Всѣ эти украшения въ цѣломъ довольно таки тяжелы. Во всемъ чувствуется, что заказчикъ сознаетъ силу своего богатства и требуетъ отъ мастера, чтобы онъ употребилъ какъ можно больше золота. Но работа, разсматриваемая вблизи, обнаруживаетъ большое искусство. Головки льва очень выразительны, части розетки расположены съ отмѣннымъ вкусомъ, способъ сочетанія различныхъ узоровъ весьма остроуменъ. Ассирійскіе серебряники, безъ сомнѣнія, дѣлали бы не хуже египетскихъ серебряниковъ, если бы имъ не надо было работать на заказчиковъ, которые цѣнятъ драгоценности только по ихъ величинѣ и вѣсу.

Ожерелье не имѣетъ той важности въ ассирійскомъ костюмѣ, какъ въ египетскомъ: оно состоитъ изъ золотого прута, къ которому привѣшиваются божескія эмблемы: полумѣсяцъ Сина, дискъ съ четырьмя лучами, представляющій Шамаша-солнце, молнію съ тремя остріями громовержца Адара (рис. 150). Это скорѣе амулетъ, нежели украшеніе, и необходимость свято соблюдать непреложность типовъ символовъ сохранила въ немъ почти безъ измѣненія его античную форму: каковымъ его видятъ на

изваяніяхъ на шеѣ прежнихъ царей, таковъ онъ и нынѣ на шеѣ Ассурбанипала. Красота меча нѣсколько выкупааетъ простоту ожерелья. Его носятъ почти горизонтально, на уровнѣ локтя, такъ что лѣвая рука почти постоянно лежитъ на головкѣ рукоятки, когда ею не дѣйствуютъ. Рукоять, довольно короткая, сдѣлана изъ точеной слоновой кости; четыре львиныя головки изъ золота прикрѣплены на мѣстѣ ея соединенія съ лезвиемъ (рис. 151). Ножны—изъ дерева, инкрустированного золотомъ, на концѣ онѣ украшены двумя золотыми львами, стоящими на заднихъ лапахъ и имѣющими видъ, какъ будто они играютъ другъ съ другомъ. Такая расточительность золота, однако, не производитъ впечатлѣнія безвкусицы, какъ это можно было бы подумать. Желтый цвѣтъ металла, нѣсколько блѣдный самъ по себѣ, смягчаетъ для глазъ слишкомъ рѣзкіе цвѣта: ярко-красный, голубой и бѣлый ассирійскихъ тканей. Царь, облеченный въ та-

Рис. 150.—Царское ожерелье.

Рис. 151.—Ассирійскій мечъ.

Рис. 152.—Царскій парадный костюмъ.

кое пышное одѣяніе (рис. 152), кажется именно тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ казаться: изображеніемъ боговъ на землѣ. Чужеземцы и сами его подданные, когда они допускаются въ первый разъ со-

зерцать его въ полномъ блескѣ его великолѣпія, могутъ себѣ легко представить, что такое былъ бы Ассуръ, если бы онъ удостоилъ снизойти къ намъ и предстать передъ нами живымъ. Одѣвшись въ своихъ покояхъ, царь проходитъ дворъ, подъ защитою зонтика, который одинъ изъ слугъ держитъ надъ его головой, и садится въ глубинѣ залы аудіенціи на тронъ, украшенный рѣзбою; два евнуха, стоящіе по сторонамъ, безпрестанно вѣютъ надъ нимъ опахалами (рис. 153). Его министры и оруженосцы стоя выстраиваются съ обѣихъ сторонъ трона, вмѣстѣ съ принцами царской крови. Самый высшій изъ нихъ, первый въ государствѣ послѣ царя, *туртану*, — главнокомандующій царскихъ войскъ. Обязанности, возложенныя на него, во все время имѣли особенную важность въ военной монархіи, каковой была и есть Ассирія; со времени завоеваній послѣднихъ лѣтъ онъ стали такими трудными, что Ассурбанипаль долженъ былъ ихъ раздѣлить. Онъ учредилъ второго туртану, съ тою же властью, какъ и первый, но распространяющей только на половину царства. Тогда какъ этотъ послѣдній, туртану слѣва, проявляетъ свою власть въ Коммагенѣ и въ сѣверо-западныхъ областяхъ, прежній туртану, туртану справа, находится при царѣ и начальствуетъ югомъ и востокомъ. Ему въ помощь даны четыре визиря съ меньшими правами: палатный мэръ, который управляетъ царскимъ дворомъ, начальникъ евнуховъ, надзирающій за женскою половиною, *туккулу*, т. е. начальникъ жрецовъ и, наконецъ, управляющій финансами

Рис. 153.—Царь на тронѣ.

и гражданскимъ управленіемъ и состоящими при этихъ учрежденіяхъ чиновниками. Ассириане искони имѣютъ обычай обозначать каждый текущій годъ именемъ какого-нибудь знатнаго лица, которое, предполагается, имѣло вліяніе на его событія, и которое они называютъ *лимму*: напр., они говорятъ, что такой-то городъ былъ разрушенъ, или такой-то народъ покоренъ, когда Шамси-илу, Адаръ-маликъ, или Атаръ-илу, былъ *лимму*. Царствующій государь всегда *лимму* въ продолженіе года, который слѣдуетъ за восшествіемъ его на престолъ; за нимъ высшіе сановники двора получаютъ этотъ титулъ въ порядкѣ первенства занимаемаго ими положенія, — первымъ назначается туртану, потомъ палатный мэръ, начальникъ евнуховъ, и т. д. до тѣхъ поръ, пока весь списокъ сановниковъ не исчерпается, и тогда начинается счетъ годовъ

снова именемъ царя во второй разъ и его министрами въ іерархическомъ порядкѣ.

Толпа царедворцевъ и чины низшаго разряда располагаются въ нѣсколько рядовъ вдоль стѣны пріемной залы. Ихъ одежда очень похожа на царскую. Такая же туника, окаймленная бахромой и стянутая въ талии, такой же короткій мечъ, тѣ же браслеты и серьги изъ золота, только въ головномъ уборѣ разнида. Занимающіе низшее положеніе при дворѣ ничего не носятъ на головѣ, а повыше—повязываютъ лобъ лентой, связанной узломъ на затылкѣ; ленты визирей шире и устьяны золотыми розетками. Всѣ имѣютъ высокочёрный видъ, гордую осанку, рѣзкія черты лица и величавую поступь. Они большею частью среднего роста, коренастые и сильные; ихъ обнаженные руки свидѣтельствуютъ своими сильно развитыми мышцами о необыкновенной силѣ, и по нимъ и по тому, что можно угадать подъ одеждой относительно ихъ сложения, можно судить о внушительной крѣпости ихъ тѣла. Они представляютъ воинственное племя, созданное для борьбы, подготовленное и поддерживаемое постоянными трудностями и опасностями войны и охоты. Глядя на нихъ, легко понимаешь, что, несмотря на малочисленность населенія и незначительное протяженіе территоріи, которую они занимаютъ, они смогли подчинить себѣ всѣ азіатскіе народы и разбивать фараоновы войска.

Во главѣ эламитаго посольства стояли двѣ особы высшаго ранга сузскаго двора, Умбадара и Набудамикъ. Обычай и гражданственность жителей Сузы подобны ассирійскимъ и халдейскимъ, но съ какимъ-то отгѣнкомъ еще большей устарѣлости и большей дикости. Одежда обоихъ посланниковъ удивительно похожа на одежду Ассурбанипаловыхъ царедворцевъ. Какъ на послѣднихъ, на нихъ надѣты такія же длинныя туники яркаго цвѣта, окаймленныя бахромами, браслеты на рукахъ; они вооружены мечомъ. Голова Умбадары украшена только повязкой вокругъ лба, тогда какъ на Набудамикѣ надѣтъ колпакъ съ широкой округленной тульей, плотно охватывающей виски при помощи ленты (рис. 154). Сопровождающая ихъ свита и по одеждѣ, и по выраженію лица отличается большимъ разнообразіемъ.

Одни изъ нихъ одѣты, какъ ихъ начальники, только проще и представляютъ типъ почти одинаковый съ типомъ ассирійцевъ: крупный носъ съ горбинкой, большіе глаза, продолговатое лицо, средній ростъ. Другіе съ курчавыми шерстеобразными волосами,

Рис. 154.—Савонный эламитъ.

приплюснутымъ носомъ, выпячивающимся ртомъ, съ толстыми, вывернутыми наружу губами, короткой курчавой бородой: ихъ легко можно было бы принять за негровъ, если бы не ихъ бѣлая кожа. Они по происхожденію изъ областей, примыкающихъ къ морю. Наконецъ между ними есть и такіе, которые отличаются отъ двухъ предыдущихъ типовъ высокимъ, стройнымъ ростомъ, правильнымъ прямымъ носомъ, голубыми глазами и, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, русыми волосами. Эти послѣдніе принадлежатъ къ независимымъ племенамъ, обитающимъ въ горахъ, расположенныхъ за Сузою: они родственны тѣмъ персамъ и мидянамъ, которые называютъ себя арійцами, *храбрыми*, и которые пытались въ послѣднее время соединить свои разбѣянные племена въ одну націю, повинующуюся одному царю. Великая опасность для ассиріянъ, если они сплотятся въ одно царство: они смѣлы, предприимчивы и, главное, многочисленны. Кто сумѣетъ заставить ихъ забыть внутреннія усобицы, сплотить ихъ вокругъ себя, держать ихъ въ рукахъ, тому никто не можетъ долго противостоятъ и сопротивляться: народы, хотя бы они и превосходили ихъ своей тактикой, вооруженіемъ и вѣрой въ самихъ себя, были бы раздавлены огромнымъ перевѣсомъ въ числѣ ихъ воиновъ.

Роскошь посольской пестрой свиты менѣе пышна, нежели роскошь приближенныхъ ассирійскаго монарха. Цвѣта такъ же ярки, но вышивки менѣе тонки, позолота и драгоценныя украшенія менѣе богаты, и это не потому, что эламиты менѣе любятъ золото, а потому, что у нихъ его меньше. Сознаніе своей относительной бѣдности ихъ унижаетъ и въ то же время раздражаетъ; вѣковая вражда, которую ихъ племя питаетъ къ ассирійскому племени, еще болѣе усиливаетъ ихъ природную заносчивость, а вниманіе, которое имъ расточали, какъ только они вступили въ Ассирію, только поощряетъ ихъ самомнѣніе, и они воображаютъ, что ихъ боятся въ совѣтѣ могущественной Ниневіи. Они дошли до того, что въ душѣ желали, чтобы ихъ миссія не удалась, и тогда война дала бы отличный случай овладѣть всѣми этими сокровищами, выставленными съ такимъ блескомъ, какъ бы напоказъ, чтобы дразнить ихъ.

Умбадара и Набудамикъ, введенные евнухомъ, медленно проходятъ, опустивъ глаза, скрестивши руки на груди, между двухъ рядовъ царедворцевъ. Приблизившись къ трону, они падаютъ ницъ, цѣлуютъ полъ передъ царскими ногами, потомъ, по данному знаку, поднимаются и стоятъ неподвижно. Обыкновенно посланцы иноземныхъ государей остаются на колѣняхъ все время, пока продолжается аудіенція. Ассурбанипаль, желая пощадить гордость сюзанъ, освобождаетъ ихъ отъ этой части церемоніала и позволяетъ имъ говорить съ собой почти ли-

цомъ къ лицу. Никогда не предстають передъ государемъ съ пустыми руками; даже въ настоящемъ случаѣ Тіумманъ не нарушилъ этого обычая международной вѣжливости. Послѣ первыхъ взаимныхъ обычныхъ привѣтствій Умбадара и Набудамикъ представили подарки, которые имъ приказано было преподнести: золотыя и серебряныя чаши, драгоценныя камни, богатая ткань. Затѣмъ они приступаютъ къ изложенію предмета, приведшаго ихъ, и сообщаютъ Ассурбанипалу предложенія своего повелителя. Миръ между Эламомъ и Ассиріей существуетъ; не должно ли стремиться къ его поддержанію всеми посильными средствами? Тіумманъ готовъ сдѣлать все, чтобы только угодить своему брату Ассурбанипалу. А между тѣмъ, этотъ послѣдній приблизилъ къ своей особѣ и оказываетъ особенный почетъ нѣкоторымъ эламитскимъ подданнымъ, сыновьямъ предшествовавшихъ царей, которые, принявъ участіе въ заговорѣ противъ законнаго государя, скрылись, чтобы избѣжать заслуженнаго наказанія, которое имъ угрожало. Если Ассурбанипалъ согласится ихъ изгнать или передать ихъ посланцамъ, у него не будетъ болѣе вѣрнаго союзника, чѣмъ эламитскій царь. Въ противномъ случаѣ—война.

Заключеніе рѣчи было предвидѣно, предвидѣнъ также и отвѣтъ Ассурбанипала: онъ рѣшился не измѣнять царевичамъ, которые довѣрились его великодушію. Не безъ колебаній онъ и его совѣтники приняли это рѣшеніе. Имъ небезызвѣстно, что въ военномъ отношеніи Эламъ государство могущественное, сильнѣе Арменіи, сильнѣе Халдеи, сильнѣе Египта, и что цари его побѣдноно отражали нападенія самыя сильныя. Ассирійцы утверждаютъ въ своихъ официальныхъ лѣтописяхъ, что Саргонъ разбилъ Умманигаша, который царствовалъ въ его время въ Сузѣ, и предписалъ ему миръ; но эламитскія и халдейскія лѣтописи рассказываютъ дѣло иначе: въ сущности, Саргонъ былъ побѣжденъ, Ассирія подверглась нашествію и предана опустошенію безнаказанно. Сеннахерибъ похваляется тѣмъ, что уничтожилъ при Халули силы Минану. Съ своей стороны, Минану утверждаетъ, что онъ истребилъ почти все ассирійское войско въ этомъ самомъ сраженіи, и, если хладнокровно смотрѣть на вещи, нельзя не признать, что онъ правъ. Сеннахерибъ послѣ этой мнимой побѣды вынужденъ былъ вернуться домой и болѣе ничего не предпринималъ противъ Элама въ продолженіе многихъ лѣтъ: странная побѣда, послѣдствія которой какъ будто смахиваютъ скорѣе на пораженіе!

Слѣдовательно, война съ Эламомъ—предпріятіе опасное; ассирійцы могутъ въ ней, по меньшей мѣрѣ, столько же проиграть, сколько и выиграть. И однако же они рѣшаются на войну. Ассурбанипалъ заявляетъ, что онъ не можетъ принять предложеній Тіуммана; онъ знаетъ храбрость своихъ воиновъ, искусство вое-

начальниковъ, и, съ помощью Ассурра и Иштары, особенно Иштары, богини битвъ, надѣется одержать верхъ. Умбадара и Набудамикъ, осмѣлившіеся ему предъявить вызовъ его врага, не возвратятся въ Сузу; они останутся въ Ниневіи плѣнниками со своею свитою до тѣхъ поръ, пока боги не разсудятъ между ихъ царемъ и ассирійскимъ царемъ. По приказу туртану, ихъ схватываютъ, при чемъ они не оказываютъ ни малѣйшаго сопротивленія; затѣмъ ихъ отводятъ; только секретаря и двухъ-трехъ человѣкъ изъ прислуги оставляютъ на волѣ и отсылаютъ къ границѣ. Они должны извѣстить Тіуммана о результатѣ посольства и вручить ему письмо, въ которомъ Ассурбанипаль ему совѣтуетъ отказаться отъ своихъ дурныхъ намѣреній, подъ опасеніемъ навлечь на себя гнѣвъ боговъ.

Когда война дѣйствительно была рѣшена и объявлена, Ассурбанипаль поспѣшилъ принять необходимыя мѣры, чтобы мощно наступить на непріятели. Туртану справа, Белнагидъ, какъ только вышелъ изъ аудіенціи, принялся разсылать приказы; ночь еще не наступила, а гонцы уже поскакали во всѣ концы съ секретными письмами къ военачальникамъ провинцій и къ союзнымъ государямъ. Вся административная машина устроена на случай войны, потому что въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ война въ Ассиріи считалась естественнымъ порядкомъ вещей. Слѣдовательно, войска готовы выступить по первому сигналу и перенестись съ одного конца имперіи на другой. Они набираются почти всѣ въ самой Ассиріи и въ тѣхъ областяхъ Месопотаміи, которыя искони принадлежали ниневійскимъ государямъ. Нѣсколько незначительныхъ отрядовъ сопровождаютъ правителей областей (губернаторовъ) въ ихъ резиденціи: они-то и служатъ ядромъ военной силы, на вѣрность котораго они опираются, и около котораго, въ случаѣ надобности, они сосредоточиваютъ войска, набираемые между туземными подданными, а также и тѣ, которыя приводятъ имъ вассальные государи. Главныя силы сосредоточиваются въ царскихъ резиденціяхъ, въ Ниневіи, въ Калахѣ, и въ мѣстностяхъ, постоянно угрожаемыхъ, прилежащихъ къ границамъ Элама и Халдеи. Организациа ихъ такова, что можно ихъ мобилизовать въ нѣсколько дней и направить къ тѣмъ областямъ, въ которыхъ царь намѣревается начать военныя дѣйствія; къ нимъ присоединяются тѣ корпуса, которые были расположены гарнизономъ по границѣ, и обыкновенно образуются изъ всѣхъ этихъ элементовъ внушительныя полчища, чтобы уравновѣсить, если не превзойти числомъ, силы, которыя непріатель можетъ имъ противопоставить.

Войска, расположенныя въ другихъ провинціяхъ, въ это время остаются на своихъ мѣстахъ почти въ бездѣйствіи. Ихъ отправка на мѣсто военныхъ дѣйствій служитъ почти всегда сигналомъ

общаго возстанія странъ, въ которыхъ они были расположены. Поэтому ихъ призываютъ къ дѣлу только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда приходится поправить пораженіе или пополнить убыль послѣ тяжкихъ потерь во время войны. Поэтому, каждая война, которая затягивается на долго и стоитъ многихъ людей, угрожаетъ распаденіемъ самой имперіи. Ассириецъ, вполне ясно сознавая это, бываетъ неумолимъ противъ городовъ, которые ему приходится брать приступомъ, и противъ странъ, которыя онъ покорилъ силою оружія. Онъ не довольствуется грабежомъ домовъ и опустошеніемъ полей, онъ избиваетъ цѣлыя племена, и никакія истязанія и звѣрства ему не кажутся жестокими противъ тѣхъ несчастныхъ, кто осмѣлится защищаться противъ него: однихъ онъ сажаетъ на колъ, съ другихъ сдираетъ съ живыхъ кожу, выкалываетъ глаза, вырѣзываетъ губы, уже не говоря о томъ, что дѣтей и молодыхъ дѣвушекъ онъ уводитъ въ рабство. Владычество Ассиріи, установленное при помощи силы, удерживается только силою. И въ тотъ день, когда ея слабость обнаруживается въ какомъ-нибудь пунктѣ имперіи, ненависть, скрытая въ глубинѣ многихъ сердецъ, вспыхиваетъ снова. Страны, которыя, казалось, совсѣмъ безропотно покорялись рабству, ни на минуту не колеблются возстать противъ поработителя, лишь только представляется случай попытаться завоевать себѣ свободу. Гонцы, посланные къ правителямъ областей съ извѣстіемъ о войнѣ съ Эламомъ, передали имъ приказъ, еще съ большею бдительностью смотрѣть за ввѣренными имъ областями и предупреждать проявленіе всякаго недовольства, подавляя немилосердно всякую малѣйшую попытку къ неповиновенію. Дѣло въ томъ, что Ассирія обладаетъ всего только одной арміей, которую она можетъ выставить въ поле, и побѣдоносно можетъ бороться одновременно только съ однимъ врагомъ: если бы она была вынуждена разбить свои силы и имѣть дѣло, кромѣ вышняго врага, въ то же время и съ своими возставшими подданными, она была бы численно слишкомъ слаба, чтобы выдержать цѣлые годы необходимыхъ для этого усилій, и кончила бы изнеможеніемъ.

Опасенія возможности заключенія союза народовъ, находящихся на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, съ цѣлью одновременнаго дѣйствія противъ Ассиріи, прежде бывшія только воображаемыми, къ сожалѣнію, теперь очень и очень основательны. Если бы во время похода фараона на Сирію съ пѣхотою, стрѣлками и военными колесницами, Эіопія возстала въ то же время противъ его намѣстника, разумѣется, это было бы неприятымъ совпаденіемъ, но не больше. Народы, обитающіе въ бассейнѣ Оронта, имѣли въ то время такъ мало прямыхъ сношеній съ жителями, обитающими въ верховьяхъ Нила, что имъ и на мысль не приходило попробовать соединиться противъ общаго неприятеля. Возстанія противъ египетской власти, которыя вынудили бы фараона разомъ сражаться на

южной и сѣверной границахъ противъ соединенныхъ усилій враждебныхъ ему народовъ, кончились бы самымъ жалкимъ образомъ: фараонъ быстрымъ перемѣщеніемъ своихъ войскъ имѣлъ бы время легко раздавить своихъ враговъ, у которыхъ не было возможности подать другъ другу руку помощи. Въ такомъ же положеніи были и самые древніе ассирійскіе завоеватели: Тиглаефаласаръ, Ассурназиргабаль, Салманассаръ III. Эламъ, Урарти, Халдея, цари Дамаска и хиттитовъ, подвергаясь нашествію одинъ за другимъ, не додумались до мысли соединиться вмѣстѣ противъ нихъ. Всѣ эти націи, непобѣдимыя, если бы соединили свои силы, были побѣждены, благодаря тому, что дѣйствовали порознь, поодиначкѣ.

Но въ послѣднее столѣтіе сообщенія стали такъ быстры и такъ легки между различными частями свѣта, что цари и города, которымъ грозила общая опасность со стороны ассирійцевъ, наконецъ, додумались сплотиться между собой и защищаться совокупными силами. Когда Сеннахерибъ напалъ на Іудею, іерусалимскій царь Езекиа заключилъ союзъ съ Меродахомъ-Баладаномъ. Такимъ образомъ диверсія халдеевъ спасла евреевъ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. Этотъ урокъ не пропалъ даромъ и для другихъ. Съ тѣхъ поръ народы стали стремиться вступать въ союзы противъ Ассиріи, и Ассирія стала преслѣдовать, въ свою очередь, политику, заключающуюся въ томъ, чтобы всѣми средствами помѣшать образованію подобной лиги. Теперь то и дѣло обмѣниваются тайными посольствами, заключаются негласные союзы, соглашенія относительно взаимной помощи между странами и государями самыми различными. Гигесъ лидійскій ведетъ переговоры съ Псаметихомъ египетскимъ и обѣщаетъ ему помощь. Въ свою очередь, Псаметихъ устраиваетъ козни заодно съ мелкими князьками южной Сиріи, эти въ свою очередь находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Халдеей, а Халдея всегда не прочь стать на сторону Элама противъ Ассиріи. Союзъ столькихъ народовъ былъ бы несокрушимъ, если бы только имъ удалось достигъ единства въ дѣйствіяхъ: этого-то, не смотря на ихъ добрую волю, они до сихъ поръ и не могутъ достигнуть. Разстоянія между союзниками такъ значительны, нетерпѣніе иныхъ изъ нихъ такъ велико, медлительность и нерѣшительность другихъ такъ явны и, прибавимъ, бдительность надзора ассирійцевъ такъ неослабна, что замыслы, самымъ наилучшимъ образомъ соображенные, разбиваются. Эламъ начинаетъ военныя дѣйствія раньше, чѣмъ Вавилонъ готовъ; Египеть приметъ участіе въ дѣлѣ только съ полнымъ знаніемъ его. Іудея, Моабъ, Аммонъ, филистимляне, набатеяне, арабы выжидаютъ появленія въ Сиріи фараоновыхъ стрѣлковъ изъ лука. Ассирійцы не теряютъ времени, поспѣшно устремляются въ наиболѣе угрожаемые пункты: разбиваютъ эламитовъ или Халдею, душатъ нѣсколько сотенъ арабовъ, гра-

бять и разрушаютъ нѣсколько сирійскихъ городовъ: фараонъ, благоразумный какъ всегда, остается себѣ спокойно въ Египтѣ. Опасность предотвращена, но не уничтожена: вскорѣ коалиція возникаетъ снова. И въ тотъ день, когда она успѣетъ огласовать свои движенія съ достаточной точностью, чтобы ея силы могли разомъ принять участіе въ дѣлѣ, тогда ассирійцамъ необходимы будутъ и большое счастье и необыкновенное напряженіе силъ, чтобы избѣжать угрожающей имъ гибели.

Гонцы летятъ во всѣ концы. Наказы, посланные съ ними правителямъ областей, составлены въ выраженіяхъ твердыхъ и точныхъ, безъ малѣйшихъ вычурныхъ оборотовъ и лишннихъ повтореній. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ царь обращается, напр., къ Белибни, командующему войсками, расположенными въ странѣ Пукуду *) при устьяхъ Евфрата: „Рѣчь царя къ Белибни, пусть привѣтствіе, которое я тебѣ посылаю, возрадуетъ твое сердце! Что касается твоихъ донесеній о жителяхъ Пукуду, обитающихъ по берегамъ Харру, то это долженъ дѣлать всякій, кто любитъ домъ своего господина. Старайся и впредь сообщать своему повелителю все, что увидишь, что услышишь по этому предмету“ (**). Забудьте тутъ собственные имена, и вы будете имѣть, если не самую форму, то смыслъ всѣхъ предписаній, которыя царь разослалъ къ своимъ военачальникамъ въ самый вечеръ послѣ аудіенціи и въ слѣдующіе дни. Они должны усугубить бдительность, не оставлять безо вниманія малѣйшихъ подозрительныхъ движеній, которыя могутъ проявиться между населеніями, находящимися въ ихъ вѣдѣніи, сообщить въ самый кратчайшій срокъ двору мельчайшія свѣдѣнія, какія они только могутъ собрать. Роль ихъ, безъ сомнѣнія, менѣ блестящая нежели тѣхъ, которые отправляются съ главной арміей, но едва ли менѣ важная. Если удастся каждому изъ нихъ сохранить миръ въ своей провинціи и предупредить возстанія или подавить ихъ раньше, чѣмъ они приобрѣтутъ подъ собой нѣкоторую почву и распространятся на другія области, тогда Тіумманъ, предоставленный единственно собственнымъ силамъ, не въ состояніи будетъ выдержать натиска Ассурбанипала, и Ассирія только лишній разъ одержитъ верхъ надъ Эламомъ.

*) Пукуду было арамейское племя, которое занимало низменные болотистыя мѣста при устьяхъ Тигра и Евфрата и вдоль канала или рѣчки, выходящей изъ Тигра, подъ именемъ Харру.

**) Эта депеша—подлинная, но только относится къ одной изъ войнъ Ассурбанипала съ халдеями и Эламомъ, послѣдовавшей нѣсколько лѣтъ спустя послѣ той, которую я выбралъ предметомъ для своего разсказа.

ГЛАВА XVI.

Библиотека Ассурбанипала.

Древняя халдейская литература. — Ассурбанипаль приказывает снять копии главныхъ произведеній для своего книгохранилища. — Царскія лѣтописи: сказаніе о смерти Гигеса лидійскаго. — Лидійская монета. — Богиня Иштара. — Сошествіе Иштары въ адъ. — Поэма о сотвореніи міра. — Поэма объ Издубарѣ (Гилгамешѣ). — Борьба Гилгамеша съ чудовищами. — Сновидѣніе его. — Какъ онъ овладѣлъ Эабани. — Его борьба съ Иштарой. — Смерть Эабани. — Исцѣленіе Гилгамеша.

Какъ ни увѣренъ Ассурбанипаль, что въ концѣ концовъ успѣхъ обезпеченъ за нимъ, онъ не можетъ избавиться отъ нѣкоторой тревоги, задумываясь о случайностяхъ войны, и ему не спится отъ заботъ. Онъ призываетъ одного изъ евнуховъ, стоящаго на стражѣ у дверей его опочивальни, и велитъ позвать дворцоваго бібліотекаря: онъ хочетъ, чтобы ему принесли плитки, на которыхъ вписаны главныя событія его царствованія, чтобы чтеніемъ о своихъ прошлыхъ побѣдахъ подкрѣпить свои надежды на новыя.

Ассирійцы обладали искусствомъ писать палочками изъ очищеннаго камыша на выдѣланной кожѣ, на деревянныхъ дощечкахъ и даже на папирусѣ, который они получали съ приходящими изъ Египта караванами. Въ этомъ случаѣ они пользуются скорописными буквами, заимствованными изъ финикійскаго алфавита. Этимъ письмомъ сcribes ведутъ вѣдомости поступающей военной добычи, дани, налоговъ и записываютъ распоряженія по текущимъ дѣламъ управленія, всѣ дѣла, въ долгомъ храненіи которыхъ не предстоить никакой надобности. Но, когда дѣло касается исторіи, литературы, юридическихъ актовъ или правительственныхъ документовъ, подлежащихъ храненію въ архивахъ, прибѣгаютъ къ древнимъ халдейскимъ письменамъ и къ глинянымъ плиткамъ. Этотъ способъ имѣетъ значительныя выгоды, но также и нѣкоторыя неудобства. Книги изъ плитокъ очень тяжелы, неудобны для употребленія, и самое начертаніе письменъ неясно выдѣляется на желтоватомъ фонѣ черепка; но, съ другой стороны, произведеніе, начертанное на плиткѣ и оставляющее неизгладимыя черты на

ней, менѣе подвержено опасности быть утраченнымъ, чѣмъ записанное чернилами на папирусѣ. Оно сопротивляется огню, не скоро портится отъ сырости и не пропадаетъ, если даже разобьется въ куски: почти всегда можно съ осторожностью собрать ихъ вмѣстѣ и возстановить текстъ, можетъ быть за исключеніемъ нѣсколькихъ недостающихъ буквъ, или обрывковъ фразъ, если только плитки не распались въ порошокъ. Большая часть надписей, открываемыхъ при раскопкахъ фундаментовъ самыхъ древнихъ храмовъ, воздвигнутыхъ 20 или 30 вѣковъ тому назадъ, столь же отчетливы и такъ же удобно читаются теперь, какъ въ тотъ моментъ, когда онѣ только что вышли изъ рукъ начертавшаго ихъ скрибы и обжигавшаго ихъ горшечника. Гимны богамъ, магическія заклинанія, списки царей, лѣтописи и поэмы, сложенные и записанныя въ самый начальный періодъ исторіи, за тысячи лѣтъ до того, какъ возникло ассирійское царство и, слѣдовательно, подвергавшіяся случайностямъ двадцати нашествій, разрушительной страсти человѣка и сокрушающему дѣйствію времени, вынесли однако все и дошли невредимыми до нашего времени: этого, конечно, не случилось бы, если бы все эти документы, по обычаю египтянъ, были вѣрены папирусу. Главная опасность, которая имъ всегда угрожаетъ, это—затеряться въ закоулкѣ какого-нибудь зданія или быть погребенными подъ разрушенными его обломками: въ этомъ случаѣ они, такъ сказать, засыпаютъ на долгіе годы и даже вѣка, пока случайный ударъ лопаты землекопа или остроумная догадка ученаго изслѣдователя не пробудитъ и не вызоветъ ихъ на свѣтъ.

Ассурбанипаль любитъ старыя книги, въ особенности, старыя священныя книги, и дѣятельно собираетъ ихъ по всемъ главнымъ городамъ своего царства. Въ Халдеѣ, Урукѣ, Барсиппѣ и Вавилонѣ онъ даже содержитъ на жалованьѣ переписчиковъ, которые списываютъ для него плитки, хранимыя въ тамошнихъ храмахъ. Главное книгохранилище царя находится въ Ниневіи, гдѣ на берегахъ Тигра онъ выстроилъ себѣ дворецъ, украшеніемъ котораго онъ теперь и занимается. Тамошняя бібліотека содержитъ болѣе тридцати тысячъ черепковъ, систематически подобранныхъ и расположенныхъ въ нѣсколькихъ залахъ съ присовокупленіемъ подробныхъ каталоговъ, облегчающихъ пользованіе ими. Многія произведенія тянутся на протяженіи нѣсколькихъ черепковъ, составляющихъ особыя серіи, озаглавленныя первыми словами текста. Такъ, поэма о сотвореніи міра, начинающаяся словами: *Прежде то, что вверху, не называлось еще небомъ*, озаглавлена: „Прежде то, что вверху“, и каждый изъ черепковъ, составляющій страницу этой поэмы, носитъ цифру соотвѣтственно мѣсту, занимаемому имъ въ цѣломъ сочиненіи: *Прежде то, что вверху*, № 1, *Прежде то, что вверху*, № 2, и такъ по порядку до конца всего сочиненія. Ассурбанипаль гордится своею страстью къ ли-

тературѣ не менѣе, чѣмъ своею государственною дѣятельностью, и онъ хочетъ, чтобы потомство вѣдало все, что онъ сдѣлалъ въ пользу ея процвѣтанія. Поэтому имя его читается на всѣхъ древнихъ и новыхъ книгахъ его библіотеки „Дворецъ Ассурбанипала, царя воинствъ, царя народовъ, царя страны Асура, которому богъ Небо и богиня Тасмита даровали чуткія уши и зоркія очи, чтобы разыскивать творенія писателей моего царства, служившихъ царямъ, моимъ предшественникамъ. Въ уваженіи питаемомъ мною къ Небу, богу разума, я собралъ эти черепки, велѣлъ сдѣлать съ нихъ копіи, помѣтитъ моимъ именемъ и размѣстилъ ихъ въ моемъ дворцѣ“.

Библіотека Дуръ-Шарукина, уступая въ богатствѣ ниневійской, тѣмъ не менѣе довольно хорошо снабжена. Скриба Набушумидинъ, завѣдующій ею, отобралъ черепки, содержащія лѣтописи, и передалъ ихъ дежурному евнуху. Ассурбанипаль велитъ читать вслухъ и подробно wynikaеть не столько въ исторію того или другого изъ своихъ сраженій, сколько въ тѣ пророчества, которыми боги, черезъ своихъ волхвовъ, поощряли его къ нимъ, и тѣ чудеса, которыя они совершали въ его пользу. Ясное и отчетливое воспоминаніе всѣхъ услугъ, которыми они его облагодѣтельствовали въ прошломъ, разсѣетъ его опасенія и дастъ ему какъ бы предвѣдѣніе того, что они, конечно, не преминутъ сдѣлать для него и въ будущемъ. „Возьми черепокъ, гдѣ записаны дѣянія Гигеса лидійца,—говоритъ онъ чтецу,—и прочти мнѣ все, что тамъ написано“. Приключенія Гигеса славятся по всей Ассиріи, и чтець громкимъ голосомъ начинаетъ: „Гигесъ былъ царемъ въ Лидіи, странѣ за моремъ, землѣ далекой, самага имени которой цари—мои отцы совсѣмъ не слыхали; Ассуръ, мой божественный (по духу) родитель, открылъ ему мое имя въ сновидѣніи, говоря: „Ассурбанипаль, царь Ассиріи: прострись къ его ногамъ, и ты побѣдишь всѣхъ враговъ своихъ его именемъ!“ Въ тотъ же день, когда былъ ему этотъ сонъ, онъ послалъ своихъ всадниковъ поклониться мнѣ и повѣдать мнѣ черезъ своего посланца о снѣ. видѣнномъ имъ. Когда его посланецъ появился въ предѣлахъ моего царства, люди моего царства, встрѣтившіеся съ нимъ, его спросили: „Кто ты, чужестранецъ, въ странѣ котораго никогда еще не бывалъ ни одинъ изъ нашихъ посланцевъ?“ Они его проводили въ Ниневію, столицу моего царства, и привели его ко мнѣ. И ни одинъ изъ знающихъ восточные и западные языки моего царства, которыми щедро награждалъ меня Ассуръ, не зналъ языка, на которомъ онъ изъяснялся, и никто изъ окружающихъ меня никогда не слыхалъ такой рѣчи. Но въ предѣлахъ моего царства я нашелъ наконецъ человѣка, который понялъ его, и онъ разсказалъ мнѣ сонъ“.

„Въ тотъ самый день, какъ онъ палъ мнѣ въ ноги, мнѣ, царю

Ассурбанипалу, онъ побѣдилъ киммерійцевъ, которые угнетали народы его страны, которые не боялись моихъ отцовъ и не падали мнѣ въ ноги, мнѣ, царю. Милостью Ассура и Иштары, моихъ боговъ повелителей, онъ взялъ изъ киммерійскихъ вождей, которыхъ побѣдилъ, двухъ вождей, которыхъ онъ крѣпко заковалъ въ желѣзныя цѣпи по рукамъ и по ногамъ, и послалъ ихъ ко мнѣ съ богатыми дарами. Вскорѣ, однако, онъ пересталъ посылать ко мнѣ своихъ всадниковъ, которыхъ онъ прежде правильно посылалъ для возданія мнѣ чести. Такъ какъ онъ презрѣлъ завѣтъ Ассура, моего божественнаго родителя, и безумно положился на свои собственныя силы и внушенія своего сердца, то онъ послалъ свои войска на помощь Псаметику, египетскому царю, который съ презрѣнiемъ сбросилъ съ себя иго моего владычества надъ нимъ. Я узналъ объ этомъ и вознесъ молитву къ Ассуру и Иштарѣ: „Да будетъ трупъ его брошенъ передъ врагами, и да разсѣются кости его!“ И все, чего я просилъ у Ассура и Иштары, въ точности сбылось: трупъ его былъ брошенъ передъ его врагомъ, а кости его разсѣяны. Киммерійцы, которыхъ онъ побѣдилъ во имя мое, пришли и подчинили своей власти всю его страну, и сынъ его занялъ престолъ своего отца. Объ этомъ наказанiи, которымъ боги, вся моя сила, покарала, по моей молитвѣ, его родного отца, онъ меня извѣстилъ чрезъ своего посланца, и палъ мнѣ въ ноги, мнѣ, царю, и сказалъ: „Ты царь, котораго знаютъ боги. Ты проклялъ моего отца, и бѣдствiе обрушилось на его голову. Соблаговоли благословить меня твоимъ благословенiемъ, меня, твоего слугу, который боится тебя, и я буду нести твое иго!“

Въ одно мгновенiе весь этотъ славный эпизодъ его царствованiя проходитъ вновь во всѣхъ подробностяхъ передъ глазами царя: онъ какъ и теперь видитъ прибытiе чужеземныхъ пословъ, ихъ странную одежду, ихъ замѣшательство и недоумѣнiе двора, вспоминаетъ тотъ мигъ, когда онъ умолялъ боговъ о ниспосланiи ихъ гнѣва на Гигею, и тотъ, въ который посланцы Ардиса *) извѣстили его, что его молитва услышана. Лидiя съ этихъ поръ оставалась постоянно вѣрною ему; всадники ея ежегодно перѣзжаютъ черезъ Азiю, чтобы доставить ему дань отъ своего повелителя. Правда, дань не велика, но, принявъ во вниманiе дальность пути, совершаемаго ими, отъ нихъ большаго и требовать нельзя. Она состоитъ изъ лошадей, тканей и, въ особенности, золота, которымъ изобилуетъ ихъ страна. Они придумали чрезвычайно остроумный способъ пользоваться имъ на рынкахъ для торговыхъ сдѣлокъ. Въ царскихъ мастерскихъ они выдѣлываютъ изъ него небольшiе шарообразные слитки, опредѣленнаго вѣса,

*) Ардисъ—сынъ и непосредственный преемникъ Гигея на тронѣ Лидiи.

на которыхъ вычеканивается изображеніе лошадиной головы, цвѣтка и бѣгущей лисицы. По этому штемпелю и размѣрамъ слитка легко опредѣлить его стоимость, а это избавляетъ отъ необходимости взвѣшиванія слитка, значительно упрощая тѣмъ заключеніе торговыхъ сдѣлокъ *). Говорятъ, что эта монета входитъ въ употребленіе въ сосѣднихъ съ Лидіей странахъ, и, можетъ быть, когда-нибудь проникнетъ и въ Ассирію.

Ассурбанипаль велѣлъ перечитать себѣ о своихъ войнахъ съ Египтомъ, походахъ противъ Ваала Тирскаго и Финикіи, и вездѣ находилъ явные знаки благоволенія, оказываемаго ему Ассуромъ и Иштарой. Иштара, которую хананеяне и финикіянне почитали подъ именемъ Аштореты или Астарты, не всегда почиталась въ Ассиріи такою всемогущею, какою признается она теперь. Государи глубокой древности видѣли въ ней только „покровительницу битвъ и войнъ, верховную владычицу, облагораживающую доблестью ликъ воиновъ“; поколѣніе завоевателей только и могло почитать лишь богиню битвъ. Ей было воздвигнуто два святилища, быстро прославившіяся: одно—въ Ниневіи, а другое—въ Арбелѣ, маленькомъ городкѣ за Забомъ, почти на самой восточной границѣ страны. Къ ней относились съ набожностью, но всегда отодвигали ее на задній планъ, далеко отъ Асура и Сина и другихъ высшихъ божествъ. Эсаргадонъ первый вывелъ ее изъ такого, нѣсколько затертаго передъ другими богами, положенія, провозгласивъ ее своей покровительницей. Каждый разъ, какъ онъ отправлялся въ новый походъ, онъ обращался къ ней за совѣтомъ, и она отвѣчала ему устами своихъ жриць: никогда предсказанія не оказывались ложными. Слѣдовательно, влеченіе, которое чувствуетъ къ ней Ассурбанипаль, есть настоящее наслѣдіе, перешедшее къ нему отъ отца вмѣстѣ съ короной. Посвятить ли его радость, или печаль—онъ невольно обращается къ ней, приписывая ей всѣ свои удачи и вѣря ей свои сомнѣнія и опасенія. Поэтому для него нѣтъ большаго удовольствія, какъ слушать чтеніе книгъ, повѣствующихъ о ней и объ ея таинственныхъ приключеніяхъ. Онъ прерываетъ чтеніе егнуха между рассказомъ о набѣгѣ на Арменію и походомъ противъ народовъ Тавра и посылаетъ его взять у Набушимидина „Сошествіе Иштары въ адъ“.

Это одно изъ самыхъ трогательныхъ событій въ жизни богини. Супругъ ея Таммузь былъ убитъ и, хотя онъ былъ богомъ, все-таки долженъ былъ, какъ всякій обыкновенный покойникъ, спуститься подъ землю въ мрачное царство Аллаты. Чтобы вывести его оттуда на свѣтъ, оставалось одно средство: надо было его обмыть и напоить водою изъ чудеснаго источника, возвращающаго жизнь всякому, кто напьется изъ него (см. выше, стр. 205). Иштара рѣшается

*) См. объ этомъ на стр. 19 этой книги.

достать этой воды; но въ адѣ имѣють доступъ только мертвые, и богиня Иштара подчинена этому закону наравнѣ съ прочими существами. „Въ страну, откуда никто не возвращается, въ царство мрака, Иштара, дочь Сина, направила свой духъ, да, дочь самого Сина направила свой духъ въ жилище мрака, въ область бога Иркалла, въ домъ, откуда никогда никто не возвращается, развѣ войдя въ него, на дорогу, по которой можно пройти только однажды, въ жилище, обитатели котораго никогда уже не видятъ свѣта, въ страну, гдѣ вмѣсто хлѣба одна только пыль, и гдѣ нѣтъ другой пищи, кромѣ тины; тамъ уже не видно болѣе свѣта, тамъ живутъ въ вѣчной тѣмѣ, и, вмѣсто одежды, облакаются въ перья, подобно птицамъ. Ворота и замки, все покрыто пылью“.

Иштара приближается ко входу во адъ, ударяетъ въ ворота и повелительнымъ голосомъ обращается къ стражу: „Стражь живой воды, отвори мнѣ ворота твоя и вступи меня: ежели ты не отворишь и не вступишь, я разобью ворота, разрушу заноры, я сокрушу порогъ, я пройду въ ворота твои. Я подниму мертвыхъ, чтобы они пожрали живыхъ, такъ что мертвыхъ будетъ болѣе, чѣмъ живыхъ“. Стражь отверзаетъ уста и говоритъ въ отвѣтъ Иштарѣ: „О, госпожа, остановись! не выламывай воротъ, но дозволи мнѣ пойти къ Нинкигали *), богинѣ ада, возвѣстить ей о твоёмъ имени! Стражь пошелъ извѣстить Нинкигаль о появленіи Иштары: „О, богиня, твоя сестра Иштара пришла за живой водой; она потрясаетъ мощные засовы, грозитъ выломать ворота“. Услышавъ это, Аллата отверзаетъ уста и говоритъ: „Какъ подкошенная былинка, Иштара низошла во адъ, и какъ тростникъ, который клонится и вянетъ, молитъ она о живой водѣ. Но что мнѣ за дѣло до ея мольбы? Что мнѣ за дѣло до ея гнѣва? Она говоритъ: „Этой водой я желала бы насытиться съ моимъ мужемъ какъ пищей, утолить жажду какъ напиткомъ, возвращающимъ къ жизни!“ Если ужъ я должна плакать, я оплакивала бы не ее, а тѣхъ героевъ, которые должны были разлучиться съ своими женами; я оплакивала бы женъ, которыхъ ты, стражь, оторвалъ отъ груди ихъ мужей; я оплакивала бы младенцевъ, которыхъ ты похитилъ раньше появленія ихъ на свѣтъ. Иди же, о стражь, отвори ей двери, но, согласно древнимъ законамъ, разоблачи ее“. Смертные являются въ міръ нагими и нагими же должны покинуть его: но почтеніе родныхъ и друзей отягощаетъ ихъ украшеніями и одеждами, въ которыхъ они думаютъ представиться въ другой міръ. Суровые законы ада не дозволяютъ ничего сохранить изъ этого, и демоны разоблачаютъ ихъ передъ тѣмъ, какъ представить ихъ своей царицѣ.

„Стражь пошелъ и отворилъ ворота: „Войди, о госпожа, и

*) Богиня мертвыхъ безразлично называется и Аллатой, и Нинкигаль въ этомъ повѣствованіи.

такъ же, какъ городъ Кута радуется о тебѣ, такъ да возрадуются о тебѣ адскіе чертоги!“ Онъ пропустилъ ее въ первыя ворота и, затворивъ ихъ за нею, сбросилъ съ головы ея могущественную корону. — „Зачѣмъ же, о стражъ, сбросилъ ты могущественную корону съ моей головы?“ — „Войди, о госпожа, ибо таковы вѣлѣнія Аллатъ!“ И при каждой новой двери онъ снимаетъ съ нея какое-нибудь изъ ея украшеній: серьги, ожерелье изъ дорогихъ камней, покрывало, прикрывавшее ея грудь, эмальированный поясъ, браслеты и ножныя кольца и, наконецъ, у седьмой двери отбираетъ у нея послѣднюю одежду. Когда Иштара низошла во адъ, Аллатъ завидя ее, отнеслась къ ней съ пренебреженіемъ; Иштара вышла изъ себя и осыпала ее бранью. Чтобы наказать Иштару, Аллатъ позвала Намтара, демона чумы и своего вѣстника смерти, и передала ему непокорную. „Приди, Намтаръ, возьми Иштару и уведи съ глазъ моихъ, шестьдесятъ разъ порази ее недугомъ, всели ей глазную боль въ глаза, утробную боль—въ утробу; ножную боль—въ ноги, сердечную боль—въ сердце, головную боль въ голову; вѣдри въ нее немощь, во всю ее, въ каждый изъ ея суставовъ“. Въ то время какъ Иштара претерпѣвала адскія муки, вся природа погружилась въ печаль объ ея гибели: звѣри, люди, сами боги—все погибало, и весь міръ опустѣлъ бы, если бы не нашли способа извлечь ее изъ могилы, въ которую она сошла.

Эа, верховное божество, царь вселенной, который одинъ можетъ нарушать законы, вложенные имъ въ мірозданіе, рѣшилъ дать ей то, зачѣмъ она сошла въ область Аллатъ, живой воды для воскрешенія Таммуза: „Эа, въ премудрости своего сердца создалъ человѣка, сотворилъ евнуха Ассусунамира; „Иди, Ассусунамиръ, обрати свое лицо къ вратамъ ада, вели открыть передъ собой семь вратъ ада, чтобы Аллатъ, увидѣвъ тебя, возрадовалась твоему присутствію. Когда сердце ея успокоится, и гнѣвъ смягчится, моли ее именемъ великихъ боговъ, а потомъ поверни голову и иди въ убѣжище бурныхъ вѣтровъ, повели дому бурныхъ вѣтровъ, гдѣ хранится чистый источникъ воды, и напои ею Иштару“. Аллатъ не дерзнула послушаться вѣлѣнія владыки боговъ; она позвала Намтара и приказала ему приготовить все необходимое для возвращенія жизни богинѣ. Источникъ сокрытъ глубоко подъ порогомъ дворца; чтобы вызвать его оттуда, надо разбить камень; но вода производитъ полное свое дѣйствіе только въ присутствіи Аннунасъ, семи таинственныхъ духовъ, охраняющихъ существованіе земли. „Намтаръ пошелъ и ударилъ въ крѣпко построенный дворецъ, онъ разбилъ порогъ, вызвалъ духовъ земли, посадилъ ихъ на золотой тронъ, облилъ потомъ Иштару водою и вывелъ ее на свѣтъ“. У каждыхъ воротъ онъ возвращалъ ей ея одежды и украшенія, и, когда они достигли до входа, сказалъ ей, что отнынѣ жизнь ея мужа въ ея рукахъ.

„Если Аллатъ еще не все тебѣ дала, что ты выстрадала такую тяжелою цѣною, вернись къ ней и потребуй отъ нея Таммуза, супруга твоихъ юныхъ дней. Возлей на него живой водой, умасти его дорогими благовоніями, облеки его въ пурпуровыя одежды“. Въ лицѣ Таммуза возрождается природа: Иштара побѣдила смерть.

Форма этой поэмы принадлежитъ къ новымъ временамъ, но первоначальный замыселъ и его развитіе относятся къ глубокой древности: сошествіе Иштары во адъ воспѣвалось еще на языкѣ первыхъ владыкъ Халдеи, рядомъ со многими другими произведеніями, которыя и до сихъ поръ вызываютъ своими красотою удивленіе. Поэты и жрецы слагали обширныя религіозныя поэмы съ искусствомъ и силою вдохновенія, до которыхъ сcribes послѣдующихъ поколѣній уже никогда не возвышались. И это естественно. Въ ту отдаленную эпоху земля только-что вышла изъ творческихъ рукъ мірозданія; люди чувствовали близость къ себѣ боговъ живѣе, чѣмъ мы теперь чувствуемъ. Повѣствуя своимъ слушателямъ о первыхъ дняхъ міра, они не нуждались, подобно намъ, въ особенныхъ усиліяхъ воображенія, чтобы представить себѣ все происходившее при началѣ вѣковъ: все это они знали изъ достовѣрной науки, непосредственнаго откровенія боговъ, бывшихъ участниками мірозданія. „Въ то время, когда небо наверху не имѣло еще имени, и разстилающаяся подъ нимъ земля была еще безъ названія, первобытная бездна породила ихъ, и Мумму-Тіамать, океанъ хаоса, была матерью всего. Воды составляли одну сплошную массу, пахотныя поля были безплодны, и трава еще не росла на пастбищахъ. Въ эти времена боги еще не появлялись, не явилось ни одного изъ нихъ; у нихъ не было еще никакого имени, и самая судьба ихъ не была еще опредѣлена“. Все сущее вышло изъ воды: и земля, и небо, и люди.

Древній вдохновенный пѣвецъ повѣствуетъ о послѣдовательномъ рядѣ поколѣній боговъ и объ ихъ побѣдоносныхъ войнахъ съ Тіамать. Меродахъ Вавилонскій, державное солнце, былъ ихъ поборникомъ. „Иди, сказали они ему, сократи дни жизни Тіамать и разлей ея кровь по всѣмъ вѣтрамъ“. „Онъ взялъ лукъ и вооружился имъ для битвы; онъ потрясъ палицей и привѣсилъ ее къ бедру; онъ схватилъ бумерангъ и взялъ его въ правую руку. Повѣсивъ на плечо лукъ и колчанъ, онъ метнулъ передъ собою молнію, и бурная стремительность овладѣла всѣми его членами. Онъ взошелъ на колесницу судьбы, не знающей соперниковъ, и твердо ставъ въ ней, привязалъ своею рукою четыре пары возжей къ краямъ ея“. Вооруженный такимъ образомъ, онъ устремился на Тіамать и напалъ на нее. „Онъ взмахнулъ палицей и поразилъ ее въ животъ, онъ разсѣкъ ей грудь, вынулъ ея сердце, связалъ ее, сократилъ ея дни, потомъ бросилъ трупъ—и горделиво выпрямился надъ нимъ. Послѣ того какъ Тіамать, шедшая во главѣ

своихъ вонновъ, была сокрушена, онъ разогналъ ея воиновъ, разсѣялъ ихъ полки, и боги, союзники ея, которые шли рядомъ съ нею, затрепетали, ужаснулись и, обративъ тыль, побѣжали, спасая свою жизнь; въ своемъ отчаянномъ бѣгствѣ они тѣснились и толкали другъ друга. Но онъ гналъ ихъ по пятамъ и сокрушалъ оружіе ихъ“.

Самая длинная изъ этихъ поэмъ та, въ которой повѣствуется о подвигахъ Гильгамеша (Исдубара *). Онъ родился въ Урукѣ, въ Халдеѣ, былъ сыномъ царя и самъ сталъ бы царемъ, если бы отецъ его не былъ свергнутъ съ престола эламитами, когда онъ еще былъ младенцемъ въ колыбели. Выросшій въ изгнаніи, онъ предался со страстью высокому искусству царей—охотѣ. Въ тѣ времена земля не была еще такъ заселена, какъ теперь, и дикія животныя вели ожесточенную войну съ людьми. Борьбу приходилось вести не только противъ львовъ, тигровъ, зубровъ, на которыхъ ниневійскіе цари такъ любили охотиться теперь, но и противъ чудовищъ, представляющихъ сочетание формъ человѣка съ формами самыхъ страшныхъ звѣрей. Быки съ человѣческой головой, которые встрѣчаются нынѣ только въ каменныхъ изваяніяхъ у

отъ дворцовъ, тогда рыскали по полямъ живыми существами плоти и костей. Въ пустыняхъ и горахъ обитали люди-скорпіоны, сатиры и грифы **), готовые ринуться на всякаго проходящаго. Гильгамешъ истребилъ ихъ уже множество передъ тѣмъ, когда боги, видя приближеніе конца срока, предопредѣленнаго для его изгнанія, ниспослали ему сонное видѣніе. „Когда онъ пробудился отъ своего сна, онъ сказалъ своей матери: „Я видѣлъ сонъ: мнѣ казалось, что звѣзды небесныя падали съ неба, и, спускаясь съ неба, онѣ падали на мою спину; и вотъ, когда я взглянулъ, я вдругъ остановился безъ движенія, я увидѣлъ, что предо мною предстало, обративъ ко мнѣ лицо, нѣкое существо; его ликъ былъ ужасенъ, когти его были остры, какъ когти льва“. Потомъ ему чудилось, что онъ боролся съ этимъ чудовищемъ и побѣдилъ его, послѣ чего онъ проснулся.

Сны не случайно посѣщаютъ человѣка. Это—вѣстники боговъ, посредствомъ которыхъ боги открываютъ будущее человѣку, умѣющему разгадывать ихъ. Но Гильгамешъ не нашелъ никого, кто могъ бы истолковать ему этотъ сонъ. Наконецъ, ему указали на чудовищнаго духа Эабани, которому въ мудрости не было

*) Такъ прежде читалось имя этого эпического божества. Пинчъ открылъ истинное чтеніе его: *Гилгамашъ, Гилгамешъ*; греки довольно правильно передавали его слогомъ: *Гилгамосъ*.

**) Грифъ—баснословное животное, изображающееся съ львинымъ тѣломъ и орлиными головой и крыльями, лошадиными ушами и, вмѣсто гривы, съ рыбьими плавниками.

равнаго, но онъ жилъ уединенно въ горѣ. У него голова и туловище человѣка, ноги и хвостъ быка и рога на головѣ. „Ночью онъ пасется вмѣстѣ съ газелями, днемъ прячется вмѣстѣ со степными животными, и при видѣ пресмыкающихся, живущихъ въ водѣ, его сердце наполняется радостью“. Гильгамешъ отправилъ своего великаго ловчаго Заиду попытаться овладѣть имъ; но Заиду, увидавъ чудовище, испугался и воротился назадъ, не осмѣлившись даже приблизиться къ нему. Тогда богатырь прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ выбралъ двухъ красавицъ, Гакирту и Упасамру, которыя выманили Эабани изъ пещеры, въ которой онъ запирался. Онъ приблизился къ Гакирту, послушалъ ея пѣнія, задумался, и потомъ вдругъ, повернувшись къ ней, сѣлъ у ея ногъ. „Гакирту наклонилась къ нему и стала говорить; онъ внимательно слушалъ ея рѣчи. Она ему говорила: „Эабани, славный и богамъ подобный, зачѣмъ ты ищешь себѣ товарищей среди звѣрей пустыни? Я хочу, чтобы ты послѣдовалъ за мною въ Урукъ, въ храмъ Элли-Тардуси, въ столицу Ану и Иштара, въ жилище Гильгамеша, могучаго великана, который возвышается, какъ быкъ надъ прочими вождями“. „Она сказала—и отъ ея рѣчи вся мудрость его сердца исчезла и разсѣялась“. Онъ послѣдовалъ за нею въ Урукъ, истолковалъ сонъ богатыря, предсказавъ ему побѣду надъ врагами; потомъ въ награду за это получилъ въ супруги одну изъ женщинъ, вызвавшихъ его изъ пустыни. Вотъ какъ Гильгамешъ приобрѣлъ расположеніе своего слуги Эабани, котораго онъ никогда не переставалъ любить.

Гильгамешъ отправляется въ походъ, и эламитъ первый испытываетъ на себѣ силу его оружія. Онъ „убилъ Гумбаба“, похитившаго у его отца престолъ Урука, „онъ взвалилъ себѣ на плечи его доспѣхи; онъ снялъ съ него царскія отличія и надѣлъ ихъ на себя; онъ отрубилъ ему голову и увѣнчалъ себя короной и діадемой; да, Гильгамешъ украсилъ себя короной и увѣнчалъ себя діадемой“. Иштара, богиня Урука, возвела на него свои очи и, видя, какъ онъ прекрасенъ и могучъ, рѣшила въ душѣ своей выбрать его себѣ въ супруги. „Выслушай меня, Гильгамешъ, будь моимъ мужемъ. Я буду тебѣ виноградной лозою, а ты опорой, которая будетъ поддерживать мои вѣтви; ты будешь мнѣ мужемъ, я—тебѣ женою. Я дамъ тебѣ колесницу изъ золота и хрусталя, у которой дышло золотое съ стеклянными украшеніями, и ты будешь ежедневно запрягать въ нее своихъ могучихъ коней. Войди въ домъ нашъ подъ сѣнь кедровъ, и, когда ты войдешь въ нашъ домъ, Евфратъ станетъ лобзать твои ноги; цари, князья и вожди преклонятся тогда передъ тобою и будутъ посылать тебѣ дань изъ горъ и равнинъ. Въ твоихъ загонахъ овцы будутъ всегда приносить двойни, мулы сами пойдутъ къ своимъ ношамъ, лошади всегда будутъ мчать твои колесницы вскачь, и твоему волю

подъ ярмомъ не будетъ равнаго“.—Гильгамешъ слушаетъ и отвергаетъ ее съ ужасомъ и презрѣніемъ. Онъ спрашиваетъ ее, что она сдѣлала съ тѣми смертными, которые были ея мужьями въ продолженіе ея долгой жизни богини, съ Таммузомъ, котораго она столько оплакивала, съ Алаолоу, орломъ, которому она отшибла крылья, могучимъ львомъ, у котораго она вырвала зубы и когти, вырывая ихъ по семи заразъ, неукротимымъ конемъ, носившимъ ее среди битвъ, съ Табулу, пастухомъ, и съ садовникомъ Исуллану: не всѣ ли они умерли преждевременно: „Я не хочу возвыситься до тебя, чтобы вслѣдъ за тѣмъ быть низринутымъ, ибо ты любишь меня только потому, что хочешь поступить со мной такъ же, какъ ты поступила съ ними“.

Отвергнутая Иштара тотчасъ бросается къ ногамъ своего отца Ану, владыки боговъ, и молитъ его о мести богатырю, оскорбившему ее: „Отецъ мой, сотвори божественнаго быка ипусти его на Гильгамеша“. Ану исполнилъ просьбу богини и сотворилъ быка; но Гильгамешъ послалъ противъ этого противника своего вѣрнаго Эабани. „Въ то же время онъ собралъ триста богатырей, чтобы замѣнить Эабани, если бы онъ былъ убитъ; поставилъ ихъ въ два ряда для сраженія, а третій выставилъ противъ божественнаго быка. На него-то быкъ и устремилъ свои могучіе рога, но Эабани сломилъ его силу. Эабани пронзилъ тѣло быка, схватилъ его за темя головы и вонзилъ ему кинжалъ въ загривокъ. Эабани открылъ уста, возговорилъ и сказалъ богатырю Гильгамешу: „Другъ, мы побѣдили и сокрушили врага; но, другъ, подумай о послѣдствіяхъ и берегись могущества Иштары. Разсѣки на части быка“. „Иштара взошла на городскія стѣны Урука, разодрала на себѣ одежду и произнесла проклятіе: „Проклинаю Гильгамеша, который оскорбилъ меня и убилъ божественнаго быка!“ „Но Эабани, услыхавъ рѣчь Иштары, разрѣзалъ божественнаго быка на части и бросилъ ихъ передъ нею: „Вотъ мой отвѣтъ на твое проклятіе: я принимаю его такимъ, какимъ я его отъ тебя слышалъ, и обращаю его противъ тебя обратно“. „Иштара тогда созвала своихъ служанокъ и плакала съ ними надъ разрозненными членами быка“. Гильгамешъ принесъ рога и шкуру быка въ даръ богу—солнцу.

Однако Иштара не переставала преслѣдовать его своею ненавистью. Отчаявшись найти для него чудовище, способное одолѣть его въ честномъ бою, она призвала къ себѣ на помощь болѣзнь,—и болѣзнь одолѣла богатыря. Тѣло его покрылось проказой, и страхъ смерти, „этотъ послѣдній врагъ человѣка“, овладѣлъ имъ. Боги еще разъ заступаются за него: они открыли ему въ сновидѣніи, что ходатайство Хасисадра можетъ исцѣлить и даже сдѣлать его безсмертнымъ. Хасисадра, сынъ Убаратуту—послѣдній изъ десяти

царей *), господствовавшихъ въ Халдеѣ непосредственно вслѣдъ за сотвореніемъ міра. Когда боги истребили людей въ наказаніе за ихъ грѣхи, онъ одинъ уцѣлѣлъ отъ потопа въ своемъ ковчегѣ и заселилъ землю своимъ потомствомъ; потомъ, по велѣнію рока, онъ былъ взятъ и перенесенъ живымъ въ таинственный садъ, обитаемый блаженными мертвыми, по ту сторону устья Евфрата (ср. стр. 207). Гильгамешъ отправляется искать его; но обычное счастье его покидаетъ: онъ заблудился на пути, а его вѣрный Эбани погибаетъ въ когтяхъ чудовища, болѣе страшнаго, чѣмъ всё, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Уже душа Эбани направилась было въ обитель Аллаты—удѣлъ обыкновенныхъ мертвыхъ,—но Эа, создатель, сжалился надъ нею и приказалъ своему сыну Меродаху спасти ее. Она поднимается отъ земли, въ видѣ облака пыли, и восходитъ на небо. Боги встрѣчаютъ ее и пріѣтствуютъ пиршествомъ. Возлегая на роскошномъ ложѣ, она пьетъ чистую воду и взираетъ сверху на зрѣлище людскихъ дѣлъ. „Того, кто палъ въ битвѣ, я вижу, какъ ты видишь меня. Отецъ и мать его, одѣтые въ трауръ, поддерживаютъ его голову, а жена обращаетъ свои рѣчи къ его трупу. Его друзья стоятъ въ долинѣ, и онъ видитъ ихъ, какъ я вижу тебя; сироты его просятъ хлѣба, но другіе поѣдаютъ пищу, которая была припасена въ его палаткахъ“.

Гильгамешъ снова пускается въ путь, уже одинокій, и, послѣ долгихъ странствій и блужданій, доходитъ до горъ Масъ, гдѣ солнце каждое утро восходитъ и каждый вечеръ заходитъ подъ охраной людей-скорпионовъ; послѣдніе посылаютъ Гильгамеша къ кормчому Урбелу, который велитъ ему сдѣлать лодку, и въ шесть недѣль доставляетъ его къ жилищу Хасисадра. Здѣсь онъ долженъ былъ остановиться, такъ какъ никто изъ смертныхъ не можетъ живымъ перебраться черезъ рѣку, окружающую садъ; но Хасисадра, тронутый его несчастіями, рассказываетъ ему исторію по-

Рис. 155.—Исдубаръ (Гильгамешъ) душитъ руками льва.

*) Эти десять царей халдейскихъ, по халдейскому преданію, соответствуютъ десяти допотопнымъ патриархамъ, отъ Адама до Ноя.

топа *) и указываетъ вѣрное лѣкарство отъ его недуга; онъ не только не умретъ, но боги послѣ всѣхъ его мытарствъ призовутъ его къ себѣ и приобщатъ его къ своему безсмертію. Поэма заканчивается этимъ утѣшительнымъ общаніемъ, и теперь Гильгамешъ дѣйствительно причисленъ къ сонму боговъ. Поэзія, рѣзецъ ваятеля и пластическія искусства вдохновляются имъ въ своихъ произведеніяхъ, его жизнью и его чудесными приключеніями. Это его, этого богатыря, мы видѣли у главныхъ дворцовыхъ воротъ въ Дуръ-Шарукинѣ **) рядомъ съ крылатыми быками, который душитъ руками льва (рис. 155). На цилиндрахъ, которые ассирійцы носятъ привѣшенными на шеѣ, и которые имъ служатъ печатью (рис. 127), часто изображаются эпизоды изъ его жизни, борьба его съ быкомъ и со львомъ, встрѣча съ людьми-скорпіонами, плаваніе по рѣкѣ Евфрату съ Урбеломъ, ссора съ Иштарой. Всѣ эти сцены и эпизоды до такой степени полно воспроизводятъ жизнь Гильгамеша, что, если бы сама поэма съ теченіемъ вѣковъ пропала, то можно бы отчасти ее возстановить по нимъ, кто пожелалъ бы это сдѣлать.

*) Значительная часть эпизода о потопѣ приведена въ большомъ трудѣ Г. Мазеро: *Histoire ancienne*, 4-е изд., стр. 147—149.

**) См. выше, главу XI, фигуру Гильгамеша (Исдубара) рядомъ съ быками, рис. 119.

ГЛАВА XVII.

Наука предвѣщаній.

Астрологія халдеевъ.—Вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка.—Точное наблюденіе свѣтилъ даетъ астрологамъ возможность предвидѣть грядущія событія.—Что предсказываютъ звѣзды по поводу войны съ Эламомъ.—Книга знаменій и таблицы Саргона Древняго.—Ассурбанипаль взываетъ къ Иштарѣ Арбельской, и богиня отвѣчаетъ ему.—Сновидцы и толкованіе сновидѣній.—Явленіе Ишгары одному изъ ея сновидцевъ.—Боги Элама прорицаютъ, какъ и боги Ассиріи.

То же самое безпокойство, которое не давало спать Ассурбанипалу, побуждаетъ его обратиться къ звѣздамъ и гаданіямъ съ цѣлью вывѣдать у нихъ тайны грядущаго. Халдеи уже съ самой глубокой древности умѣли бѣгло читать въ книгѣ неба судьбу людей. Какъ ни далеки отъ нашей земли звѣзды, онѣ принимаютъ, однако, участіе во всемъ, что на ней происходитъ. Это—одаренныя добрыми или злыми свойствами существа, свѣтъ которыхъ, пробѣгая пространство, дѣйствуетъ на разстояніи на все, чего онѣ коснется. Ихъ вліянія то совпадаютъ, то противодѣйствуютъ другъ другу, различно видоизмѣняясь, смотря по силѣ, съ которой они въ данное время проявляются, по положенію, которое звѣзды занимаютъ относительно другъ друга на небѣ, по часу ночи и мѣсяцамъ года, въ которые онѣ восходятъ и заходятъ. Каждая частичка времени, каждое дѣленіе пространства, каждая категория существъ и въ каждой изъ нихъ каждая особь животнаго, растительнаго и минеральнаго царства состоятъ подъ властью звѣздъ и подчинены ихъ неотвратимой волѣ. Человѣкъ рождается ихъ рабомъ и остается рабомъ до своего послѣдняго дня: звѣзда, вліяніе которой преобладало въ моментъ его рожденія, становится его звѣздою и управляетъ всею судьбою его.

Народы и царства, подобно отдѣльнымъ лицамъ, тоже состоятъ подъ властью отдѣльныхъ звѣздъ, или своихъ особыхъ, или тѣхъ, которыя управляютъ жизнью ихъ царей. Они растутъ и умалются въ силу вѣчно-возобновляющагося побужденія, которое дѣйствуетъ на нихъ свыше. Исторія ихъ прошлыхъ благоденствій и бѣдствій

изображена на ликѣ неба, и всё ожидающія ихъ въ будущемъ блага и несчастія написаны въ той же книгѣ ясно для всякаго, кто умѣетъ читать ее. Астрологи изучаютъ эту книгу уже въ продолженіе многихъ вѣковъ, и ихъ столѣтіями накопленныя наблюденія научили насъ многому: они позволяютъ намъ нынѣ знать природу и особенныя свойства каждой изъ свѣтящихся точекъ, озаряющихъ наши ночи, вычислять безъ чувствительной ошибки различныя отношенія, въ которыя онѣ становятся другъ къ другу; рѣшать, какія изъ нихъ проявляютъ болѣе власти на дѣла людей, въ какіе моменты эта власть дѣйствуетъ съ наибольшей силой, и въ какіе она слабѣетъ или уничтожается. Но и тѣ знаменія, которыя обнаруживаются въ небесахъ внѣ круга правильно совершающихся явленій, имѣютъ тоже очень важное значеніе въ этомъ предсказываніи по положенію небесныхъ свѣтилъ. Не безъ причины, напр., солнце и луна иногда окружаютъ себя кровавыми парами, скрываютъ ликъ свой за облакомъ, то тускнѣютъ, то вдругъ загораются нестерпимо яркимъ блескомъ; не даромъ порою загораются огни на предѣлахъ атмосферы, и въ инныя ночи звѣзды какъ бы срываются съ неба и падаютъ дождемъ на землю. Все это—знаменія, которыми боги возвѣщаютъ народамъ и царямъ наступленіе великихъ событій, и счастливъ тотъ, чьи глаза достаточно зорки, чтобы подмѣтить ихъ, чей умъ достаточно прозорливъ, чтобы уразумѣть ихъ, и у кого есть настолько благоразумія и холодной разсудительности, чтобы сообразовать свои дѣйствія съ тѣмъ, что они прорицаютъ.

Съ высоты своихъ этажныхъ башенъ астрономы каждую ночь наблюдаютъ небо, стараясь уловить въ немъ знаменія, которыя могли бы открыть имъ исходъ близкой войны между Ассиріей и Эламомъ; но небо какъ бы не хочетъ выдать имъ своей тайны. Въ донесеніяхъ, которыя они со всѣхъ сторонъ посылаютъ царю, значитъ, что состояніе атмосферы не позволило имъ сдѣлать до сихъ поръ ни одного опредѣленнаго наблюденія. Иштарнадиншумъ, глава астрологовъ въ Арбелѣ, пишетъ: „Миръ и благополучіе царю, моему господину, да благоденствуетъ онъ долгіе годы! 29-го я наблюдалъ узелъ луны, но тучи закрыли поле наблюденія, и мы не могли видѣть луны“. Набуа изъ Эль-Ассура и Набушумидинъ изъ Ниневіи говорятъ то же и почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Послѣдній, давая сводъ донесеній своихъ собратій для представленія царю, долженъ сознаться, что „27-го луна скрылась, что она не показывалась 29-го, и что 28-го, 29-го и 30-го былъ постоянно наблюдаемъ узелъ солнечнаго затменія, но затменія не произошло“.—Это упорное нежеланіе неба высказаться смущаетъ многихъ, и въ народѣ начинаютъ ходить самые печальныя слухи; многіе находятъ какое-то жгучее наслажденіе въ томъ, что собираютъ и распространяютъ самыя тревожныя предсказанія.

Одни разносят повсюду одно из наблюдений астронома Набому-сесси, которое гласит: „Если облако закрывает сердце созвездия Большого Льва, то сердце всей страны опечалено, и звезда государя меркнет“. А между тем, как раз в последнюю ночь перед Большим Львом проходило облако и отчасти заслонило его; значит — светила небесные осуждают страну на какую-то печаль, а о чем же ей было бы печалиться, если бы война с Эламом должна была кончиться благополучно? Другие рассказывают, что в предпоследнюю ночь луна при восходе своем была закрыта тучами, и что только одна нижняя половина ее была видима. Всякий знает, что это явление предвещает нашествие неприятеля на Ассирийскую землю и большую печаль для царя. Многие утверждают, что знамения Луны и Льва подтверждаются также и Венерой. Последняя три дня тому назад, 5-го таммуза, вошла как раз в тот самый момент, когда солнце уже было на закате, а это предвещает, с одной стороны, хороший урожай, а с другой — вступление в страну неприятельской армии. Первое предсказание, конечно, утешительно, но второе, очевидно, намекает на эламитянь.

Таковы нерадостныя речи людей, которых тревожит ожидание войны, или которым она может нанести ущерб. Другие, высказывая мысли менее мрачныя, запаслись более утешительными предзнаменованиями, которыя они и противопоставляют зловещим предсказаниям первых. Вот уже три раза сряду, с начала мѣсяца, как бог луны, Синь, омрачается на заре, не задолго до солнечнаго восхода, и вот уже три раза, как онъ вечеромъ, во время солнечнаго заката, окружаетъ себя облаками и не хочетъ освѣщать землю. Это явленіе рѣдкое, но настолько важное, что все прочія обыкновенныя знаменія утрачиваютъ передъ нимъ все свое значеніе. Оно возвѣщаетъ конецъ царствованія Туммана и разрушеніе его царства. Таково объясненіе царскихъ астрономовъ Ниневіи и Дурь-Шарукина, съ которыми вполне соглашается самъ Ассурбанипаль. И предсказаніе ихъ слишкомъ лестно для національной гордости, такъ что вскорѣ оно осиливаетъ въ народномъ умѣ все истолкованія прочихъ астрономовъ. По странѣ быстро расходится слухъ, что Синь высказался въ пользу Ассиріи, и съ этихъ поръ все получаемыя царемъ донесенія о движеніи небесныхъ свѣтилъ единогласно предвѣщаютъ ему полную побѣду. 11-го таммуза замѣчено зеленоватое сіяніе на небѣ — значитъ, страна Элама будетъ разорена. 14-го, подъ вечеръ, луна и солнце были видимы въ одно и то же время, какъ бы уравновѣшивая другъ друга на противоположныхъ краяхъ горизонта, — доказательство, что боги замышляютъ нѣчто благоприятное для благоденствія Асура. 16-го, Юпитеръ ярко сіялъ среди ночи — предвѣстіе сраженія, въ которомъ погибнетъ много

непріятелей, тѣла которыхъ останутся безъ погребенія. И такъ каждый день и каждая ночь приносятъ новое знаменіе, которое подтверждаетъ прежнія и усугубляетъ ихъ силу.

Глубокія познанія по этимъ предметамъ, которыми обладаютъ ассирійцы, не исключая и простого народа, изумляютъ иностранцевъ и приводятъ ихъ къ заключенію, что почти всякій житель береговъ Евфрата—астрономъ или колдунъ. А между тѣмъ нѣтъ надобности быть великимъ ученымъ, чтобы понимать языкъ звѣздъ, такъ какъ Ассирія изобилуетъ книгами, легко научающими этой мудрости. Въ книгохранилищѣ Ассурбаницала находится, по меньшей мѣрѣ, около сорока такихъ сочиненій, и это только главные, классическія творенія въ этой области знанія; а есть еще гораздо большее число другихъ, которыя не пользуются равнымъ съ ними авторитетомъ, но тѣмъ не менѣе очень усердно читаются и тщательно обсуждаются въ народѣ. Одни изъ нихъ трактуютъ о затмѣніяхъ луны и событіяхъ, которыя возвѣщаются этими затмѣніями. смотря по мѣсяцу и дню мѣсяца, въ которые они происходятъ. Другія изучаютъ движенія каждой планеты въ отдѣльности и то вліяніе, которое онѣ производятъ на землю, дѣйствуя отдѣльно или являясь на небѣ въ сочетаніи съ двумя или тремя другими планетами. Затѣмъ есть еще сборники предсказаній, извлеченныхъ изъ наблюденій надъ грозами. Такъ, напр., громъ на 27-е таммуза предвѣщаетъ отличный урожай и обильный умолоть; громъ шестью днями позднѣе, 2-го абу, предрекаетъ наводненія или дожди, кончину царя и раздѣленіе его царства; 3-го—повсемѣстно будетъ свирѣпствовать повальная болѣзнь; 4-го—угрожаетъ городамъ землетрясеніемъ. Календарь такой чрезвычайно полезенъ народу-воину: онъ ему обозначаетъ благопріятныя и неблагопріятныя условія каждаго мѣсяца для его военныхъ предпріятій. Мѣсяць таммузь, говорится тамъ, напр., благопріятенъ для выступленія въ походъ или укрѣпленія городовъ, но пагубенъ для сраженій въ открытомъ полѣ или для взятія городовъ приступомъ; мѣсяць же ііаръ представляетъ противоположныя свойства: онъ хорошъ для сраженій и приступовъ, но въ продолженіе его должно избѣгать начинать кампанію или строить крѣпости.

Все это—обиходное чернокнижіе, съ которымъ при нѣкоторомъ вниманіи легко справляется каждый, ищущій въ немъ назиданія и совѣта. Но есть другія книги, которыя требуютъ уже долгихъ годовъ усидчиваго труда и доступны только настоящимъ ученымъ. Ими пользоваться съ толкомъ въ состояніи лишь тотъ, кто самъ дѣлалъ наблюденія надъ звѣздами и научился слѣдить за ихъ движеніями по небеснымъ путямъ. Трудъ посвященія въ ихъ таинства тяжелъ и продолжителенъ, но зато каждый посвященный становится какъ-бы глашатаемъ боговъ на землѣ. Судьба вѣщаетъ людямъ ихъ устами и каждую ночь открываетъ имъ частицу грядущаго.

душаго. Это великая, но иногда и опасная честь для нихъ. Цари не предпринимають ничего, не посоветовавшись напередъ съ ними, и возлагають на нихъ всю отвѣтственность и заботу выбора момента, наиболѣе благоприятнаго для исполненія своихъ замысловъ. Стоитъ лишь на секунду поддаться усталости при наблюденіи неба, поставить неточныя цифры въ вычисленіи, совершить ошибку при чтеніи звѣздной книги или истолкованіи ея предзнаменованій— и въ результатѣ можетъ получиться гибель государя, положившагося на нихъ. Иной царь, объявившій войну, потерпѣвшій поражение и даже смерть въ начатой имъ войнѣ, спокойнo остался бы дома, если бы его астрологъ былъ искуснѣе и повнимательнѣе. Свѣтила порицали эту войну и предвѣщали ей роковой исходъ, но астрологъ не понималъ ихъ рѣчи и счелъ за поощреніе то, въ чемъ слѣдовало видѣть угрозу: невѣжество или неразуміе слуги повело къ гибели его господина.

Въ Египтѣ большая часть книгъ, посвященныхъ наукѣ, считаются священными, переданными людямъ въ видѣ откровенія, изложеннаго самими богами *). Ассирійяне не приписываютъ столь высокаго происхожденія твореніямъ, научающимъ ихъ познавать движенія и вліянія свѣтилъ. Они ведутъ ихъ начало отъ ученыхъ различныхъ эпохъ, которые добыли свои знанія изъ непосредственныхъ наблюденій надъ небомъ. Ихъ древнѣйшіе астрономы, созерцая каждую ночь небесныя воинства звѣздъ, подмѣтили, что каждому измѣненію ихъ вида и ихъ взаимнаго сочетанія постоянно соотвѣтствуетъ одна и та же неизмѣнная совокупность явленій и событій на землѣ. Когда, напр., Юпитеръ во время восхожденія сіялъ свѣтомъ, похожимъ на дневной, а темныя полосы, проходящія по его диску, расположились такъ, что придали ему видъ обоюдоостраго меча, то въ это время въ странѣ повсюду господствовало изобиліе и богатство; несогласіе исчезало, и правда торжествовала надъ кривдой. Первый, замѣтившій это совпаденіе, былъ пораженъ этимъ и записалъ его. Другіе, слѣдовавшіе за нимъ, удостовѣрились въ точности его наблюденій и, наконецъ, вывели общій законъ изъ фактовъ, собранныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ по этому предмету. И вотъ, блескъ и особенное положеніе Юпитера, описываемое въ ихъ книгахъ, стали „благоприятнымъ знаменіемъ, приносящимъ счастье землевладѣльцамъ, распространяющееся на зависящія отъ нихъ земли. Пока это явленіе существуетъ, въ Халдеѣ не можетъ быть чужеземнаго властителя, тираннія находится въ междоусобицѣ, вездѣ царствуетъ правда, и управление находится въ рукахъ могучаго государя. Царь и собственники

*) См. стр. 97 о божественномъ происхожденіи медицинскихъ книгъ въ Египтѣ.

крѣпко ограждены въ своихъ правахъ; и послушаніе и спокойствіе господствуютъ въ странѣ“.

Число подобныхъ наблюденій увеличилось до такой степени, что стало необходимо распределить ихъ по отдѣламъ, привести ихъ въ правильный порядокъ, чтобы не растеряться при ихъ множествѣ. Вскорѣ составлены были таблицы, гдѣ, рядомъ съ указаніями состоянія неба въ такой-то часъ и въ такую-то ночь, упоминались событія, происшедшія въ то же время или немного позднѣе въ Халдеѣ, Ассиріи и чужихъ странахъ. Этимъ способомъ пришли къ убѣжденію, что: „если луна не различается по виду 1-го и 28-го числа мѣсяца—это дурной знакъ для Сиріи, а если она была видима 20-го, то это предвѣщаетъ хорошее для Халдеи и дурное для Ассиріи“. Если видъ луны одинаковъ 1-го и 27-го, то бѣда угрожаетъ Эламу; но, „если солнце во время заката кажется вдвое болѣе своей обыкновенной величины и снабжено тремя пучками голубоватыхъ лучей,—гибель царя неминуема“. Мало-помалу всѣ эти наблюденія были собраны, сомнительныя изъ нихъ проверены, ложныя отброшены, а изъ остальныхъ составленъ какъ бы нѣкоторый сводъ предзнаменованій, предвѣщающихъ судьбы людей и управляющихъ ими. Древній Саргонъ изъ Аганэ, царствовавшій болѣе двадцати вѣковъ тому назадъ *), сдѣлалъ систематическій сводъ всѣхъ добытыхъ до него результатовъ въ обширномъ сочиненіи, которое по приказанію Ассурбанипала было списано для его библіотеки и заняло не менѣе 70 плитокъ. Эта книга подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ въ царствованіе Нарамсина, сына Саргона, и впослѣдствіи снова была нѣсколько разъ передѣлываема по мѣрѣ развитія самой науки. Въ настоящее время она считается твореніемъ классическимъ, авторитетъ котораго всѣми признается и рѣшаетъ всѣ препирательства. Всякій разъ, какъ царскіе астрономы получаютъ запросъ относительно разъясненія какого нибудь обыкновеннаго небеснаго явленія или небеснаго чуда, они прежде всего справляются, что сказано объ этомъ въ таблицахъ Саргона, и, если найдутъ его тамъ, что случается девяносто девять разъ на сто, то довольствуются тѣмъ, что дѣлаютъ изъ нея соответствующую заданному имъ вопросу выписку, присоединяютъ къ ней свое имя и отсылаютъ, не осмѣливаясь по большей части прибавить къ ней ни одного слова отъ себя. Нельзя не проникнуться глубокимъ изумленіемъ, когда подумаешь о вкладѣ терпѣнія, трудолюбія и глубокомыслія, которые должны были потратить старые учителя, чтобы собрать матеріалы для своего великаго творенія и заложить твердыя основанія для него. Нынѣшнимъ ученымъ дешевле обходится ихъ наука. Имъ достаточно имѣть

*) Не надо забывать, что изложенныя въ этомъ разсказѣ событія происходили приблизительно за 650 лѣтъ до Р. X.

только хорошіе, привычныя къ наблюденіямъ глаза, чтобы отыскивать на небесахъ сочетанія звѣздъ, описанныя въ книгѣ Саргона, да хорошую память, чтобы сразу примѣнить къ своимъ наблюденіямъ то мѣсто, гдѣ подробно перечисляются подходящія къ нимъ предсказанія.

Весь мѣсяць таммузъ ушелъ на матеріальныя и мистическія приготовленія къ войнѣ; много было призвано людей, и у многихъ боговъ были испрошены совѣты. Войско уже готово къ выступленію, но его еще не трогаютъ съ мѣста; только что наступилъ мѣсяць абу, а извѣстно, что онъ—самый неблагопріятный для похода. Кампанія, слѣдовательно, начнется только въ слѣдующемъ мѣсяцѣ—улуль, который, по предсказаніямъ календарей, особенно благопріятствуетъ открытію военныхъ дѣйствій. Кромѣ того, мѣсяць абу посвященъ большимъ годовымъ празднествамъ, совершающимся въ честь Иштары въ храмѣ Арбелы. Ассурбанипаль съ великою пышностью отправляется туда со всѣмъ дворомъ. Онъ каждый день самъ совершаетъ жертвоприношенія богинѣ, и каждую ночь съ высоты этажной башни астрономы пытаются взглядами небесную глубь, открывая въ ней новыя знаменія, предсказывающія побѣды. Первые извѣстія, полученные изъ Элама, подтверждаютъ ихъ предсказанія. Тіумманъ внезапно захворалъ; его глаза помрачились, губы посинѣли, и сердце поразили сильныя судороги. Это—последнее предостереженіе, которое посылаютъ ему Ассуръ и Иштара прежде, чѣмъ поразить его на смерть; такъ въ Ассиріи всѣ это и понимаютъ; но онъ не обратилъ на него никакого вниманія. Едва оправившись отъ болѣзни, онъ прямо изъ Сузы отправился къ своему войску. Черезъ изгнанниковъ, племянниковъ его, сохранившихъ тайныя сношенія съ окружающими его лицами, дошло извѣстіе, что онъ произнесъ богохульныя слова противъ Иштары, когда узналъ объ арестѣ своихъ посланцевъ, и что онъ принялъ рѣшеніе не успокоиться до тѣхъ поръ, пока не разобьетъ на-голову ассиріянъ. „Этого несчастнаго царя“, сказалъ будто-бы онъ, „Иштара совѣмъ свела съ ума, и я не отстану отъ него до тѣхъ поръ, пока не дамъ ему себя знать и не помѣряюсь съ нимъ!“

Извѣстна любовь, которую Ассурбанипаль питаетъ къ богинѣ Иштарѣ; дерзость Тіуммана исполняетъ его ужасомъ. Вѣсть о богохульныхъ рѣчахъ его противника, пришедшая вмѣстѣ съ сообщеніемъ о вступленіи передовыхъ эламскихъ отрядовъ на ассирійскую землю, получена имъ поздно вечеромъ, когда солнце давно уже закатилось. Но онъ не хочетъ дожидаться утра, чтобы испросить прощеніе у богини за оскорбленія, которымъ она подверглась вслѣдствіе своего расположенія къ нему. Среди глубокой ночи онъ поспѣшно идетъ въ ея храмъ, вступаетъ во святилище и прямо подходитъ къ вѣщей статуѣ богини. Передъ нею горитъ

одна лампада, мерцающей свѣтъ которой смутно озаряетъ ея неподвижныя формы, оставляя въ густомъ мракѣ все остальное въ комнатѣ. Онъ со слезами падаетъ ницъ передъ нею и простираетъ къ ней руки: „О, владычица Арбелы! я, Ассурбанипаль, созданіе твоихъ рукъ и созданіе Ассура, отца, породившаго тебя; и вы создали меня для того, чтобы я возобновилъ храмы Ассиріи и довершилъ во всей ихъ красѣ великіе города страны Аккадъ. И вотъ, я прибылъ сюда, въ твое жилище, чтобы навѣстить тебя и воздать тебѣ божескія почести, ибо этотъ Тіумманъ, царь Элама, который не почитаетъ боговъ, возсталъ противъ меня и идетъ на меня войною. Ты—госпожа надъ господами, царица битвъ, начальница войнъ, ты владычица боговъ, которая всегда ходатайствовала за меня передъ Ассуромъ, чтобы расположить ко мнѣ сердце Ассура и Меродаха, твоего товарища. Но Тіумманъ, царь Элама, тяжко согрѣшилъ передъ Ассуромъ, царемъ боговъ, отцомъ, который породилъ тебя, и передъ Меродахомъ, твоимъ братомъ и твоимъ товарищемъ, и даже передо мной, Ассурбанипаломъ, который всегда старался услаждать сердце Ассура и Меродаха; онъ созвалъ своихъ воиновъ, онъ двинулъ въ походъ свое войско и приготовился къ битвѣ; онъ облекся во оружіе, чтобы напасть на Ассирію. Ты—божественная воительница, рассылающая стрѣлы, подавляющая всю тяжестью твоей среди битвъ, порази его, налети на него подобно вихрю смертоносной грозы!“

Статуи боговъ въ Ассиріи, такъ же какъ въ Египтѣ *), одушевлены духомъ существа, которое онѣ изображаютъ. Онѣ слышатъ, говорятъ и движутся. Иштара была тронута мольбами своего любимца, которыя онъ произносилъ передъ нею рыдая. „Не бойся ничего“, говоритъ она и наполняетъ его сердце радостью: „ты простеръ ко мнѣ съ моленіемъ руки, твои глаза полны слезъ—и я за это изолью на тебя мою благодать!“ Голосъ богини умолкъ. Возобновившаяся тишина стала еще торжественнѣе. Царь, оставшись одинъ, окруженный слабымъ мерцаніемъ лампы, вдругъ почувствовалъ посреди своей радости священный ужасъ, холодный трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу, и волосы его стали дыбомъ.

Въ ту самую ночь и въ тотъ самый мигъ, когда онъ изливалъ свои жалобы передъ богиней, одинъ изъ сновидцевъ храма видѣлъ сонъ. Небо—открытая книга, которую читаетъ всякій, кто хочетъ; пользование ею не составляетъ исключительнаго права немногихъ, а есть право всѣхъ. Но боги владѣютъ великимъ множествомъ другихъ способовъ открывать грядущее лицамъ, которыхъ они достаиваютъ своего расположенія или ненависти, и чаще всего

*) См. стр. 41—42 и 53, что сказано было о пророчающихъ статуяхъ Египта.

они пользуются для этого сновидѣніями. Сновидѣнія, обыкновенно нарушающія спокойный сонъ существъ, это — особаго рода воздушныя видѣнія, которыя, благодаря необыкновенно легкой подвижности своей субстанціи, могутъ быстро принимать какія угодно формы и такъ же быстро мѣнять ихъ на другія. Они двигаются, дѣйствуютъ, говорятъ, и всякое малѣйшее ихъ движеніе, всякое дѣйствіе и всякое слово ихъ имѣетъ сокровенную связь съ событіями, которыя предуготованы въ жизни человѣка или народа. Порою эти предувѣдомленія, ниспосылаемые людямъ свыше, выражены въ прямой и ясной рѣчи, не нуждающейся въ толкованіяхъ: грядущее является передъ нами безъ завѣсы; но чаще всего они облечены въ аллегоріи и символы, и въ этомъ случаѣ приходится прибѣгать къ помощи человѣка, умудреннаго въ искусствѣ толкованія сновъ, чтобы уразумѣть странную и несвязную рѣчь этихъ прорицаній.

У истолкователей сновъ, такъ же, какъ у астрологовъ, имѣются руководства для исполненія ихъ обязанностей, излагающія ученія, которыя выведены изъ наблюденій, сдѣланныхъ ихъ предшественниками въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Въ одномъ изъ такихъ руководствъ, находящемся въ книгохранилищѣ Ассурбанипала, сообщается, напр., что готовитъ судьба человѣку, который видитъ во снѣ чудовищныхъ животныхъ, соединяющихъ въ себѣ туловище медвѣдя, льва или собаки съ лапами какого-нибудь другого животнаго, или которому снится дохлая рыба, рыба вмѣстѣ съ птицами. Все это — очень зловѣщія предзнаменованія, и потому слѣдуетъ, проснувшись, тотчасъ же произнести молитву Солнцу, которое можетъ ослабить и даже совсѣмъ отстранить ихъ гибельное дѣйствіе. Какъ ни самопроизвольны сновидѣнія, и какъ, повидимому, ни безсильна надъ ними власть человѣка, но увѣряютъ, что, повторяя нѣкоторыя молитвы и совершая извѣстныя дѣйствія, люди могутъ вызывать ихъ по произволу. Существуютъ, наприм., такіе талисманы, которые всякому, кто ихъ носитъ на себѣ, сообщаютъ способность видѣть сны, предсказывающіе правду, и не забывать ихъ послѣ пробужденія. Въ важныхъ случаяхъ за нѣсколько дней впередъ готовятся въ воздержаніи, постѣ и молитвѣ; послѣ чего удаляются въ храмъ или просто въ уединенную комнату и тамъ проводятъ ночь. Ложась спать, точно слагая въ умѣ вопросъ, который желаютъ задать судьбѣ; если вопрошающему не спится, то надо вызвать сонъ искусственно различными снотворными питьями, приготовленіе которыхъ составляетъ тайну снотолкователей. Такое достиженіе видѣній во снѣ составляетъ религіозный обрядъ, — вызваніе на себя соннаго наважденія, — каждый пріемъ его въ подробности предписанъ строгими правилами, смотря по тому, обращаются ли къ богамъ вообще, къ одному изъ нихъ, или къ душамъ покойниковъ. Получаемые отвѣты, собственно говоря,

должны бы быть всегда вполне достоверными, если бы снотолкователи не сбивались частенько въ оцѣнкѣ подробностей сновидѣнія, которыя всегда сопровождаютъ существенныя черты послѣдняго. Отсюда происходитъ немало разочарованій, на которыя вѣрующіе горько плачутся и даже иногда упрекаютъ совершенно напрасно въ недоброжелательствѣ къ нимъ самихъ боговъ. Боги никогда не отказываются вѣспосылать правдивыя сны, если ихъ объ этомъ просятъ съ искреннею вѣрою и съ соблюденіемъ предписанныхъ обрядовъ: чѣмъ же виноваты боги, если чувства самихъ людей слишкомъ грубы, и они не умѣютъ разгадать значеніе сновъ?

Большая часть ассирійскихъ храмовъ имѣютъ своихъ собственныхъ сновидцевъ и сновидицъ, постоянно состоящихъ при нихъ, прямая обязанность которыхъ состоитъ въ познаніи воли боговъ или черезъ непосредственное откровеніе во время обдѣнія, или черезъ сновидѣнія. Въ Вавилонѣ эту должность исполняетъ женщина, которая обитаетъ на верху этажной башни; тамъ она и ожидаетъ каждую ночь посѣщенія бога; а въ Арбелѣ и Ниневіи сновидцами въ храмахъ Иштары служатъ мужчины, которые и ночуютъ въ этихъ храмахъ. Одному изъ нихъ Иштара явилась въ ту самую ночь, когда царь обратился къ ней съ своей пламенной молитвой, и онъ донесъ царю объ этомъ сновидѣніи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Иштара, обитающая въ Арбелѣ, предстала предо мною: на правомъ и лѣвомъ плечахъ у нея были два колчана, въ одной рукѣ она держала лукъ, а въ другой—тяжелый боевой мечъ. Она приблизилась къ тебѣ и, какъ мать, родившая тебя, стала говорить тебѣ. И вотъ Иштара, величайшая изъ боговъ, повелительнымъ голосомъ сказала тебѣ: „Ты молилъ меня о побѣдѣ—я буду слѣдовать за тобой повсюду!“ Ты ее спросилъ: „Державная изъ державныхъ! куда ты пойдешь, могу ли я идти съ тобою?“ Тогда она отвѣтила тебѣ: „Останься на мѣстѣ, посвященномъ Небо; вкушай твою пищу, услаждайся виномъ, вели развлекать себя музыкой и прославляй мое божество. А я между тѣмъ пойду на бой, исполню мои предначертанія и лицо твое не поблѣднѣетъ, твои ноги не споткнутся, и твоя красота не померкнетъ въ пылу сраженія!“ Она укрыла тебя на своей груди, какъ добрая мать, окутала тебя со всѣхъ сторонъ. Изъ нея изыдетъ пламя, она изрыгнетъ его на твоихъ враговъ, и оно пожретъ ихъ, ибо она обратила свой ликъ противъ Тіуммана, царя Элама, который ненавистенъ въ очахъ ея“.

Если бы предсказанія звѣздъ еще оставляли нѣкоторыя сомнѣнія, то откровеніе, которое Иштара соблаговолила изречь устами своего прорицателя, разсѣяло ихъ окончательно. Богохульства Тіуммана переполнили чашу гнѣва богини; съ этой минуты война противъ Элама стала ея войною, и она хочетъ вести ее одна. Ассурбанипалу не зачѣмъ отправляться къ войску; Иштара

приказываетъ ему оставаться въ своемъ дворцѣ и жить тамъ въ удовольствіи, а она сама станетъ во главѣ его войскъ и поведетъ ихъ къ побѣдѣ. Вѣсть объ этомъ чудесномъ явленіи Иштары разгласилась по всеѣмъ городамъ и привела всю Ассирію въ неописанный восторгъ. Брюзгливые и робкіе люди увлекаются вѣрою другихъ и забываютъ зловѣщія предзнаменования, которымъ они прежде придавали столько важности; если же они объ нихъ еще и упоминаютъ, такъ ради только собственнаго оправданія: они-де ихъ толковали въ дурную сторону, а между тѣмъ стояло только немножко повнимательнѣе подумать, чтобы тотчасъ же убѣдиться въ ихъ благопріятномъ для Ассиріи значеніи. Съ неменьшимъ удовольствіемъ слушаютъ и воины рассказы объ этомъ видѣніи. На нихъ оно особенно сильно подѣйствовало. Всякое неблагопріятное предсказаніе удручаетъ ихъ духъ, подавляетъ храбрость и предаетъ ихъ безъ сопротивленія непріятелю; цѣлые отряды, которые въ обыкновенное время ни на мигъ не поколебались бы пожертвовать собой все до единого, часто бѣжали при первомъ непріятельскомъ натискѣ, если предсказанія были неблагопріятны. При мысли, что высшія силы за нихъ не заступятся, у нихъ пропадало мужество, и увѣренность, что они подвергаются опасности свою жизнь за дѣло, напередъ потерянное, приводила ихъ къ тому, что они безсильно опускали руки. Но, если знаменія небесныхъ свѣтилъ имъ благопріятны, и притомъ прорицатели обѣщаютъ имъ помощь свыше, тогда на нихъ можно полагаться вполне: успѣхъ зависитъ отъ вѣры, которую они питаютъ къ своимъ оракуламъ, и, когда войско думаетъ, что боги сражаются вмѣстѣ съ нимъ, его можно считать болѣе чѣмъ на половину побѣдителемъ.

Въ то время, когда ассирійскія божества такимъ образомъ вооружаются на борьбу, боги Элама съ своей стороны проявляютъ не менѣе дѣятельности въ приготовленіяхъ къ ней. Если бы они оставались даже глухи къ пробужденію національной гордости, собственный ихъ интересъ долженъ былъ бы побудить ихъ къ принятію участія въ ней. Въ тотъ день, когда ниневійскіе полководцы выйдутъ побѣдителями надъ ихъ военачальниками, установится главенство не только Ниневіи и Ассурбанипала надъ Тіумманомъ и Сузой, но и первенство Бела, Асура, Иштары надъ Шушинакомъ, который обитаетъ въ глубинѣ таинственныхъ лѣсовъ и незримо присутствуетъ повсюду, надъ Шумуду, Лагамаромъ, Партикира, Амманкасибаромъ, Удураномъ, Сапакомъ, надъ всеѣми божествами, которымъ поклонялись древніе эламскіе цари. Въ прежнее время они водили вѣрующихъ въ нихъ на завоеваніе Халдеи и возвели на вавилонскій тронъ эламитскую династію. Правда, потомъ они терпѣли пораженія и потеряли области, которыя они завоевали прежде, но отстояли до послѣд-

ного времени независимость Элама и сохранили за послѣднимъ добычу, пріобрѣтенную во время прежнихъ войнъ съ чужими народами. Статуя богини Нанай, которую они взяли въ Урукъ, еще и теперь хранится въ главномъ храмѣ Сузы, куда царь Кудурнанхунди велѣлъ поставить ее болѣе шестнадцати вѣковъ тому назадъ, возвратившись изъ похода. Немало находится нерѣшительныхъ и боязливыхъ людей даже между приближенными царя, которые страшатся войны и всячески отговариваютъ отъ нея; одинъ изъ сыновей Тіуммана, между прочимъ, принадлежитъ къ числу ихъ и постоянно ставитъ на видъ своему отцу, какъ велико могущество Ассиріи, и каждый разъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, повторяетъ ему: „Не надѣйся на побѣду!“ Большинство полководцевъ и придворныхъ сановниковъ, впрочемъ, не раздѣляютъ его опасеній, и боги всѣми способами стараются возбудить духъ своихъ защитниковъ. Ихъ астрономы отвѣчаютъ на благоприятныя для ассирійцевъ сочетанія свѣтилъ другими сочетаніями, общающимися близкое торжество Элама. Ихъ сновидцы противопоставляютъ свои вѣщія сны предсказаніямъ сновидцевъ Иштары, которыхъ они уличаютъ во лжи, а самъ Тіумманъ, ободренный предсказаніями своихъ волхвовъ, злословитъ въ кощунственныхъ выраженіяхъ Арбельскую богиню. Эламитскіе оракулы предсказываютъ скорое паденіе Ассиріи, разграбленіе Ниневіи, плѣнъ и казнъ Ассурбанипала.

Такъ бываетъ обыкновенно каждый разъ, когда объявляется война между двумя народами; битва людей осложняется войною между собою боговъ противныхъ сторонъ. Боги незримо присутствуютъ въ военныхъ станахъ, вмѣшиваются въ самую средину схватокъ между непріятелями, защищаютъ своимъ тѣломъ своихъ полководцевъ и, если могутъ, поражаютъ непріятельскихъ. Въ случаѣ побѣды, они берутъ въ плѣнъ непріятельскихъ боговъ и налагаютъ на нихъ дань; въ случаѣ пораженія, они, въ свою очередь, подчиняются закону болѣе сильнаго. Тогда забираютъ ихъ статуи, ихъ сокровища, ихъ служителей, разрушаютъ ихъ храмы, вырубаютъ священныя роши — на ихъ долю выпадаетъ рабство, можетъ быть, даже смерть, какъ и на долю поклоняющихся и боготворящихъ ихъ людей.

ГЛАВА XVIII.

Война.

Быстрый походъ ассирійскаго войска.—Его прибытіе въ Дурилу отрѣзываетъ Эламъ отъ Халдеи.—Тумманъ сосредоточиваетъ свои войска впереди Сузы.—Устройство ассирійскаго войска.—Пѣхота.—Военныя колесницы.—Конница.—Эламитское войско: его расположеніе при Туллизѣ.—Сраженіе при Туллизѣ.—Смерть Туммана.—Перепись военной добычи.—Сдача Сузы.—Провозглашеніе Умманигаша сузскимъ, а Таммариту—хидалускимъ царемъ.

Насколько мѣсяць абу пагубенъ, настолько слѣдующій за нимъ благопріятенъ для военныхъ предпріятій; въ первыхъ числахъ улула войско выступило въ походъ. Эламъ защищенъ со стороны Ниневіи высокими, лѣсистыми, почти непроходимыми горами, въ которыхъ обитаетъ полуварварское племя Каши; переваль черезъ горы потребовалъ бы большихъ жертвъ, и, по всей вѣроятности, пришлось бы потерять тамъ цѣлую половину дѣйствующаго войска раньше прибытія на мѣсто настоящей войны. Поэтому ассирійцы обыкновенно нападали на Сузіану черезъ юго-западную границу, около мѣстности, гдѣ воды Укнуну и Улаи сливаются съ водами Тигра и Евфрата. Да и въ этомъ мѣстѣ почва для нападающаго представляетъ большія трудности. Она болотиста, нездорова, перерѣзана прудами, рѣчками и каналами, которые на каждомъ шагу затрудняютъ военныя передвиженія и дѣйствія; но уже хорошо то, что находишься какъ разъ въ сердцѣ страны, лишь только преодолѣешь эти водныя препятствія. И вотъ войско быстро спускается вдоль берега Тигра, и черезъ десять дней послѣ своего выступленія оно уже подъ стѣнами Дурилу. Прошло почти уже столѣтіе съ того времени, какъ начались ожесточенныя войны между Эламомъ и Ассиріей, и Дурилу приобрѣлъ такую стратегическую важность, которой прежде и не подозрѣвали. Саргонъ далъ тутъ первое сраженіе противъ Умманигаша, сраженіе, вызвавшее ярые споры и съ той и съ другой стороны, и успѣхъ въ немъ каждая изъ сторонъ приписываетъ себѣ. Саргонъ тутъ укрѣпился, оставилъ гарнизонъ

и назначилъ начальника, вѣдѣнію котораго Сennaхерибъ, а потомъ Ассурбанипаль вѣбрили довольно обширную область. Теперь это—главный городъ важнаго въ стратегическомъ отношеніи округа, который господствуетъ надъ низовьями Тигра и затрудняетъ, если не совсѣмъ отрѣзываетъ, сообщенія между Сузой и Вавилономъ.

Быстрота, съ какою были исполнены подготовительныя дѣйствія, привела въ замѣшательство Тіуммана и разстроила всѣ его планы. Онъ рассчитывалъ, что передъ нимъ много еще времени, что онъ успѣетъ войти въ переговоры съ арамейскими племенами и маленькими халдейскими царствами и поднять ихъ противъ Ассиріи. Его интриги удалась ему только между жителями Гамбула, которые открыто стали на его сторону; но неожиданное появленіе передовыхъ ассирійскихъ отрядовъ быстро положило конецъ его проискамъ и уничтожило въ самомъ началѣ поползновенія къ возстанію, которыя начали было уже проявляться. Ассурбанипаль не предводительствовалъ своими войсками лично самъ. Онъ въ точности исполнялъ велѣнія Иштары; онъ остался въ Арбельскомъ дворцѣ и проводилъ время, устраивая торжества и пиры. Туртану справа, Бельнагидъ *), по внушенію богини, направляетъ военныя дѣйствія, а рядомъ съ нимъ эламитскіе князья предводительствуютъ многочисленнымъ отрядомъ своихъ сторонниковъ, бѣжавшихъ вмѣстѣ съ ними въ Ассирію. На всемъ пути они провозглашаютъ, что они идутъ не врагами, чтобы покорить страну иноземному владычеству, а союзниками, чтобы возвести на тронъ законныхъ наслѣдниковъ,—и эти заявленія собираютъ вокругъ нихъ тысячи сторонниковъ. Тіумманъ, оставленный на первыхъ же порахъ войны союзниками, которыхъ онъ рассчитывалъ увлечь за собою, уже не могъ полагаться даже на вѣрность своихъ подданныхъ: при малѣйшей неудачѣ можетъ вспыхнуть возстаніе, и тогда онъ пропадетъ. Такъ какъ ему придется, по всей вѣроятности, дать только одно сраженіе, онъ рѣшается дать его, по крайней мѣрѣ, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Онъ наскоро отзываетъ войска, которыя онъ разсѣялъ вдоль границы, подкрѣпляетъ новыми отрядами, и изъ всего этого составляетъ большую армію, которую и располагаетъ при деревнѣ Туллизѣ, впереди Сузы. Позиція выбрана какъ нельзя лучше: она совершенно закрываетъ подступы въ столицѣ, даже господствуетъ надъ самимъ городомъ, гдѣ волнуются сторонники его предшественниковъ и защищаетъ дороги, ведущія въ Мадакту, въ гористую часть страны. Если Тіумманъ побѣдитъ однимъ

*) Текстъ не даетъ намъ имени лица, которое было главнокомандующимъ въ войнѣ противъ Элама. Но, такъ какъ Бельнагидъ занималъ около этой эпохи должность, то я вывожу его на сцену, чтобы избѣжать вѣчнаго повторенія титула туртану.

ударомъ, тогда онъ возвратитъ все, что вынужденъ былъ прежде потерять; побѣжденный, онъ сохраняетъ за собой вѣрное средство укрыться въ горы и тамъ продолжать защищаться.

Ассирійское войско представляетъ военную машину, устроенную самымъ совершеннымъ образомъ, подобной ей въ мѣръ до сихъ поръ не существовало. Даже египтяне въ эпоху самаго великаго своего могущества, при Тутмозу III и Рамзесѣ II, не располагали силами, ни лучше обученными, ни лучше вооруженными *). Кузнечное и оружейное дѣло сдѣлало послѣ нихъ такія громадныя успѣхи, что ихъ лучшимъ войскамъ при столкновеніи съ ассирійскими войсками пришлось бы, пожалуй, уступить. Собственно не недостатокъ храбрости и дисциплины у египтянъ, а несовершенство ихъ вооруженія обезпечивало ниневійскимъ царямъ, начиная съ Саргона, преимущества надъ фараонами Дельты, Оивъ и Мероэ. Въ то время, какъ египтяне сражаются еще большею частью съ однимъ щитомъ въ качествѣ оборонительнаго оружія, ассирійцы, можно сказать, закованы съ головы до ногъ въ желѣзо. Ихъ тяжелая пѣхота состояла изъ копейщиковъ и стрѣлковъ изъ лука, которые носили коническій шлемъ съ наушниками для защиты ушей, кожаную рубашку, покрытую сплошь металлической чешуей, защищающую туловище и верхнія части рукъ, кожаный передникъ, доходящій до колѣнъ, узкіе штаны и сандалии, укрѣпляющіяся сверху ремнями. Копейщики вооружены копьями длиною въ 6 футовъ, съ бронзовымъ или желѣзнымъ остроконечіемъ, на поляхъ носятъ короткій мечъ, огромный металлическій щитъ, иногда круглый и выпуклый, иногда закругленный только сверху и прямоугольный въ нижней части. У стрѣлковъ не бываетъ щитовъ, они вооружены лукомъ и колчаномъ, который привѣшивается наискось за спиною. Въ легкой пѣхотѣ тоже есть копейщики, которые носятъ шлемы, шишаки которыхъ загнуты сзади напередъ; они снабжены небольшими круглыми щитами изъ ивоваго дерева; стрѣлки въ ней не надѣваютъ кирасы, и они обыкновенно присоединяются къ войскамъ вооруженнымъ палицами и обоюдоострыми сѣкирами, или къ пращникамъ.

Копейщики и стрѣлки большею частью ассирійскаго происхожденія или набираются изъ зѣмель, уже давно подчиненныхъ ассирійцамъ; остальные части войска набираются между народами, платящими имъ дань; эти носятъ свои національныя одежды. Всѣ эти войска распределены на роты, и они маневрируютъ съ такою правильностью, что даже сами иноземцы отдають имъ дань удивленія. Еще во времена Саргона и Сеннахериба, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ іудейскихъ пророковъ, Исаія, бывший совѣтникомъ при

*) О снаряженіи египетскихъ войскъ см. выше стр. 67, 68 и 71.

царѣ Іезекіи въ его борьбѣ съ ассирійцами, изумлялся ихъ военной выправкѣ. „Между ними нѣтъ ни усталого, ни спотыкающагося, ни соннаго, ни объятаго дремотой; не замѣчается ни одного распушеннаго пояса, ни развязанныхъ ремней ихъ сандалій“. Они ходятъ съ необыкновенной быстротой, не оставляя по дорогамъ отсталыхъ или неспособныхъ къ строю; ихъ полководцы не боятся утомить своихъ людей усиленными переходами, отъ которыхъ быстро изнемогли бы воины другихъ народовъ. Черезъ рѣки они переправляются въ бродъ или при помощи надутыхъ мѣховъ. Когда имъ случается проходить лѣсныя мѣстности, тогда они высылаютъ впередъ роту піонеровъ, которые дѣлаютъ просѣки и прокладываютъ путь.

Конница состоитъ изъ двухъ родовъ: всадниковъ на военныхъ колесницахъ и собственно конницы. Ассирійская военная колесница тяжелѣе и просторнѣе египетской *). Колеса высокія, тяжелыя, съ 8 спицами. Кузовъ, прикрѣпленный прямо къ оси, квадратный спереди, бока цѣльные, порою обитые металлическими листами и часто раскрашенные или украшенные инкрустаціей; дышло длинное, толстое, на концѣ снабженное рѣзнымъ украшеніемъ изъ дерева или металла, въ видѣ цвѣтка, розетки, львиной морды или лошадиной головы. Въ каждую колесницу впрягается по двѣ лошади, съ боку на пристяжкѣ идетъ третья; въ обычное время она не везетъ, а служитъ только запасной на всякій случай, напр., раненія одной изъ двухъ, везущихъ колесницу. Самая упряжь довольно легка, но къ ней прибавляется иногда родъ брони, состоящей изъ толстой попоны, покрывающей лошади спину, грудь, шею и верхъ головы, отдѣльные части которой прикрѣпляются другъ къ другу ремнями и шнурками съ металлическими наконечниками. На каждой колесницѣ всегда помѣщается три человѣка: возница, который ею править и становится слѣва, воинъ, дѣйствующій лукомъ или копьемъ, и конюхъ, защищающій своихъ товарищей, въ особенности воина, круглымъ щитомъ; иногда прибавляется второй конюхъ. Вооруженіе воиновъ на колесницахъ совершенно подобно вооруженію пѣхотинцевъ—чешуйчатая кираса, шлемъ, лукъ, копье. Эта отдѣльная горсточка конныхъ воиновъ иногда обладаетъ своимъ знаменемъ, вокругъ котораго они собираются во время битвы: это—средней величины древко, водруженное въ передней части кузова, между воиномъ и возницей. На верхнемъ его концѣ виднѣтся опрокинутый полумѣсяцъ или дискъ, поддерживаемый двумя бычачьими головами; на немъ изображены два быка и Ассуръ, пускающій стрѣлу (рис. 156). Подобно египетскимъ колесницамъ, ассирійскія колесницы выстраиваются во время битвы въ правильную линію, и немного найдется въ мірѣ войскъ, кото-

*) См. объ египетской военной колесницѣ стр. 66—67.

рыя могли бы выдержать ихъ первый натискъ. Когда непріятельскій отрядъ завидитъ издали, какъ онѣ быстро приближаются въ образцовомъ порядкѣ, тяжкими рядами, съ направленными дротиками и натянутыми тетивами, онѣ почти всегда приходитъ въ замѣшательство отъ перваго залпа стрѣль и бросается въ разсыпную искать спасенія въ бѣгствѣ. Линія тогда размыкается, и колесницы рассыпаются по всей равнинѣ, давая бѣглецовъ колесами и топча ихъ лошадиными копытами. Каждая изъ колесницъ представляетъ какъ бы родъ подвижной крѣпости, довольно многолюдной не только, чтобы сражаться съ высоты стѣнъ, но, при случаѣ, даже чтобы дѣлать вылазку. Воинъ спѣшивается, добиваетъ раненаго, отрубаетъ голову, или становится впереди лошадей и, защищаемый своими конюхами, безъ помѣхи прицѣливается въ какого-нибудь непріятельскаго начальника, убиваетъ его, потомъ, вскочивъ на колесницу, продолжаетъ свой путь. Въ прежнее время въ ассирійскихъ войскахъ число колесницъ было очень многочисленно. Теперь ихъ бываетъ меньше, но по заведенному обычаю имъ назначается въ войскѣ самый почетный постъ, и царь или главнокомандующій оставляютъ всегда за собой честь вести ихъ лично въ сраженіе. Этотъ родъ оружія считается благороднымъ по преимуществу: князья и знатные вельможи считаютъ за честь служить въ немъ, и тяжкій натискъ колесницъ рѣшаетъ еще иногда исходъ сраженія въ ихъ пользу.

Однако верховая конница начинаетъ уже занимать равное мѣсто, если не по числу, по крайней мѣрѣ, по важности. Только съ недавняго времени рѣшились ввести ее въ дѣло, а прежде ассирійскіе цари, какъ и египетскіе фараоны эпохи величія, совсѣмъ не знали ея употребленія. При Тиглаѳаласарѣ I, Асурназиргабалѣ, Салманасарѣ III, насчитывалось всего нѣсколько верховыхъ всадниковъ, да и тѣ служили скорѣе гонцами для передачи извѣстій, чѣмъ для атакъ на непріятели. Саргонъ и Сеннахерибъ

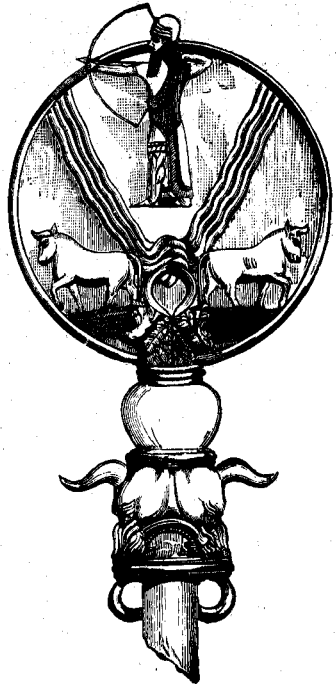

Рис. 156.—Ассирійскій штандартъ.

по настоящему первые сумѣли ввести въ дѣло большія массы конницы, и ввѣрили ей важную роль въ своей стратегіи. Прежде всадники садились на лошадей безъ сѣдла, и только позже стали покрывать ихъ поповкой или полной попоной, совершенно подобной той, которой покрываются лошади военныхъ колесницъ. Всѣ всадники одѣты въ кирасу, а голова покрыта шлемомъ, какъ у пѣхоты, они не имѣютъ ни щита, ни юбки со складками, а только ноги въ обтяжку прикрываются передникомъ. Половина изъ нихъ вооружена мечами и копьями, а другая—луками и мечами. Копье длинное, въ 8—9 футовъ длины; лукъ короче, чѣмъ у пѣхоты, а стрѣлы всего около трехъ футовъ длины. Прежде каждый конный стрѣлокъ сопровождался слугой, тоже верховымъ, который во время дѣйствія правилъ его лошады, чтобы тотъ имѣлъ обѣ руки свободными (рис. 157). Наѣздничество въ эти послѣдніе годы сдѣлало

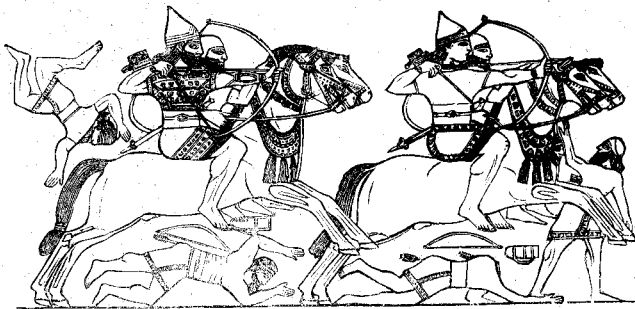

Рис. 157.—Ассирійская конница дѣлаетъ нападеніе: подручные правятъ лошадьми стрѣлковъ.

такіе значительные успѣхи, что подручный сталъ не нужнымъ и исчезъ изъ войскъ. Теперь копейщики и стрѣлки обучены управлять лошадьми при помощи простого пожатія колѣнами: они мчатся во весь опоръ, съ опущенными поводьями, стрѣляютъ изъ своихъ луковъ на всемъ скаку, или вдругъ останавливаются и пускаютъ залпъ стрѣлъ, потомъ, повернувъ, скачутъ назадъ.

Разсказываютъ, что въ послѣднюю войну киммерійцевъ съ Лидіей конные полки стремительно, во весь опоръ, вступали въ рукопашный бой, схватывались съ непріателемъ, какъ пѣхотные полки, до тѣхъ поръ, пока слабѣйшій или менѣе храбрый не бѣжалъ съ поля сраженія. Ассирійская конница пока не имѣла еще случая примѣнить на практикѣ этотъ новый приѣмъ кавалерійской атаки, потому что народы, съ которыми ей приходится имѣть дѣло, не обладаютъ конницей, а только колесницами. Ея дѣйствія состоятъ въ томъ, что она смѣло пускается на пѣхоту, дѣ-

лаетъ чудеса въ схваткѣ и въ преслѣдованіи врага, производитъ развѣдочную службу для подготовленія и очищенія пути войску. Въ послѣднемъ случаѣ ее посылаютъ далеко впередъ отъ главныхъ силъ войска; она рыщетъ по лѣсамъ, открываетъ засады, развѣдываетъ о позиціяхъ непріятели, указываетъ удобные пути и рѣчные броды. Сennaхерибъ, которому часто приходилось воевать въ горныхъ и лѣсистыхъ странахъ, въ Таврѣ, Арменіи, на границахъ Мидіи и Элама, въ значительной степени обязанъ своимъ успѣхомъ умѣлому примѣненію къ дѣлу своихъ конныхъ копейщиковъ и стрѣлковъ. Неожиданность ихъ движеній, быстрота и дальность ихъ переѣздовъ приводили просто въ ужасъ варваровъ, когда тѣ видѣли, какъ они появляются одновременно во многихъ мѣстахъ, словно вырастаютъ изъ земли, тогда какъ они считали ихъ находящимися отъ себя еще далеко (рис. 158).

Рис. 158.—Ассирійская конница на развѣдкахъ въ горной странѣ.

Опасные проходы становились свободными, деревни грабились, нивы выжигались или растаптывались конскими копытами почти раньше, чѣмъ узнавали объ ихъ приближеніи, а когда появлялась помощь, они уже были далеко въ полной безопасности отъ преслѣдованія. Если прибавить къ конницѣ извѣстное число минеровъ и инженеровъ, обученныхъ постройкѣ и управленію осадными машинами, перечень элементовъ, изъ которыхъ состоитъ ассирійское войско, будетъ полонъ. Распредѣляются они почти всегда въ одной и той же пропорціи. Обыкновенно, среднимъ числомъ считается, что на сто пѣхотинцевъ приходится десять конныхъ всадниковъ и одна колесница: пѣхота есть настоящая царица ассирійскихъ битвъ.

Эламитское войско составлено почти одинаковымъ образомъ съ войскомъ своего соперника. Въ немъ есть также военныя колесницы, конница, пѣхота; но конница не такъ многочисленна и не такъ хорошо обучена, какъ ассирійская, а на колесницахъ помѣщается менѣе людей. Многія колесницы даже безъ кузововъ и состоятъ только изъ платформы, на которой и помѣщаются воины, сидя или стоя: онѣ походятъ скорѣе на одноколки, служащія для перевозки багажа, чѣмъ на военныя колесницы (рис.

159). Часть пѣхоты, которая набирается въ долинахъ, вооружена по образцу ассирійскихъ стрѣлковъ и копейщиковъ (рис. 160). Остальное войско не такъ хорошо вооружено: вмѣсто кирасы надѣваютъ простую тунику, подбитую волосомъ, съ короткимъ подоломъ, а голова повязывается лентой, концы которой падаютъ на шею. И однако, несмотря на матеріальную слабость своего вооруженія, храбрость, выносливость, ловкость и стойкость дѣлаютъ изъ эламитовъ опасныхъ враговъ; рѣдко удается обратить ихъ въ бѣгство, и каждый успѣхъ надъ ними стоитъ такихъ потерь побѣдителю, что послѣдній не можетъ извлечь изъ побѣды никакой для себя выгоды и оставляетъ поле битвы почти въ такомъ же жалкомъ состояніи, какъ и побѣжденный.

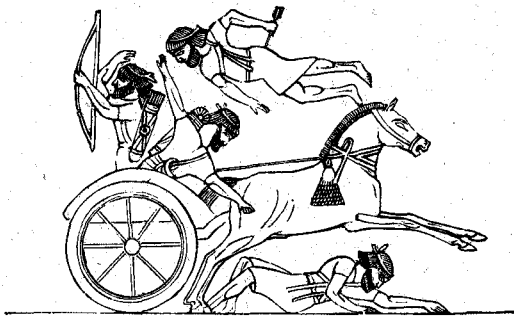

Рис. 159.—Эламитская военная колесница. Рис. 160.—Эламитскіе стрѣлки.

Туртану, не разъ имѣвшій случай убѣдиться въ ихъ военныхъ качествахъ, развѣдываетъ съ величайшею осторожностью и точностью занимаемыя эламитами позиціи, прежде, чѣмъ рѣшится напасть на нихъ. Ихъ оборонительная линія очень искусно выбрана. Она тянется отъ береговъ рѣки Укну къ берегамъ канала, проходящаго впереди Сузской цитадели и служащаго для послѣдней рвомъ противъ нападенія врага со стороны Ассиріи. Въ центрѣ деревня Туллизъ служитъ прочной опорой массамъ пѣхоты; большая пальмовая роща, расположенная позади, служитъ мѣстомъ убѣжища бѣглецамъ, въ случаѣ пораженія, и препятствуетъ преслѣдованію. Длинная полоса зубчатыхъ стѣнъ съ многочисленными на нихъ башнями ясно обрисовывается на горизонтѣ надъ верхушками деревьевъ. Это—укрѣпленія Сузы (рис. 161). Городъ расположенный на искусственномъ холмѣ, какъ всѣ ассирійскіе и халдейскіе города, господствуетъ надъ равниной и виднѣтся издалека. Съ юга и востока обширные сады, орошаемые тщательно поддерживаемыми каналами, окаймляютъ его полосою

зелени. Къ сѣверу тянется темный, густой лѣсъ, доступъ въ который запрещенъ непосвященнымъ. Тутъ обитаютъ эламитскіе боги, въ таинственныхъ капищахъ, куда одни жрецы и цари имѣютъ доступъ; только по временамъ изображенія ихъ выносятся въ городъ для возданія имъ торжественнаго поклоненія; послѣ чего они возвращаются въ свое убѣжище при благоговѣнномъ молчаніи всего народа. Никто въ простомъ народѣ не знаетъ, что происходитъ за занавѣсю первыхъ деревьевъ; какіе кровавые обряды и сладострастныя тайны совершаются тамъ. Послѣ всякой счастливой войны туда идетъ часть добычи, которая оттуда болѣе не возвращается:—статуи непріятельскихъ божествъ, драгоценныя сосуды, слитки золота и серебра, мебель, ткани; въ продолженіе двадцати вѣковъ не мало вложено туда разнообразныхъ предметовъ, которые и до сихъ поръ находятся

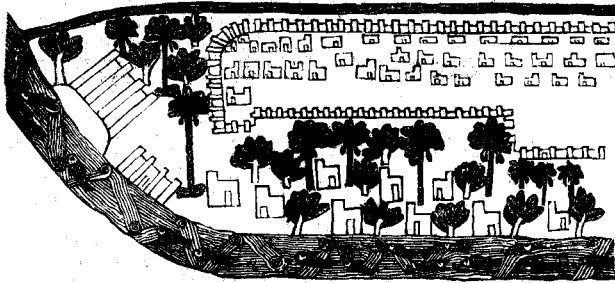

Рис. 161.—Городъ Суза.

еще тамъ; добыча собранная съ Урука, Сиппара, Вавилона и древнѣйшихъ халдейскихъ городовъ лежитъ тамъ, въ безпорядкѣ нагроможденная рядомъ съ трофеями отнятыми уже въ болѣе недавнее время у ассирійцевъ. Мавзолеи древнихъ царей разбросаны въ ближайшихъ окрестностяхъ: одни еще хорошо сохранившіеся, другіе — уже подточенные дѣйствіемъ вѣковъ. Нѣтъ ничего трагичнѣе разказа ихъ исторіи: нигдѣ измѣна, убійство не возводили царей на тронъ и не низвергали ихъ оттуда съ такою легкостью, какъ въ Эламѣ, и немногіе изъ государей, собранныхъ въ этомъ уголкѣ земли, покоятся въ неокровавленныхъ могилахъ. Возьмемъ время, самое близкое къ намъ: въ какіе-нибудь полвѣка Суза смѣнила семь государей, и изъ этихъ семи трое были умерщвлены.

Тіумманъ хорошо знаетъ, что онъ окруженъ измѣнниками. Одинъ изъ самыхъ могущественныхъ вассаловъ, Симбару, отдѣлился уже отъ него и перешелъ съ своими людьми въ ассирійскій станъ; Умбакидинни, начальникъ одного изъ горныхъ племенъ,

врасплох напалъ на Иштарнади, намѣстника Хидалу, въ верхнемъ теченіи Улаи, отрубилъ ему голову и поспѣшилъ отнестеее туртану въ знакъ своего подчиненія. Но сузійцы не падаютъ духомъ подъ впечатлѣніемъ такихъ послѣдовательныхъ отпаденій и выдерживаютъ первый натискъ ассирянъ съ своей обычною рѣшимостью. Сраженіе началось съ того, что стрѣлки обѣихъ сторонъ обмѣнялись

Рис. 162.—Остатки эламитской арміи загнаны въ рѣку.

выстрѣлами; потомъ военныя колесницы устремились другъ на друга и атаку возобновляли нѣсколько разъ безъ успѣха. И только послѣдняя атака, поведенная князьями-изгнанниками, наконецъ сломила сопротивленіе: сузійскія колесницы, оставшіяся цѣлыми, разсѣиваются по равнинѣ, конница слѣдуетъ за ними, и сама пѣхота, увлеченная примѣромъ, не замедлила оставить поле сраженія въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Часть отступающихъ бросается въ лѣсъ, другая, прижатая къ каналу, старается отыскать бродъ или пере-

правиться вплавь на другой берегъ канала и укрыться подъ защитой узкихъ укрѣпленій (рис. 162). Равнина вся усыяна разбитыми колесницами, побросанными колчанами, луками и копьями, трупами людей и лошадей. Вотъ кучка стрѣлковъ еще старается отбиться отъ конницы, которая ее преслѣдуетъ; подальше, раненный начальникъ, будучи не въ силахъ болѣе держаться на конѣ, поднятиемъ руки просить пощады у ассирійскаго стрѣлка, который цѣлится въ него. Одинъ пѣхотинецъ убиваетъ ударомъ палицы сюзійца, стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ; другіе отрубаютъ головы у неприятелей, которыхъ они только что убили, чтобы унести ихъ въ видѣ трофеевъ. Всѣ тѣ раненые, которые могутъ еще держаться на ногахъ, быстро спасаются, какъ только могутъ, а тѣ, которые не въ состояніи идти, отыскиваютъ глазами какой-нибудь кустарникъ, яму, гдѣ бы укрыться до вечерней темноты. Это единственная надежда избѣжать вѣрной смерти, и знаетъ Богъ какъ она слаба. За каждую отрубленную голову награждаютъ предъявившаго ее воина похвалою и частью изъ добычи. Зато побѣдители и рыщутъ по всѣмъ направленіямъ поля сраженія, обшаривая высокую траву и заглядывая въ каждое углубленіе, каждую рытвину на землѣ, словно выслѣживая обыкновенную дичь. Въ то же время стаи вороновъ слетаются на тѣ мѣста, гдѣ борьба уже прекратилась, и начинаютъ раздирать трупы клювами. Каналъ наполняется обезображенными трупами и остатками разбитыхъ колесницъ, плывущими по теченію рѣки. Разставленные вдоль берега стрѣлки доканчиваютъ своими стрѣлами тѣхъ между плывущими, которые еще барахтаются въ водѣ; очень немногимъ бѣглецамъ удается счастливо доплыть до другого берега и спастись отъ неминуемой смерти. Ниневійскіе волхвы и сновидцы справедливо значить, предсказали побѣду: Иштаря сдержала свое слово — повергнуть Эламъ къ стопамъ Ассурбанипала.

Видя, что сраженіе потеряно, Тіумманъ спасается черезъ лѣсъ съ своими двумя сыновьями и наиболѣе преданными ему полководцами. Онъ посылаетъ одного изъ нихъ, Итуни, къ ассирійскому военачальнику съ предложеніемъ сдаться на почетную капитуляцію: это онъ дѣлаетъ не потому, что надѣется достигнуть перемирія, а только чтобы замедлить преслѣдованіе и выиграть немного времени. Итуни даже не добился того, чтобы выслушали его просьбу, онъ отъ бѣшенства разбиваетъ свой лукъ и мечъ въ тотъ мигъ, когда воинъ занесъ надъ головой его мечъ, чтобы его обезглавить. Немного спустя одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Тіуммана, по имени Уртаку, былъ пронзенъ стрѣлою и упалъ; такъ какъ онъ сдѣлалъ усиліе подняться, одинъ ассиріецъ бросился на него съ огромной палицей. Однако и въ эту послѣднюю минуту храбрость и хладнокровіе его не покидаютъ. Онъ не хотѣлъ объявить ни своего имени, ни просить пощады: „Ну, гово-

рить онъ ассирійцу, руби мнѣ голову и поди отнеси ее къ ногамъ твоего господина, пусть она ему послужитъ счастливымъ предзнаменованіемъ“. Затѣмъ онъ протянулъ шею и получилъ смертельный ударъ. Но вотъ колесница Тіуммана разбивается объ одно дерево, его лошади или тяжело ранены, такъ что нѣ въ состояніи нести его на себѣ, или онъ умчался, его вѣрные приближенные пали вокругъ него одинъ за другимъ. Одинъ, съ однимъ изъ своихъ сыновей, онъ медленно пѣшкомъ отступалъ. По временамъ онъ оборачивался, чтобы пустить стрѣлу въ преслѣдующаго непріятеля; его гордая осанка и смертоносная вѣрность его прицѣла заставляли непріятеля держаться на почтительномъ разстояніи: пожалуй, онъ и успѣлъ бы скрыться и достигнуть безопаснаго убѣжища, если бы его не замѣтилъ его племянникъ Таммариту и не бросился за нимъ со многими сузійскими изгнанниками и ниневійскими копейщиками. Первая стрѣла поразила его въ правый бокъ—и заставила его опуститься на одно колено. Считая себя погибшимъ, онъ, однако, не хотѣлъ пасть, не отомстивъ своему врагу. Онъ пальцемъ показалъ своему сыну на Таммариту и отчаяннымъ голосомъ закричалъ ему: „Стрѣлай!“ (рис.

Рис. 163. Смерть Тіуммана.

163). Послѣдовалъ промахъ, и цѣлый залпъ стрѣлъ уложилъ ихъ обоихъ: Таммариту самъ отрубилъ голову своему дядѣ и весело понесъ ее.

Когда онъ вернулся въ станъ, битва совсѣмъ уже кончилась. Нѣсколько отрядовъ носились еще по равнинѣ, подбирая раненыхъ и убитыхъ ассирійцевъ, собирая оружіе, тщательно обирая непріятельскіе трупы. Остальное войско вернулось на свои утрен-

нія позиціи. Всѣ были заняты: одни воины перевязывали себѣ или товарищамъ раны, другіе чистили или оттачивали оружіе, поздравляли другъ друга, что еще разъ избѣжали смерти, или оплакивали потерю товарищей. Плѣнныхъ, которыхъ признано полезнымъ сохранить, выстроили особо полъ стражей нѣсколькихъ часовыхъ. Умерщвленіе другихъ продолжалось безостановочно: длинными рядами ставили ихъ на колѣни, спиной къ палачу, съ наклоненной головой, и тотъ однимъ ударомъ палицы раздроблялъ черепъ каждому по-очереди. Скрибы, стоя въ своихъ обширныхъ палаткахъ, вписывали въ книги отрубленные головы: каждый воинъ приносилъ головы, которыя онъ собралъ, бросалъ ихъ въ общую кучу, объявлялъ свое имя, называлъ свою роту, и, одушевленный радостной надеждой на вознагражденіе, пропор-

ціональное числу своихъ жертвъ, удалялся (рис. 164). Ассирійскіе цари страстно любятъ зрѣлище этихъ отвратительныхъ трофеевъ. Когда они сопровождаютъ войско самолично, они предсѣдательствуютъ сами при сдачѣ головъ и раздачѣ присужденныхъ воинамъ наградъ; если же они отсутствуютъ и, слѣдовательно, не могутъ требовать представленія всѣхъ головъ въ мѣста, гдѣ они находятся, тогда они требуютъ, чтобы имъ были доставлены головы главныхъ начальниковъ. Голову Тіуммана представили Бель-

Рис. 164.—Пріемъ и запись отсѣченныхъ головъ.

нагиду и потомъ, по его приказу, возили по всему стану на колесницѣ, взятой во время сраженія (рис. 165). Послѣ чего ее набальзамировали и послали въ арбельскій дворецъ съ особымъ верховымъ гонцомъ; трупъ же былъ брошенъ въ лѣсу, гдѣ стаи хищныхъ птицъ и своры четвероногихъ хищниковъ пожрутъ трупъ и разнесутъ кости того, кто былъ еще сегодня утромъ царемъ.

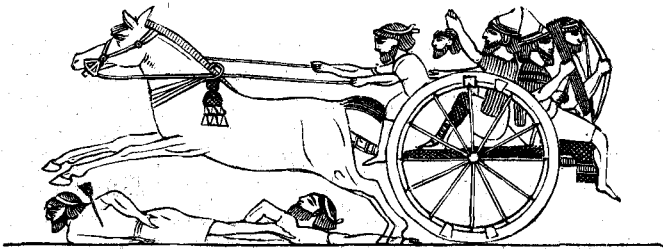

Рис. 165.—Голову Тіуммана развозятъ напоказъ по ассирійскому стану.

Если Суза завтра отворитъ ворота и приметъ новаго государя, котораго Ассирія ей предлагаетъ, именно, Умманигаша, сына Уртаку, война можетъ кончиться одной побѣдой при Туллизѣ. Если же, напротивъ, она признаетъ властителемъ одного изъ сыновей Тіуммана, борьба возобновится съ еще большимъ ожесточеніемъ, и только однимъ богамъ извѣстно, когда и чѣмъ она потомъ кончится. Эламъ обладаетъ почти неистощимыми запасами людей и способныхъ вождей. Едва только одно войско истреблено

непріятелемъ, его тотчасъ замѣняетъ новое, столь же многочисленное и столь же одушевленное къ борьбѣ. На мѣсто убитаго царя выходитъ другой и становится во главѣ войска, нисколько не страшась участи своихъ предшественниковъ и не обращая вниманія на опасность, грозящую и ему самому. Въ этотъ разъ партія мира однако беретъ верхъ въ Сузѣ, и друзья изгнанныхъ князей увлекаютъ населеніе провозгласить царемъ Умманигаша. Рано утромъ на другой день ассирійскіе конные передовые посты издали видятъ, что длинная процессія выходитъ изъ воротъ Сузы и медленно шествуетъ по направленію къ деревнѣ Туллизѣ; это была депутація отъ войска, вельможъ и народа, которая идетъ просить себѣ у побѣдителя государя. Многіе члены царской фамиліи идутъ во главѣ, безъ оружія и въ праздничныхъ одеждахъ. За ними слѣдуютъ стрѣлки съ луками въ рукахъ и колчанами на плечахъ, съ кинжалами на поясѣ, потомъ порожняя ко-

Рис. 166.—Эламтскіе музыканты идутъ на встрѣчу ассирійцамъ.

лесница, ведомая верховымъ конюхомъ — колесница новаго царя. Жрецы и храмовые пѣвчіе идутъ позади, поднимая высоко ноги, чтобы отбивать тактъ, и наполняя воздухъ звуками арфъ и двойныхъ флейтъ. Дѣтскій хоръ идетъ за ними, распѣвая гимнь подь управленіемъ священныхъ евнуховъ (рис. 166).

Равнина еще съ вечера почти была вся убрана, и не оставалось болѣе слѣдовъ только-что происшедшаго побоища; но каналъ былъ еще запруженъ трупами, колесницами, сломаннымъ оружіемъ и всякими разлагающимися остатками. Отвратительная картина, которую представляетъ подобная могильная яма, какъ-то странно поражаетъ своимъ контрастомъ съ праздничными одеждами и пѣснями кортежа, который тянется по берегу канала. Бельнагидъ принимаетъ начальниковъ депутаціи передъ фронтомъ своего войска, выслушиваетъ ихъ просьбу, сидя на своей колесницѣ. Онъ призываетъ къ себѣ Умманигаша и Таммариту; заставляетъ ихъ поклониться своими и ниневійскими богами, что они будутъ всегда вѣрными союзниками Ассиріи и никогда не будутъ соучастниками въ заговорахъ ни съ вавилонскими государями, ни съ князьями арамейскихъ пле-

мень, а будутъ избѣгать всякаго дѣйствія, могущаго вредить интересамъ и славѣ Ассурбанипала. Послѣ принесенія ими присяги онъ сходитъ съ колесницы, беретъ ихъ за руки и провозглашаетъ Умманигаша царемъ Сузы и Мадакты, Таммариту—царемъ Хидалу, потомъ представляетъ ихъ новымъ подданнымъ. Князья и воины падаютъ ницъ и привѣтствуютъ его, пѣніе и музыка раздаются еще громче (рис. 167). Эламъ, который наканунѣ до-

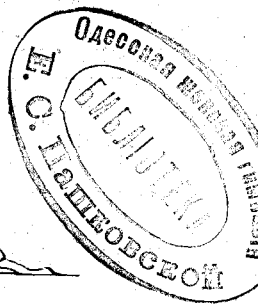
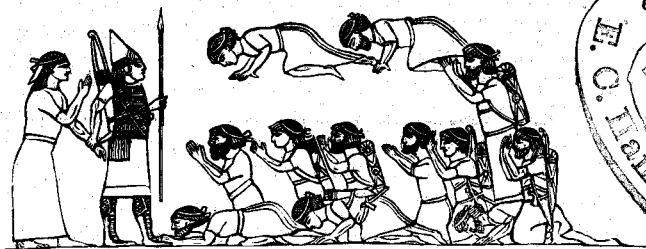

Рис. 167.—Ассирійскій полководецъ представляетъ Умманигаша эламитами.

вольствовался однимъ царемъ, теперь обладаетъ двумя, и немного пройдетъ времени, какъ зависть и честолюбіе вооружатъ ихъ другъ противъ друга. Ассурбанипаль и его министры на это и разсчитываютъ: внутреннія междоусобицы и слабость ихъ сосѣдей самымъ надежнымъ образомъ обезпечиваютъ безопасность Ассиріи.

Въ то время, какъ два новые царя и ихъ конвой торжественно вступаютъ въ Сузу, привѣтствуемые кликами толпы, длинный кон-

Рис. 168.—Конвой плѣнныхъ направляемыхъ въ Ассирію.

вой плѣнниковъ оставляетъ станъ и пускается въ печальное изгнаніе на сѣверъ (рис. 168). Многіе осуждены почти навѣрное на пытку и смерть: это—водители, правители городовъ, благородные, отличившіеся болѣе всѣхъ въ сраженіи своей храбростью; всѣхъ ихъ ведутъ въ оковахъ къ царю, и очень рѣдко бываетъ, чтобы онъ пощадилъ или помиловалъ кого изъ этого разряда плѣн-

ныхъ. Большинство плѣнныхъ принадлежатъ или воинамъ или государственной казнѣ. Между ними находятся много мужчинъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, но еще больше женщинъ и дѣтей, которыхъ продадутъ въ рабство или сдѣлаютъ рабами въ домѣ господина, которому военное счастье ихъ предало. Большинству же изъ плѣнныхъ готовится участь болѣе сносная: ихъ сдѣлаютъ поселенцами, правда, вынужденными, но положеніе ихъ все-таки лучше, чѣмъ рабовъ. Ассурбанипаль желаетъ снова заселить два-три города въ Сиріи, которые онъ недавно разрушилъ до основанія, и онъ приказываетъ своимъ полководцамъ доставить ему для этого нѣсколько тысячъ эламитовъ. Они идутъ нѣсколькими отдѣльными артелями, подъ присмотромъ воина,—мужчины, съ небольшими мѣшками, наполненными провизіей, которые ихъ, впрочемъ, нисколько не стѣсняютъ, а женщины несутъ дѣтей на рукахъ или на плечахъ (рис. 168). Ихъ сопровождаютъ цѣлыя стада коровъ, козъ и овецъ. Имущество и всякій скарбъ, а также и больные, слѣдуютъ позади въ телѣгахъ, запряженныхъ мулами и волами. Многие, по всей вѣроятности, не перенесутъ путешествія и умрутъ въ дорогѣ отъ лишеній и утомленія, такъ какъ они должны проводить ночныя стоянки на открытомъ воздухѣ и спать на голой землѣ. Каждый, кто достигнетъ до мѣста назначенія, получаетъ домъ, поле для пахоты, огородъ, виноградники: когда первое горе успокоится, пожалуй, они будутъ тамъ даже счастливѣе и богаче, чѣмъ были прежде въ своемъ отечествѣ.

ГЛАВА XIX.

Флотъ и осада крѣпости.

Страна Гамбуль и арамейцы при Евфратѣ.—Болота.—Бить-Іакинъ и выселеніе его населенія при Сеннахерибѣ.—Флотъ Сеннахериба состоитъ изъ двухъ типовъ: финикійскій корабль (діера).—Посадка на корабль и переѣздъ черезъ море.—Война на болотахъ.—Городъ Шапибель.—Блокада.—Подкопъ.—Военныя орудія: таранъ (стѣнобитная машина) и подвижныя башни.—Взятіе и разрушеніе города.

Война въ Эламѣ кончилась, но продолжается еще въ странѣ Гамбуль, гдѣ царь Дунану и князь Набузулли не поддаются ассирійцамъ. Гамбуль—одно изъ многочисленныхъ небольшихъ государствъ арамейскихъ, которыя основались при устьяхъ Тигра и Евфрата, въ мѣстности, состоящей на половину изъ твердой земли, на половину изъ болотъ. Живущіе на твердой землѣ почти смѣшались съ халдеями и по языку, и по обычаямъ. У нихъ тѣ же боги, тѣ же законы, та же одежда, та же промышленность, но сосѣдство Элама отразилось на ихъ характерѣ: у нихъ замѣчается болѣе грубости и воинственнаго пыла, чѣмъ у халдеевъ.

Жители болотистыхъ мѣстностей, напротивъ, настоящіе варвары, живущіе рыбной ловлей и охотой. Какъ Нильская дельта, дельта Тигра и Евфрата представляетъ собой необъятную равнину, постоянно увеличивающуюся на счетъ сосѣдняго моря осѣвшими рѣчными наносами. Въ мѣстностяхъ, гдѣ почва поднялась довольно высоко надъ меженью рѣкъ, установилось земледѣліе, и тамъ снимаютъ два полныхъ урожая въ годъ. Города, выстроенные на искусственныхъ пригоркахъ, окаймлены вѣчно зелеными садами; ряды финиковыхъ пальмъ и акацій тянутся аллеями вдоль береговъ каналовъ. Воздѣланныя поля простираются по всѣмъ направленіямъ, только порой перерѣзываемыя тучными влажными лугами, на коихъ пасутся несчетныя стада рогатаго скота. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ почва ниже уровня рѣки, картина представляется еще болѣе безотрадная, пожалуй, нежели въ топяхъ Нила: тухлая, стоячая вода едва прикрываетъ тинистое исчерна-грязное дно; песчаные островки въ обширномъ морѣ грязи,

тамъ и сямъ небольшіе поросшіе кустарникомъ курганы, или площадки, состоящія изъ чернозема, а вся остальная поверхность покрыта сплошною густою порослью водяныхъ растений, — кувшинчиками, камышами, хвощомъ и гигантскимъ тростникомъ; всѣ эти растенія настолько крупны и такъ тѣснятся другъ около друга, что человѣкъ съ большимъ трудомъ можетъ проложить себѣ межъ ихъ стволами тропинку. Небольшіе клинья тощихъ хлѣбовъ, дурно обработанныхъ, виднѣются тутъ на небольшихъ полянкахъ, это — поля. Кучки лачужекъ, разбросанныхъ на мѣстахъ нѣсколько болѣе возвышенныхъ, это — деревни. Ихъ постройка не требуетъ ни большихъ издержекъ, ни времени. Нѣсколько тростниковыхъ стволовъ нагибаются, связываются верхушками вмѣстѣ въ видѣ свода, который затѣмъ покрывается цыновкою и смазывается тиною — и стѣны готовы. Жители деревушекъ посѣщаютъ другъ друга на плоскодонныхъ лодкахъ, которыя проталкиваются впередъ съ помощью длиннаго шеста. Въ случаѣ войны, они углубляются въ недоступныя дебри, настоящія логовища, и укрываются тамъ съ семьями, съ домашнимъ скотомъ, бросая безъ сожалѣнія остальное на добычу завоевателя. Чтобы напасть на нихъ въ этихъ убѣжищахъ, надо пройти по узкимъ каналамъ, окаймленнымъ густыми кустарниками, въ каждомъ изъ которыхъ можетъ быть скрывается засада, затѣмъ пробраться по топкой, болотистой, зыбучей почвѣ, въ которой не только конный, но и пѣшій легко можетъ завязнуть и быть совсѣмъ втянутымъ въ тину, или схватить смертельную лихорадку, которую выдѣляютъ изъ себя стоячія воды, — и все это только для того, чтобы поживиться нѣсколькими головами замореннаго домашняго скота и захватить дюжины двѣ плѣнниковъ. Нечего сказать, завидная доля для ветерановъ, счастливо вышедшихъ здоровыми и невредимыми изъ опасностей двадцати правильныхъ сраженій въ горахъ Арменіи и Коммагены, въ равнинахъ Халдеи и Элама, и на берегахъ Нила и Средиземнаго моря, въ концѣ концовъ завязнуть въ тинѣ болотъ, или безславно пасть между двумя порослями тростника подъ ударомъ полудикаго непріятели!

Битъ-Іакинъ нѣкогда былъ самымъ важнымъ изъ этихъ небольшихъ государствъ. Это изъ Битъ-Іакина вышелъ завоеватель Вавилона Меродахъ-Баладанъ, который также побѣдоносно держался противъ трехъ великихъ ассирійскихъ царей; и сюда же потомъ, на склонѣ своихъ престарѣлыхъ лѣтъ, вернулся, какъ старый вепрь возвращается въ свою кабанью берлогу послѣ продолжительныхъ подвиговъ на волѣ, чтобы защищаться въ ней отъ преслѣдующихъ его охотниковъ. Преслѣдуемый неотступно Сеннахерибомъ и потерявши надежду на возможность дать ему отпоръ, онъ предпочелъ покинуть свою родину, но не покорился. Собралъ вокругъ себя тѣхъ, кто остался ему вѣрнымъ, забралъ

своихъ боговъ, переѣхалъ море въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ него Евфратъ, и занялъ страну Нагиду на Эламскомъ берегу. И, навѣрное, онъ былъ бы тутъ въ полной безопасности, если бы ему пришлось имѣть дѣло не съ Сеннахерибомъ. Ассирійскіе цари дѣйствительно побаивались моря и неохотно пускались въ плаваніе. Да и знали-то они его долго только по разсказамъ халдеевъ и сирійскихъ народовъ. Когда побѣды приводили ихъ иногда къ берегамъ Средиземнаго моря, они предавались созерцанію его красотъ и, если рѣшались поплавать въ немъ, то очень осторожно, не пускаясь надолго и далеко отъ твердой земли. Сеннахерибъ задумалъ планъ, смѣлый и неслыханный до сихъ поръ: посадить свои войска на корабли и напасть въ Нагиду на выходцевъ изъ Битъ-Іакина. Привести въ исполненіе этотъ планъ представляло такія трудности, что остановило бы менѣе предприимчиваго князя. Единственные корабли, которыми онъ могъ располагать въ этой мѣстности, принадлежали халдейскимъ государствамъ, вѣрность коихъ была весьма сомнительна, и было бы въ высшей степени неблагоразумно ввѣрить имъ судьбу ниневійскаго царя и его войска. Кромѣ того, это были настоящіе ковчеги старинной формы, тяжелые, округлые, плохо сидящіе на водѣ, похожіе на тѣ, которые строили во времена Саргона и его сына Нарамсина. Во время своихъ походовъ на Іудею, Сеннахерибу случилось видѣть мореходцевъ великаго Сидона и убѣдиться, какіе успѣхи сдѣлало искусство судостроенія, съ какою необыкновенною ловкостью они управляютъ своими *морскими лошадьми* *). Онъ безъ труда нашелъ между своими финикійскими плѣнниками достаточное количество мастеровъ для постройки своего флота. Онъ велѣлъ выстроить двѣ верфи: одну въ Туль-Барсицѣ, на Евфратѣ, куда корабельный матеріалъ получался изъ лѣсовъ Амана и Ливана, а другую,—на Тигрѣ, въ самой Ниневіи,—куда строевой лѣсъ доставлялся изъ Курдистана.

Корабли были выстроены на каждой верфи по различному образцу. Въ Туль-Барсицѣ, гдѣ преобладалъ финикійскій элементъ, по финикійскому образцу, а въ Ниневіи—по халдейскому, но съ поправками, заимствованными изъ финикійскаго образца. Типъ былъ выбранъ самый усовершенствованный: финикійская діера, корабль съ двумя рядами весель, расположенными одинъ надъ другимъ (рис. 169). Остовъ корабля длиненъ, съ круглымъ килемъ, глубоко сидитъ въ водѣ, корма поднимается очень высоко и загибается на подобіе прежнихъ египетскихъ галеръ **). Носъ плоскій, обрубленный прямо, снабженный остроконечнымъ водорѣзомъ, который бѣшко насаживается на киль и служитъ тара-

*) Финикияне такъ называли свои корабли.

**) См. описаніе и рисунокъ египетскихъ галеръ, стр. 137—138.

номъ для пролома непріятельскихъ кораблей. Два ряда скамей для гребцовъ помѣщены горизонтально одинъ надъ другимъ. Первый рядъ весель опирается на бортъ корабля, а второй вставляется въ отверстія, продѣланныя въ бокахъ корабля. Палуба, на отвѣсныхъ стойкахъ, идетъ во всю длину и образуетъ надъ гребцами этажъ, назначенный для помѣщенія воиновъ и осталь-

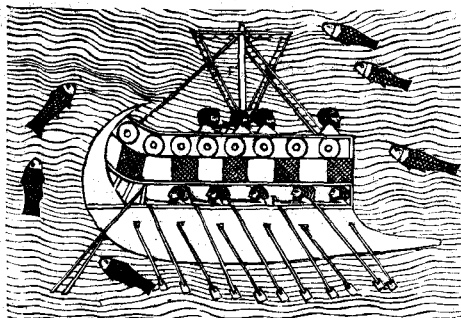

Рис. 169.—Корабль (дiera) финикійскаго типа.

ного экипажа. Круглые щиты, поддерживаемые легкой деревянной горизонтальной подпоркой, идутъ вдоль боковъ корабля съ вѣшной стороны его, отъ одного конца до другого, какъ бы рентрашементъ. Мачта стоитъ отвѣсно посреди палубы и прикрѣплена къ килку; она укрѣпляется двумя штангами, которыя отъ вершины идутъ впередъ и назадъ. Квадратный парусъ поддерживается реей, которую можно поднимать и опускать, по мѣрѣ надобности. Корабли второго типа не имѣютъ водорѣза, а корма и носъ поднимаются очень высоко; кормовая часть корабля украшена конскою головою, какъ бы въ оправданіе названія этихъ кораблей морскими лошадьми. Мачты на нихъ нѣтъ, но палуба и расположеніе весель — какъ въ первомъ образцѣ: это старинныя суда, обращенныя въ дiera.

Сборъ этихъ двухъ эскадръ долженъ былъ произойти въ Бабъ-Салимети, на Евфратѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря. Эскадра изъ Туль-Барсина спустилась прямо до рѣкѣ, такъ какъ рѣка во всякое время судоходна, и для прохода эскадры не представилось ни малѣйшаго затрудненія *). Ниневійская эскадра оставила Тигръ въ Упи, чтобы обойти владѣнія арамейцевъ, союзниковъ Элама и постоянно болѣе или менѣе враждебныхъ ассирійцамъ, даже и тогда, когда они не находятся въ открытой войнѣ съ Ассирією. Потомъ флотъ вошелъ въ большой каналъ Арахту, который соединяетъ Тигръ съ Евфратомъ и проходитъ черезъ Вавилонъ. Этотъ каналъ уже съ давнихъ поръ плохо содержался и могъ еще пожалуй служить для потребностей орошенія и мелкаго судоходства, но мѣстами онъ такъ затянутъ тиной и заросъ

*) Я здѣсь напомню, что Александръ, въ самый годъ своей смерти, велѣлъ выстроить въ Тапсакѣ финикійскій флотъ, который спустился по Евфрату до самаго устья.

водорослями, что представлялъ серьезныя препятствія для прохода по немъ большихъ кораблей. Все же удалось преодолѣть эти препятствія, и спускъ этой флотилии отъ Вавилона до Бабъ-Салимети былъ уже дѣломъ нѣсколькихъ дней. Каждая флотилія по дорогѣ должна была сдѣлать посадку войскъ и лошадей, нагрузку колесницъ, съѣстныхъ и другихъ припасовъ, необходимыхъ осадныхъ орудій; ибо походъ могъ надолго затянуться. Сеннахерибъ съ своей гвардіей присоединился къ флоту и разбилъ станъ на берегахъ рѣки. Это было неблагоприятно, и онъ, конечно, этого не сдѣлалъ бы, если бы лучше зналъ море. Приливъ и отливъ, неизвѣстные въ Средиземномъ морѣ, бываютъ довольно сильны въ Халдейскомъ заливѣ и даже даютъ себя чувствовать довольно далеко вглубь страны; дѣйствія ихъ въ особенности страшны въ эпоху равноденствія, во время высокихъ приливовъ. Прибывающая волна вступаетъ тогда въ борьбу съ теченіемъ рѣки; столкновеніе водяныхъ массъ потрясаетъ и разрушаетъ берега, уноситъ ихъ и, сокрушая плотины, возведенныя для защиты страны, наводняетъ мѣстность на значительномъ пространствѣ. Именно такое наводненіе случилось въ этомъ году къ ужасу ассирианъ, и станъ ихъ подвергся большому опустошенію. Палатки были потоплены, опрокинуты волнами; царь съ своей гвардіей долженъ былъ поспѣшно искать убѣжища на корабляхъ и оставаться тамъ пять дней, „словно въ большой клѣткѣ“.

Сеннахерибъ спохватился тогда, немного поздно, что онъ забылъ совершить обрядъ умиловительной жертвы, безъ котораго неблагоприятно пускаться въ океанъ, и приписалъ несѣтливое его несчастіе недовольству боговъ. Какъ только вода вступила въ берега, онъ спустился къ мѣсту, гдѣ рѣка впадаетъ въ море, и, стоя на кормѣ адмиральской галеры, принесъ жертву верховному богу Эа. Халдейскія преданія рассказываютъ, что во времена, когда вавилонскіе народы жили еще въ варварскомъ состояніи, какъ дикіе звѣри, Эа вышелъ изъ волнъ въ видѣ рыбы, съ головой и туловищемъ человѣка, или, по увѣренію другихъ, въ видѣ человѣка, покрытаго рыбьей кожей, и водворилъ между ними гражданственность (рис. 170). Онъ научилъ ихъ строить дома и храмы, показалъ, какъ обрабатывать землю и собирать жатву, далъ имъ законы и открылъ начала наукъ, искусствъ и

Рис. 170.—Эа, богъ-рыба.

письма. Другія божества, подобныя ему, тоже выходили изъ волнъ послѣ него, чтобы довершить его дѣло; утверждаютъ даже, что море въ своихъ нѣдрахъ скрываетъ ихъ еще и въ наши дни, и что они черезъ долгіе промежутки появляются, но никто изъ живущихъ не можетъ похвастаться, что ихъ когда-либо видѣлъ. Итакъ, Сеннахерибъ принесъ жертву царю океана, преподнесъ ему вино въ золотой чашѣ въ присутствіи всего войска, потомъ эту чашу бросилъ въ море съ золотой моделью корабля и фигуркою рыбы, тоже изъ золота. Умилостививъ такимъ образомъ боговъ, флотъ распустилъ паруса при всеобщихъ радостныхъ ликованіяхъ. Экипажъ

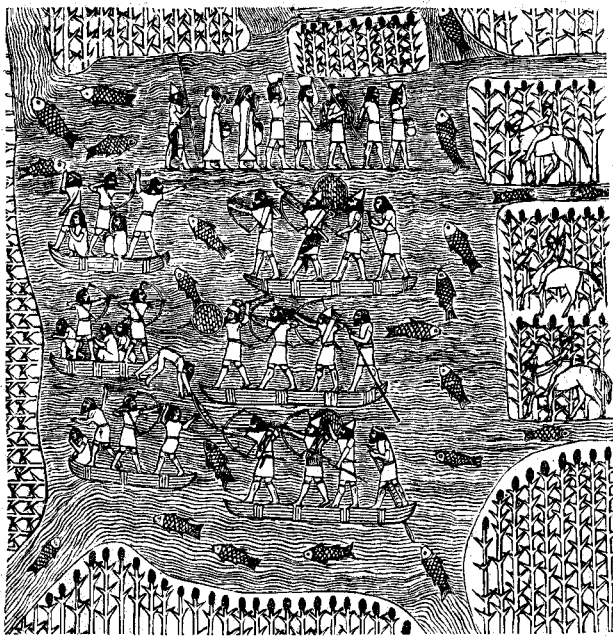

Рис. 171.—Стычка между ассирійцами и жителями болотъ.

набирался не только между тирянами и сидонцами, но также между греками, которые живутъ на о. Кипрѣ и соперничаютъ съ финикіянами въ ловкости и въ смѣлости; они скоро привыкли къ морскимъ приливамъ и благополучно провели флотъ до Нагиду. Доступъ къ берегу опасенъ: вооруженные жители сбѣжались и выстроились по морскому берегу. Несмотря на это, Сеннахерибъ высадился, взялъ городъ и забралъ съ собой бѣглецовъ. Ни одинъ изъ ассирійскихъ монарховъ ни до, ни послѣ него не отваживался

на подобное предприятие: многие из них одержали больше побѣдъ на сушѣ, и болѣе важныхъ—одинъ онъ только восторжествовалъ надъ моремъ.

Завоеваніе Гамбула не требуетъ ни флота, ни иноземныхъ мореходцевъ; для этого предприятия достаточно имѣть необходимое количество тѣхъ плоскодонныхъ лодокъ, которыя туземцы употребляютъ для переѣзда и сообщенія по своимъ болотамъ. Довольно сильный отрядъ стрѣлковъ и копейщиковъ, подкрѣпленный небольшимъ числомъ отборной конницы, стремительно вторгается въ страну, захватываетъ нѣсколько барокъ, строитъ нѣсколько новыхъ, беретъ часть напрокатъ у сосѣднихъ племенъ, которыя, разумѣется, не осмѣливаются имъ отказать въ этомъ,—и охота на челоуѣка начинается. Въ то время, какъ часть войска садится на суда и направляется по каналамъ, остальное войско развѣртывается вѣеромъ между тростниками и медленно гонитъ передъ собой все, что встрѣчаетъ. Несчастные жители Гамбула пытаются защищаться, пользуясь болѣе широкими водными рукавами, какъ естественными укрѣпленіями, и порой ихъ озера превращаются въ театръ настоящихъ морскихъ сраженій, въ которыхъ, однако, имъ рѣдко приходится одерживать верхъ (рис. 171). Ихъ барки, переполненныя женщинами и стариками, не могутъ дѣйствовать свободно, а потому и представляютъ легкую добычу завоевателю. По мѣрѣ того, какъ ассирійцы подвигались внутрь страны, цѣлыя населенія бросали деревни и скрывались въ самую густую чащу кустарниковъ и порослей,

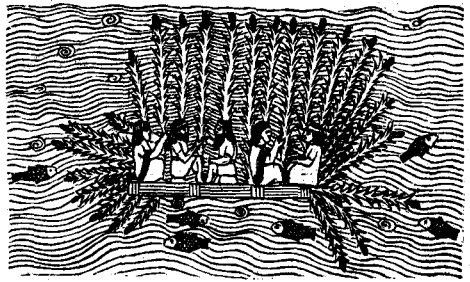

Рис. 172.—Халдейское семейство, спрятавшееся въ камышахъ.

въ надеждѣ, что врагъ не рѣшится преслѣдовать ихъ тамъ (рис. 172). Тщетная надежда!—либо конница ихъ оттуда выгоняетъ, либо голодъ оттуда выживаетъ. Сопротивленіе еще продолжается нѣкоторое время, но въ результатѣ кончается, какъ бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, смертью храбрѣйшихъ и плѣненіемъ оставшихся въ живыхъ.

Какъ вездѣ и всегда, ассирійцы и здѣсь поступаютъ съ побѣжденными съ разчитанной жестокостью. Начальники обречены на пытки по усмотрѣнію и прихоти царя. Воины, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, частью умерщвлены на мѣстѣ ударами палицы, частью пощажены и включены въ войско. Сеннахерибъ вывелъ

изъ похода въ Нагиду тридцать тысячъ рекрутовъ этого рода, которые столь же храбро сражались потомъ за него въ Арменіи и въ Киликіи, какъ и противъ него въ Халдеѣ. Женщины, дѣти и ремесленники отведены были въ рабство и будутъ отправлены заселять какія-нибудь страны, весьма отдаленныя отъ ихъ родины. При видѣ такого усерднаго и сознательнаго хозяйничанья завоевателей въ побѣжденной странѣ, невольно спрашиваешь себя: какъ это страна еще не вполне разорвется и гибнетъ послѣ того, какъ по ней прошли ассирійскія войска? Дѣйствительно, бываетъ иногда, что все населеніе уводится, какъ бы вылавливается закинутымъ на страну неводомъ. Цѣлые города остаются пустыми, а земли лежатъ безъ малѣйшей обработки многіе годы. Но вотъ, мало-по-малу, бѣглецы, успѣвшіе скрыться отъ врага во время обрушившагося несчастья на страну, начинаютъ выходить изъ своихъ убѣжищъ или покидаютъ сосѣдніе города, которые дали имъ пріютъ. Первою ихъ заботою бываетъ починить и перестроить разрушенныя городскія стѣны и дома; они засѣваютъ свои поля, сначала осторожно, а затѣмъ съ большею смѣлостью по мѣрѣ того, какъ число жителей увеличивается. И вотъ, нѣсколько лѣтъ спокойствія и мира, конечно, относительныхъ, въ продолженіе которыхъ они стараются ничѣмъ не напоминать о себѣ Ассиріи, незамѣтно доставляютъ имъ снова прежнее благосостояніе. Семейства увеличиваются съ удивительной быстротой, и вырастаютъ новыя поколѣнія столь же мятежныя, какъ и ихъ предшественники. Если бы сосчитать всѣхъ людей, которыхъ Бить-Іакинъ или Гамбуль потеряли въ сраженіяхъ, всѣхъ тѣхъ, которые были перебиты или уведены въ рабство, всѣхъ тѣхъ, которые въ продолженіе столѣтія отправлены въ изгнаніе на вѣрную смерть отъ голода и бѣдствій, можно бы подумать, что эти страны давно уже должно быть превратились въ безлюдныя пустыни,—и однако, каждый разъ, какъ возгорится новая война, ассиріане находятъ ихъ передъ собой еще живучѣе и несокрушимѣе прежняго: ихъ можно побѣдить, ослабить, но не истребить.

Въ то время какъ одна часть ассирійскаго войска сражается въ болотахъ, главныя силы дѣйствуютъ противъ регулярныхъ войскъ Гамбула. Дунану не отваживается выступить въ открытое поле; онъ ждетъ нападенія за стѣнами Шапибеля, своей столицы. Это обыкновенная тактика не только однихъ арамейцевъ побережья Тигра, но всѣхъ небольшихъ властителей, которые вступаютъ въ борьбу съ Ассиріей. У нихъ рѣдко бываетъ достаточно войска, да даже когда и бываетъ, они слишкомъ ясно сознаютъ неопытность своихъ вождей и своихъ воиновъ, чтобы подвергать опасности свою жизнь и свободу отъ исхода одного сраженія. Они предпочитаютъ утомлять ассирійцевъ небольшими стычками, затягивая войну, въ которой знаніе своей страны даетъ имъ нѣкоторое преимущество;

они оспариваютъ каждый горный проходъ, каждый рѣчной бродъ, и, если даже военное счастье противъ нихъ, у нихъ остается еще средство въ запасъ—это запереться за стѣнами укрѣпленнаго города. Они рассчитываютъ утомить нападающаго непріятеля долгимъ сопротивленіемъ, и, въ самомъ дѣлѣ, не разъ случалось, что какой-нибудь ассирійскій царь, послѣ двухъ-трехъ послѣдовательныхъ осадъ и штурмовъ городовъ, отказывался отъ продолженія войны и удалялся съ добычей и плѣнными, попавшими въ его руки. Нерѣдко имъ приходится также на помощь неожиданно вспыхнувшее возмущеніе или нашествіе какого-нибудь варварскаго племени на отдаленную провинцію на противоположномъ краѣ ассирійской имперіи. Причины бываютъ разныя, но результатъ остается все тотъ же: ассирійцы отступаютъ, и государь, противъ котораго они вели осаду, освобождается отъ нихъ, хоть на время. Этотъ способъ веденія войны въ прежнее время почти всегда обезпечивалъ успѣхъ, пока только блокадой и голодомъ приводили къ сдачѣ укрѣпленныя мѣста, но съ нѣкотораго времени онъ сталъ уже менѣ надеженъ послѣ изобрѣтенія орудій, способныхъ производить проломы въ самыхъ толстыхъ стѣнахъ.

Шапибель выстроена на мѣстѣ, довольно удачно выбранномъ. Его всегда было трудно брать штурмомъ; но его силы удвоились послѣ того, какъ Эсаргадонъ, отнявъ его у князя Беликиша, исправилъ его стѣны, чтобы сдѣлать изъ него одинъ изъ оплотовъ Ассиріи противъ Элама. Глубокій каналъ, постоянно наполненный водою, служить рвомъ съ сѣверной и западной сторонъ, къ югу его защищаютъ болота; только фронтъ одинъ свободно обращенъ къ равнинѣ и не защищенъ никакимъ естественнымъ препятствіемъ. Инженеры, которымъ ввѣрено было его укрѣпленіе, сообразно такому его положенію составили и самый планъ. Вдоль рѣки и болота идетъ простая стѣна изъ необожженнаго кирпича, съ воздвигнутыми на извѣстныхъ промежуткахъ башнями; а со стороны равнины закрываетъ его двойная стѣна. Эти двѣ стѣны неравной вышины: внѣшняя до зубцовъ имѣетъ двѣнадцать метровъ, внутренняя до шестнадцати, а башни возвышаются надъ куртнами до четырехъ метровъ. Въ прочемъ вся система очень походитъ на укрѣпленія Дуръ-Шарукина, кромѣ, конечно, размѣровъ и формъ воротъ. Послѣднихъ двое, на каждомъ концѣ стѣны; они выходятъ прямо въ равнину, не защищены ни одной выдвигающейся впередъ сторожевой башней, а потому и легко доступны для нападенія со стороны равнины. Напротивъ, внутренняя стѣна имѣетъ только одни ворота, въ самой срединѣ стѣны. Каждая изъ этихъ трехъ воротъ помѣщаются между двумя массивными башнями, очень близко отстоящими другъ отъ друга.

Какъ только развѣдчики, разставленные по границѣ, донесли

о появлении ассирийцев. Дунану принял все меры, чтобы можно было оказывать сопротивление врагу в продолжение весьма долгого времени. Он приказывает жителям соседних деревень войти в город со своими стадами, хлебными запасами, провизией вина и масла; он велит собрать овощи и жатву, хотя еще неспелые, лишь бы они не достались неприятелю. Мужчинам выдается вооружение, усиливают ими гарнизон регулярного войска; женщины будут заняты изготовлением хлеба и

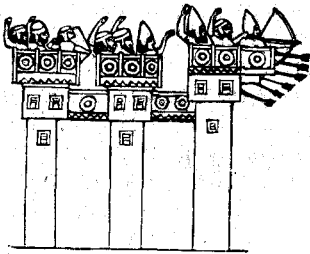

Рис. 173.—Башни с надстроенными на них вышками.

и кучи больших камней, которые сбрасываются на неприятелей, если они безрассудно покусаясь подойти близко к основанию стены. Дунану, его брат Самгуну, его союзник Палиа, внук Меродаха-

Рис. 174.—Пленные, посаженные на колъ ассирийскими войнами.

Баладана, наблюдают сами за последними приготовлениями, всех ободряют своими речами. „Безспорно, враг силен, но и Шапибель крепок; не один неприятельский приступ ему приходилось победоносно отбивать, отобьет и этот, лишь бы защитники выказали свою обычную храбрость. Боги, которые им приходили на помощь до сего дня, не оставят их и в теперешней опасности“.

Авангард ассирийского войска в своих разведках дошел почти до самых стен, но, видя, что он хорошо защищен, отступил, пустив наудачу несколько стрел. Начальник, командующий охраною одних из ворот, видя, что они отступают, бросается очертя голову за ними. Но его отряд отбит и обращен в беспорядочное бегство, оставив с дюжину воинов на месте стычки; сам он, опасно раненный, с дюжиною других попал в руки неприятеля. Ассирийцы ни-

когда не даютъ пощады въ подобныхъ случаяхъ. Плѣнниковъ приводятъ къ тѣмъ самымъ воротамъ, откуда они вышли, одушевленные воинственной отвагой, за какой-нибудь часъ передъ тѣмъ; тутъ, на глазахъ ихъ согражданъ, которые сплошною массою покрываютъ валъ, сажаютъ ихъ живыми на коль, потомъ эти кольца врывають въ землю въ линію, настолько близко къ стѣнѣ, чтобы отъ защитниковъ не укрылась ни одна подробность жестокой предсмертной муки, и, въ то же время, настолько далеко, чтобы ни одна стрѣла не могла достигнуть несчастныхъ и прекратить ихъ страданія (рис. 174). Эта ужасная, мучительная казнь—одна изъ тѣхъ, какія, по преимуществу, ассирійцы примѣняютъ во время войны, отчасти по своей природной жестокости, отчасти по расчету. На коль жертва умираетъ медленно: несчастный ждетъ иногда два, три дня, чтобы смерть сняла его съ орудія

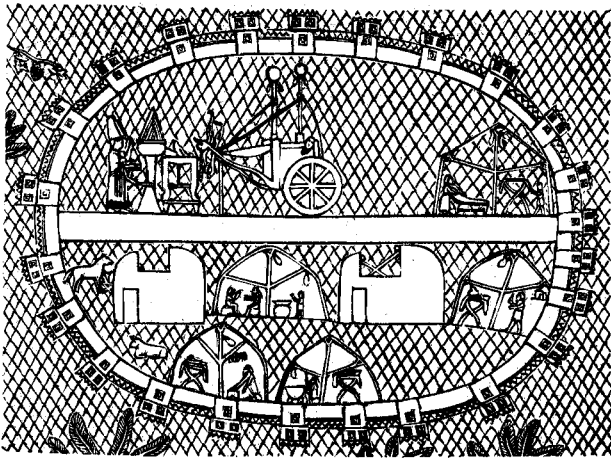

Рис. 175.—Ассирійскій укрѣпленный станъ.

его мученій. Каждый день новые плѣнники подвергаются тѣмъ же истязаніямъ, и, если сопротивленіе защищающихся затягивается на долгое время, изъ такихъ колевъ между двумя войсками образуется настоящій лѣсъ. Бываетъ нерѣдко, что такая ужасная картина притупляетъ храбрость и бодрость и располагаетъ къ измѣнѣ и предательству; но она ни малѣйшимъ образомъ не уменьшаетъ энергіи, которая одушевляетъ защитниковъ Шапибеля. Ассирійцы, попробовавъ во многихъ мѣстахъ атаковать укрѣпленія, убѣдились, что ихъ безъ правильной осады взять нельзя, и рѣшились на осаду.

Первою ихъ заботою было устроить на равнинѣ, внѣ выстрѣ-

ловъ съ крѣпостнаго вала, обширный укрѣпленный станъ, въ которомъ могло бы помѣститься все войско (рис. 175). Какъ всегда, станъ имѣетъ очертаніе почти правильнаго круга, обнесеннаго кирпичной оградой съ башнями, какъ бы дѣло шло о настоящей крѣпости. Каждый воинъ участвуетъ въ постройкѣ, потому что всѣ они знаютъ немного ремесла. Немногихъ дней достаточно для укрѣпленія стана. Внутренность стана раздѣлена на кварталы, въ которыхъ палатки разбиваются правильными рядами, образуя такимъ образомъ нѣсколько улицъ. Часть пространства отведена на отправленіе богослуженія. Два знамени, водруженные на колесницѣ, изображаютъ Ассура, всегда находящагося посреди своихъ войскъ. Жрецы ежедневно отправляютъ передъ нимъ богослуженіе съ тѣми же обрядами, какъ въ ниневійскихъ святилищахъ. Въ то время, какъ одна часть войска отдыхаетъ (рис. 176), остальные ведутъ подступныя работы или дѣлаютъ развѣдки. Такимъ образомъ они господствуютъ надъ окрестностями и прерываютъ сообщенія города со страной. Время отъ времени какой-нибудь гонецъ пробуетъ пробраться сквозь линію осаждающихъ, или впасть на надутомъ мѣхѣ пытается проникнуть въ городъ по каналу подъ покровомъ ночной тьмы. Если его поймаютъ, его ожидаетъ колъ; если ему удастся проскользнуть, то извѣстія, которыя онъ сообщитъ, такого неутѣшительнаго свойства, что, пожалуй, лучше бы было, если бы онъ для нихъ не подвергалъ своей жизни опасности. Вавилонскій царь, устранный пораженіемъ Тіумана, наотрѣзъ отказался торговаться съ мѣста; небольшія го-

Рис. 176.—Три палатки въ ассирійскомъ станѣ.

сударства нижней Халдеи слѣдуютъ примѣру вавилонскаго царя, и никто даже дальцемъ не желаетъ пошевелить въ пользу Гамбула: слѣдовательно, Дунану придется идти до конца и вынести одному всю тяжесть этой войны, которую онъ такъ необдуманно началъ по наущенію Элама.

Ассирійцы, увѣренные, что никакое вспомогательное войско не придетъ ихъ беспокоить, ведутъ осадныя работы со всею правильностью, которая всегда и во всемъ отличаетъ ихъ военную организацію. Прежде всего они учредили вокругъ города, въ видѣ пояса, линію пращниковъ (рис. 177) и стрѣлковъ, которые должны постоянными стычками съ защитниками держать послѣднихъ въ непрерывномъ напряженіи, не давая имъ покоя съ утра до вечера, а иногда даже и всю ночь. При каждомъ стрѣлкѣ находится подручнымъ конейщикъ, который и остается при немъ товарищемъ во все время продолженія кампаніи. Для защиты ихъ обоихъ служитъ большой квадратный ивовый щитъ, вышиною въ

шесть футовъ, который то загибается къ верхушкѣ и оканчивается остроконечно, то носитъ въ верхней своей части небольшой навѣсъ, прикрѣпленный подь прямымъ угломъ; съ внутренней стороны онъ снабженъ рукояткой, при помощи которой можно безъ особаго труда управлять имъ. Копейщикъ несетъ щитъ передь собой въ видѣ подвижного оплота, который защищаетъ его самого и его товарища; потомъ, приблизившись шаговъ на шестьдесятъ къ стѣнѣ, останавливается, укрѣпляетъ щитъ въ землю, и стрѣлокъ начинаетъ пускать стрѣлы (рис. 178). Гамбулскіе стрѣлки

Рис. 177.—Ассирійскіе пращники.

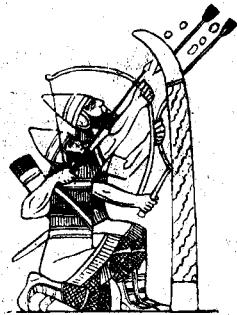

Рис. 178.—Стрѣлки подь защитою щита.

отвѣчаютъ изъ-за бруствера, скрываясь за мерлономъ куртины или за щитами вышки. Такимъ образомъ завязывается непрерывная борьба между непріятелями, въ которой каждая сторона старается выказать какъ можно болѣе ловкости и бдительности: лишь только кто-нибудь изъ непріятелей неосторожно высунется, какъ въ тотъ же моментъ пускаются въ него одна или двѣ стрѣлы. Несмотря на привычку, которую ассирійцы приобрѣли въ подобныхъ схваткахъ, каждый день погибаетъ по собственной неосторожности нѣсколько человѣкъ.

Въ это время ассирійскіе саперы, подь прикрытіемъ града стрѣлъ, прокрались до однихъ воротъ и пробовали ихъ разбить топорами или поджечь зажженными факелами (рис. 179). Массивныя створы воротъ, окованныя бронзой, выдерживаютъ; стража собѣднихъ башенъ обдаетъ ихъ цѣлымъ дождемъ метательныхъ снарядовъ: летятъ дротики, стрѣлы, огромные камни, цѣлыя бревна и потоки кипятку. Хотя ассирійцы одѣты въ подбитые толстымъ слоемъ шерсти одежды, которая ихъ защищаетъ съ головы до ногъ, но все-таки они не выдерживаютъ и вынуждены

отступить, оставивъ половину людей на мѣстѣ. Ночью они снова пробрались съ связками хворосту, смолистымъ деревомъ, смолой— и все это привалили къ воротамъ, чтобы поджечь; но цѣлый потокъ воды, пущенный со стѣны, потушилъ огонь, и эта вторая попытка кончилась, какъ и первая—смертью многихъ изъ нихъ и отступленіемъ оставшихся въ живыхъ. Отбитые съ этой стороны, на слѣдующую ночь они атакуютъ башню южнаго угла и стараются сдѣлать подкопъ подъ нее, чтобы обрушить ее. Они запасаются щитами, подобными тѣмъ, которыми снабжены стрѣлки, приставляютъ ихъ вогнутой стороной къ стѣнѣ и подъ этой защитой, какъ черепахи подъ своей броней, начинаютъ разрушать нижніе слои кирпичей. Осажденные, замѣтивъ ихъ, бросаютъ съ высоты надстроекъ

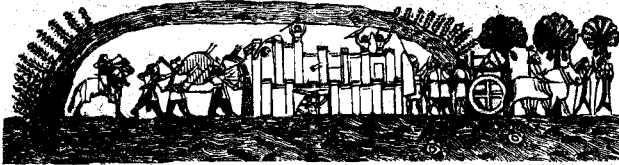

Рис. 179.—Осада города: въ центрѣ—одинъ воинъ наиѣреваетъ поджечь ворота зажженнымъ факеломъ.

бревна, большіе камни, которые раздавливаютъ саперовъ, а зажженная пакля зажигаетъ ихъ щиты. Но все это не устрашаетъ осаждающихъ. Тогда небольшой отрядъ воиновъ незамѣтно, чрезъ подземный выходъ, дѣлаетъ вылазку изъ города подъ командою самого Дунану, тихонько прокрадывается вдоль стѣны и подъ покровомъ ночной темноты нападаетъ врасплохъ на нихъ: часть убиваетъ, а остальныхъ обращаетъ въ бѣгство и возвращается благополучно въ городъ съ щитами, въ видѣ трофеевъ, и десятками двумя плѣнныхъ. Послѣдніе немедленно были посажены на колы, и на другое утро ассирійцы увидели тѣла своихъ товарищей, выставленными на валу. Борьба между противниками велась безъ малѣйшей пощады съ обѣихъ сторонъ: осажденные, чувствуя, что имъ суждено погибнуть, заранѣе метятъ за тѣ мученія и пытки, которыя ихъ ожидаютъ.

Собственно, всѣ эти мнимыя нападенія придуманы только для того, чтобы постоянно утомлять непріятеля. Въ то время, какъ на аванпостахъ происходятъ подобныя мелкія схватки, инженеры оканчиваютъ въ станѣ постройку осадныхъ машинъ. Давно уже стѣнобитная машина вошла въ употребленіе во всемъ мѣрѣ въ разнообразныхъ своихъ формахъ. Ручная стѣнобитная машина, состоящая изъ простаго бревна, обитаго на одномъ концѣ желѣ-

зомъ, за которое берутся около двадцати человекъ, и есть одно изъ самыхъ первобытныхъ орудій, употребляемыхъ для взятія укрѣпленныхъ мѣстъ; вторая форма отличается тѣмъ, что бревно горизонтально подвѣшивалось на канатахъ къ деревяннымъ козламъ, которые приставлялись къ стѣнѣ, а бревно отводилось нѣсколько назадъ; затѣмъ свободно опускалось и ударялось въ стѣну; третья разнится отъ второй только тѣмъ, что бревно привѣшивается къ деревянной стойкѣ, передвигающейся на 4 или 6 колесахъ, которую поѣтому по желанію можно и приближать, и отодвигать отъ стѣны. Стойка обыкновенно снаружи обтягивается въ видѣ панцыря сыромятной воловьей кожей или толстымъ грубымъ сукномъ, а сверху снабжена куполомъ или полукуполомъ, защищающимъ мѣсто привѣса подвижного бревна отъ ударовъ тяжелыхъ метательныхъ снарядовъ. Часто этотъ видъ тарана служитъ какъ бы маленькой крѣпостцой, и тогда куполь обращается въ настоящую башню, въ которой помѣщаются стрѣлки и воины, которые постоянно тревожатъ осаждаемыхъ и препятствуютъ имъ зажигать своими факелами осадныя орудія.

Стѣнобитныя машины располагаются батареями на нѣкоторомъ разстояніи отъ вала и такимъ образомъ, чтобы однѣми можно было дѣйствовать противъ башенъ, другими—между двумя башнями въ слабыхъ пунктахъ ограды. Для болѣе удобнаго ихъ перемѣщенія съ мѣста на мѣсто землю передъ ними выравниваютъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва не представляетъ достаточной плотности, выстилаютъ плитнымъ камнемъ, способнымъ вынести тяжесть машинъ. Осаждаемые, въ свою очередь, дѣлаютъ все, чтобы препятствовать непріятелю производить эти предварительныя работы, но, къ несчастью, безуспѣшно: вотъ машины двинулись съ мѣста, каждую толкаютъ сто человекъ. Для того, чтобы продвинуть ихъ на небольшое разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ стѣны, требуется не менѣе двухъ дней. Какъ только онѣ были установлены на мѣстѣ, ихъ тотчасъ же пустили въ дѣло съ лихорадочной поспѣшностью, какъ бы желая наверстать потерянное для ихъ передвиженія время. По данному знаку приставленные къ тарану солдаты берутся за концы веревокъ, прикрѣпленныхъ къ бревну, и дружно тянутъ. Первое усиліе, чтобы раскатать балку, всегда трудно: балка очень массивна, да и острый желѣзный наконечникъ или металлическая квадратная масса, которою она снабжена, значительной тяжести. Но вотъ мало-по-малу размахи становятся все шире и шире и, наконецъ, достигаютъ такой величины, что остроконечіе со всего размаха ударяется въ стѣну. Стѣна сотрясается, нѣсколько кирпичей выпадаютъ изъ нея или раздробляются (рис. 180), и удары, правильно и послѣдовательно возобновляясь, продѣлываютъ почти одновременно проломъ въ шести мѣстахъ атаки. Гарнизонъ, не будучи въ состояніи помѣшать установленію батарей, старается,

по крайней мѣрѣ, ослабить дѣйствіе машинъ или ихъ разрушить. Они спускаютъ цѣпи, затяжныя петли и крючки, которыми улавливаютъ остроконеціе бревна и удерживаютъ его въ неподвижномъ состояніи. Канониры, разумѣется, стараются освободить бревно, и

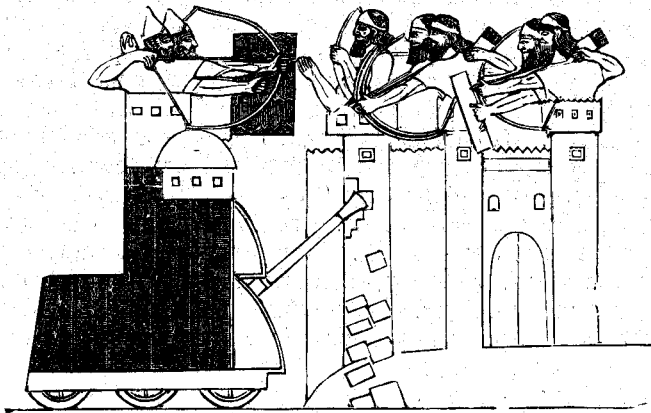

Рис. 180.—Башни со стѣнобитными машинами дѣлають проломъ въ стѣнѣ.

тогда завязывается ожесточенная борьба между осажденными и осаждающими, которая нерѣдко оканчивается въ пользу осаждаемыхъ (рис. 181). Они овладѣваютъ бревномъ или раздробляютъ

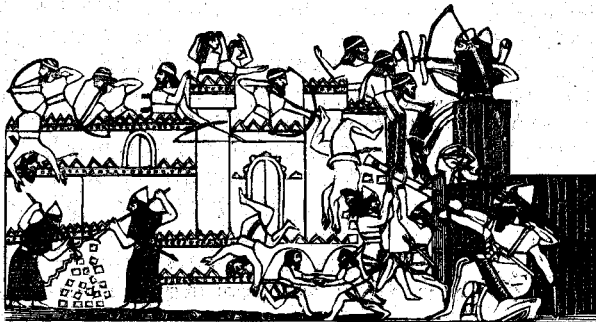

Рис. 181.—Осада. Вправо — стрѣлки подъ прикрытіемъ большихъ щитовъ и стѣнобитная машина, которую осажденные усиливаются обезоружить. Въ центрѣ—два сапера безъ оружія стараются продѣлать подкопъ; налѣво—два сапера въ кирасахъ ломають стѣну.—Рѣвка течетъ на переднемъ планѣ.

его огромной каменной глыбой. Въ то же время зажженные факелы и пакля, горящая смола, корчаги съ горючими веществами дождемъ сыплются на кровлю стѣнобитной машины. Ассирійцы невозмутимо продолжаютъ нападать; какъ только одинъ таранъ испор-

чень, они привѣшиваютъ новое бревно, запасное, и черезъ нѣсколько минутъ дѣло разрушенія снова начинается.

Слуги при таранахъ работаютъ посмѣнно, дождь стрѣлъ идетъ не прекращаясь, минеры подкапываютъ основанія башенъ; все

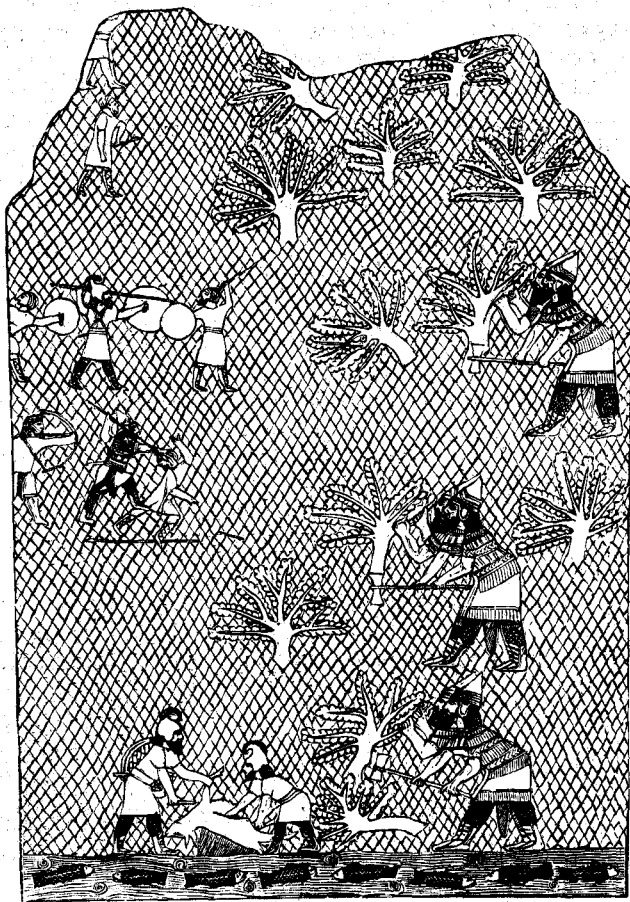

Рис. 182.—Ассирийцы вырубаютъ деревья въ непріятельской странѣ.

это дѣлается, чтобы ни на минуту не давать отдыху осажденнымъ и чтобы приковать ихъ вниманіе къ этимъ пунктамъ. Въ то время, какъ борьба идетъ съ ожесточеніемъ вокругъ стѣнобитныхъ машинъ, сотня людей, выбранная между самыми храбрыми, входитъ въ болото, немного спустя послѣ наступленія ночи,

съ длинными лѣстницами; многихъ изъ нихъ засосало въ тину, но тѣ, которые подошли къ стѣнѣ, приставили лѣстницы, а когда эти лѣстницы оказались недостаточно высокими, короче на нѣсколько футовъ, то они взбирались на плечи товарищей и такимъ образомъ достигли рундовой дороги на стѣнѣ. Убивъ часового, который въ одиночествѣ ходилъ тутъ взадъ и впередъ, нападающіе овладѣваютъ двумя смежными башнями и громкими криками провозглашаютъ о своемъ успѣхѣ. Гарнизонъ, упавшій духомъ, бѣжитъ, несмотря на увѣщанія начальниковъ: выбитыя ворота даютъ свободный доступъ осаждающимъ, которые быстро врываются, разсѣиваются по городу и начинаютъ грабить. На зарѣ нѣсколько группъ отдѣльныхъ воиновъ еще кой-гдѣ защищаются, но въ полдень все уже было кончено: паденіе Шапибеля завершило завоеваніе Гамбула.

Все населеніе цѣликомъ было уведено въ Ассирію, а городъ разрушенъ. Дома сожжены, стѣны методически уничтожены до самаго основанія, такъ что камня на камнѣ не осталось; вырубилъ всѣ пальмы и фруктовыя деревья (рис. 182), прорвали плотины, защищавшія отъ наводненія поля, и ихъ развалинами и иломъ запрудили и засорили каналы. Ассирія совсѣмъ не признаетъ за другими народами права вести съ ней войну: если они ей сопротивляются, она ихъ считаетъ за бунтовщиковъ и святотатцевъ, противъ коихъ всякое жестокое наказаніе законно. Она сдержанность свою въ обращеніи соразмѣряетъ только съ тою степенью силы, которую она за нимъ признаетъ или предполагаетъ, что она у нихъ есть. Туллискимъ сраженіемъ кампанія оканчивается, и Ассирія довольствуется раздробленіемъ Элама на многія небольшія княжества, которыя она провозглашаетъ своими данниками; борьба, затянувшаяся слишкомъ надолго, пожалуй, можетъ кончиться не совсѣмъ въ пользу Ассиріи, и она боится, кромѣ того, злоупотреблять своимъ успѣхомъ, зная, что злоупотребленіе не остается безъ возмездія. Она срываетъ Шапибель и почти искореняетъ все населеніе Гамбула, зная, что можетъ это сдѣлать безнаказанно, такъ какъ Гамбуль не обладаетъ достаточной плотностью населенія и самъ по себѣ не можетъ выставить войска столь же многочисленнаго, какъ ассирійское. Гнѣвъ Асура и Иштары всегда знаетъ свои предѣлы: онъ свободно проявляется только насчетъ слабыхъ, и излишества, которыя онъ позволяетъ себѣ противъ нихъ, вполнѣ вознаграждаютъ его за то самообладаніе, которое онъ на себя иногда налагаетъ по отношенію сильныхъ.

ГЛАВА XX.

Побѣдное торжество.

Ассурбанипаль принимаетъ посольство изъ Урарти.—Ниневія и ея дворцы.—Торжественный въездъ: шествіе по ниневійскимъ улицамъ съ военной добычей.—Война—коммерческое предпріятіе, обогащающее ассирійцевъ.—Плѣнники.—Казнь вождей побѣжденныхъ.—Пиръ и пьянство ассирійцевъ.—Праздникъ въ гаремѣ и голова Тіумана.—Пѣснь побѣды.—Пророчество Наума Елкосеянина.

Въ то время, какъ ассирійскіе полководцы одерживали побѣды въ честь Ассурбанипала, самъ онъ не оставался празднымъ въ арбельскомъ дворцѣ. Онъ пировалъ, охотился, приносилъ жертвы. Иштаръ такъ же часто, даже чаще, чѣмъ его полководцы дѣлали переходы, грабили и давали сраженія. Онъ даже принималъ иноземныхъ посланниковъ, передъ которыми не приминуть выставить на показъ свою добычу и потщеславиться успѣхами. Царь страны Урарти, Руса, прислалъ къ нему своихъ вельможъ, чтобы заключить съ нимъ союзъ. Урарти не была уже для Ассиріи тѣмъ грознымъ врагомъ, котораго Тиглаѳаласаръ III и Саргонъ съ такими трудностями едва могли осилить: ея силы истощились въ борьбѣ, и племена, пришедшія съ запада, оспариваютъ у нея мѣстности, расположенныя по Евфрату, на которыя она наложила свою власть вотъ уже два столѣтія. Поэтому, чтобы имѣть возможность употребить противъ нихъ всѣ свои силы, Руса желалъ оставаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ своимъ ниневійскимъ сосѣдомъ: дружбу или, по крайней мѣрѣ, нейтралитетъ Ассиріи стоитъ пріобрѣсти цѣною нѣсколькихъ подарковъ и нѣсколькихъ словъ лести, даже покорности. Ассурбанипаль принимаетъ посланцевъ въ торжественной аудіенціи и представляетъ имъ двухъ сузійскихъ посланниковъ, Умбадару и Набудамика, закованныхъ въ цѣпи. Это—наглядный урокъ онъ хотѣлъ имъ дать объ опасности навлечь на себя его гнѣвъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о выгодѣ для иноземныхъ государей сохранить его доброе расположеніе. Армяне удаляются вполне вразумленные, а Ассурбанипаль послѣ ихъ

отъѣзда снова погружается въ свою жизнь, полную нѣги и наслажденій.

Между тѣмъ гонцы безпрестанно прибываютъ изо-дня-въ-день, и каждый изъ нихъ привозитъ извѣстіе о новомъ успѣхѣ, о прибытіи въ Дурилу, послѣднемъ отступленіи эламитовъ, побѣдѣ при Туллизѣ, смерти Тіуммана, возведеніи на престолъ Умманигаша и Таммариту, осадѣ и взятіи Шапибеля, о скоромъ возвращеніи побѣдителей съ добычей. Существуетъ обычай, по которому цари, возвращающіеся съ войны, торжественно вступаютъ во свою столицу: плѣнные идутъ во главѣ триумфальнаго шествія, за ними несутъ дани покоренныхъ народовъ, и торжество заканчивается казнью главныхъ вождей мятежниковъ. Ассурбанипаль приказалъ все приготовить къ церемоніи. Когда наступилъ день триумфа, онъ становится во главѣ своего побѣдоноснаго войска и направляется по дорогѣ къ Ниневіи. Столица Ассиріи строилась не такъ, какъ Дуръ-Шарукинъ, не въ одинъ пріемъ и безъ опредѣленнаго плана. Она создавалась постепенно въ теченіе многихъ лѣтъ медленнымъ приростомъ зданій и населенія и до сихъ поръ еще сохраняетъ видъ древнихъ безпорядочно скученныхъ построекъ. Ниневія возвышается на лѣвомъ берегу Тигра, при впаденіи въ него Хусура, и имѣетъ видъ неправильной трапеціи, растянутой болѣе въ длину, чѣмъ въ ширину. Часть города, примыкающая къ рѣкѣ, защищена только одной стѣной. Также одной стѣной ограждается сѣверный фасадъ, гдѣ протекаетъ въ широкомъ ложѣ часть водъ Хусура. Южныя части города, обращенныя къ равнинѣ, не охраняются никакимъ естественнымъ загражденіемъ и защищены противъ нападенія искуснымъ приспособленіемъ земляныхъ работъ. Съ этой стороны сначала идетъ первая стѣна, совершенно подобная стѣнамъ остальныхъ фасадовъ, и, какъ онѣ, обведена рвомъ; затѣмъ, впереди рва находится сооруженіе въ видѣ полумѣсяца, состоящее изъ двухъ толстыхъ стѣнъ, и второго рва столь же широкаго, какъ и первый. Дорога, идущая изъ Арбелы, пересѣкаетъ эти укрѣпленія и, продолжаясь черезъ городъ, приводитъ прямо къ искусственному холму, на которомъ возвышается южный дворецъ, древнее жилище царей, перестроенный съ необыкновенною пышностью Сеннахерибомъ. Рука Сеннахериба оставила повсюду слѣды въ Ниневіи. Онъ облагодѣтельствовалъ городъ, устроивъ водопроводы для снабженія жителей чистою и свѣжею водою изъ источниковъ сосѣднихъ холмовъ. Онъ построилъ вдоль Тигра набережныя изъ кирпича; онъ воздвигъ на одной изъ излучинъ Хусура едва ли не самый великолѣпный изъ всѣхъ ассирійскихъ дворцовъ, именно тотъ, гдѣ его сынъ Есаргадонъ и внукъ Ассурбанипаль царствовали послѣ него. Послѣдній велѣлъ изобразить на стѣнахъ сцены изъ своей охоты и побѣдъ, помѣстивъ въ немъ свою огромную бібліотеку, составленную изъ твореній древнихъ и новыхъ писателей.

Планъ ниневійскихъ дворцовъ, за немногими отступленіями, почти тотъ же, какъ и дворца въ Дуръ-Шарукинѣ. Доступъ въ нихъ устроенъ по восходящей наклонной плоскости *) и двойной лѣстницѣ, т. е. двухъ лѣстницъ, расположенныхъ по бокамъ искусственнаго холма **). Фасады представляютъ видъ крѣпости, украшенной зубцами и обнесенной башнями. Ворота открываются между рядовъ крылатыхъ быковъ и снабжены по обѣимъ сторонамъ двумя высокими мачтами. При нихъ находятся также гаремы, покои которыхъ сообщаются съ остальными дворцовыми постройками узкими воротами; къ нимъ примыкають сады, гдѣ кипарисы и кедръ осѣняютъ виноградныя бесѣдки и цвѣточныя клумбы. На одномъ изъ угловъ дворца также возвышается многоэтажная башня (*зиггуратъ*, по-ассирійски), и какъ-бы распространяетъ съ своей величественной высоты покровительство боговъ на широко раскинувшійся у ея подножія городъ. Ассирійцы не любятъ разнообразить архитектурный характеръ и расположеніе своихъ зданій. Образцы и планы, унаслѣдованные ими отъ предковъ, они находятъ вполне по своему вкусу и непоколебимо ихъ держатся, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ. А между тѣмъ имъ не разъ приходилось видѣть въ чужихъ странахъ образцы высокаго строительнаго искусства, которые навѣрное соблазнили бы другой народъ, менѣе привязанный къ старинѣ. Въ качествѣ побѣдителей они проникали во дворцы хиттитскихъ царей, тамъ они заимствовали способъ возводить стѣны до самой вершины изъ камня, но на этомъ только и остановились, и то, что они называютъ дворцами по хиттитскимъ (Хатти) образцамъ, собственно тѣ же халдейскія постройки, только изъ камня, а не изъ кирпича. Имъ извѣстны храмы Іеговы въ Іерусалимѣ, и Мелькарта—въ Тирѣ; они грабили величественныя и обширныя святилища Фта въ Мемфисѣ, Амона—въ Оивахъ, однако имъ и въ голову не пришло заимствовать у нихъ модели. Единственное позаимствованіе, которое Есаргадонъ сдѣлалъ въ Египтѣ, — это грифъ, увѣнчанный дискомъ бога Ра (рис. 183); попадаются также во дворцѣ Ассурбанипала фигуры, въ которыхъ къ тѣлу египетскаго льва неуклюже приделаны крылья и человѣческая голова древнихъ быковъ. Съ незначительными отступленіями и до сихъ поръ постройки возводятся по правиламъ, установленнымъ халдеями, и, если бы архитекторы изъ Гудеи вернулись съ того свѣта, они могли бы предъявить

*) Не надо забывать, что Месопотамія представляетъ сплошную равнину, а потому всѣ монументальныя постройки дворцовъ и храмовъ всегда возводились не прямо на грунтѣ, а на высокой обширной эспланадѣ—что придавало имъ болѣе величественный видъ посреди обыкновенныхъ окружающихъ построекъ.

Прим. перевод.

***) См. дворецъ въ Дуръ-Шарукинѣ, главныя ворота, стр. 169.

свои права на архитектурныя произведенія—творенія самыхъ новѣйшихъ зодчихъ.

Войска проходятъ церемоніальнымъ маршемъ по улицамъ при восклицаніяхъ толпы; за ними слѣдуютъ плѣнные и военная добыча, потомъ—самъ царь на колесницѣ и, наконецъ, шествіе замыкается новыми отрядами войскъ. Передовыя колонны уже достигли дворца, тогда какъ задніе ряды шествія не переступили городскихъ воротъ и проходятъ еще только предмѣстьями. Бо-

гатство добычи вызываетъ чувство всеобщаго удивленія. Колесницы и военныя принадлежности и снаряды эламитаго войска открываютъ шествіе, потомъ ведутъ подъ устцы лошадей сузійской конницы и муловъ царскаго обоза, взнузданныхъ и въ сбруѣ, какъ бы приготовленныхъ къ службѣ (рис. 184). Лошади той же породы, какъ и ассирійскія, но ихъ легко отличить отъ египетской

Рис. 183.—Грифъ египетскаго стила.

расы, и это могутъ подтвердить всѣ тѣ ниневійцы, которые присутствовали при торжествѣ Ассурбанипала послѣ его побѣды надъ фараономъ Тагарку и его зятемъ Урдамани. Голова у нихъ не

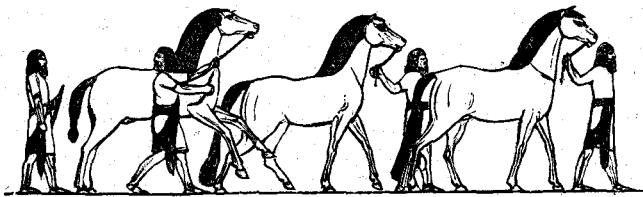

Рис. 184.—Сузійскія лошади.

велика, но красивой формы, ноздри широкія, живые глаза, красиво выгнутыя шеи, довольно толстыя, туловище тяжелое, но ноги тонкія и мускулистыя. За ними слѣдуетъ нѣсколько одногорбыхъ верблюдовъ, взятыхъ въ Гамбулѣ (рис. 185). Эти странныя животныя водятся въ Аравіи, гдѣ они служатъ для перевозки тяжестей и переѣзда черезъ пустыни. Въ противоположность восточному двугорбому верблюду, у нихъ одинъ горбъ; въ Ниневіи время отъ времени видятъ двугорбыхъ какъ рѣдкость, когда ихъ приводятъ мидійскіе караваны. Быковъ и мелкаго домашняго скота сильно поубавилось въ дорогѣ во время слѣдованія отъ границъ Элама и Гамбула до воротъ столицы. Часть ихъ пошла на пищу войска и плѣнныхъ, но много также пало отъ

утомленія или растерзано хищными звѣрями. Но и тѣ, которые остались въ живыхъ, столь многочисленны, что въ шествіи участвуетъ ихъ только часть; остальныхъ же оставили за городомъ, подъ охраною пастуховъ въ ожиданіи раздѣла ихъ между царской казной и воинами, участвовавшими въ походѣ.

За животными идутъ толпы рабовъ, несущихъ мебель и всякіе драгоценные предметы, отнятые у побѣжденныхъ: золотыя и серебряныя статуи боговъ, чаши, употреблявшіяся при жертвоприношеніяхъ, треножки и кресла изъ чеканенной бронзы, однимъ словомъ всѣ сокровища Дунану и всѣ богатства жителей Шапибеля. Цѣлыми тысячами насчитывались золотые и серебряные

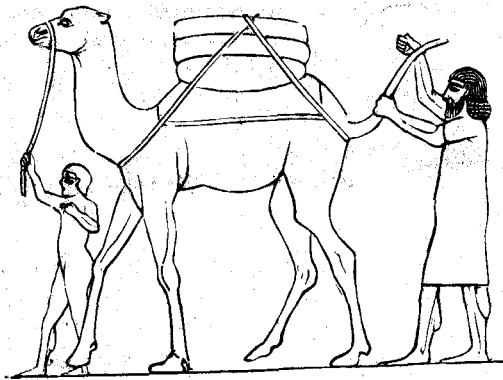

Рис. 185.—Верблюдъ и его проводники.

слитки, массы олова, желѣза и бронзы, льняныя и шерстяныя одежды. И все это богатство — результатъ только одной экспедиціи, добыча, пріобрѣтенная разграбленіемъ нѣсколькихъ областей Элама и небольшой страны Гамбула. Что же бываетъ тогда, когда ассирійяне возвращаются изъ походовъ противъ Тира или противъ такого народа, какъ египтяне? Только тогда можно понять любовь ассирійцевъ къ войнамъ, и почему всѣ ихъ цари стремились организовать всѣ силы страны только въ виду завоеваній. Война для нихъ — не простая дикая грубая страсть темперамента или безкорыстное исканіе славы: нѣтъ, это нѣчто болѣе положительное, это — страсть стяжанія и обогащенія. Одни народы съ опасностью для жизни пускаются на корабляхъ для торговыхъ сношеній съ варварами, обитающими за морями; другіе — занимаются земледѣіемъ, третьи — честнымъ образомъ снискиваютъ средства къ жизни при помощи промышленности и мелкой мѣстной торговли: ассирійяне же ведутъ войны. Война ихъ кормитъ, ихъ одѣваетъ, избавляетъ ихъ отъ заботы заниматься ремеслами, война

замѣняетъ имъ торговлю или, лучше сказать, война для нихъ не что иное, какъ торговая операція, въ которой они теряютъ воиновъ и лошадей и за это приобрѣтаютъ все остальное. Они ходили войной противъ Халдеи, Сиріи, Элама, Арменіи, Египта, Мидіи и будутъ сражаться съ кѣмъ угодно и когда угодно, лишь бы наполнить сокровищами свои сундуки и увеличить казну своего государя богатствами всего міра.

Плѣнники слѣдуютъ густыми толпами за носильщиками добычи. Въ первыхъ рядахъ идутъ музыканты и музыкантши, принадлежавшіе Дунану и услаждавшіе его во дни его величія, когда онъ проходилъ въ торжественной процессіи по улицамъ Шапибеля. Съ арфами и двойными флейтами они подвигаются, играя и повторяя прежніе свои гимны, но уже подъ присмотромъ ассирійскихъ воиновъ, осыпаемые насмѣшливыми рукоплесканіями толпы. За ними идутъ эламиты и остатки населенія Гамбула. У ассиріянъ нѣтъ обычая, какъ у египтянъ, связывать плѣнныхъ, такъ чтобы привести ихъ въ мучительное, неестественное положеніе, которое стѣсняетъ движеніе и выставляетъ ихъ на посмѣшище толпы. Только нѣкоторые скованы ручными или ножными кандалами; большинство же свободно отъ всякихъ цѣпей. Они идутъ толпой, безъ всякаго отличія общественнаго положенія или пола, благородный рядомъ съ простолюдиномъ, мужчины съ женщинами, смущенные и смѣшанные въ общемъ униженіи и въ одинаковомъ рабствѣ. Ихъ одежды, покрытыя грязью и пылью, представляютъ какіе-то лохмотья безъ формы и цвѣта, которые едва прикрываютъ ихъ. Дѣти, слишкомъ еще юныя, чтобы понять всю горечь своего положенія, смотрятъ съ выраженіемъ ужаса и любопытства на всю эту огромную толпу, которая тѣснится вокругъ нихъ по дорогѣ. Дѣвушки и женщины въ страхѣ, съ замираніемъ сердца, спрашиваютъ себя, что съ ними будетъ при раздѣлѣ добычи, въ какія руки онѣ достанутся: въ руки ли грубаго воина, прихотямъ котораго онѣ послужатъ, или въ руки военнаго начальника, у котораго онѣ найдутъ, по крайней мѣрѣ, изобиліе и роскошь, къ которымъ привыкли у себя. Бывали случаи, что сами цари увлекались плѣнниками, которыхъ они при торжественныхъ въздахъ влекли въ униженіи позади своихъ колесницъ, и немало плѣнницъ, вступившихъ въ ассирійскій гаремъ рабынями, впоследствии тамъ царили въ качествѣ супругъ. Мужчины, бывшіе у себя на родинѣ свободными людьми, хранятъ безпокойный и мрачный видъ. Сильные и ловкіе въ воинскихъ упражненіяхъ надѣются, что ихъ легко замѣтятъ и опредѣлятъ въ войско; военное рабство ихъ не пугаетъ, и они сто разъ предпочтутъ носить оружіе на славу своихъ побѣдителей, чѣмъ обрабатывать поля или унижаться подлой должностію домашняго слуги. Рабы по происхожденію относятся къ своей участи беззаботно и почти весело. Служить

для службы—имъ рѣшительно все равно, будетъ ли это въ Ниневіи или въ Шапибелѣ; ихъ положеніе не измѣняется, они перемѣняютъ только своихъ господъ, и многіе изъ нихъ даже не скрываютъ той жестокой радости, которую они испытываютъ при видѣ униженія и уничтоженія своихъ прежнихъ господъ.

Одна группа въ особенности привлекаетъ вниманіе ниневійцевъ и вызываетъ враждебные крики—это группа, состоящая изъ главныхъ вождей и военачальниковъ, взятыхъ при Туллизѣ и въ походъ на Гамбуль: Дунану, его братъ Сангуну, Паліа, Набузадли, ихъ жены и дѣти. На шеѣ Дунану привѣшена голова Тіуммана. Можетъ быть, въ глубинѣ души онъ завидуетъ участи своего союзника, который, по крайней мѣрѣ, палъ на полѣ сраженія, и уже нечего ему бояться людей; но его походка и выраженіе лица не выдаютъ его мыслей. Онъ идетъ гордой поступью, выпрямивши свой станъ, не смотря по сторонамъ, съ безстрастнымъ выраженіемъ, съ высоко поднятымъ челомъ. Кажется, онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, ничего не замѣчаетъ—ни толпы, которая его оскорбляетъ, ни своихъ женъ, которыя плачутъ и сокрушаются о немъ. Въ то же утро, въ моментъ, когда ему привѣсили на грудь голову Тіуммана, палачъ проткнулъ губы и ноздри его родственникамъ, продѣлъ кольца и веревку, какъ дѣлаютъ это съ быками, и каждого изъ этихъ несчастныхъ передалъ отдѣльному воину. Ихъ проводникъ сильно по временамъ дергаетъ за веревку, но дѣлаетъ это съ такой варварскою ловкостью, что, подвергая ихъ ужаснѣйшимъ мукамъ, не вырываетъ ни клочка мяса. Но ихъ мужественная стойкость остается непоколебимой, какъ и ихъ главы, въ продолженіе длинныхъ часовъ шествія; развѣ не такъ же они поступили бы съ Ассурбанипаломъ и его ближними, если бы имъ улыбнулось счастье, и они взяли приступомъ Ниневію? Всѣ народы міра, даже сами египтяне, которые однако славятся своей мягкостью, находятъ удовольствіе подвергать истязаніямъ осужденныхъ на смерть. Казнить смертью просто, ударомъ меча или палицы, повѣсить, утопить, все это—казни, которыя убиваютъ быстро, на нихъ и не смотрятъ какъ на настоящую казнь; это—милость, которую даютъ очень скупю,—отправить однимъ ударомъ человѣка на тотъ свѣтъ, не давши ему почувствовать, что онъ умираетъ. Мятежникъ и обыкновенный преступникъ не имѣютъ права на такое снисхожденіе, требуется, чтобы они испили чашу мукъ до дна, чтобы они долго молили о смерти, прежде чѣмъ испустятъ духъ.

Умбадара и Набудамикъ по распоряженію Ассурбанипала были выведены на дворцовую эспланаду и съ отчаяніемъ и бѣшенствомъ въ сердцѣ присутствовали при проходѣ своихъ униженныхъ соотечественниковъ. Когда они увидѣли на шеѣ Дунану голову Тіуммана, ихъ отчаянію не было предѣловъ. Тіумманъ, жестокой и

вѣроломный съ врагами, для своихъ друзей быть добрымъ и великодушнымъ господиномъ. Умбадара вырвалъ себѣ бороду и горько зарыдалъ; Набудамикъ выхватилъ кинжалъ, который не отобрали у него, и пронзилъ себѣ грудь. Голова Тіуммана была выставлена надъ главными воротами Ниневіи, и всѣ тѣ, кто подходилъ къ нимъ или выходилъ изъ нихъ, поднимали вверхъ глаза и осыпали ее ругательствами и проклятіями. Съ Дунану содрали съ живого кожу (рис. 186) и бросили трепещущаго въ раскаленную печь, которая его и пожрала. Однихъ побили камнями, другимъ были выколоты глаза самимъ царемъ: онъ силой заставлялъ ихъ становиться передъ нимъ на колѣни, поднималъ имъ голову, дергая за кольцо, продѣтое въ губахъ, и выкалывалъ концомъ дротика глазное яблоко. Самгуну, ослѣпленный, былъ закованъ въ цѣпи при входѣ въ одни городскія ворота и выставленъ между дикими свиньями на оскорбленіе прохожихъ и питался тѣмъ, что изъ жалости они ему бросали, какъ собакѣ. Послѣ пытокъ, которымъ ихъ подвергли въ Ниневіи, Набузалли, Паліа и много другихъ были отведены въ Арбелу для принесенія въ жертву Иштарѣ и умерщвленія передъ ней. Съ нихъ содрали съ

Рис. 186.—Сдирание кожи съ одного плѣннаго.

живыхъ кожу, трупы разрѣзали на части и по кусочкамъ отправили въ разныя области, чтобы воочию показать, какъ царь умѣетъ наказывать мятежниковъ. Какъ всѣ ассирійскія торжества, торжество Ассурбанипала кончилось продолжительной рѣзней.

Когда шествіе кончилось, настало общее народное пьянство. Обычай

требуетъ, чтобы всѣ жители города, безъ различія состоянія, рабы и свободные, ѣли и упивались на счетъ царя все время, пока продолжается праздникъ: это въ своемъ родѣ способъ сдѣлать ихъ участниками въ добычѣ. Семь дней сряду двери дворца остаются открытыми всякому проходящему. Разноцвѣтныя ткани, протянутыя отъ одной стѣны до другой на веревкахъ, преобразовали дворцовые дворы въ огромныя пиршественныя залы. Толпа съ утра до вечера въ нихъ прибываетъ и выбываетъ, располагается на парадныхъ ложахъ или на сидѣньяхъ, требуетъ себѣ по своему вкусу, чего захочетъ; рабамъ приказано никому ни въ чемъ не отказывать, но каждому подать то, чего онъ требуетъ, и столько разъ, сколько захочетъ. Женщины и дѣти допускаются къ угощенію наравнѣ съ мужчинами. Не забыты и тѣ войны, которыхъ служба удерживаетъ въ казармахъ: царь имъ посылаетъ мяса и вина, за которыми они по долгу службы не могутъ придти сами, въ такомъ изобиліи, что имъ рѣшительно не о чемъ жалѣть. Десятками тысячъ исчезаютъ хлѣбы, тысячами быки, ба-

раны, козы; живность всевозможныхъ породъ поглощается, точно пропастью; народными ртами, и при всемъ томъ все, что съѣдается, — ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что выпивается. Ассириецъ, довольно воздержный въ обыкновенной жизни, не знаетъ границъ, когда онъ рѣшается предаться излишеству. Вина ассирійскія, халдейскія, эламскія, сирійскія, финикійскія, египетскія, кувшины и мѣха, лишь только успѣютъ ихъ откупорить, тотчасъ же опрастываются, нисколько не утоляя, повидимому, общей жажды. Послѣ двухъ дней не отыщется ни одного человѣка, мозгъ котораго могъ бы безнаказанно вынести подобное пьянство, и Ниневія представляетъ необычайное зрѣлище: все населеніе города пьяно въ различной степени. По окончаніи праздника нужно еще нѣсколько дней, пока городъ войдетъ въ свою обычную колею и приметъ прежній видъ. Это была бы благоприятная пора для предприимчиваго непріятели, — нечаянно напасть на Ниневію, когда безпорядокъ дошелъ до крайности, и когда войско и народъ потеряли всякое самосознаніе. Преданіе рассказываетъ, что не одинъ сильный городъ погибъ такимъ образомъ въ самомъ разгарѣ пиршества, не будучи въ силахъ оказать почти ни малѣйшаго сопротивленія.

Въ то время, какъ народъ предается огульному пьянству, въ залахъ дворца Ассурбаницаль угощаетъ главныхъ дворцовыхъ

Рис. 187.—Царскіе гости сидятъ за столомъ и пьютъ.

сановниковъ и государственныхъ дѣятелей. Они сидятъ за небольшимъ столомъ, по двое съ каждой стороны, другъ противъ друга (рис. 187). Стулья высоки, безъ спинокъ и безъ скамеечекъ, на которыя гости могли бы опереться ногами: за высокую честь обѣдать съ царемъ приходится всегда платиться нѣкоторымъ неудобствомъ. Столы накрыты скатертями съ бахромами, на которыя рабы ставятъ яства. По сравненію съ простымъ народомъ вель-

можи ѣдятъ мало, поэтому имъ подается мало мяса; но зато многочисленныя рабы безпрестанно приносятъ пирожное, плоды раз-

Рис. 188.—Рабы приносятъ плоды.

личныхъ сортовъ, виноградъ, финики, яблоки, груши, винныя ягоды (рис. 188 и 189). Но зато вельможи пьютъ много, правда, съ

Рис. 189 — Рабы приносятъ вино, пирожное и плоды.

большимъ толкомъ въ винахъ, чѣмъ простонародье, но съ такою же жадностью. По случаю такого радостнаго событія царь велѣлъ вынуть для нихъ изъ сокровищницы самыя драгоцѣнныя сосуды,

золотые и серебряные кубки, большею частью литые или чеканенные въ видѣ львиной головы. Многіе изъ нихъ—древніе священные сосуды, которые жрецы побѣжденныхъ націй употребляли при жертвоприношеніяхъ: одни вывезены изъ Вавилона или Кархемиша, другіе взяты въ Тирѣ или въ Мемфисѣ, нѣкоторые принадлежали самарійскому или іерусалимскому храмамъ. Употребляя ихъ на такое неподходящее дѣло, ассиріане желаютъ поругаться надъ богами, которымъ они служили, и прибавляютъ къ удовольствію напиваться удовольствіе унижить передъ Асуромъ этихъ иноземцевъ, которые кичатся быть ему равными. Вина, даже самыя тонкія, не подаются пирующимъ въ томъ видѣ, въ какомъ они приносятся изъ подвала: къ нимъ примѣшиваютъ ароматы и всякіе другіе составы, которые имъ придають пріятный букетъ и удеся-

Рис. 190.—Виночерпнн черпаютъ вино изъ сосуда.

теряють ихъ силу. Операція сдобриванія вина, происходитъ тутъ же въ залахъ, на глазахъ гостей. Одинъ евнухъ занятъ у стола растираніемъ въ каменной ступкѣ усиливающихъ опьянѣніе веществъ, которыя время отъ времени онъ смачиваетъ разными эссенціями. Въ это время его товарищи вылили изъ кувшиновъ вино въ огромные чеканные серебряные сосуды, доходящіе имъ до груди. Когда пахучая масса готова, они берутъ частичку ея и кладутъ во всѣ сосуды и тщательно растворяють ее въ нихъ виномъ. Виночерпнн приходятъ съ кубками, черпають изъ сосудовъ приготовленное такимъ способомъ вино и разносятъ гостямъ (рис. 190). Даже часовые, разставленные у дверей залъ, не забыты и, получивъ свою долю, стоя на часахъ съ копьемъ или палицей въ рукахъ, чокаются другъ съ другомъ (рис. 191). Только тѣ не пьютъ, или пьютъ мало, которые по обязанностямъ службы должны сохранить полное самообладаніе, напр. евнухи, стоящіе позади гостей и обмахивающіе ихъ опахалами, слуги, музыканты. Праздникъ считался бы неполнымъ, если бы во время его не было музыки,

а потому царскіе музыканты добросовѣстно исполняютъ самыя лучшіе музыкальныя мотивы собственнаго сочиненія. Еще вначалѣ, пожалуй, кто-нибудь и слушалъ ихъ, но теперь, когда чаши были

наполнены и опорожнены много разъ, вся ихъ музыка раздается все равно, что въ пустомъ пространствѣ. Они могли бы пѣть фальшиво и даже совсѣмъ замолчать, рѣшительно никто не обратилъ бы на это вниманія, и никто не подумалъ бы обидѣться на это.

Ассурбанипаль предсѣдательствовалъ во время перваго пира; онъ соизволилъ пить то же самое вино, которое было приготовлено для его сановниковъ; потомъ онъ удалился во внутренніе покои, въ гаремъ, чтобы провести тамъ остальные дни праздника. Женское помѣщеніе дворца выходитъ въ одинъ изъ тѣхъ садовъ, засаженныхъ смоковницами, кипарисами и то-

Рис. 191.—Часовые, съ кубками въ рукахъ.

полями, въ которыхъ ассирійскія царицы, осужденныя по своему высокому положенію на строгое заточеніе, могутъ предаваться иллюзій деревенской обстановки: фонтаны, снабжаемые подъемными машинами, поднимающими воду изъ Хусура до верхушки холма, бьютъ между деревьями. Царица тоже пожелала праздновать ассирійскія побѣды и просила своего супруга притти къ ней и пить съ ней; онъ милостиво принялъ это приглашеніе, на которое она рѣшилась съ трепетомъ. Ложе для пиршества, съ подушками и вышитыми покры-

Рис. 192.—Ассурбанипаль пьетъ съ царицей въ гаремномъ саду; голова Тіумана привѣшена къ одной изъ вѣтвей втораго дерева налѣво.

валами, поставлено въ виноградной бесѣдѣ; около него находится небольшой столикъ съ золотой столовой посудой; передъ нимъ, съ лѣвой стороны ложа, находится высокое кресло со спинкой и со скамейкой для опоры ногъ, на которомъ царицы имѣли право сидѣть въ присутствіи ихъ повелителя и господина (рис. 192). Царь

возлегъ на ложе, принялъ кубокъ, наполненный ароматическимъ виномъ, и, поднявъ глаза, увидѣлъ какъ разъ передъ собой подвѣшенный на вѣткѣ одного дерева какой-то безобразный предметъ буро-землистаго цвѣта. Это была голова Тіуммана, за которой царица посылала къ ниневійскимъ воротамъ, и которую она повѣсила въ своемъ саду, чтобы Ассурбанипаль имѣлъ ее постоянно передъ глазами, и чтобы его веселость черезъ это еще болѣе увеличилась. Узнавъ голову, онъ насмѣшливо привѣтствуетъ ее, поднимая кубокъ, и не можетъ отвести отъ нея глазъ, а въ это время позади его музыканты, принадлежавшіе къ гарему, поютъ хвалебныя пѣсни царю подъ аккомпаниментъ арфы.

Официальный поэтъ вложилъ въ собственныя уста героя повѣствованіе объ его жизни и подвигахъ съ самаго дня рожденія и до настоящаго торжества. „Посреди радости и веселія я пришелъ въ гаремъ, въ пышныя чертоги, святилище царства, гдѣ Сенахерибъ, отецъ отца моего отца, былъ нѣкогда царскимъ сыномъ, потомъ царемъ, гдѣ Есаргадонъ, отецъ, породившій меня, родился, выросъ и царствовалъ владыкой надъ Ассиріей, гдѣ всѣ цари были зачаты, и гдѣ умножались ихъ семейства, мальчики и дѣвочки, гдѣ я, наконецъ, Ассурбанипаль, былъ вскормленъ мудростью Небо, гдѣ я изучилъ всю науку письменъ при помощи всѣхъ ученыхъ, гдѣ я научился стрѣлять изъ лука, ѣздить верхомъ, править колесницей, держать вожжи. По повелѣнію великихъ боговъ, имя которыхъ я всегда призывалъ, хвалы которымъ я всегда воздавалъ, и которые повелѣли мнѣ возложить на себя царское достоинство, а потщился обогатить ихъ храмы, и вотъ почему они осыпали меня благодѣяніями: они покорили моихъ враговъ подъ мое иго. Я—мужественный боецъ, любимый Ассуромъ и Иштарой, сынъ царства. Съ тѣхъ поръ, какъ Ассуръ, Синъ—богъ-луна, Шамашъ—богъ-солнце, Рамманъ, Бель, Небо, Иштара Ниневійская, Иштара Арбельская, Адаръ, Нергаль и Нуску меня взяли подъ свое покровительство, Рамманъ мнѣ всегда ниспосылалъ плодотворные дожди, Эа всегда открывалъ мнѣ тайники своихъ водъ, и хлѣба возрастали до пяти локтей, колосья ихъ бывали почти въ локоть длиною: въ продолженіе моего царствованія изобиліе разливалось по царству, въ продолженіе моихъ лѣтъ божеское благословеніе изливалось на меня, какъ изобильная благодатная роса. Боги вознесли меня, какъ ни одинъ царь не возвышался никогда раньше меня; пока Ассуръ и Иштара—моя опора—кто можетъ превозмочь меня? Мое могущество навѣки укрѣплено ихъ десницами, и долговременность моего рода установлена на многіе дни и на безконечныя годы!“

Въ то время Наумъ Елкосеянинъ, іудейскій пророкъ, имѣлъ видѣніе, относящееся къ Ниневіи, и гласъ Предвѣчнаго ему возвѣстилъ *). „Горе тебѣ, городъ кроваваго, исполненный обмана, покрытый преступленіемъ и не перестающій грабить! Внемлите! Хлопнулъ бичъ! Внемлите! Шумъ колесъ и топотъ коней и грохотъ мчащихся колесницъ! Всадники ринулись, мечъ засверкалъ, бердышъ заблестѣлъ! Какія толпы убитыхъ! Какія груды труповъ! Мертвыхъ безъ конца: повсюду спотыкаешься объ ихъ трупы! И все это за козни этого нечестиваго города, этой прекрасной и коварной обольстительницы, которая соблазнила племена своими ласками и ~~нардами~~ — своими чарами!

„Но я иду на тебя! Пришла твоя бѣда! говоритъ Іегова Саваоѣ;—я подниму на лицо твое края одежды твоей, чтобы народы видѣли твое безчестіе, а царства — твой позоръ. Я покрою тебя соромъ, я покрою тебя стыдомъ передъ всѣми, я выставлю тебя на позоръ, и всякій, кто ни увидитъ тебя, бѣжитъ отъ тебя, восклицая: „Ниневія разорена? Кто о ней пожалѣетъ? Гдѣ ей искать утѣшителей?“

„Развѣ ты лучше Оивъ, града Амона, лежащаго на берегахъ Нила и окруженнаго водой, которому море служило валомъ, а озеро стѣной? Воины Эѣіопіи были его силой, и несчетные египтяне, ливійцы и нубійцы прибывали къ нему на подкрѣпленіе. И онъ все таки пошелъ въ изгнаніе плѣнникомъ; его младенцы были избиты на перекресткахъ улицъ, объ его знатныхъ металы жребій, кому они достанутся въ рабство, и всѣ его вельможи были окочены цѣпями.

„И ты также выпьешь чашу золь до дна и пребудешь распротертая безъ чувствъ, ты также будешь искать убѣжища отъ преслѣдованія врага. Всѣ твои крѣпости падутъ, какъ скороспѣлыя смоквы: стоитъ потряхнута, онѣ сами спадаютъ съ дерева, только подставляя ротъ. Посмотри: гарнизоны твои—просто толпа женщинъ. Врата твоей страны сами растворяются передъ неприятелемъ, и огонь пожретъ заборы, которые ихъ запирали.

„Запасайся водой на время осады! Исправляй свои валы! Топчи глину, уминай землю! Чини печь для обжиганія кирпича! И несмотря на все это огонь тебя пожретъ, мечъ тебя сокрушитъ, и, если бы вы умножились, какъ саранча и сверчки, онъ васъ пожретъ какъ саранча! Твои купцы были многочисленнѣе звѣздъ небесныхъ! Саранча опустошаетъ и улетаетъ.

„Твои воины были подобны саранчѣ, твои военачальники подобны роямъ насѣкомыхъ, гнѣздящихся въ щеляхъ стѣнъ, пока холодно: появилось солнце — и они улетѣли, и неизвѣстно, гдѣ

*) Этотъ переводъ пророчества Наума (гл. 3) заимствованъ мною съ небольшими измѣненіями изъ перевода Рейсса.

пребываютъ. Твои пастухи опочили навѣки, о царь Асеура! Твои полководцы покоятся вѣчнымъ сномъ, твой народъ разсыянъ на высотахъ, и некому собрать его!

„Нѣтъ лѣкарства для твоей раны, твоя язва смертельна. Всѣ, услышавшіе о тебѣ, возликують о постигшей тебя судьбѣ: ибо на кого не простиралась безпрестанно злоба твоя?“

~~10756~~ 5740

ПОПРАВКИ:

На стр. 31 вм. Узирмари-сотпурни надо читать Узирмари-сотпурри

- » 137, стр. 12 св. Халдеѣ—Арменіи
- » 158, стр. 2 св. Рамзсеомъ—Рамзесомъ
- » 174, стр. 25 св. правильною—неправильною
- » 219, стр. 8 св. аввы-мародеры—львы-мародеры
- » 228, стр. 6 св. Гилламеша—Гильгамеша
- » 246, стр. 19 св. отъ—воротъ
- » » 10 св. плоти—изъ плоти.